

801-10
854.

ШАУШЕ

ТРАГЕДІЯ

ЗЕМЕ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Переводъ А. ФЕТА.

Съ множествомъ эстамповъ на мѣди и гравюръ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1889.

СНАСМЕ

ТРАГЕДІЯ

СЕМЕ

1484-D

ШАЗУМЪ

ТРАГЕДІЯ

ЗЕМЪ

Переводъ А. ФЕТА.

Съ рисунками Энгельберта Зейбертца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1889.

Ея Императорскому Высочеству

ГОСУДАРЫНЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ

МАРИИ ПАВЛОВНЪ

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвящаетъ

ИЗДАТЕЛЬ

А. Ф. МАРКСЪ.

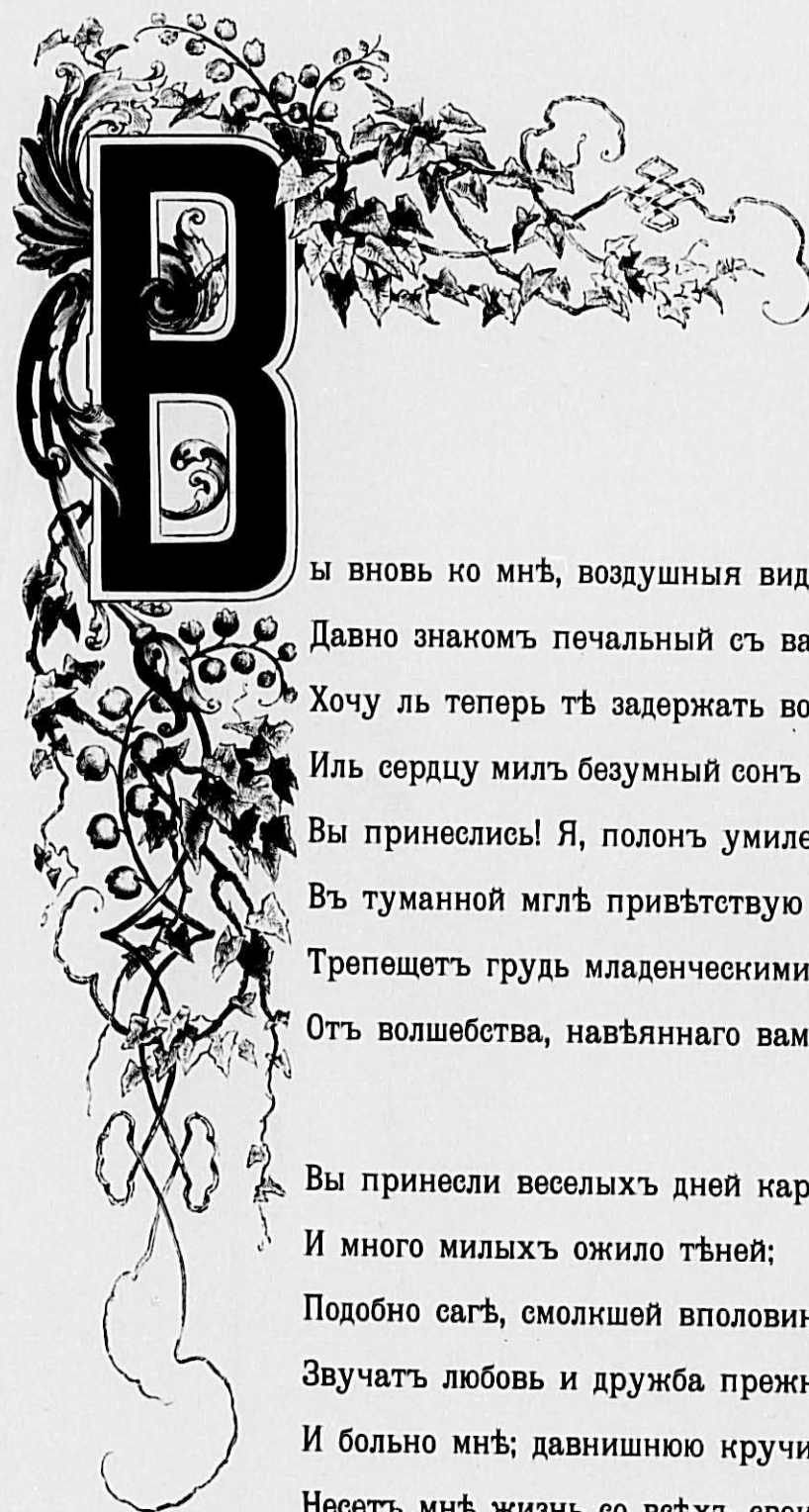
Типографія **А. Ф. Маркса.** Средн. Подъяч., д. № 1.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

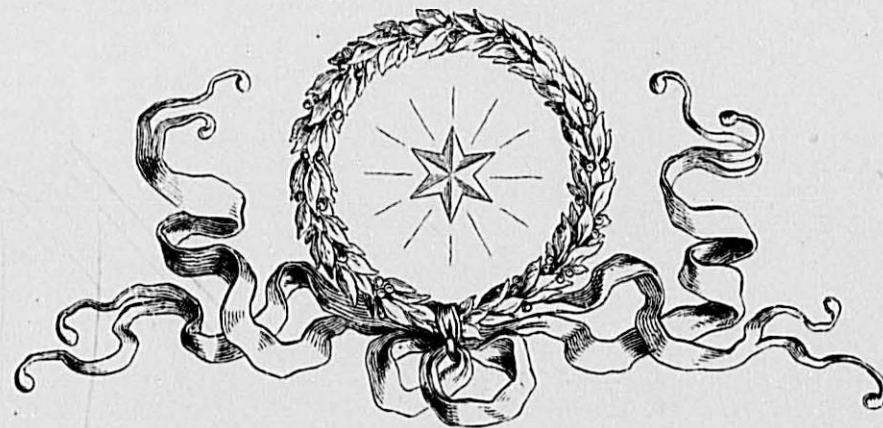
ы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Хочу ль теперь тѣ задержать волненья?
Иль сердцу милъ безумный сонъ съ тѣхъ поръ?
Вы принесли! Я, полонъ умиленья,
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ;
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.

Вы принесли веселыхъ дней картину
И много милыхъ ожило тѣней;
Подобно сагѣ, смолкшей вполонину,
Звучать любовь и дружба прежнихъ дней;
И больно мнѣ; давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.

Имъ не слышать послѣдующихъ пѣсенъ,
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ;
Кружокъ привѣтный избранныхъ сталъ тѣсенъ
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ неизвѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любитъ лиру,
Хотя въ живыхъ, разсѣяны по міру.

И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ, къ задумчивымъ духамъ;
Неясное подъямлю пѣснопѣнье
Подобное Золовымъ струнамъ;
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо,
А что прошло — передо мною живо.

ПРОЛОГЪ НА ТЕАТРЪ.

Прологъ

Директоръ, Поэтъ, Комикъ.

Директоръ.

Вы оба мнѣ уже не разъ
Въ нуждѣ и горе были братья,

Скажите, это предпріятіе

Успѣшно ли пойдетъ у насъ?

Вѣдь на толпу поди-ка угоди ты,

А вѣдь живя, она и жить даетъ.
 Столбы стоятъ и доски поприбиты,
 И праздника невольню всякій ждетъ.
 Вотъ собралъсь, сидятъ поднявши брови
 И изумленья ждутъ, коли не крови.
 Я знаю, чѣмъ народу угождать;
 Но въ этотъ разъ меня сомнѣнья взяли.
 Хоть ихъ не водится хоронимъ баловать,
 Но страшно много всѣ читали.
 Какъ быть, чтобъ вышло ново и свѣжо,
 Значительно и выѣтъ хорошо?
 Конечно, видѣть радъ я весь потокъ народа,
 Какъ къ нашей лавочкѣ валитъ онъ такъ что страсть
 И мучается тамъ у узенькаго входа
 Въ дверь милосердія попастьъ.
 Съ утра уже начнется страшной давкой
 У кассы, чуть забрезжитъ свѣтъ.
 И, какъ въ голодный годъ предъ хлебниковою лавкой,
 Готовъ пропасть онъ за билетъ.
 Такое чудо—дѣло рукъ поэта.
 Мой другъ, прощу, сего-дня сдѣлай это.

Поэтъ.

О, не кажи на пестрое движеніе,
 Въ которомъ духъ поэта не живетъ,
 Скрой отъ меня все это тревоженіе,
 Что насъ невольно мчитъ въ водоворотъ.

Нѣтъ, въ тихое введи уединеніе,
 Гдѣ радости поэтъ лишь обрѣтетъ,
 Тамъ гдѣ любовь и дружба въ благодѣтели
 Рукой боговъ приводятъ насъ къ святѣли.

Ахъ! что лишь сердца глубина рождаетъ,
 Что съ робостью лепечуть лишь уста,
 Что удалось и снова исчезаетъ
 Суровый свѣтъ развѣтъ навсегда.
 Нерѣдко лишь съ годами возникаетъ
 Вся образовъ воздушныхъ полнота.
 Блестящее на мигъ лишь создается,
 Прекрасное въ вѣка передается.

Комикъ.

Мы о вѣсакъ здѣсь толковать отложимъ;
 Потомки, я скажу, положимъ,
 А современныхъ тѣшить какъ?
 И имъ вѣдь хочется забавы;
 И въ настоящемъ малыи бравый,
 Скажу я, тоже не пустякъ.
 Кто ловокъ говорить съ толпой,
 Тому хоть будь она еще въ причудахъ злобиѣ;
 И нуженъ кругъ ему большой,
 Чтобъ потрясать его удобнѣй.

Итакъ смѣлѣй, чтобъ вѣрно въ цѣль попастьъ;
 Фантазіи весь хоръ намъ подавайте,
 Пускайте умъ и разумъ, чувство, страсть,
 А глупости, прощу, не забывайте!

Директоръ.

Но дѣйствию ты долженъ дать кинѣтъ!
 Идутъ смотрѣть, такъ было-бъ что смотрѣть.
 Коль ты въ глаза бросаешься жестоко,
 Чтобъ всякъ сидѣлъ разниа ротъ,
 Ты тотчасъ захватилъ широко,
 И ужъ привлечь къ себѣ народъ.
 На массы ты лишь массою повліяешь;
 Всякъ что-нибудь на вкусъ отыщешь свой.
 Взявъ многое, ты многихъ одѣлаешь;
 Тогда доволенъ всякъ пойдетъ домой.
 Разбей свой кусъ, чтобъ каждый видѣлъ крошку;
 Имъ правится глотать подобную окрошку.
 Легко играть, легко и сочинять.
 Какая польза, здѣсь имъ цѣлое давать!
 Вѣдь публика же все расщиплетъ понемножку.

Поэтъ.

Вамъ не понять, къ чему тутъ ремесло ведетъ!
 Художнику оно позоръ неотразимый!

А пачкотня такихъ господъ,
 Какъ вижу, ужъ у васъ максимой.

Директоръ.

Не ляжетъ твой упрекъ на совѣсти моей.
 Кто хочетъ дѣйствовать вѣриѣй,
 И долженъ выбирать орудіе прямое.
 Подумай, вѣдь колотъ то дерево гнилое,
 Взгляни-ко, для кого писать!
 Пришли: тотъ скуку разогнать,
 Изъ-за стола поднялся объѣдало,
 А вѣдь шой, легко сказать,
 Пришелъ отъ чтенія журнала.
 Идутъ разсѣянно они какъ въ маскарады,
 Полубомытствовать изъ кресель и изъ ложей;
 И дамы показать себя, свои наряды,
 Безденежно играютъ тожъ.
 На высяхъ что мечтать, поэтъ-владыко?
 Наполненный театръ порадуешь ли васъ?
 На покровителей взгляни-ко!
 То суній ледъ, то дигари подчасъ.
 За карты сѣсть одни мечтають молодцы,
 Тотъ до продажной добѣжать постели.
 Чего-жъ вамъ, бѣдные глупцы,
 Прекрасныхъ музъ терзать для этой цѣли?
 Давайте больше, больше,—вамъ твержу одно,

Отъ этого никакъ не уклоняйтесь.
Лишь съ толку сбить людей старайтесь,
А угодить имъ мудрено.—
Чѣмъ полонъ ты? восторгомъ или слезами?

Поэтъ.

Ступай, нищ другіихъ рабовъ!
Какой поэтъ права свои готовъ,
То право человѣка, что дано
Природою ему, пожать ногами?
Чѣмъ властвуетъ онъ надъ сердцами?
Чѣмъ примиряетъ все въ одно?
Не тѣмъ созвучьемъ ли, что изъ груди стремится,
Чтобъ съ цѣльнымъ міромъ въ сердце возвратиться?
Когда природа нити безконечной
Бездушное крутитъ веретено,
Когда всей пестрой, скоротечной
Толпится твари суждено,
Кто все въ ряды текучіе ровняетъ,
Гдѣ все риомически плыветъ?
Кто частности въ священный хоръ скликаетъ,
Къ аккорду дивному зоветъ?
Кто въ бурю страсть влагаетъ роковую?
Даетъ задумчивость зарѣ?
Кто милой на стезю кидаетъ дорогую
Цвѣты, въ весенней ихъ порѣ?

Кто злаными, ничтожными листьями
Заслугу чтить, слетая ей вѣнецъ?
Кто на Олимпѣ править и богами?
Мощь человѣка—лишь пѣвецъ.

Комикъ.

Такъ властью пользуйся своей,
Примись за творчество скорѣй,
Какъ за дѣла любовныя берутся.
Сначала встрѣтите, прочувствуютъ, сойдутся,
Глядишь и заплелось, прикованъ нѣжный взоръ;
Все къ счастью пошло, а вдругъ наперекоръ;
Восторгъ въ груди, тутъ жди сердечныхъ ранъ,
И не оглянешься, а цѣлый ужъ романъ.
Обрадуй насъ ты пьесою такой!
Старайся почерпнуть изъ жизни-то людской!
Всѣ ей живутъ, не всѣмъ она извѣстна,
А гдѣ ни выхвати, повсюду интересна.
Картину пеструю при слабомъ освѣщеніи
И правды искорку при многомъ заблужденіи:
Такое пиво какъ сварить,
По вкусу будетъ всѣмъ, всѣмъ можно угодить.
Весь цвѣтъ сберется молодежи,
Чтобъ откровенья слово услышать,
И въ каждомъ нѣжномъ сердцѣ тоже
Твое творенье будетъ грусть питать;

То то, то это станетъ пробуждаться
И станетъ каждый самъ съ собой считаться.
Они еще не прочь и плакать и смѣяться,
Изъ дорогъ и порывъ, ихъ привлекаетъ видъ:
Кто довершенъ, съ тѣмъ трудно управляться;
Кто развивается, за все благодарить.

Поэтъ.

Такъ вероти тѣ дни мнѣ снова,
Когда я самъ въ развитыи былъ,
Когда потокъ живаго слова
За пѣсней пѣсно торопиль,
Когда я видѣлъ міръ въ туманѣ,
Изъ ранней почки чуда ждать,
Когда я всѣ цвѣты срывалъ,
Что распускались на полянѣ.
Я былъ убогъ и какъ богатъ!
Алая правды, такъ обману радъ.
Дай тотъ порывъ мнѣ безусловный,
Страданій сладостные дни,
И мощь вражды и пылъ любовный,
Мою ты молодость верни!

Комикъ.

Другъ, молодость тебѣ нужна,
Когда въ сраженіи мечъ надъ головой твоею,

Когда красавицъ—не одна,
А много кинулись на шею,
Когда за бѣгъ быстрѣйшій твой
Еще вдали вѣнецъ мелькаетъ,
Когда за пляскою круговой
Всю ночь попойка ожидаетъ.
Но съ силою, съ умѣньемъ ударять
По всѣмъ струнамъ знакомымъ, неизмѣннымъ,
Цѣль самому себѣ избрать
И въ обаяніи сладостномъ витать
Ужъ долгъ велить вамъ, господамъ почтеннымъ,
И честь отъ васъ ни мало не отходить.
Не къ дѣтству старость можетъ возвращать,
Она лишь насъ вполне дѣтми находить.

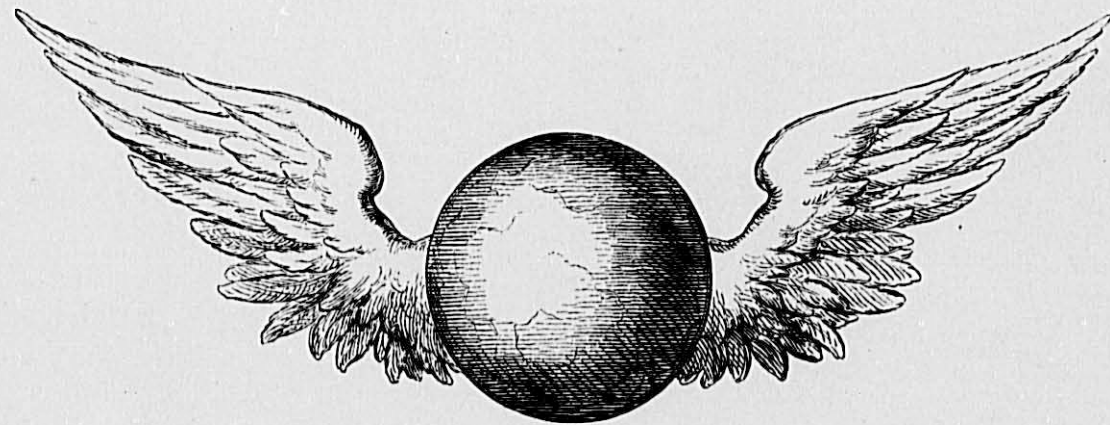
Директоръ.

Довольно на словахъ считаться,
Пора бы дѣло увидать;
Чѣмъ въ комплиментахъ разливаться,
Могли-бъ полезное создать.
Что толковать о вдохновены этомъ?
Не жди, хватай его сейчасъ.
Коль ты считаешься поэтомъ,
Такъ дай поэзи приказъ.
Нашъ вкусъ довольно обнаруженъ,
Напитокъ самый крѣпкій нуженъ,
Вари сейчасъ, чтобъ былъ хорошъ!

Что нынче не смыкать и завтра не найдешь;
 Пропалъ, кто день одинъ просрочить.
 Одно возможное вездѣ
 Хватасть сильный, приурочить,
 Тогда ужъ самъ бросать не хочетъ
 И продолжаетъ, по нуждѣ.
 Ты знаешь самъ, на нашихъ сценахъ
 Свое всякъ тащить на показъ;
 И не тужи на этотъ разъ

Ты о машинахъ, перемѣнахъ.
 Большой и малый свѣтъ пускай ты произвольно,
 На звѣзды тоже будь щедрѣй,
 Воды, огня и скалъ довольно,
 И хватить птицъ у насъ, звѣрей.
 Такъ на подмосткахъ дай-ко вдругъ
 Всего творенья полный кругъ,
 И пробѣгай, на сколько быстро надо,
 Съ высотъ небесъ ты черезъ міръ до ада.

ПРОЛОГЪ НА НЕБѢ.

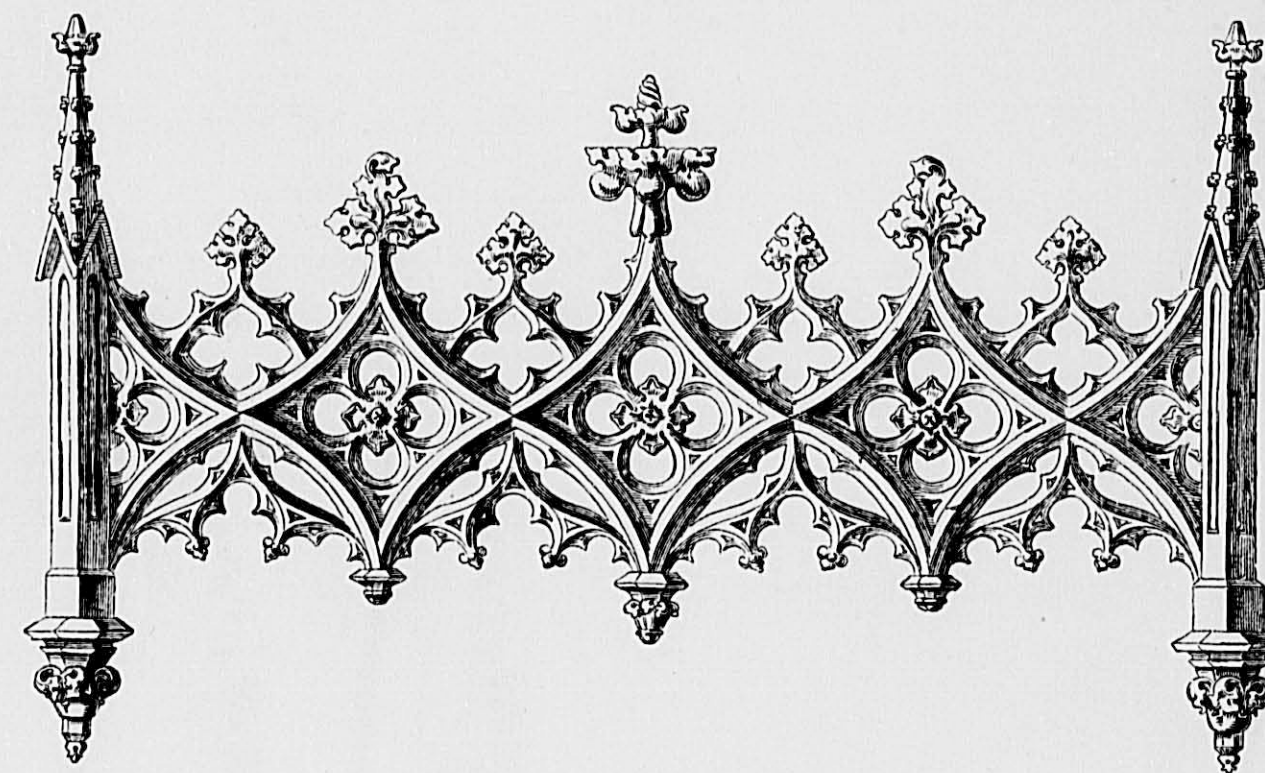

Engelbert Seibertz del. a. p.

VERGARE A. D. MATRICA Bb. CIB.

Adrian Schleich sculp.

Господь. — Небесныя Силы. —
Затѣмъ Мефистофель.

Три Архангела.

Рафаилъ.

Ликуетъ солнце какъ бывало,
Свой голосъ въ хоръ міровъ неся,
Не уклонилася ни мало
Его громовая стезя.
Сей видъ возноситъ херувима,
Твоихъ твореній безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима,
И все какъ въ первый день свѣтла.

Гавріилъ.

И съ быстротою вѣскои мочи
Земли кружится красота,

То вся покрыта мракомъ ночи,
То райскимъ свѣтомъ залита;
И пѣнясь моря волны рвутся,
Что-бъ со скалою въ бой идти,
И море и скала несутся
Стремглавъ по вѣчному пути.

Михаилъ.

И бури вѣчныя бунуютъ
Къ морямъ съ земли, къ землѣ съ морей,
И цѣль вліяній образуютъ
Живой подвижностью своей.
И все спала и уничтожа,
Прогрохотавшій гаснетъ громъ.

Но мы, Твои посланцы, Боже!
Твой кроткий день мы воспоемъ.

Всѣ три.

Сей видъ возноситъ херувима,
Твоихъ творений безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима
И все какъ въ первый день свѣтла.

Мефистофель.

Когда, Господь, ты вновь доступенъ намъ
И самъ спросить, какъ тамъ у насъ ведется,
И милостивъ ко мнѣ обычно самъ,
То съ челядью и мнѣ предстать придется.
Прости! отъ громкихъ словъ не жду успѣха,
Хоть попади у всѣхъ я на языкъ. —
Мой паосъ лишь тебѣ-бъ надѣлать смѣха,
Когда-бъ ты самъ отъ смѣха не отвыкъ.
О солнцѣ, о мірахъ мнѣ вовсе неизвѣстно,
Я вижу лишь, что человѣку тѣсно.
Сей мелкій богъ земли сталъ на одну ступень
И страненъ, какъ и въ первый день.
И отъ того бѣда надъ нимъ стряслася эта,
Что призракъ дать ему небеснаго ты свѣта;
Его онъ разумомъ зоветъ и съ нимъ готовъ

Звѣроподобіе явиться всѣхъ скотовъ.
Коль ваней милости угодно,
Живеть съ цикадою онъ длинноногой сходно,
Что, подлетая, подскакинетъ
И тотчасъ же въ травѣ все старое поестъ.
И хоть лежалъ бы ужъ въ травѣ-то безъ вопроса!
А то вѣдь дряни пѣтъ, куда-бъ не сунуть носа.

Господь.

Иль ты сказать другаго не имѣешь?
Иль только осуждать умѣешь?
Земля хоть разъ тебѣ понравиться могла-бъ.

Мефистофель.

Помилуй Господи! Но міръ нашъ плохъ и слабъ.
Мнѣ жаль людей и я, при ихъ терзаныи,
Самъ мучить ихъ не въ состоянны.

Господь.

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель.

Докторъ онъ?

Господь.

Мой рабъ!

Мефистофель.

Не какъ другой тебѣ онъ угождаетъ.
Чудакъ все неземнымъ однимъ себя питаетъ.
Броженіемъ его уноситъ неизмѣнно,
Свое безумство онъ едва-ли сознаетъ;
Давай ему звѣзды небесной непремѣнно,
Земля неси ему свой лучший плодъ,
И все, что близко или отдаленно,
Никакъ въ немъ жажды не зальетъ.

Господь.

Хоть смутно онъ мнѣ служить, но въ концѣ
Его на свѣтъ я выведу блестящій.
Вѣдь узнаетъ садовникъ въ деревцѣ
Грядущій цвѣтъ, прекрасный плодъ сулящій.

Мефистофель.

Бьюсь объ закладъ, что онъ для васъ пропащій,
Лишь дайте власть въ моемъ лицѣ
Повесть его дорогой настоящей!

Господь.

Пока съ земли онъ не сойдетъ,
То я тебѣ не возбраняю.
Блуждаетъ человѣкъ, пока живетъ.

Мефистофель.

Благодарю на этомъ; не желаю
Я съ мертвыми возиться никогда.
Съ румянцемъ щеки — вотъ моя среда.
Покойникомъ меня ужъ не прельстешь;
Я такъ люблю, какъ конка любить мышь.

Господь.

Ну, хорошо; теперь ты власть имѣешь!
Сбей этотъ духъ съ живыхъ его основъ
И низведи, коль съ нимъ ты совладѣешь,
Его до низменныхъ круговъ.
Но устыдись, узнавъ когда нибудь,
Что добрый человѣкъ въ своемъ стремленіи темномъ
Найти съумѣетъ настоящій путь.

Мефистофель.

Прекрасно. Въ ожиданьи скромномъ,
Я въ выигрышъ буду преогромномъ.
Когда дойду до цѣли я,
Вотъ хохотать-то мнѣ придется.
Онъ пыли въ сласть же насосется,
Какъ тетунка моя, почтенная змѣя.

Господь.

И вновь явись. Такихъ какъ ты пускають.
 Не гнать я васъ отъ моего лица.
 Изъ духовъ всѣхъ, что отрицають
 Скорѣ всѣхъ терплю я хитреца.
 Слабъ человѣкъ, на трудъ идти не смѣло,
 Сейчасъ готовъ лелѣять плоть свою;
 Вотъ я ему спутника даю,
 Который бы, какъ чортъ, дразнилъ его на дѣло.
 Вы-жъ, дѣти божьяго избранья,

Любуйтесь красотой созданья!

Все, что въ бываньи движеть и живить,

Пусть граню объемлетъ васъ любовной,

И что въ явленьи призракомъ парить

Скрѣпляйте мыслью безусловной.

(Небо закрывается, Архангелы разсѣваются).

Мефистофель (одинъ).

Радъ видѣть старика я хоть на мигъ одинъ,

Боюсь въ немилость впасть конечно.

Прекрасно, что такой великій господинъ

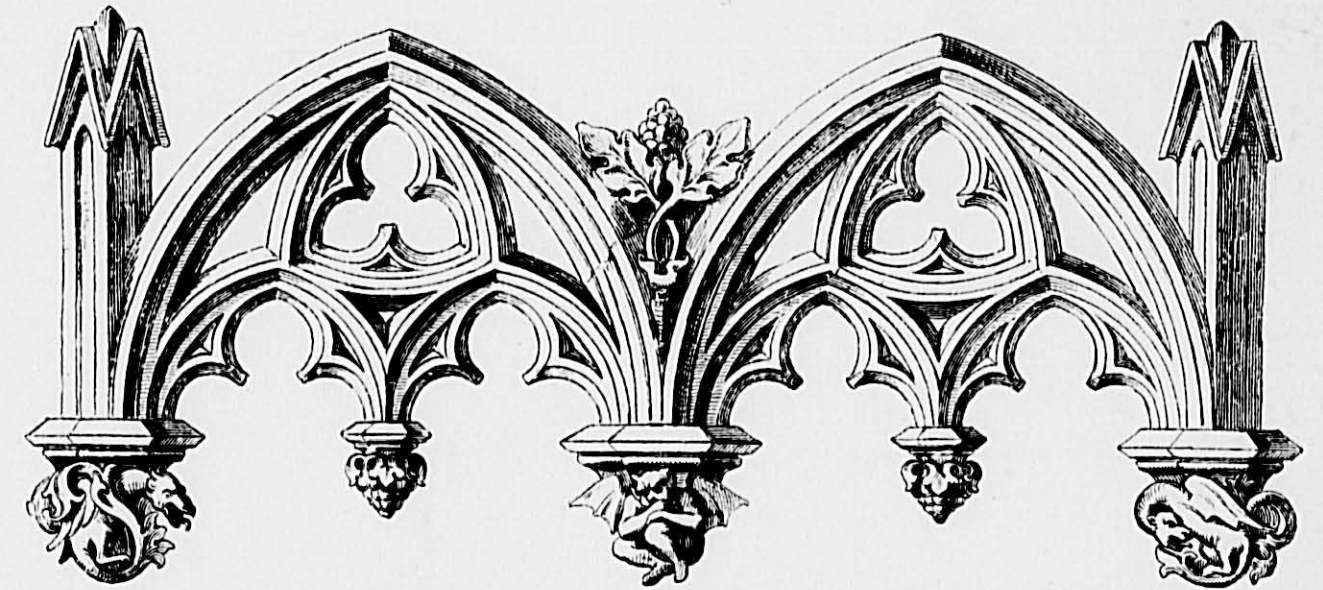
И съ чортомъ рѣчь ведетъ такъ человѣчно.

ТРАГЕДІИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Н о ч ь.

Тѣсная, готическая комната съ высокими сводами.

Фаустъ (въ безпокойствѣ, на своемъ креслѣ у конторки).

Ахъ и философовъ-то всѣхъ,
И медицину и права,
И богословіе, на грѣхъ,
Моя изучила вполне голова;
И вотъ стою я бѣдный глупецъ!
Какимъ и быть, не умѣй подѣ конецъ;
Магистромъ, докторомъ всякій зоветъ,
И за носъ таскать мнѣ десятый ужъ годъ
И вверхъ и внизъ и вкривъ и вкосъ
Учениковъ своихъ далось.—
И вижу, что знать ничего мы не въ силахъ!
Отъ этого кровь закипаетъ въ жилахъ.
Я точно ученіе всѣхъ этихъ глупцовъ,
Магистровъ, писцовъ, докторовъ и поповъ;
Смущаться сомнѣніемъ мнѣ больше не надо,

Не стану бояться я чорта и ада.
За то и отрады ни въ чемъ не встрѣчаю,
Не мню я, что нѣчто хорошее знаю,
Не мню, что чему-то могу поучать,
Людей исправлять и на путь наставлять.
Ни денегъ не нажить, ни благъ иныхъ,
Ни славы, ни почестей мірскихъ;
Собака-бъ не стала такъ жить, какъ я маюсь!
Поэтому къ магіи я обращаюсь,
Не изречетъ ли мощный духъ
Какой-нибудь мнѣ тайны вслухъ;
Чтобъ перестать я твердить, крихтя,
Другимъ, чего не знаю я;
Чтобы познать я, чѣмъ вполне
Міръ связать въ тайной глубинѣ,
Чтобъ силы мнѣ предстали сами,
А не возился бы я надъ словами.

О, мѣсяцъ! Если-бъ въ этотъ часъ
 Ты озарялъ въ послѣдній разъ
 Конторку въ комнатѣ моей,
 Гдѣ столько я не спать почей!
 Тогда надъ книгами горой,
 Печальный другъ, ты былъ со мной!
 О если-бъ на вершинахъ горъ
 Я свѣтомъ могъ насытить взоръ,
 Средь духовъ вокругъ пещеръ носиться,
 Въ дугахъ, въ лучахъ твоихъ томиться,
 Отъ чада знанья облегченный,
 Въ твоей росѣ возобновленный!
 Увы! не въ той же-ль я тюрьмѣ?
 Нора, въ которой душно мнѣ,
 Гдѣ даже свѣтъ небесъ дневныхъ
 Тусклѣй отъ стеколъ расписныхъ!
 Стѣенный этой грудой книгъ,
 Что точить червь, гибаетъ въ пыли,
 Гдѣ вверхъ до сводовъ до самихъ
 Бумаги въ комоти легли;
 Вездѣ бутылки у лкановъ
 И инструменты по стѣнамъ,
 Межъ нихъ набитъ старинный хламъ —
 И вотъ твой мѣръ! вотъ мѣръ каковъ!
 Спрошу-ль, зачѣмъ такъ сердце вдругъ
 Пугливо застучится въ грудь?

И непонятный мнѣ недугъ
 Всей жизни претраждаетъ путь?
 Взаимъ природы всея живой,
 Куда Господь послать людей,
 Живу въ пыли я лишь гнилой
 Звѣриныхъ да людскихъ костей.
 Бѣги! Восприни! и въ свѣтъ иной!
 И развѣ эта книга вотъ,
 Что Нострадамуса рукой
 Написана, — не поведетъ?
 Тогда познаешь ходъ планетъ,
 Природою руководимъ,
 И сила духа дастъ отвѣтъ,
 Какъ духъ бесѣдуетъ съ другимъ.
 Напрасно трезвымъ здѣсь умомъ
 Святые знаки разяснять:
 Вы, духи! вьетесь здѣсь кругомъ;
 Отвѣтите, коль могли вы внять!
 (Открываетъ книгу и видитъ знакъ макрокосма) (1).
 О! что за радость этотъ видъ исторгъ
 Изъ всей души покорной этимъ силамъ!
 Я слышу, юный и святой восторгъ
 Течетъ по нервамъ у меня и жиламъ.
 Не богъ ли эти знаки начерталъ,
 Что бурю сердца укрощаютъ,
 Его отрадой наполняютъ,

И тайной властію начать
 Природы силы вдругъ предъ взоромъ обнажаютъ?
 Не богъ ли я? Все ясно наконецъ
 Въ чертахъ я сихъ читать умѣю.
 Природы творчество передъ душой моею.
 Теперь я понять, что сказать мудрецъ:
 «Не мѣръ духовъ намъ запертъ властный,
 Твой смыслъ закрыть. — Но ты прозри,
 Встань, ученикъ! Омой, несчастный,
 Земную грудь въ лучахъ зари!»
 (Онъ разсматриваетъ знакъ).
 Какъ все слилося здѣсь въ одномъ,
 Какъ все живетъ одно въ другомъ!
 Какъ вверхъ и внизъ здѣсь силы неземныя
 Несутъ другъ другу ведра золотыя,
 На крыльяхъ перелетаютъ,
 Съ небесъ сквозь землю проникаютъ
 И все созвучьемъ наполняютъ!
 Какое зрѣлище! Лишь зрѣлище, увы!
 Природы силы, гдѣ же вы?
 Гдѣ, груди, вы? Источникъ жизни каждой,
 Къ которому земля и небо льнется,
 Куда всего меня влечетъ! —
 Ты всехъ поини, что-жъ я томлюся жаждой?
 (Онъ нетерпѣливо раскрываетъ книгу въ
 другомъ мѣстѣ и видитъ знакъ духа земли).
 Совѣмъ не такъ на этотъ знакъ смотрю!
 Ты, духъ земли, ты мнѣ роди-те;

Себя я чувствую сильнѣе,
 Я словно отъ вина горю;
 Я мужество почуюль молодое,
 Сносить и скорбь и счастье земное,
 Сражаться съ бурей морскою,
 Подъ трескъ крушенія не слабѣть душою.
 Тусклѣетъ надо мной —
 Луна свой прячетъ свѣтъ —
 Лампада меркнетъ!
 Чадѣетъ! — Красные лучи дрожатъ
 Вкругъ головы моей! — Со сводовъ
 Какой-то дрожью вѣетъ
 И обдаетъ меня!
 Ты рѣешь, духъ желанный, чую я:
 Откройся!
 Ахъ! какъ стѣснилась грудь моя!
 Для новыхъ движеній
 Я полонъ волнений!
 Все сердца порывы къ тебѣ стремятся!
 Явись! Явись! Хотя съ жизнью пришлось бы
 разстаться!

(Онъ беретъ книгу и таинственно произно-
 ситъ знакъ духа. Красное пламя вздраги-
 ваетъ и *духъ* является въ пламени).

Духъ.

Кто звалъ меня?

Фаустъ (отворачиваясь).

Ужасныя черты!

Духъ.

Ты влекъ меня въ сильнѣйшей мѣрѣ,
И долго линулъ къ моей ты сферѣ,
И вотъ —

Фаустъ.

Ахъ! нестерпимъ мнѣ ты!

Духъ.

Ты звать, алкать подь страстный лепетъ
Услышать мой голосъ и ликъ видѣть мой;
Я тронулся твоей мольбой,
Вотъ я! — Какой позорный трепетъ,
О, полубогъ, тебя объять!
Гдѣ грудь, въ которой мѣръ ты цѣлый создавалъ,
Носить, вмѣщать, гордись мечтой любовной
Возвыситься до насъ, до высоты духовной?
О, гдѣ ты Фаустъ! чей зовъ ко мнѣ звучалъ,
Котораго ко мнѣ порывъ всеильный мчалъ?
Ты-ль здѣсь, объять моимъ дыханьемъ,
Вдругъ стать трепещущимъ созданьемъ,
Подобьемъ слабого червя?

Фаустъ.

Ликъ огненный, смущусь ли я душою?
Я точно Фаустъ, и равень я съ тобою.

Духъ.

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Бродящая сила,
Кружусь на просторѣ,
Рожденье, могила
И вѣчное море,
За смѣной другая,
И жизнь огневая,

Основу у времени шумно сную,
Живой я покровъ божества создаю.

Фаустъ.

Носищійся надъ бездною міровой,
Духъ дѣятель, какъ родственъ я съ тобой!

Духъ.

Съ тѣмъ равень бываешь, кого постигаешь,
Не ты со мной!
(исчезаетъ).

Фаустъ (содрогаясь).

И не съ тобой?
Такъ съ кѣмъ же?
Я, образъ божества!
И даже не съ тобой!
(стучать).

Смерть! узнаю, — мой фамулусъ опять;

Прощай все счастье мгновенья!
Вѣдь нужно-жъ эту мощь видѣнья
Сухому шатуну прогнать!

Вагнеръ въ халатъ и колпакъ, съ лампой въружъ.

Фаустъ отворачивается.

Вагнеръ.

Простите! декламировали, мнилось,
По греческой трагедіи вы? — Вотъ
Такое-бъ мнѣ искусство пригодилося,
Ему теперь большой почетъ.
Слыхать я мнѣнье, да и всякій скажетъ,
Иной актеръ священнику укажетъ.

Фаустъ.

Да, ежели священникъ самъ актеръ;
Какъ это иногда бываетъ.

Вагнеръ.

Ахъ! кто сидитъ, впередъ въ книгу взоръ,
И мѣръ едва по праздникамъ выдаетъ,
Лишь издали, въ трубу глядя глазами,
Какъ станетъ мѣръ онъ убѣждать словами?

Фаустъ.

Чего въ насъ пѣтъ, намъ не поймать, мой милый!

Не изъ груди оно течетъ,
Откуда съ первобытной силой
У слушатели къ сердцу льнется.
Вамъ вѣкъ сидѣть въ трудѣ безлѣдномъ,
Въ чужихъ объѣздахъ видѣть прокъ,
Стараясь въ нашемъ неплѣ бѣдномъ
Раздуть убогій огонекъ!
У обезьянъ, да у ребятъ возбудишь
Восторгъ, — коль въ этомъ вкусъ нашеть;
А сердца льнуть ты къ сердцу не принудишь,
Коль не отъ сердца ты изнешь.

Вагнеръ.

Но дикція—оратора спасенье.
Самъ чувствую, отстать я, безъ сомнѣнья.

Фаустъ.

Къ чему при честной цѣли шумъ!
Зачѣмъ шутомъ съ гремушкой быть?
Съ искусствомъ малымъ здравый умъ
Себя съумѣетъ заявить.
И если подлинно есть чтò сказать,
Зачѣмъ мудреныхъ словъ некатъ?
Да, ваши рѣчи съ яркой мишурой,
Глаза лишь людямъ отводящей,
Безплодны, какъ осеннею порой.
Туманный вѣтръ, въ сухой листѣ шумящій!

Вагнеръ.

О, Боже! жизнь кратка, — межъ тѣмъ
 Искусство долго въ изученьи.
 Я при своемъ критическомъ стремлѣнн
 Пугаюсь иногда совѣтъ.
 Источники, какіе и найдешь,
 Чтобъ приобрести, какъ трудно достается!
 Подунути пожалуй не пройдешь,
 А бѣдняку и умереть придется.

Фаустъ.

Ужель пергаментъ кладешь тотъ священный,
 Что въ силахъ жажду навсегда залить?
 Лишь изъ души отрадою нетлѣнной
 Возможно душу утолить.

Вагнеръ.

Позволь! Такъ радостно, признаться,
 Въ духъ прошлыхъ лѣтъ переселяться,
 И видѣть, что до насъ писалъ мудрецъ, —
 И какъ мы далеко ушли-то наконецъ.

Фаустъ.

О! Далеко. До звѣздъ самихъ!
 Для насъ, мой другъ, чреда вѣковъ былыхъ
 Есть книга за семью печатями.
 Что духомъ тѣхъ вѣковъ слыветъ,

То въ сущности духъ самыхъ тѣхъ господъ,
 А въ немъ вѣка должны признать мы.
 Тутъ больше грустнаго, чѣмъ срама.
 Посмотришь, — жаль, что не бѣжалъ давно;
 Помойное ведро, чуланъ для хлама,
 И много что событіе одно, —
 Съ прекрасной прагматической максимой,
 Ни съ чѣмъ въ устахъ у куколь несравнимой!

Вагнеръ.

Однако міръ и духъ-то нашъ познать!
 Вѣдь каждаго изъ насъ прельщаетъ.

Фаустъ.

Да, что зовется познавать!
 Кто вещи звать ихъ именемъ дерзаетъ!
 Того, кто что-нибудь да знаетъ
 И, сердцу въ простотѣ душевной давъ свободу,
 Свои воззрѣнія и чувства несъ народу,
 Народъ же изгонять всегда, да распиналъ.
 Любезный другъ, прости, давно ужъ ночь,
 Пора разстаться поздною порою.

Вагнеръ.

А я не спать и долѣ бы не прочь,
 Чтобъ такъ учено толковать съ тобою.
 Но завтра, ради праздника Христова,

Про то и се позволь спросить мнѣ снова.
 Ученый трудъ давно себя усвою,
 Хотя много знаю, — знать хотѣлъ бы все я.
 (Уходитъ).

Фаустъ.

Какъ въ головѣ надежда не проходить,
 Когда иной пустому только радъ,
 Рукою жадно ростъ кладъ,
 А дождевыхъ червей находить!

Какъ смѣть рѣчь людская здѣсь звучать,
 Гдѣ мощный духъ сказался мнѣ тревогой?
 Но ахъ! спасибо, въ этотъ разъ, сказать
 Я долженъ и тебѣ, бѣднякъ убогой.
 Ты спасъ меня въ ужасный этотъ мигъ,
 Какъ я едва съ разсудкомъ не разстался.
 Такъ неполински образъ сей возникъ,
 Что самъ себя я картинкомъ казался.

И, образъ божества, когда
 Передъ зеркаломъ правды вѣчной
 Я мнилъ, въ отрадѣ безконечной.
 Стрихнутъ земное навсегда;
 Я, выше херувимскихъ силъ
 Мечтавший всюду разливаться
 И творчески съ небесными равняться, —
 Какъ тяжело я долженъ расчитаться!
 Ты словно громъ меня сразилъ.

Съ тобою мнѣ равняться не пристало.
 Хотя силъ во мнѣ призвать тебя достало,
 Но удержать тебя не стало силъ.
 Я былъ въ тѣ чудныя мгновенья
 Въ душѣ такъ малъ и такъ высокъ;
 Ты вновь столкнулъ безъ сожалѣнья
 Меня въ людекой, невѣрный рокъ.
 Кто скажетъ мнѣ: куда стремить желанья?
 За тѣмъ порывомъ, или назадъ?
 Ахъ! наши дѣйствія, равно какъ и страданья,
 Ходъ нашей жизни тормозятъ.

Къ высокому, что въ духѣ обрѣтаемъ,
 Все чуждое помалу пристасть;
 Когда земнаго блага достигаемъ,
 Все лучшее мечтой у насъ слыветъ.
 Святыя чувства жизненныхъ стремленій
 Коснѣютъ средь житейскихъ тревоженій.

Хотя сперва, въ порывѣ молодомъ,
 Мечта рвалась взлетѣть надъ сферой звѣздной,
 Теперь ей кругъ очерченъ небольшой,
 Когда за счастьемъ счастье взято бездной.
 Забота тотчасъ въ сердце западаетъ,
 Въ немъ тайныя страданья порождаетъ,
 И разрушая радость и покой
 Все маской прикрывается другой:

Домъ, дворъ, жена и дѣти насъ дурачатъ,
Вода, огонь, кинжалъ и ядъ,
Что не грозитъ — предъ тѣмъ дрожатъ,
И то, чего не потерять, — оплачутъ.

Богамъ не равенъ я! Глубоко въ томъ сознаюсь;
Я равенъ червику, я въ прахъ пресмыкаюсь.
Его, возросшаго, живущаго въ пыли,
Стираетъ путника ступня съ лица земли.

Не прахъ-ли—что съ высокихъ стѣгъ
Здѣсь грудь стѣбаетъ мнѣ до боли,
Что здѣсь гнететъ меня какъ тѣгъ
Въ жилищѣ копоты и моли?
Найду ли здѣсь, чего искалъ,
Хоть въ тысячахъ бы книгъ я убѣждался,
Что человѣкъ всегда страдалъ,
Что изрѣдка счастливцевъ выдавался? —
Что скалнись такъ, черепъ ты пустой!
Что мозгъ твой, какъ и мой, былъ полнъ смущенья,
Что дня искалъ ты въ темнотѣ густой,
И, алча правды, зналъ лишь заблужденя!
Вы, инструменты, кубы горбачи,
Колеса, гребни, на смѣхъ знать вы были.
Стоя у вратъ, я видѣлъ въ васъ ключи,
Бородки ваши ничего не вскрыли. —
Таинственна средь бѣла дни,

Природа не даетъ покровъ свой снѣгъ руками,
И то, чего она не вскрыетъ для меня,
Винтами выдавить нельзя да рычагами.
Ты, старый хламъ, мной сбереженъ ты весь,
Ты послужилъ отцу, но мнѣ не могъ годиться.
Ты, старый свитокъ, ты кончился здѣсь,
Съ тѣхъ поръ, какъ на столѣ лампада тутъ дымится.
Не лучше-ль было-бъ мнѣ всю эту дрянь прожить,
И не потѣть всю жизнь надъ малымъ! Что имѣешь,
Что могъ ты отъ отца въ наследство получить,
Приобрѣти его — и имъ ты овладѣешь.
Насъ давить то, чего нельзя употребить;
Лишь въ томъ, что создалъ мигъ, ты пользу возымѣешь.

Но отчего мой взоръ къ той точкѣ прилѣпился?
Ужель тотъ пузырекъ для глазъ моихъ магнитъ?
Зачѣмъ весь мѣръ вокругъ внезапно озарился,
Какъ въ часъ, когда луной полночной лѣсъ залитъ?

Привѣтъ тебѣ, о склянка дорогая!
Благоговѣнно чту тебя, снимая!
Въ тебѣ дивлюсь людекому и уму.
Ты усыпительница мукъ несносныхъ,
Ты выжимокъ всѣхъ соковъ смертоносныхъ,
Иди служить владыцѣ своему!
Тебя я вижу — и слабѣй страданья,
Тебя беру — и никнутъ всѣ желанья,
Отливъ волны духовной настаетъ.

Меня влечетъ морская вдаль пучина,
У ногъ моихъ зеркальная равнина,
На новыя берега новыя дни зоветъ.

Я огненную вижу колесницу
Сходящую! — и я готовъ душой
Перелетѣть эфирию границу
Къ дѣяньямъ чистымъ сферы неземной.
И это счастье жизни богоравной,
Недавній червь, ты могъ бы заслужить!
Лишь къ солнцу, милому недавно,
Дерзни ты спину обратить!
Отважись только въ тѣ врата ворваться,
Которыхъ всякъ бѣжитъ невольно самъ.
Пора тому на дѣлѣ оправдаться,
Что сильный не уступитъ божествамъ.
Не трепетать предъ мрачной той пещерой,
Куда мечта на казнь себя ведетъ,
Въ тотъ переходъ пуститься съ вѣрой,
Гдѣ цѣлый адъ предъ устьемъ тѣснымъ ждетъ;
На шагъ такой съ улыбкою рѣшиться,
Хотя-бъ затѣмъ пришлось въ ничто разлиться.

Теперь сойди, хрустальная ты чара,
Изъ своего стариннаго футляра,
Тебя я много лѣтъ позабывалъ!
Пирь отцовъ ты обходила,
Гостей угрюмыхъ веселила,

Когда тебя одинъ другому подавалъ.
Изображеній хитрыхъ блескъ и свѣтъ
И пьющихъ долгъ ихъ объяснять стихами
И пить до дна, не отолкнувъ устамъ, —
Все въ память мнѣ съ пирушекъ юныхъ лѣтъ;
Теперь тебя не передамъ сосѣду,
И въ честь твою не раземѣшу бесѣду;
Вотъ этотъ темный сокъ, который люю
Теперь въ тебя, мгновенно охмѣляетъ.
Кто самъ готовилъ — избираетъ,
Чего душа въ послѣдній разъ алкаетъ,
Его въ честь утра праздничнаго пью!
(Подноситъ чашу къ устамъ).

Звонъ колоколовъ и хоровое пѣніе.

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресъ!
Радость свободного
Отъ первороднаго
Грѣха народнаго
Міру дадеся!

Фаустъ.

Что такъ жужжитъ, какой веселый звонъ
Отъ устъ моихъ вдругъ чару отрываетъ?
Иль гулъ колоколовъ со всѣхъ сторонъ
О свѣтломъ праздникѣ вѣщаетъ?

Иль та же пѣснь, что пѣлъ nocturnal порой
Хоръ ангеловъ надъ сѣнью гробовой,
Союзъ намъ новый общаетъ!

Хоръ женщинъ.

Благоуханія
Мы ему дали,
Полны рыданія,
Здѣсь положили.
Въ платъ изъ холста мы
Его облекли.
Ахъ! но Христа мы
Здѣсь не нашли.

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскрес!
Блаженъ тотъ преданный,
Кому извѣданный
И заповѣданный
Искусъ дадеся!

Фаустъ.

Зачѣмъ юдольнаго жилища
Искать вамъ здѣсь, святыя звуки?
Звучите тамъ, гдѣ нѣжныя сердца.
Я слышу вѣсть, но съ вѣрой я въ разлукѣ;
Кто вѣритъ, жаждетъ чуда до конца.

Мой духъ летѣтъ въ тѣ сферы не держась,
Откуда слышенъ вашъ привѣтъ;
Но этотъ звонъ, знакомый съ юныхъ лѣтъ,
Меня и нынѣ къ жизни призываетъ.
Въ субботней, помню, тишинѣ
Лобзанія небесъ слетали:
Тогда такъ вѣще мнѣ колокола звучали,
И такъ молиться сладко было мнѣ
Въ порывахъ радостно могучихъ
Рвался въ лѣса я и поля
И новая, средь слезъ горячихъ,
Мнѣ открывалась земля.
Миръ дѣтекихъ игръ, не знающихъ искусства,
Пѣлъ въ этихъ звукахъ, вѣющихъ весной.
Я вспомнилъ все, — младенческое чувство
Послѣдній шагъ задерживаетъ мой.
О, лейся отзвукъ сладостно святаго,
Слеза течетъ, землѣ я отданъ снова!

Хоръ учениковъ.

Коль погребенный
Взнесся надъ нами,
Преображенный
Жизни лучами,
Коль въ блаженствѣ весь
Онъ всесозданія,
Ахъ, на землѣ мы здѣсь

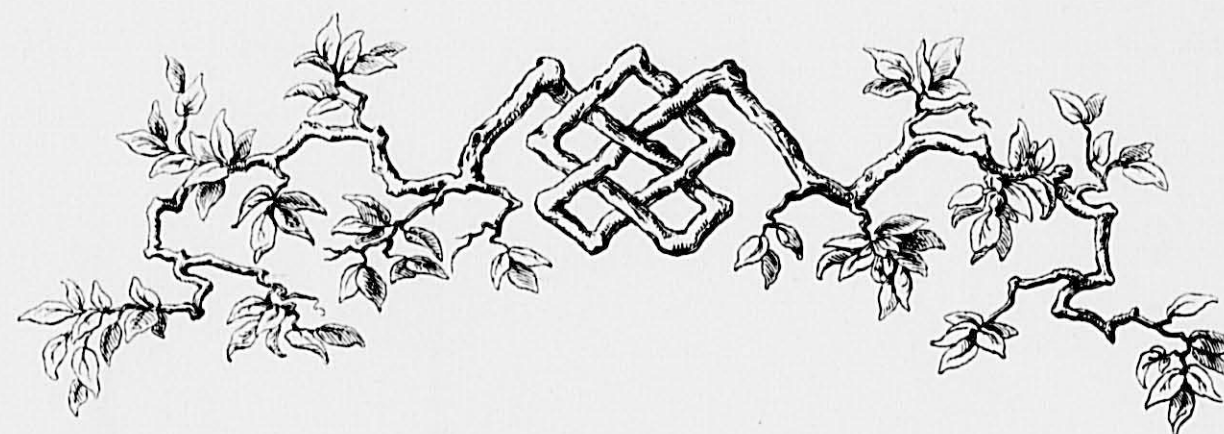
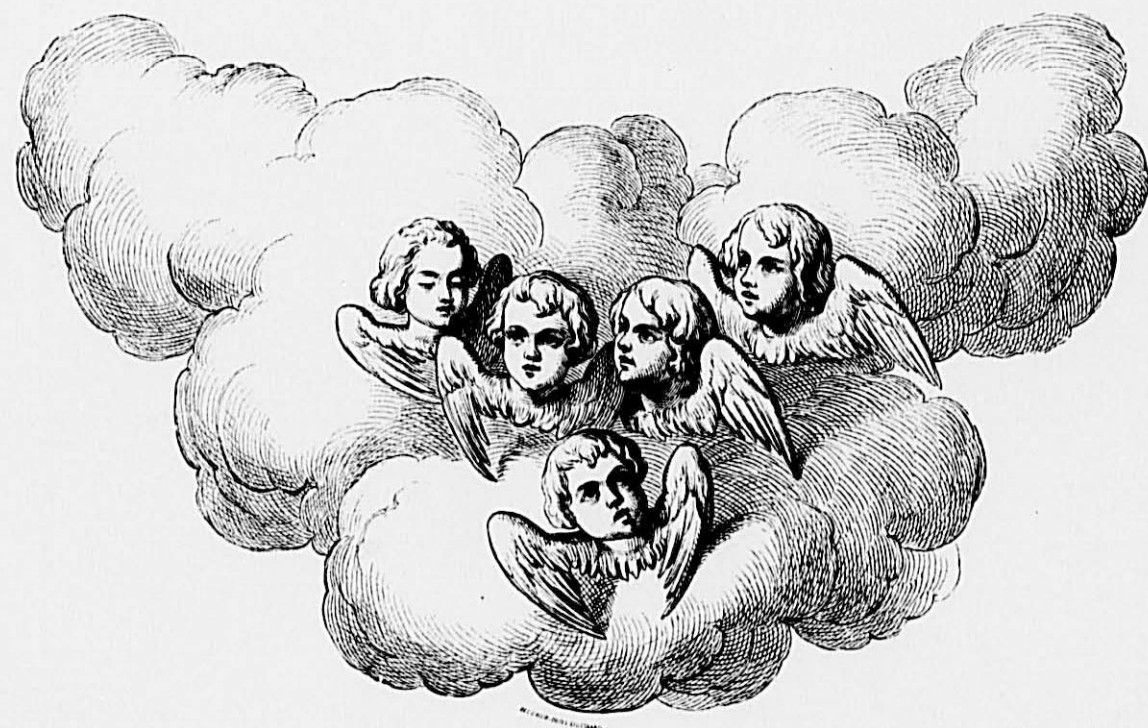

Лишь для страданія.
 Коль и въ обитель
 Слезъ мы поидемъ,
 Жребій, учитель,
 Твой воспоемъ!

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресъ!
 Изъ ложа тлѣнія

Вырвитесь адѣе
 Вы изъ плѣненія!
 Вы его чтители,
 Вѣры хранители,
 Въ братствѣ сожители,
 Тайнъ огласители,
 Благовѣстители,
 Близокъ учитель къ вамъ,
 Съ вами онъ самъ.

За городскими воротами.

Проходятъ гуляющіе всякаго рода.

Мастеровые.

Зачѣмъ же тѣмъ путемъ?

Другіе.

Мы въ домъ охотничій идемъ.

Первые.

А мы на мельницу желаемъ прогуляться.

Мастеровой рабочій.

Къ прудамъ пройдитесь не спѣша.

Другой.

Дорога къ нимъ не хороша.

Вторые.

А ты куда?

Третій.

Съ другими поболтаться.

Четвертый.

Взберитесь-ко на Бургдорфъ; — тамъ всегда

И дѣвушки и пиво хоть куда,

И драки перваго разбора.

Пятый.

Ты весельчакъ! Давно не бить?

Иль кожа въ третій разъ зудитъ?

Туда я не пойду; боюсь я ихъ задора.

Служанка.

Нѣтъ, нѣтъ! я въ городъ ворочусь.

Другая.

Подъ тополями тамъ съ нимъ можемъ повстрѣчаться.

Первая.

Не много счастья въ томъ дождусь;

Къ тебѣ онъ только будетъ жаться,

Пойдете танцевать вдвоемъ.
Что мнѣ въ веселіи твоёмъ!

Другая.

Сегодня онъ навѣрно не одинъ.
Кудрявый, онъ сказать, съ нимъ будетъ и блондинъ.

Школьникъ.

Видишь, какъ шагаютъ дѣвки дружно!
Пойдемъ-ко, братъ! намъ провожать ихъ нужно.
Покрѣпче пиво, злой табакъ,
Да разодѣтая служанка, — вотъ-такъ такъ!

Дѣвушка горожанка.

Видишь, мальчики, не постыдятся!
И молодежь какая тутъ;
Могли бы въ обществѣ отборномъ обращаться,
А за служанками бѣгутъ!

Второй школьникъ (первому).

Не торопись! за нами двѣ!
Онѣ одѣты очень мило;
Моя сосѣдка въ томъ числѣ,
Она меня приворожила.
Идутъ неспѣшною стопой,
Пожалуй подѣ конецъ и насъ возьмутъ съ собой.

Первый.

Нѣтъ, братъ! стѣсненія не люблю ни въ чемъ.
Скорѣй! упустимъ дичь! Мое такое мнѣнье,

Рука, которая въ субботу съ помеломъ,
Тебя всѣхъ ласковѣй похолитъ въ воскресенье.

Гражданинъ.

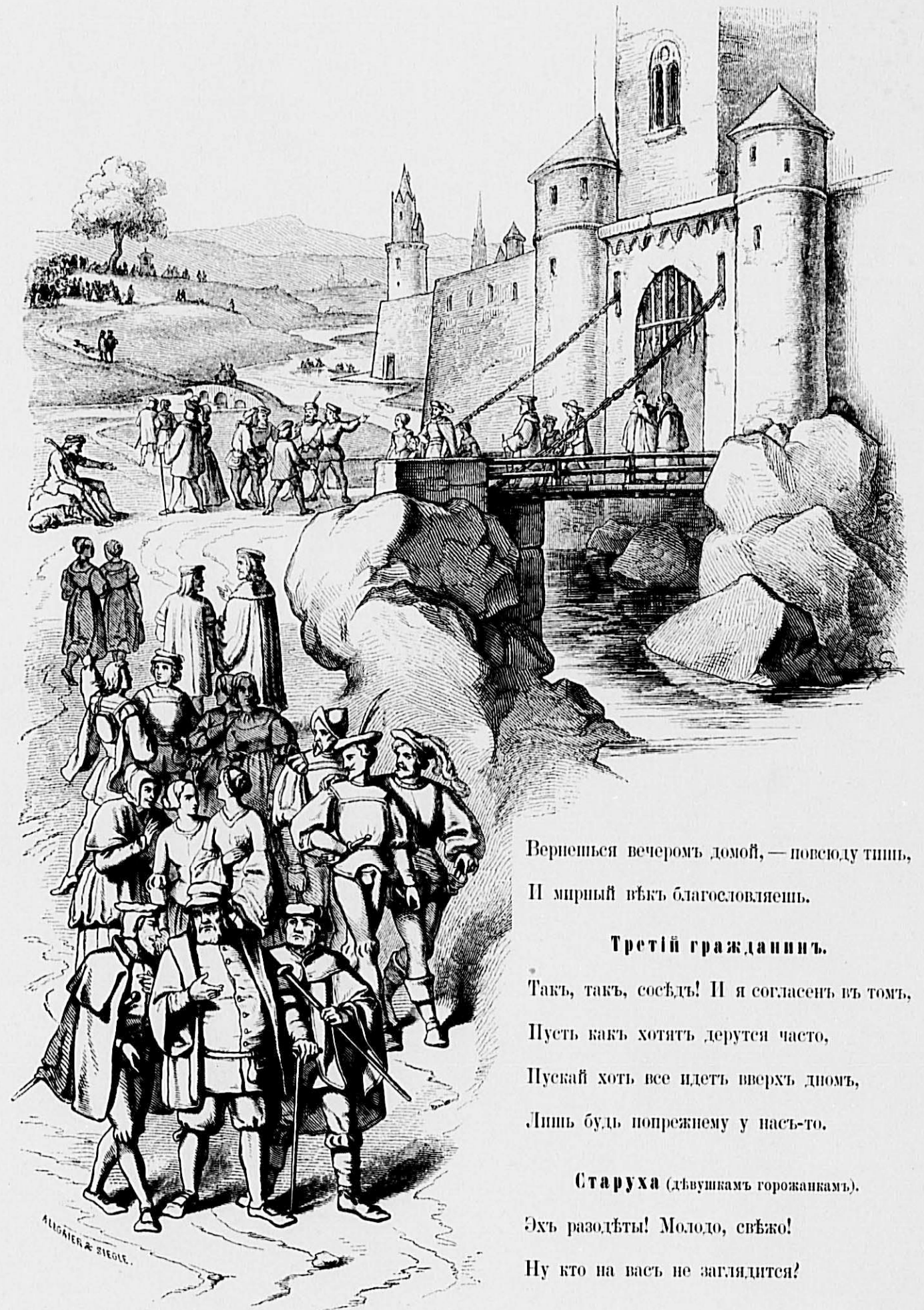
Нѣтъ, новый бургомистръ на вкусъ мой не годится!
Какъ выбрали, что день то больше онъ кичится.
А городу чѣмъ онъ помочь?
Не хуже-ль съ каждымъ днемъ? признаться,
И больше прежняго велѣтъ повиноваться,
И больше прежняго налогъ.

Нищій (поетъ).

Такъ и румяны и нарядны,
Вы, госпожи и господа,
Не будьте къ намъ душою хладны,
Взгляните, какова нужда!
Не дайте пѣтъ мнѣ тутъ напрасно;
Тотъ веселье, кто даетъ другимъ.
Пусть день, для всѣхъ людей прекрасный,
Днемъ будетъ жатвеннымъ моимъ.

Другіе горожане.

Мнѣ въ праздникъ ничего такъ слушать не отрадно,
Какъ разговоръ о битвахъ и войнѣ,
Какъ въ Турціи, тамъ гдѣ-то въ сторонѣ,
Народы бьются безпощадно.
Стаканчикъ, подойдя къ окну, опорожнишь,
Внизъ барки по рѣкѣ глазами провожаешь;

Вернешься вечеромъ домой, — повсюду тишь,
И мирный вѣкъ благословляешь.

Третій гражданинъ.

Такъ, такъ, сосѣды! И я согласенъ въ томъ,
Пусть какъ хотятъ дерутся часто,
Пусть все идетъ вверхъ дномъ,
Лишь будь попрежнему у насъ-то.

Старуха (дѣвушкамъ горожанкамъ).

Эхъ разодѣты! Молодо, свѣжо!
Ну кто на васъ не заглядится!

Линь не кичитесь! Дайте срокъ, ужо
По мыслимъ вамъ могу я пригодиться.

Дѣвушка горожанка.

Агата! Ты отъ вѣдмы этой прочь!
Чтобъ съ нею насъ толпа не увидала;
Хотя она въ Андреевскую ночь
Мнѣ суженаго чудно указала.

Другая.

Мнѣ показала моего
Въ стеклѣ, — такой солдатъ красивый;
Смотрю вокругъ, нищу его,
Не попадается сибивый!

Солдаты.

Крѣпостей твердыхъ,
Банниами въ поле,
Дѣвушекъ гордыхъ,
Взросшихъ на волѣ,
Мнѣ бы поболѣ!
Сколько отваги,
Сколько наградъ!
Будить и кличутъ
Трубные звуки,
Какъ на веселье,
Такъ и на муки.

Вотъ такъ живетъ!
Долго-ль собираться!
Дѣвушкамъ, банниамъ
Надо сдаваться.
Сколько отваги,
Сколько наградъ!
Вотъ и солдаты
Мимо спѣвать.

Фаустъ и Вагнеръ.

Фаустъ.

Ледъ вскрылся по рѣчкамъ, весна прилетѣла,
Кидая вокругъ оживляющій взоръ;
Въ долинахъ свѣжѣетъ зеленый коверъ;
Старуха зима буневать ослабѣла
И скрылась въ ущелья суровыя горъ.
Оттуда она посѣваетъ ужъ намъ
Круну ледяную, съ усиьемъ несмѣлымъ,
Косыми грядами по свѣжимъ полямъ;
Но солнце ни съ тѣмъ не сживается съ бѣлымъ;
И всюду зачатки, все къ жизни стремится,
Все хочетъ въ окраскѣ живой возродиться.
Но въ полѣ цвѣтовъ еще нѣтъ никакихъ;
Нарядные люди теперь вмѣсто нихъ.
Вотъ съ этой только высоты
Вагнини назадъ на городъ ты:

Изъ мрачной глубины воротъ
Какъ движется пестро народъ.
Всѣкъ хочетъ погулять сегодня,
Въ день Воскресенія Господня.
Они и сами воскресли, глядишь,
Изъ нежныхъ домишекъ, угловъ отсырѣлыхъ,
Изъ плѣна работъ въ мастерскихъ законѣлыхъ,
Да изъ-подъ гнета давившихъ крышъ.
Изъ улицъ, гдѣ не протѣснись,
Изъ благодатной мглы церквей
На солнышко бѣгутъ скорѣй.
Смотри, смотри! какъ всѣ спѣвать разбиты
Въ поля или въ садъ на бугорокъ,
Какъ вся рѣка и вдоль и поперекъ
Отъ лодокъ весело нестрится;
Въ послѣдней лодкѣ такъ насѣли,
Что чуть ко дну пойдетъ она,
И даже съ горныхъ тропъ отселъ
Одежда пестрая видна.
Въ деревнѣ гамъ какой-то сбродный;
Вотъ настоящий рай народный,
Воить и малый и большой,
Здѣсь человекъ я. — Здѣсь я свой.

Вагнеръ.

Вотъ съ вами, докторъ, прогуляться,
Тутъ и почетъ и польза есть;

Одинъ же здѣсь не могъ бы я остаться,
И грубости не въ силахъ снести.
Тутъ вой смычковъ невыносимъ для слуха,
И крикъ, и шумъ, и кегли тутъ;
Воить, какъ будто бы во власти злаго духа,
И это пѣнемъ зовутъ.

Крестьяне (подъ линкой).

Пляска и пѣнье.

Собралися къ танцамъ пастушокъ,
На немъ цвѣтной кафтанъ, вѣнокъ;
И на устахъ улыбка.
Подъ линкой было все полно,
Тамъ въ танцахъ бѣсятся давно.
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Такъ заливались скринки.

Въ толпу проворно онъ влетѣлъ,
И локтемъ дѣвушку задѣлъ,
Не далеко отъ линки;
Та обернулась, глядитъ,
«Какъ это глупо», говоритъ,

Люли! люли!

Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Ужъ черезчуръ вы притки!

Но въ кругъ пускаются — и вотъ,
Направо, влево поворотъ, —
Подолъ летаетъ зыбкій.

Они краснѣютъ, духота, —
И отдыхаетъ ихъ чета;

Люли! люли!

Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Онъ жметъ къ ней съ улыбкой.

Не льните такъ — и безъ проказъ!
Божбой вводили ужъ не разъ
Невѣсть своихъ въ ошнѣни!
Но въ даль уйти съ ней удалось,
И изъ-подъ липки къ нимъ неслося:

Люли! Люли!

Ахъ люшеньки! живѣй юли!
И крикъ и звуки скрипки.

Старый крестьянинъ.

Вотъ, докторъ, добрый вы какой,
Что не побрезгали вы нами,
Многоученый мужъ такой,
А въ многолюдство вышли сами.
Ужъ кружку лучшую виною
Для васъ сѣпили мы налить.
О ней прося, скажу я вслухъ:
Ей мало жажду утолить,

Пусть сколько капель будетъ въ ней,
Вамъ приумножится и дней.

Фаустъ.

Я подношу ее къ губамъ,
Спасибо! и во здравье вамъ!

Народъ собирается въ кружокъ.

Старый крестьянинъ.

Ну, право хорошо, что вы
Явились къ намъ въ веселый часъ;
Вѣдь нѣкогда и въ злые дни
Вы тожъ не забывали насъ!
Какъ много здѣсь еще въ живыхъ,
Которыхъ вырвать вамъ отецъ
У злой горячки въ дни, когда
Чумъ онъ положилъ конецъ.
Въ то время юношей вы шли
Охотно въ каждый домъ къ больнымъ;
Снесли немало мертвецовъ,
Но вы остались живымъ,
Не тронулъ васъ недугъ-губитель;
Хранить спасителя Спаситель.

В с ѣ.

Мы доблестному племя привѣтъ,
Чтобъ помогать онъ много лѣтъ!

Фаустъ.

Вы передъ Тѣмъ склонитесь, Кто съ высотъ
И учить помогаетъ и помощь илетъ.

(Уходитъ далѣе съ Вагнеромъ).

Вагнеръ.

Великій мужъ! Что долженъ ощущать
Среди ты общаго высокопочитающа!
Блаженъ, кому дано изъ знанья
Такую пользу извлекать!
Отецъ сѣпнѣть тебя смнннѣ указъ,
Къ тебѣ стремится каждый взоръ,
Смолкаютъ скрипки, ждѣтъ танцоръ.
Проходишь ты, какъ словно власть,
На воздухъ шапки полѣтъли;
Недостаеъ вѣмъ на колѣни пасть,
Какъ бы священный ходъ узрѣли.

Фаустъ.

Еще немного,—вонъ до камня мы дойдемъ!—
Тамъ на пригоркѣ отдохнемъ и сами.
Какъ часто одинокъ я снживалъ на немъ
И мучился молитвой да постами.
Съ надеждой, съ вѣрой до конца,
Въ слезахъ, стени любви-обильно,
Конецъ заразы у Творца
Мечталъ я вымолить насильно.
Привѣтствія толпы какъ на смѣхъ мнѣ одинъ.
Когда-бъ тебѣ мои раскрыты чувства были,

Какъ мало и отецъ и сынъ
Такую почесть заслужили!
Отецъ былъ честный, темный человекъ;
Надъ вѣмъ, что у природы скрытно,
По совѣсти, хоть очень самобытно
Трудяся, продумалъ онъ весь вѣкъ.
Подобно онъ другимъ адептамъ,
На черной кухнѣ проживать,
И по безчисленнымъ рецентамъ
Все что противно, то мѣшалъ.
Тутъ красный легъ, женихъ отважный (2),
Пускался къ липѣ въ растворъ (3),
Потомъ огнемъ изъ бани влажной
Обоихъ гнали на просторъ.
Когда жъ цвѣтную выливали
Царицу въ склянку—благодать!
Лѣкарство есть, больные умирали.
Кто выздоравливать?—Какъ знать!
И съ адекимъ снадобьемъ въ дорогу
Мы шли, — сама чума, ей Богу,
Не принесла такого зла.
Самъ въ тысячи вливаль я этой мерзостины,
Они кончались; — слышу нынѣ,
Убійцамъ наглымъ намъ хвала.

Вагнеръ.

Зачѣмъ же этимъ вамъ смущаться!
Достойный мужъ конечно правъ,

Когда искусство воспринять,
Имъ станемъ точно заниматься!
Коль юношей ты чтинишь отца,
Къ урокамъ ты его исполнишь и внимаешь;
Коль мужемъ труднишься ты до поту лица,
И сынъ твой высшего достигнуть можетъ знанья.

Фаустъ.

О счастливъ, кто еще въ надеждѣ самъ,
Что выплывемъ изъ моря лжи мы дружно!
Чего не знаемъ — было-бъ нужно намъ,
Того что знаемъ — намъ не нужно.
Но въ этотъ дивный часъ не говори
Мнѣ о скорбяхъ, которыя смущаютъ!
Смотри, какъ тамъ въ лучахъ зари
Сквозь зелень хижинъ мелькаютъ!
День пережить, уходить солнцу дня,
Слѣща дарить и дати жизнью снова.
О! отчего нѣтъ крыльевъ у меня,
Когда душа за нимъ летѣть готова!
У ногъ уже я вижу сияющій міръ
Въ зарѣ, сіяющей вѣки,
По всѣмъ блескъ, въ долинахъ кроткій міръ,
Ручьи какъ серебро бѣгутъ въ златые рѣки.
Я чувствую, тогда ущелья мрачныхъ горъ
Полета гордаго уже-бъ не задержали.
Ужъ моря теплые заливы засверкали, —
И паумляется мой взоръ. —

Вотъ божество какъ бы готово закатиться;
Но снова пробудилась мочь,
И я несусь, его лучами вновь униться,
Передо мною день, за мною ночь,
Сводъ неба надо мной, а волны подо мной.
Какой чудесный сонъ и сладкія усилья!
Ахъ! крыльямъ духа кто земной
Придастъ вещественныя крылья?
Но каждому дала природа,
Что чувство въ высь и въ даль его стремить,
Когда намъ съ голубаго свода
Пѣнь жаворонка зазвенитъ;
Когда надъ темными лѣсами
Орлы опять парить пошли,
И надъ полями, озерами
Въ отчизну тинуть журавли.

Вагнеръ.

Бывали у меня такіе дни смятенья,
Но я подобнаго не ощущалъ стремленья.
Прискучить долъ и лѣсъ, какъ съ виду ни казится;
А птичьихъ крыльевъ мнѣ не надо.
То-ль дѣло, какъ помчигъ духовная отрада
Отъ книги къ книгѣ и съ листа на листъ!
Тутъ ночи зимнія становятся свѣтлы,
Отраднѣй жаръ по членамъ разбѣжится,
И ахъ! какъ развернешь пергаментъ дорогой,
Тебѣ все небо въ душу тутъ глядится.

Фаустъ.

Ты испытать стремление лишь одно;
 О, никогда не знай другого!
 Ахъ! двѣ души вмѣщать мнѣ суждено,
 И грудь ихъ разобить готова.
 Одной хвататься грубо суждено
 За этотъ міръ, съ его любовнымъ тѣломъ;
 Въ другой же все горѣ вознесено
 Высокихъ праотцевъ къ предѣламъ.
 О, если есть межъ небомъ и землей
 Властительные духи, — низойдите
 Съ высотъ златыхъ вы — и меня съ собой
 Для жизни новой, яркой уведите!
 О еслибъ быть волшебный плащъ моимъ,
 Что-бъ вдаль унести меня по міру,
 На все одежды, на порфиру
 Я-бъ кажется не промѣнялся имъ.

Вагнеръ.

Не призывай извѣстныхъ молодцовъ,
 Что стелится средъ пара голубаго;
 Они намъ вѣчно строятъ ковь, —
 Со всехъ концовъ бѣда готова.
 То съ сѣвера нахлынуть нападать
 И грызть тебя зубами неплютекими;
 То вдругъ начнутъ съ востока изеушнать,
 Питаясь легкими твоими.
 Когда ихъ югъ погонитъ со степей,

И воздухъ надъ тобой какъ печь они растопятъ,
 Ихъ западь шлетъ, чтобъ освѣжать скорѣй,
 Они тебя и все поля затопятъ.
 Они внимательны, но, на бѣду земли,
 Покорны, коль надуть насъ можно,
 Подумаешь, что съ неба притекли,
 Какъ ангелы лепечутъ, только ложно.
 Однако въ путь! ужъ все кругомъ сѣрѣй,
 Туманъ встаетъ и въ воздухѣ свѣжѣй!
 Подъ вечеръ только домъ и мить.
 Чего-жъ ты сталъ и взоры вдаль вперить?
 Во что при сумракѣ такъ могъ ты углубиться?

Фаустъ.

Не видишь, черный пестъ по живью тамъ кружится?

Вагнеръ.

Давно замѣтилъ я: что-жъ толку въ этомъ есть?

Фаустъ.

Получше присмотрись! Чѣмъ звѣря можно счесть?

Вагнеръ.

Да пуделемъ, который тоже въ печали
 Хозяйскихъ шохаетъ слѣдовъ.

Фаустъ.

Замѣтилъ ты, какъ онъ, въ большой спирали
 Носясь кругомъ, къ намъ близиться готовъ?
 И все мнѣ кажется, что огненный, проворный
 Какой-то вихрь за нимъ летитъ.

Вагнеръ.

Не вижу ничего; ну просто пудель черный;
Въ глазахъ у насъ, должно, рыбитъ.

Фаустъ.

Какъ будто насъ лови, магическія петли
Вокругъ онъ нашихъ ногъ старается плести.

Вагнеръ.

Я вижу: ищетъ онъ, хозяина тутъ иѣтъ-ли,
И къ незнакомцамъ двумъ боится подойти.

Фаустъ.

Кругъ все тѣснѣй; сближается онъ къ намъ!

Вагнеръ.

Собака какъ и есть, не призракъ, виднишь самъ.
Визжитъ и лѣнетъ, какъ растянута — патка!
Вертитъ хвостомъ, — собачья вся повадка!

Фаустъ.

Ну, подойди! пойдѣмъ со мной!

Вагнеръ.

Ну право, пудель пресмѣшной.
Ты остановишься, онъ служить;
Заговоришь, онъ радость обнаружить;
Что потеряй, вѣдь онъ найдетъ,
За налкой въ воду самъ прыгнетъ.

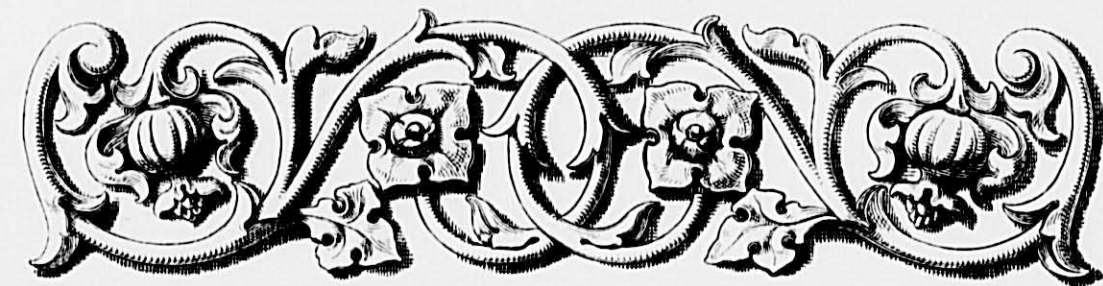
Фаустъ.

Ты точно правъ; мы духа не найдемъ
Тутъ признака, все дрессировка въ немъ.

Вагнеръ.

Собаку, съ должнымъ воспитаньемъ,
И мудрый мужъ почтитъ вниманьемъ.
Онъ стѣитъ, чтобъ и ты къ нему привыкъ,
Студентовъ онъ отличный ученикъ.

(Они уходятъ въ градекія ворота).

Кабинетъ.

Фаустъ (выходитъ съ пуделемъ).

Покинулъ я поля и доли,
Глубокой ночью міръ объять,
Ея священные глаголы
Съ душой въ насъ лучшей говорить.
Почнютъ въ глубинѣ сердечной
Всѣ злые помыслы и сны,
Полны любви мы человѣчной,
Любовью къ Богу мы полны.

Пудель, уймись! и взадъ и впередъ не мечись!
Что на порогъ ты нюхася тамъ?
Въ уголь за печкой ложися,
Свою подушку тебѣ отдамъ.
Какъ тѣшилъ прыжками ты насъ вдоль дороги,
Стараясь намъ ласку казать, а не злость,

Прими мою ласку ты постѣ тревоги,
Какъ дорогой и тихій гость.

Ахъ! какъ отрадно въ тѣсной кельѣ
Лампада смотреть на тебя,
Опять въ душѣ какъ бы веселье,
И въ сердцѣ, знающемъ себя.
Опять нашъ умъ глядитъ далеко,
Надежда снова горяча,
И жизни жаждемъ мы потока,
И жизни ищемъ мы ключа.

Полно рычать тебѣ, пудель! Ко звукамъ священнымъ,
Въ душу вливающимъ мнѣ благодати,
Эти звѣринные звуки нестати.
Люди встрѣчаютъ съ укоромъ надменнымъ
То, чего не поймутъ;

Что передь добрымъ или вдохновеннымъ
Имъ тяжело порицанье унять,—
Знать и собакѣ охота рычать!

Но, ахъ! я чувствую, въ противность доброй воли,
Довольства грудь моя не источаетъ боли.
Но отчего-жъ потокъ подобный сякнетъ вдругъ,
И жаждою опять томится духъ?
Я испытать все эти превращенья!
Такой пробѣлъ есть способъ восполнить:
Мы не-земное станемъ почитать,
Алкать мы станемъ откровенья,
Котораго нигдѣ достойнѣй, чище нѣтъ
Того, что Новый далъ Заветъ.
Возьму я подлинникъ раскрою;
Съ правдивымъ чувствомъ, я вскалѣ
Святой оригиналь
Перевести мнѣ рѣчию родною.

(Онъ открываетъ томъ и готовится).

Написано: «Вначалѣ было слово».
Вотъ я и сталъ! Какъ продолжать мнѣ снова?
Я слову не могу воздать такую честь,
Иначе нужно перевести,
Коль вѣрно озаренъ исходъ тяжелыхъ думъ.
Стоитъ написано: «Вначалѣ было лишь умъ».
На первой строчкѣ надо тициться,

Чтобы перу не заблудиться!
Умъ та ли власть, что все подвигнуть сотворила?
Должно-бъ стоять: «была вначалѣ сила».
Но въ мигъ, какъ собралась писать рука моя,
Предчувствую, что все не кончу этимъ я.
Вдругъ вижу свѣтъ! Мнѣ духъ глаза открытъ!
И я пишу: «Вначалѣ подвигъ былъ».

Коль хочешь комнату со мной дѣлить,
То перестань ты, пудель, вить.
Ты лаешь!
И мнѣ мѣшаешь.
Такого сосѣда къ себѣ не приму,
Изъ насъ одному
Нѣтъ мѣста въ дому.
Хоть гостя гнать я и не сроденъ,
Дверь отперта, и ты свободенъ. —
Но чтò я вижу предъ собой!
Естественъ ли исходъ такой?
Тѣнь это? иль на самомъ дѣлѣ?
Мой пудель прибываетъ въ тѣлѣ,
Ростеть, — его не узнаешь!
Ужъ на собаку онъ не похожъ!
Какой упырь мной въ комнату введенъ!
Съ гипнопотамомъ сходенъ онъ,
Глаза горятъ, ужаснѣйшая пасть.
Не издумай ты пропасть!

Я знаю, братцы, какъ могучъ
Надъ вами Соломоновъ ключъ.

Д у х и (въ коридорѣ).

Тамъ одинъ уже попался!
Не входи, кто цѣль остался!
Словно въ канканѣ теперь
Адекій томится тамъ звѣрь.
Но, погодите!
Вейтесь, летайте кругомъ.
Этимъ его вы путемъ
Освободите.
Кто только можетъ,
Пусть и поможетъ!
Всѣмъ намъ бывало
Самъ угождать онъ немало.

Ф а у с т ѣ.

Чтобъ встрѣтиться со звѣремъ могъ,
Беру заклятье четырехъ:

Саламандра гори,
Уидина кружись,
Сильфида пари,
Кобольтъ трудись.

Что ни стихія —
Силы нѣтъ;
Кто ихъ не знаетъ,

Не совладеетъ
Въ вѣки вѣковъ
Съ міромъ духовъ.

Въ огнѣ печезни,
Саламандра!
Скройся въ безднѣ,
Уидина!
Будь метеора причина,
Сильфида!
Домъ охраняй отъ обиды,
Инкубусъ! инкубусъ ты!
Будете каждый своимъ заняты.

Изъ четырехъ ихъ ни одно
Во звѣрь не обрѣтено.
Лежитъ, какъ на смѣхъ, безобидно;
Не пропаять я его, какъ видно.
Но стану опять
Сильнѣй заклинать.

Такъ если, чадо,
Бѣглець ты ада,
То этимъ знакомъ
Изъ васъ во всякомъ
Возбудимъ смиреніе мы!

Ужъ оцетинился сынъ тьмы.

Проклятый родъ!

Прочтешь ли вотъ?

Знакъ вѣкъ несотвореннаго,

Неизреченнаго,

На небо вознесеннаго,

Преступно пробужденнаго?

Залѣзъ за печку онъ,

Раздулся — точно слонъ;

Все больше, больше онъ растетъ,

Пустил туманъ великій.

Не подымайся ты подъ сводъ!

А лягъ къ ногамъ владыки!

Ты видишь самъ, даромъ я грозилъ.

Тебя святымъ огнемъ я опалилъ!

А станешь ждать,

Трижды опалию опять!

Тебя унять

Сильнѣй искусство берегу я!

Мефистофель.

(Выходитъ изъ тумана, изъ-за
печки, бродячимъ схоластикомъ).

Зачѣмъ шумѣть? Чѣмъ услужить могу я?

Фаустъ.

Вотъ чѣмъ быть пудель начиненъ!

Проѣзжіи въ немъ схоласть! По истинѣ забавно!

Мефистофель.

Ученому глубокий мой поклонъ!

Меня потѣтъ заставили вы славно.

Фаустъ.

Какъ звать тебя?

Мефистофель.

Вопросъ подобный малъ

Въ устахъ того, кто такъ не цѣнитъ слова,

Кто оболочку отвергалъ,

Вникая въ суть всего живаго.

Фаустъ.

У вашей братіи, признаться,

Легко по имени добратся

До существа. Такъ васъ къ лицу зовемъ

Царемъ мы мухъ, губителемъ, лгуномъ.

Прекрасно, кто-же ты?

Мефистофель.

Той силы часть и видъ,

Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творить.

Фаустъ.

Что эта притча означаетъ?

Мефистофель.

Я духъ, который отрицаетъ!

И въ этомъ правъ; все, что родится,

Достойно, чтобы провалиться;

Не лучше ль было-бъ ничему не быть.
И что затѣмъ грѣхомъ могло прослыть,
Все разрушеніе, мысли злыя —
Какъ разъ и есть моя стихія.

Фаустъ.

Ты частью назвался, а весь передо мной?

Мефистофель.

И правду высказать со скромностью большой.
Коль человекъ свой путевой мірокъ
Счесть цѣлымъ, какъ извѣстно, могъ,
То часть той части я, что прежде веѣмъ была;
Часть тьмы, которая и свѣтъ произвела,
Свѣтъ гордый, что свою родительницу почъ,
Всего лишивъ, изъ міра гонитъ прочъ,
А все удачи нѣтъ; затѣмъ что самъ
Вполнѣ прикованъ онъ къ тѣламъ.
Тѣла онъ красить, исходи изъ тѣлъ,
Тѣла въ пути ему преграда. —
Надѣюсь, долго ждать не надо,
Чтобъ онъ съ тѣлами отлетѣлъ.

Фаустъ.

Теперь ясна твоя задача!
Тебѣ въ великомъ неудача,
Такъ ты пошелъ по мелочамъ.

Мефистофель.

Успѣха, точно, мало тамъ.
Небытія противувѣсь,
То нѣчто — этотъ міръ балбесъ —
Надъ нимъ лишь самъ себя измаетъ,
А все его не доконаешь,
Огнемъ ли, бурей, иль волной;
Земля и море все въ порѣ одной!
А этой погани, звѣро-подской породы,
Ничѣмъ извѣсть не хватитъ силъ.
Ужъ сколькихъ я похоронилъ!
Глядишь, опять цвѣтутъ по милости природы.
Съума сойдешь! не выдумаешь гаже,
Въ землѣ, въ водѣ и въ вѣтрѣ даже
Кинитъ зачатковъ миллионъ,
Сушь, влагу, стужу наполняя!
Не захвати себѣ огня я,
Такъ бы остался обдѣленъ.

Фаустъ.

Такъ противъ силы благородной,
Творищей вѣчно красоты,
Кулакъ чертовскій свой холодный
Сжимаешь понапрасну ты!
Ужъ лучше же инымъ предметомъ
Займись, сынъ хаоса чудной!

Мефистофель.

Подумать стоитъ мнѣ объ этомъ;
Виредъ потолкуемъ мы съ тобой!
Нельзя ль теперь мнѣ удалиться?

Фаустъ.

И не пойму, вопросъ о чемъ.
Ты навѣщай, когда случится,
Теперь съ тобою я знакомъ.
Вотъ дверь, а вотъ тебѣ окошко;
Труба открыта предъ тобой.

Мефистофель.

Признаться, мой уходъ немножко
Стѣсненъ бездѣлицей одной. —
Волшебный знакъ тамъ на порогѣ.

Фаустъ.

Отъ пентаграммы ты въ тревогѣ?
Эге! Скажи, коль въ ней такая власть,
Какъ могъ сюда, сынъ ада, ты попасть?
Какъ! духъ — и дожить до расклоха?

Мефистофель.

Ты присмотри! Начерченъ знакъ-то плохо;
Тотъ уголь, что глядитъ на дверь,
Оставленъ, видишь самъ, открытымъ.

Фаустъ.

Вотъ вышло дивомъ знаменнымъ!
Ты у меня въ плѣну теперь?
И неожиданно и мило!

Мефистофель.

Собака, ничего не чуявши, вскочила,
Теперь же дѣло-то ахти!
Чортъ очутился взаперти.

Фаустъ.

Но видишь самъ, окошко не заперто.

Мефистофель.

Законъ для привидѣній и для чорта:
Уйти путемъ, которымъ могъ войти.
И въ первомъ мы рабы, второе кто какъ знаетъ.

Фаустъ.

И адъ законы наблюдаетъ?
Вотъ хорошо. Такъ можно заключить
И договоръ съ такими господами?

Мефистофель.

То, что обѣщано межъ нами,
Безъ оговорокъ можешь получить.
Но нуженъ толкъ въ такой затѣѣ.
Въ другой перетолкуемъ разъ;

Теперь прошу покорѣйше я васъ
Освободить меня скорѣе.

Фаустъ.

Минуточку еще одну побудь!
Хорошую, быть можетъ, сказку знаешь.

Мефистофель.

Теперь пусти! Вернусь я какъ побудь;
И спрашивай, о чемъ ты пожелаешь.

Фаустъ.

Я не ловить тебя, не зазывать,
Самъ влѣзъ ты въ сѣть, въ томъ нѣту спора.
Держись за чорта, кто его поймасть!
Его въ другой не такъ поймаешь скоро.

Мефистофель.

Изволь — останусь, коль велишь,
Воспользуюсь бесѣдою твоею;
Но подь условіемъ, что лишь
Тебя своимъ искусствомъ поразию.

Фаустъ.

Смотрѣть я радъ и соглашусь;
Но чтобъ въ искусствѣ быть и вкусъ!

Мефистофель.

Отъ моего, мой другъ, искусства
Въ часъ наслажденья больше чувства
Твое, чѣмъ въ цѣлый скучный годъ.

Что духи пропоютъ малютки,
То не простыя только шутки,
А рядъ прелестнѣйшихъ картинъ.
Тебѣ поѣзжать обонянье,
И вкусъ, и даже осязанье,
Не то чтобъ только слухъ одинъ.
О подготовкѣ не мечтай,
Мы въ сборъ все тутъ, — начинай!

Духи.

Вскройтесь, раздайтесь
Мрачные своды!
Выглянь скорѣе,
Чище, снѣже
Нѣжный эфиръ!
На небѣ чисто,
Тучи проплыли!
Звѣзды лучисто
Вдругъ озарили
Радостный міръ.
И безтѣлесныхъ,
Духовъ прелестныхъ
Легкія волны
Мимо парятъ,
Нѣжности полны
Душу манять;
Ихъ одѣянья,

Engelbert Seibertz sculpsit

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСа, ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Всё изъ сиянья,
 Скрыли и поле,
 Скрыли тѣнь сада,
 Гдѣ восхищенный,
 Съ милою въ пѣгѣ,
 Бродить влюбленный.
 Тѣнь и прохлада!
 Рвутся побѣги!
 Сокъ винограда
 Лется въ бокалы
 Сладостный, алый.
 Винная пѣна
 Мчится изъ цѣна,
 Брызжеть по грудамъ,
 По изумудамъ,
 Мимо высокихъ
 Горъ пробѣгаетъ,
 Въ плесахъ широкихъ
 Холмъ обступаетъ.
 Въ радости птицы
 Пьютъ и пьряютъ,
 Къ свѣту денницы
 Рвутся, взлетаютъ;
 Выются красиво
 Надъ островами,
 Что прихотливо
 Зыблеть волнами;

Гдѣ раздаются
 Громкіе хоры,
 Въ пляскахъ мнутея
 Ленты, уборы.
 Радостно въ полѣ
 Всѣмъ имъ на волѣ.
 Тѣ поднимаются
 Тянутся въ горы,
 Эти плескаются
 Лѣзутъ въ озера,
 Эти жъ взлетѣли,
 Жить захотѣли,
 Всѣ къ общей цѣли,
 Гдѣ заблестѣли
 Звѣзды любви.

Мефистофель.

Онъ спитъ! Спасибо, крошки дорогія!
 Вы сны ему напѣли золотые!
 Я за концертъ въ долгу, друзья мои.
 А чорта удержать знать ты затѣялъ много!
 Вы полетѣйте полубога
 Въ пучинѣ грѣзъ, на самомъ днѣ; —
 Но снятъ волшебный знакъ съ порога,
 Крышный зубъ потребеетъ ягѣ.
 Не долги тутъ пужны заклинанья,
 Вотъ ужъ одна шуринить услышать приказанья.

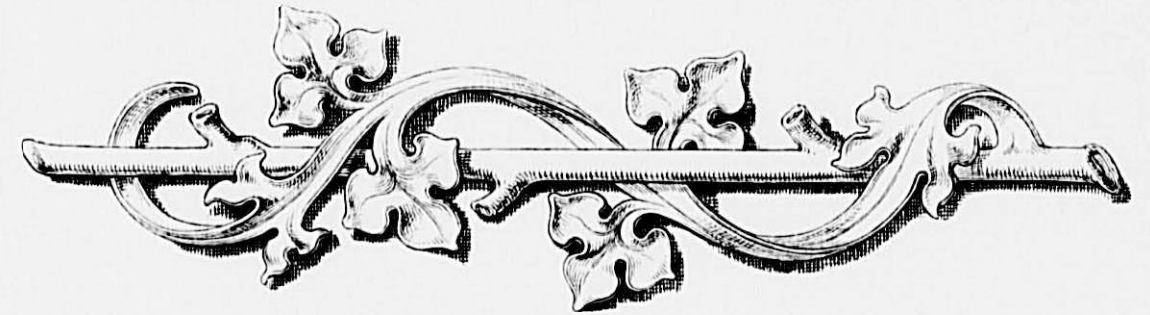

И, повелитель крысъ, мышей,
 Лягушекъ, мухъ, клоповъ и вшей,
 Тебѣ приказываю строго,
 Грызи у этого порога,
 Гдѣ только масломъ я пролью.
 Прыгнула, — вижу прыть твою!
 Скорѣй! Тотъ уголь, что мѣнаетъ,
 Вонъ въ самый выходъ ушраетъ.

Еще кусни и сѣбѣ владь! —
 Ну, Фаустъ, пока вернусь, ты можешь почивать.

Фаустъ (просыпался).

Ужель обмануть я вторично?
 Иль часъ видѣній миновать,
 Что чортъ прикинулся мнѣ отлично,
 И что мой пудель убѣждать?

Кабинетъ.

Фаустъ. Мефистофель.

Фаустъ.
 Стучать? Войди! Кому мѣшать досужно?

Мефистофель.
 И здѣсь.

Фаустъ.
 Войди!

Мефистофель.
 Сказать трикраты нужно.

Фаустъ.
 Войди же!

Мефистофель.
 Вотъ и сбросилъ сѣбя.
 Дѣла у насъ не будутъ худы!
 Чтобъ разогнать твои причуды,
 Какъ кавалеръ я свѣтскій здѣсь.
 Плащъ въ золотѣ кругомъ — весь красный.

А на мантиль шелкъ прекрасный,
 И пѣтушиное перо
 На шляпѣ, — шага боевая, —
 И точно также ты нестро
 Одѣйся, часу не теряя,
 Чтобъ ты, развѣзень, волею, примъ,
 Что значить жить — извѣдалъ самъ.

Фаустъ.
 Знать въ каждомъ платьѣ тѣмъ же мнѣ остаться
 И тягость жизни сознавать.
 Я слишкомъ старъ — игрушками прельщаться,
 И слишкомъ молодъ — не желать.
 Что дастъ мнѣ мѣръ? какія благодѣтели?
 Воздержень будь! Воздержень будь! понынѣ
 Все та же пѣсня нищеты
 Звучить у каждаго надъ ухомъ,
 И каждый часъ, до хрипоты,

Всю жизнь владѣть нашимъ слухомъ.
 Я просыпаюсь даже съ содроганьемъ;
 Готовъ встрѣчать я горькою слезой
 День, что не дастъ, наперекоръ желаньямъ,
 Одной надеждѣ сбыться, — хоть одной.
 Онъ даже сладкую мечту
 Разборомъ злобнымъ разгоняетъ,
 И, что я создать самъ и чу,
 Кривляньемъ будничнымъ пугаетъ.
 Я принужденъ и въ тишинѣ ночной,
 Ложась на постель, бояться;
 И тутъ мнѣ не сужденъ покой,
 И сны ужасные толятся.
 Тотъ богъ, что сердцу говоритъ, —
 И все внутри меня тревожитъ;
 Какъ онъ надъ силами мои ни царитъ,
 На вышнее воздѣйствовать не можетъ.
 И такъ влечу я пошу бытія,
 Мила мнѣ смерть, пошла жизнь моя.

Мефистофель.

А тѣмъ не меньше смерть все грустная статья.

Фаустъ.

О! счастливъ тотъ, кого она вѣнчаетъ
 Кровавымъ лавромъ въ битвѣ съ вражьей силой,
 Иль кто ее, окончивъ ширь, встрѣчаетъ
 Нежданную въ объятяхъ дѣвы милой!

О еслибъ, восхитенъ порывомъ духа, могъ
 Я бездыханенъ пасть съ мечтой прелестной!

Мефистофель.

А кто-то всетаки тотъ темный сокъ
 Въ ночи не вынѣлъ, намъ извѣстной.

Фаустъ.

Въ шпіонствѣ кажется отрада вся твоя.

Мефистофель.

Хоть ибѣть всевѣдѣнья, но много знаю я.

Фаустъ.

Когда изъ страшнаго смущенья
 Меня извлекъ отраднѣй гулъ,
 И дѣтскимъ жаромъ умиленья
 Время блаженныхъ обманулъ;
 Клянусь я все, предъ чѣмъ живая
 Душа забыть способна боль,
 Все что, сверкая и лаская,
 Насъ гонитъ въ мрачную юдоль!
 Клянусь во-первыхъ самоубійе,
 Которымъ духъ у насъ повитъ!
 Клянусь лукавое явленье,
 Что нашимъ чувствамъ говорить!
 Клянусь, что льстить однимъ мечтаньямъ,
 Какъ имя, славы вѣчный громъ!
 Клянусь, что манить обладаньемъ:
 Женой, дѣтьми, сохой, рабомъ!

Клянусь мамою въ часъ, какъ дѣло
 Онъ выставляетъ намъ какъ цѣль,
 И въ часъ, когда дѣлать тѣло
 Онъ стелетъ мягкую постель!
 Клянусь я гроздѣй вдохновенья!
 Клянусь любви живою успѣхъ!
 Надежду! вѣру, а терпѣнье
 Клянусь я первымъ изъ вѣхъ!

Хоръ духовъ (незримый).

Увы! увы!
 Его ты разбилъ,
 Прекрасный міръ,
 Могучей рукой.
 Упалъ кумиръ,
 Поверженъ во прахъ подубогомъ!
 Мы причемъ
 Въ ничто дорогіе обломки,
 И плачемъ,
 Полны сожалѣнья и страха.
 Всевластный
 Сынъ праха!
 Прекрасный,
 Воскресни,
 Чтобъ сердцемъ его возсоздать!
 И жизнью дышать
 Иною,

Съ веселой душою, —
 И новыя пѣсни
 Полюются опять!

Мефистофель.

Слышнѣе, какъ эти
 Умныя дѣти
 Къ поискамъ свѣтлыхъ минутъ
 Совѣтъ даютъ!
 Въ міръ наслажденья,
 Изъ заключенья,
 Гдѣ наши мысли и кровь застываютъ,
 Тебя увлекаютъ.
 Брось предаваться горькимъ бреднямъ,
 Онъ какъ коршунъ на груди твоей;
 Почувствуешь ты въ обществѣ послѣднемъ,
 Что человекъ ты межъ другихъ людей.
 Я этимъ не хочу сказать,
 Что въ сволочь пустимся мы оба!
 Хотя я не важная особа;
 Тебѣ лишь стоитъ пожелать
 Пуститься объ руку со мною, —
 И я тебя вполне устрою.
 Твоимъ повсюду
 Товарищемъ буду,
 А если угрозу потомъ,
 Я буду слугою, я буду рабомъ!

Фаустъ.

А я, чѣмъ буду я въ закладѣ?

Мефистофель.

До этого путь дологъ,—не терпѣшь.

Фаустъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я знаю, чортъ — великій эгоистъ.

Не станеть онъ трудиться Бога ради,

Ужъ больно на руку не чистъ.

Ты напрямикъ скажи мнѣ: дѣло въ чемъ?

Такой слуга бѣды накинчетъ въ домъ.

Мефистофель.

Здѣсь я готовъ тебѣ служить стараться,

По взгляду твоему трудиться, угождать;

Ты долженъ тѣмъ же покататься,

Когда мы тамъ увидимся опять.

Фаустъ.

Что тамъ, о томъ я не горюю;

Какъ разобьешь ты жизнь земную,

Пусть иная настаетъ.

Я счастье на землѣ вкушаю,

Подъ этимъ солнцемъ я страдаю;

Пусть тамъ, когда ихъ потеряю,

Что хочетъ, то произойдетъ.

На что мнѣ знать, въ какихъ размѣрахъ

Туда любовь и злобу можно влечь.

И подлинно ли въ оныхъ сферахъ

И верхъ и низъ такой же есть.

Мефистофель.

Съ такимъ возрѣньемъ жди ты проку.

Сойдемся!—и тебя, дай сроку,

Искусствомъ стану ублажать,

Какого никому изъ смертныхъ не видать.

Фаустъ.

Что можешь дать ты, дьяволъ бѣдный?

Когда же духъ, порывъ нашъ всепобѣдный,

Тебѣ подобнымъ понять быть?

Но нищи ты безсочной накопишь.

Есть у тебя и золото;—схватишь—

Оно какъ ртуть—пропалъ и слѣдъ;

Есть и игра, гдѣ выигрываешь нѣтъ,

И дѣвушка, что на груди моей

Старается мигнуть сосѣду,

Есть почести,—дымъ алтарей—

Какъ метеоръ блестящій безъ слѣду.

Сули мнѣ плодъ, что до срыванья сгнѣтъ,

И дерева, что вѣчно вновь одѣты!

Мефистофель.

Такой задачей ты не затруднишь;

Въ избыткѣ все подобныя предметы.

Но, милый другъ, порой и вкусъ бываетъ разный,

И сладкій кусъ въ тиши насъ лакомо зоветъ.

Фаустъ.

Когда спокойно я разлечусь въ нѣгѣ праздной,

Пусть сейчасъ конецъ мой настаетъ!

Когда исполнишь самолюбьемъ
Мени, нагавъ о мнѣ самомъ,
Когда обманешь наслажденьемъ:
Тотъ день будь мнѣ послѣднимъ днемъ!
Бьюсь объ закладъ!

Мефистофель.

Идешь!

Фаустъ.

Порукой въ томъ!

Когда воскликну я мгновенно:
«Остановись! Прекрасно ты!» —
Тогда я твой безъ возраженья,
И двери гроба отперты!
Пусть зовъ я слышу, умирая,
Свободенъ ты съ того же дня,
Спадеть и стрѣлка часовая,
И минетъ время для меня!

Мефистофель.

Я не забуду, ты обдумай зрѣло.

Фаустъ.

Ты будешь правъ. Не такъ я слабъ,
Чтобъ самъ не сознавать предѣла, —
И настою на томъ: я рабъ,
Твой или чей? какое дѣло!

Мефистофель.

За шромъ докторскимъ сегодня въ вечерокъ
Въ лакейскомъ я явлюсь парядъ: —

Но жизни или смерти ради,
Молю, ты дай мнѣ пару строкъ.

Фаустъ.

Педантъ! ты требуешь, чтобъ я росписку далъ?
Ты слова честнаго, какъ видно, не знавалъ?
Иль мало, что себя, давъ слово, я обрекъ
Порвать всю связь съ бывлымъ существованьемъ?
Какъ бѣшено мірекой уносится потокъ,
А я, я буду связанъ обѣщаньемъ?
Но этотъ призракъ въ нашемъ сердцѣ скрытъ,
И съ нимъ бороться кто посмѣетъ?
Блаженъ, кто вѣрность свято чтить,
О жертвахъ онъ не пожалѣетъ!
А всё пергаментъ всѣхъ странствъ,
Всякъ передъ подписью робѣетъ.
Въ перъ ужъ слово умираетъ,
А воскъ на кожѣ власть воспринимаетъ.
Тебѣ что нужно, злобный духъ? отвѣтъ:
Бумага или пергаментъ, мраморъ, мѣдь?
Писать мнѣ грифелемъ, рѣзцомъ или перомъ?
Ужъ выбирать ты самъ потщисься.

Мефистофель.

Къ чему ты тотчасъ горячишься
При краснорѣчьи своемъ?
Листокъ какой-нибудь. Все равно хороши.
Ты каплей крови подпиши.

Фаустъ.

Коль таково твое желанье,
Исполнимъ это мы кривлянье.

Мефистофель.

Кровь самый самобытный сокъ.

Фаустъ.

Не бойся! Нарушать союза не желаю!
Къ тому всѣхъ силъ моихъ потокъ
Стремится, что я обѣщаю.
Я заносился, все кляня;
Я изъ такихъ, какъ ты теперь.
Отвергъ великій духъ меня,
Природа заперла мнѣ дверь.
Нить мысли порвалась больно;
Отъ знанья тошно мнѣ неволью.
Ущемся чувственности дымомъ,
Страстей задунимъ въ немъ напоръ!
И въ волшебствѣхъ непостижимомъ
Пусть будетъ чудесамъ просторъ!
Въ потокъ времянь низринемся шумящій,
Въ раскатъ событій настоящій!
И пусть довольство и нужда,
Удача и бѣда
Мѣняются, какъ знаютъ, вѣкъ:
Лишь въ подвигахъ и виденья челоуѣкъ.

Мефистофель.

Запрета нѣтъ тебѣ, ты знай.
Вездѣ, коли придетъ охота
Тебѣ что выхватить съ полета,
Такъ и во здравіе вкушай.
Хватай, отбрось застѣнчивость далече!

Фаустъ.

Ты слышишь, тутъ о радости нѣтъ рѣчи.
Я хмѣлю предаюсь мучительныхъ отрадъ,
Любовной я враждѣ и сладкой грусти радъ.
Чтобъ грудь моя, не алча знаній болѣ,
Могла затѣмъ всѣ горести вмѣстить,
И что всѣмъ смертнымъ выпало на долю,
Я самъ въ себѣ желаю пережить,
Восторгъ и скорбь, все, чѣмъ трепещутъ люди,
Я накоплю въ своей дрожащей груди,
Въ стремленье ихъ найду свое стремленье,
И потеряю, какъ и они, крушенье.

Мефистофель.

Повѣрь, жую уже, мой милый,
Я этотъ кусъ не первый вѣкъ.
Его отъ колыбели до могилы
Переварить не въ силахъ челоуѣкъ!
Повѣрь мнѣ, цѣлое все это
Поделилось Богу одному!
Лишь онъ одинъ въ сіяньи вѣчномъ свѣта,

Мефистофель.

Ты напослѣдокъ то что есть,
Хоть ты въ парикъ кудрявый наряжайся,
Хоть на каблукъ ариинный подымайся,
Ты все останешься чѣмъ есть.

Фаустъ.

Я чувствую, напрасно быть я падоуъ
На все, что духъ способенъ совмѣщать,
А какъ взгляну на собственный осадокъ,
То бьющихъ силъ тамъ новыхъ не видать;
Ни на волосъ не стала я выше,
И къ безконечному не ближе.

Мефистофель.

На вещи ты такого взгляда,
Какъ вещи принято цѣнить;
Но намъ умнѣ взяться надо,
Чтобъ свѣтлыхъ дней не упустить.
Кои прахъ! Рука, нога, сознаюсь,
И мозгъ и ж... — все твое!
Но все, чѣмъ впрямъ я наслаждаюсь,
То развѣ не вполне мое?
Коль я коней кунить шестерку могъ,
То не мон-ль ихъ силы въ этомъ мѣрѣ?
И молодцомъ несусь я, словно погъ
Всѣхъ у меня двадцать четыре.
Прибодри! Весь позабудь ты бредъ,
И прямо пустимся мы въ свѣтъ!

Мракъ бездны предоставишь намъ;
А день и ночь пригодны только вамъ.

Фаустъ.

Но я хочу!

Мефистофель.

Тутъ нечего ждать долго!

Но одного боюсь опять,
Жизнь коротка, искусство долго.
Ты бь могъ благой совѣтъ принять:
Вступи въ сообщество съ поэтомъ.
Пусть онъ заносится мечтой,
И самымъ благороднымъ свѣтомъ
Пусть окружаетъ обликъ твой,
Отвагой львовъ,
Оленей быстротою,
Тебѣ дастъ Итальянца кровь,
Мошь сѣверяиъ унизишь предъ тобою.
Пусть онъ съумѣетъ слить два царства,
Великодушье и коварство,
Успѣетъ также, можетъ быть,
Тебя по плану онъ влюбить.
Хоть мнѣ бь такого молодца поймать,
Его бы стать я микрокосмомъ звать.

Фаустъ.

Чтожъ я, когда не въ силахъ снести
Вѣнца, которымъ веиъ гордится,
Къ которому душа стремится!

Скажу тебѣ: кто въ критику зарыть,
Съ животнымъ схожъ въ тоскѣ голодной,
Которое злой духъ по голому кружитъ,
А корягъ кругомъ зеленый, превосходный.

Фаустъ.

Съ чего-жъ начнемъ?

Мефистофель.

Сейчасъ уйдемъ. — Пора.

Что тутъ за грустная дыра?

Какой ты жизнью здѣсь живешь?

Тоскуешь самъ, тоскуешь молодежь.

Сосѣду это предоставь любому!

Какая радость вѣкъ промолотить солову?

Все лучшее, что можешь знать,

Не смѣлъ ты юношамъ сказать.

Ужъ тамъ одинъ въ сѣняхъ шагаетъ!

Фаустъ.

Его никакъ я не приму.

Мефистофель.

Давно бѣдняжка ожидаетъ;

И не помочь нельзя ему.

Ты дай беретъ мнѣ свой и платье;

Къ лицу нарядъ мнѣ самому. (Переодѣвается).

Мнѣ предоставь теперь занятъ!

Я въ четверть часика окончу. — Удались.

Тѣмъ временемъ ты въ путь прекрасный снарядишься!

(Фаустъ уходитъ).

Мефистофель (въ платьѣ Фауста).

Лишь презирай ты разумъ, знанья дуть,

Чѣмъ человекъ однимъ могучъ,

Пусть силой волшебства игривой

Въ тебя духъ воцарится лживый, —

Тогда ты безусловно мой. —

Ему судьбой данъ духъ неукротимый,

Который рвется все впередъ,

И съ жаждою неутолимой

Онъ мимо благъ земли идетъ.

Промчу его туда, гдѣ жизнь мятется

По самымъ плоскимъ пустыкамъ;

Пусть липнетъ онъ, дрожитъ и бьется;

Его алкающимъ устамъ

Предстанетъ все, чтобъ ѣсть и упиваться;

Но тщетно онъ отрады будетъ ждать —

И хоть бы чорту онъ не вздумалъ предаваться,

Ему бы все не сдобровать.

(Входитъ ученикъ).

Ученикъ.

Я здѣсь еще съ недавнихъ поръ.

Дерзну-ль вступитъ я въ разговоръ

Съ тѣмъ мужемъ, что всеобщимъ мнѣньемъ

Великимъ окруженъ почтеньемъ?

Мефистофель.

Я радъ любезности рѣчей!

Не лучше многихъ я людей.

Вы осмотрѣлись хоть отчасти?

Ученикъ.

Прошу принять во мнѣ участие!

Я къ дѣлу приношу любовь.

Деньжонокъ нѣсколько и молодую кровь;

Мать отпускать меня едва могла рѣшиться;

Здѣсь настоящему хотѣлъ бы научиться.

Мефистофель.

Какъ разъ на вѣрномъ вы пути.

Ученикъ.

А мнѣ хоть бы назадъ уйти;

Все стѣны, переходы только,

Мнѣ въ нихъ не правится нисколько.

Совсѣмъ замкнулся бѣлый свѣтъ,
Нѣтъ зелени, деревьевъ нѣтъ;
А въ залѣ, на скамейкахъ, — разомъ,
Заходитъ даже умъ за разумъ.

Мефистофель.

Нужна привычка, милый другъ.
Дитя къ родной груди не вдругъ
Своей охотой припадетъ,
А послѣ влаетъ ее сосеть.
Такъ и премудрости сосцами
Разлакомитесь послѣ сами.

Ученикъ.

Я радъ въ ея обитыя устремиться;
Скажите мнѣ, какъ этого добиться?

Мефистофель.

Во-первыхъ, дайте мнѣ отвѣтъ:
Какой избрали факультетъ?

Ученикъ.

Ученымъ быть желаю страхъ;
Что на землѣ и въ небесахъ,
Хотѣлъ бы знать я безъ сомнѣнья,
Въ природѣ, въ области наукъ.

Мефистофель.

Вотъ настоящій путь, мой другъ;
И бойтесь только развлеченья.

Ученикъ.

Душой и тѣломъ я готовъ;
Но было-бъ хорошо при этомъ,
Хотя на нѣсколько часовъ
Повеселиться въ праздникъ — лѣтомъ.

Мефистофель.

Да, время мчится безъ оглядокъ;
Его беречь научить васъ порядокъ.
Возьмитесь, другъ мой, вы за умъ,
Сперва Collegium logicum!
Тутъ духъ вашъ чудно дрессируютъ,
Въ сапогъ испанскій зашнуруютъ,
Чтобъ осторожиѣ идти
Онъ могъ на мысленномъ пути,
А не совался-бъ на авось
Огнемъ блудящимъ вкривъ и вкось.
Тутъ вамъ укажутъ, что къ тому,
Что было просто такъ уму,
Какъ пить и ѣсть, — безъ всякой при, —
Теперь потребно разъ, два, три.
На фабрикѣ мыслей дѣйствительно тожъ,
Что только на ткацкомъ станкѣ узнаешь,
Летаетъ и взадъ и впередъ челночекъ,
Наступягъ — и тысячи нитей мнутесь,
И къ ткани всеобщей невидимо льются,
И тысячи нитей скрѣпляетъ толчекъ.
Философъ станетъ васъ учить,

Что этому такъ и слѣдуетъ быть;
Что первое такъ и второе такъ,
Поэтому третье, четвертое такъ,
А въ-первыхъ, да во-вторыхъ принять,
То въ-третьихъ, въ-четвертыхъ и вѣкъ не бывать.
Ученики повторяютъ сами
Все это; — однако не стали ткачами.
Кто хочетъ живое познать, описать,
Сначала старается духъ-то изгнать;
Тогда овладѣтъ онъ отдѣльною частью,
Лишь связи духовной не стало, къ несчастью.
Eneheirisis naturae то въ химіи де,
Смѣются сами своей бѣдѣ.

Ученикъ.

Я не воплилъ васъ могъ понять.

Мефистофель.

Вамъ станетъ легче понимать,
Когда дойдете до редуцій,
Классификацій и конструцій.

Ученикъ.

Ошеломленъ всѣмъ этимъ я,
Какъ будто въ головѣ грохочетъ толчея.

Мефистофель.

Затѣмъ бы, чтобъ не разбросаться,
Вамъ метафизикой заняться!
Тутъ нужно вамъ надъ тѣмъ присѣсть,
Что въ мозгъ людской не можетъ влѣзть;

Въ томъ, что въ него хотя не входитъ,
Прекрасное слово изъ бѣды выводить.
Но въ полугодьи первомъ здѣсь
Порядокъ заведите весъ!
Пять лекцій въ день у васъ пока;
Входите въ самый бой звонка!
Да приготовьтесь на дому,
Вперивъ параграфы уму,
Тогда видѣе будетъ вамъ,
Что къ книжкѣ онъ не прибавляетъ самъ.
Записывайте же, другъ мой,
Какъ будто самъ диктуетъ Духъ Святой!

Ученикъ.

Я не забуду! Мнѣ на умъ пришло,
Какая польза въ томъ тантся;
Что вывелъ чернымъ набѣло,
То дома безъ заботъ хранится.

Мефистофель.

Но изберите-жъ факультетъ!

Ученикъ.

Къ законовѣдѣнью охоты не имѣю.

Мефистофель.

На васъ сердиться я не смѣю,
Науки этой мнѣ знакомъ предметъ.
Законы и права передаются,
Какъ бы наслѣдственный недугъ;
Изъ рода въ родъ они плетутся,

Къ чужимъ переходя не вдругъ.
Тутъ умъ въ безумство обернется,
Даръ въ муку. — Правнуку бѣда!
О правѣ, что при насъ всегда,
О немъ никто не заикнется.

Ученикъ.

Успили во мнѣ вы отвращенье.
Блаженъ, кто внемлетъ ваше поученье!
Хоть богословіе я-бъ кажется избралъ.

Мефистофель.

Я-бъ въ заблужденіе вводить васъ не желать.
Въ наукѣ этой, мнитесь мнѣ,
Путь вѣрный не легко сыскать черезъ мытарства;
Въ ней столько яду есть на днѣ,
Который отличить такъ трудно отъ лѣкарства.
Тутъ тоже лучшее, вамъ слушать одного
И клясться на слова его.
И вообще — держитесь слова!
Тутъ вамъ дорога вся готова
И убѣжденіе дано.

Ученикъ.

Но въ словѣ жъ быть пониманіе должно.

Мефистофель.

Прекрасно! Но къ чему такъ мучиться нестати;
Какъ разъ, гдѣ недочетъ понятій,
Тамъ слову стать и суждено.
Словами ловки спорить всѣ мы,

Словами создавать системы,
Въ слова мы вѣримъ, намъ слова такъ милы,
Изъ слова юты выкинуть нѣтъ силы.

Ученикъ.

Не задержать я васъ едва-ли,
Но все рѣшаюся трудить.
О медицинѣ, можетъ быть,
Вы мнѣ словечко бы сказали?
Три года не далекій срокъ —
И Боже! Путь-то какъ широкъ!

Вы указали бы предѣлы
На этомъ полѣ распростѣртомъ.

Мефистофель (про себя).

Такъ тонъ сухой мнѣ надобѣтъ,
И снова хочется быть чортомъ.

(Громко).

У медицины нѣтъ препятствій на пути;
Учитесь, — міръ большой и малый вамъ открыть,
Чтобъ послѣ дать всему идти,
Какъ Богъ велитъ.

Что пользы рыться въ грудяхъ книгъ,
Всякъ трудъ подѣмлетъ подходящий;

Но кто схватить умѣетъ мигъ —
Умъ настоящий.

Вотъ вы прекрасно сложены,
Я чай и смѣлости довольно.

Въ себя повѣрить вы должны,

Ученикъ.

Ну какъ же такъ уйти мнѣ прочь.
Вотъ мой альбомъ, благоволите.
Въ знакъ снисхожденія черкните!

Мефистофель.

Прекрасно! (Пишетъ и передаетъ).

Ученикъ (читаетъ).

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

(Закрываетъ альбомъ и раскланивается).

Мефистофель.

Послушайся ты словъ змѣи старушки — нутко;
Въ богоподобіи тебѣ придется жутко!

(Входитъ Фаустъ).

Фаустъ.

Куда-жъ теперь?

Мефистофель.

Какъ вздумаемъ съ тобой.

Посмотримъ малый свѣтъ, посмотримъ и большой.

Веселость, пользу ты почувшь,

Какъ этотъ курсъ переликуешь!

Фаустъ.

Но съ этой длинной бородой

Не справлюсь съ жизнью я иной.

Теперь мнѣ трудно жить учиться;

Повѣрить вамъ и всѣ невольно.

Вамъ женщины незамѣнимы;

Ихъ охи, ахи, въ добрый часъ,

Тысячи разъ

Все съ той же точки нецѣлимы.

Коль видѣ васъ вѣру въ нихъ возбудитъ,

То ваше дѣло въ нѣмъ будетъ.

Титулъ васъ долженъ вывести въ моду,

Затѣмъ, что вы искусный человѣкъ;

Потомъ за все хватайтесь съ приходу,

Чего другому не дожидаться вѣкъ,

Пожмите пульсъ межъ разговоромъ,

Потомъ спѣшите съ пылкимъ взоромъ

Свободно стройный станъ обнять,

Не туго-ль стянута? — узнать.

Ученикъ.

Вотъ это стало лучше! Видишь, какъ и гдѣ.

Мефистофель.

Теорія, мой другъ, сѣра вездѣ,

А древо жизни ярко зеленѣетъ.

Ученикъ.

Клянусь, все это сномъ какимъ-то вѣетъ.

Держу ли къ вамъ явиться я охоту,

Чтобъ всей-то мудрости внимать?

Мефистофель.

Чѣмъ я могу, готовъ помочь.

Никакъ не могъ я къ свѣту примѣниться;
Я при другихъ такъ малъ, стѣсненъ,
И буду я всегда смущенъ.

Мекистофель.

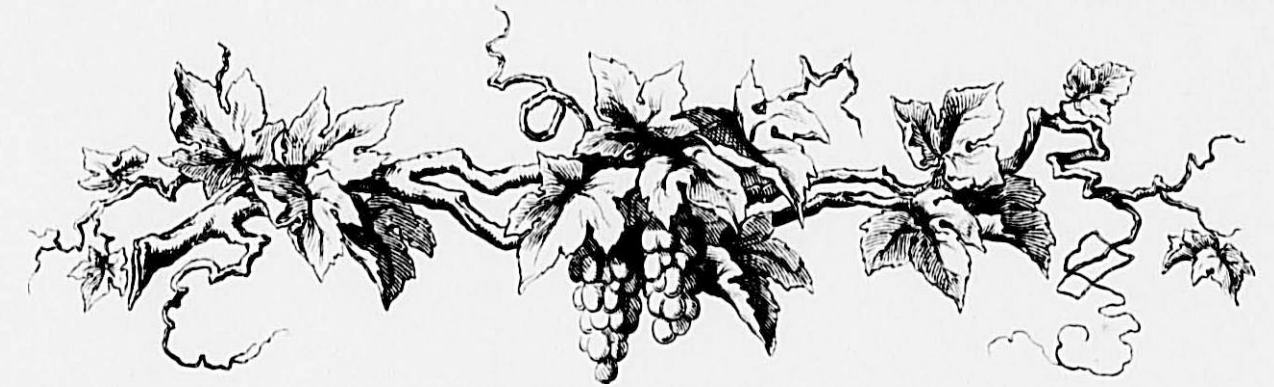
Любезный другъ, чего ты такъ робѣешь?
Коль вѣришь ты въ себя, такъ ты и жить умѣешь.

Фаустъ.

Но какъ намъ выйти изъ тюрьмы?
Гдѣ кони? Гдѣ карета? Слуги?

Мекистофель.

Вотъ этотъ планъ раскинемъ мы,
И полетимъ быстрее вьюги.
Коль ты на смѣлый шагъ готовъ —
Большихъ не забирай узловъ.
Немного воздуха горячаго добуду,
И понесетъ онъ насъ повсюду.
При легкости успѣшенъ будетъ взлетъ;
Я поздравляю, — жизнь тебя другая ждетъ.

Погребъ Ауэрбаха въ Лейпцигѣ.

Ниръ гулякъ.

Фрошъ.

И не хохочуть? и не пьютъ?
Пугну, кто будетъ вкиснуть тутъ!
Вы словно мокрая солома,
А чай веселость вамъ знакома.

Брандериъ.

Твоя вина; и самъ-то ты хорошъ,
Ни глупостью, ни свинствомъ не займешь.

Фрошъ (плетъ ему на голову
стаканъ вина).

То и другое на!

Брандериъ.

Сугубая свинья!

Фрошъ.

По просьбѣ стать такою я!

Зибель.

За дверь всѣхъ спорщиковъ, — смотри!
Пой круговую! Пей! Опи!
О! го, го, го!

Алтмейериъ.

Хоть ваты мнѣ бы дали!
Эхъ, уши бѣдныя пропали!

Зибель.

Какъ задрожать и своды и стѣна,
Тутъ только баса сила вся слышна.

Фрошъ.

Такъ, такъ, за дверь, кто носъ деретъ на сходѣ!

А! тра ла — ла!

Алтмейериъ.

А! тра ла — ла!

Фрошъ.

Настроены все глотки. (Поетъ).

Священный, славный Римскій тронъ,

Какъ можетъ онъ держаться?

Брандербъ.

Политика! фи! дрянъ такую пѣть!

Хвалю я Господа все съ каждымъ утромъ болѣ,

Что не дать мнѣ заботъ о римскомъ Онъ престолѣ!

Какое счастье, скажу я не хвализь,

Что я не канцлеръ и не князь.

Но вѣдь и намъ нельзя безъ старшины;

И папу мы избрать должны.

Вы знаете, въ чемъ все значенье,

Какимъ тутъ качествамъ дается предпочтенье.

Фрошъ (поетъ).

Вспорхни, голубчикъ соловей,

Поклоновъ тысячи снеси красѣ моей.

Зибель.

Красѣ поклоновъ нѣтъ! Пустычные привѣты!

Фрошъ.

Поклонъ и поцѣлуй! ужъ не закажешь мнѣ ты!

(Поетъ).

Отворилась я въ ночи,

Отворилась — постучи.

Затворяюсь — все ушли.

Зибель.

Пой! пой! ты славь ее, хвали!

Какъ насмѣюсь то я, о Боже!

Меня ужъ провела; съ тобою будетъ тоже.

Пускай самъ чортъ съ ней затѣваетъ связь!

На перекресткѣ пусть ее ласкаетъ;

Старикъ козель, на шабашъ торопясь,

Пусть доброй ночи ей, въ припрыжку, проблекаетъ!

А малый, честию одаренъ,

Для этой дѣвки не рожденъ.

Какихъ поклоновъ этой кошке,

Какъ только выбить ей окошки.

Брандербъ (бьетъ по столу).

Ну, слушай! что скажу сейчасъ!

Извѣстно вамъ, я жить умѣю;

Сидятъ влюбленные средь насъ,

И вотъ для нихъ-то я припасъ,

На сонъ грядущій-то, что предложить вамъ смѣю.

Ужъ пѣснь! Не смѣете моднѣй!

Подхватывать припѣвъ живѣй! (Поетъ).

Въ подвалѣ крыса вѣкъ жила,

На лакомство воструха,

Надъ саломъ, масломъ — завела,

Какъ докторъ Лютеръ, брюхо.

Кухарка яду ей подбрось;

Тутъ скоро плохо ей пришлось,

Какъ отъ любовной пытки.

Хоръ (восторженно).

Какъ отъ любовной пытки.

Брандербъ.

Бѣжить, не рада ничему,

Припала къ грязной лужѣ,

Грызеть, скребетъ во всемъ дому,

А легче нѣтъ, все хуже.

Не мало задала прыжковъ;

Но и конецъ ей быть готовъ,

Какъ отъ любовной пытки.

Хоръ.

Какъ отъ любовной пытки.

Брандербъ.

Она въ страстяхъ средь бѣды дня

По кухнѣ пролетѣла,

Упала корчась у огня,

И странно засонѣла.

А отравительница ей:

«Тебѣ знать жутко, ей же ей!»

Какъ отъ любовной пытки».

Хоръ.

Какъ отъ любовной пытки.

Зибель.

Въ чемъ пошляки нашли отраду!

Не пужно хитростей большихъ

Подсыпая бѣднымъ крысамъ яду!

Брандербъ.

Ты видно милостивъ до нихъ?

Алтмейеръ.

Пузанъ-то съ головою лысой!

Сталъ тихъ и милостивъ отъ бѣды;

Сравнить себя съ раздутой крысой

И видитъ явный свой портретъ.

Фаустъ и Мефистофель.**Мефистофель.**

Тебя по первому я слѣду

Введу въ веселую бесѣду,

Какъ жить легко, увидишь самъ.

Тутъ что ни день, то праздникъ молодцамъ.

Съ большимъ огнемъ и малой остротою

На мѣтѣ всякій на одномъ

Вертится, какъ котенокъ за хвостомъ.

Коль не страдаютъ головою,

Пока хозяинъ въ долгъ даетъ,

Имъ весело и горе ихъ неметъ.

Брандербъ.

Вотъ эти въ мѣстѣ незнакомѣ,
И тогчасъ, видно по пріемамъ,
Они съ дороги, часа нѣтъ, съ большой.

Фрошъ.

Ты правъ дѣйствительно! Хвалю я Лейпцигъ свой!
Онъ маленькій Парижъ. — Людей онъ образуетъ.

Зибель.

Кто эти приплелы? Ты какъ считаешь ихъ?

Фрошъ.

Дай срокъ по этому вопросу!
У нихъ я за виномъ, въ единый мигъ,
Червей повытащу изъ носу.
Должно, высокаго рожденья;
У нихъ и видъ пренебреженья.

Брандербъ.

Не съ рынка-ль крикуны? хоть объ закладъ я съ вами.

Алтмейеръ.

Быть можетъ.

Фрошъ.

Погоди, — я ихъ нажму!

Мефистофель (къ Фаусту).

Вѣдь не почуетъ же чортъ ни одному,
Хоть тотъ схвати его когтями!

Фаустъ.

Почтенье господамъ!

Зибель.

Мы тѣмъ же воздаемъ.

(Смотря на Мефистофеля—тихо).

Знать на одну-то ногу онъ хромаетъ?

Мефистофель.

Позволите-ль и намъ мѣстечко тутъ занять?
Ужъ станемъ, коль вина хорошаго здѣсь нѣту,
Мы обществомъ себя вознаграждать.

Алтмейеръ.

Избаловались, видно, вы по свѣту.

Фрошъ.

На Риппахъ ѣхали вечерней вы порою.
Скажите, ужинать съ Иванкой не сажались?

Мефистофель.

Нѣтъ, на дорогѣ съ нимъ мы съѣхались одной,
И отъ души разговорились.
О братцахъ онъ своихъ твердилъ безъ утомону,
И каждому велѣлъ снести намъ по поклону.

(Кланяется Фрошу).

Алтмейеръ (тихо).

А что? каковъ? Досталось!

Зибель.

Продувной!

Фрошъ.

Ну погоди, — онъ будетъ мой!

Мефистофель.

Здѣсь, какъ слышалось намъ,
Вѣкъ пѣли хоромъ такъ согласно?
Судя по сводамъ и стѣнамъ,
Тутъ пѣснь должна звучать прекрасно!

Фрошъ.

А вы пожалуй виртуозъ?

Мефистофель.

Ахъ нѣтъ! охоты тѣмъ, да силой недоросъ.

Алтмейеръ.

Хоть пѣною!

Мефистофель.

Сколько вамъ угодно, господа.

Зибель.

Лишь текстъ бы не былъ слишкомъ прѣсенъ!

Мефистофель.

Мы изъ Испаніи сюда,
Страны вина и чудныхъ пѣсенъ.

(Поетъ).

Король жилъ благородный,
При немъ блоха жила —

Фрошъ.

Прислушайтесь! Блоха! Ну кто когда слыхалъ?
Блоха! Вотъ гостю-то зазвать!

Мефистофель (поетъ).

Король жилъ благородный,
При немъ блоха жила.
Какъ сынъ едиnorodный,
Мила ему была.
Позвалъ онъ разъ портнаго,
Вошелъ портной: взгляни!
Сней весь нарядъ ея новый
И брюки пригони!

Брандербъ.

Портному вы бы не забыли —
Сказать, чтобъ мѣрка въ точъ была,
И, если голова своя ему мила,
Чтобъ брюки капли не морщили!

Мефистофель.

Въ шелкъ, бархатъ разодрѣта,
Явилася она,
Сверхъ лентъ, на все на это,
Крестомъ награждена.
И въ министерскомъ, пестромъ
Съ звѣздою кафтанъ.

Почетъ ей веѣмъ сестрамъ,
И при дворѣ онѣ.

Господь и дамъ — не шутка —
Грызть стала вся семья,
И королевѣ жутко
И камеръ-фрау ей!
Ихъ смесывать не смѣли,
И щелкать ноготкомъ.
А мы на нашемъ тѣлѣ
И щелкаемъ и бьемъ.

Хоръ (восторженно).

А мы на нашемъ тѣлѣ
И щелкаемъ и бьемъ.

Фрошъ.

Романъ на славу! Разлихой!

Зибель.

Будь такъ со всякою блохой!

Брандъ.

Ты изловчись — и схватишь неравно!

Алтмейеръ.

Да здравствуетъ свобода и вино!

Мефистофель.

Стаканъ свободѣ въ честь и я бы радъ испить,
Да вина-то у васъ могли бы лучше быть.

Зибель.

Мы просимъ такъ не говорить!

Мефистофель.

Обидите хозяинъ, я боюсь;
А то бы могъ я для начала
Гостямъ поднести изъ нашего подвала.

Зибель.

Давайте! Быть въ отвѣтъ я беруся.

Фрошъ.

Вино хорошее лишь честь вамъ принесло бы,
Но слишкомъ малъ не наливаете пробы.
Когда приходится судить,
Я полонъ ротъ хочу налить.

Алтмейеръ (тихо).

Ихъ родина не въ рейнской ли долины?

Мефистофель.

Достаньте мнѣ буравъ!

Брандъ.

На что такой снарядъ?

Не бочки же у васъ за дверью тамъ стоятъ?

Алтмейеръ.

Тамъ у хозяина есть инструментъ въ корзины.

Мефистофель (береть буравъ—Фрошу).

Скажите, вамъ какія вина любви?

Фрошъ.

Какъ? развѣ можете различныхъ предлагать?

Мефистофель.

Я каждого прошу избрать.

Алтмейеръ (Фрошу).

Эге! А ты уже облизываешь губы.

Фрошъ.

Коль выбирать,—Рейнвейнгъ я пить всего согласѣй.
Отечество дары приносить всѣхъ прекрасѣй.

Мефистофель (въ томъ мѣстѣ гдѣ сидитъ Фрошъ вертитъ дыру въ столѣ).

Немного воску мнѣ на пробки восковыя!

Алтмейеръ.

Ахъ, это фокусы пустые!

Мефистофель (Брандеру).

А вамъ?

Брандъ.

Шампанскаго вина,
Да чтобъ игра была видна!

Мефистофель (вертитъ; между тѣмъ одинъ наворачѣлъ пробокъ и заткнулъ дыру).

Брандъ.

Нельзя гуляться вѣкъ чужбиной неизвѣстной,
Хорошее вдали нерѣдко можетъ быть.
Француза полюбить не можетъ нѣмецъ честный,
Его вино же станетъ пить.

Зибель (когда Мефистофель приближается къ его мѣсту).

Мнѣ кислое ужасно вѣжетъ ротъ,

Я предпочту вино послаже!

Мефистофель (буравить).

Токайскимъ угощу васъ даже.

Алтмейеръ.

Нѣтъ, господа, смотрю я вотъ

И вижу самъ, смѣтаетъ вы надъ нами.

Мефистофель.

Эхъ! эхъ! Съ такими господами

Не много-ль это затѣвать?

Скорѣй! рѣшайтесь заявлять!

Какимъ виномъ служить могу я?

Алтмейеръ.

Да всякимъ! что тутъ толковать!

Мефистофель (послѣ того, какъ всѣ дыры заткнуты, со странными движеніями).

Гроздья на лозѣ,

Роги на козѣ!

Хоть дерево лозы, но сокъ ихъ желанный,

Вина можетъ дать намъ и столъ деревянный.

Вотъ на природу взглядъ прямой!

Тутъ чудеса! ручаюсь головой!

Ну, пробки вошь! и каждый пей!

В с ѣ (вытаскиваютъ пробки и вино бѣжитъ въ стаканы).

О ключъ, сладчайшій изъ ключей!

Мефистофель.

Зато, никто и капли не пролей!

(Они пьютъ въ нѣсколько пріемовъ).

В с ѣ (поятъ).

Намъ, словно пятистамъ свиньямъ,

По канибальски любо!

Мефистофель.

Народъ свободный! Видишь какъ живутъ!

Фаустъ.

А я готовъ бы удалиться.

Мефистофель.

Ты погляди, и бестѣльность тутъ

Должна отлично проявиться.

Зибель (пьетъ неосторожно, вино проливается на землю и превращается въ пламя).

Сюда! Горю! Огни зажглись!

Мефистофель (заговаривая пламя).

Стихія милая, уймись! (къ Зибелю).

То капелька одна огня изъ кухни адской.

Зибель.

Что это значить? Стой! что за подвохъ дурацкій?

Не знаешь видно насъ? Нѣтъ, братецъ, не наткнись.

Фрошъ.

Мы просимъ этого не дѣлать намъ вторично!

Алтмейеръ.

По моему, его бѣ тихонько отпустить.

Зибель.

Какъ, господа? Онъ смѣетъ такъ шутить?

И фокусы тутъ строить неприлично?

Мефистофель.

Ты, бочка винная, молчать!

Зибель.

Ахъ, кочерга!

Еще грубить ты смѣешь съ дуру?

Брандъ.

Постой! тебѣ мы вздуемъ шкуру!

Алтмейеръ (вытгиваетъ пробку изъ стола, на него пышетъ огнемъ).

Горю, горю!

Зибель.

Тутъ волшебство!

Онъ виѣ закона! рѣжь его!

(Онъ вынимаетъ ножъ и идетъ на Мефистофеля).

Мефистофель (съ серьезнымъ лицомъ).

По призрачнымъ словамъ,

Обманъ по всеѣмъ мѣстамъ!

Вы будьте здѣсь и тамъ!

(Они стоятъ въ изумленіи глядя другъ на друга).

Алтмейеръ.

Гдѣ я? Прекрасный видъ какой!

Фрошъ.

Знать виноградники?

Зибель.

И грозды подъ рукою!

Брандъ.

Бесѣдка, не сыскать тѣнестѣй;

Что за лоза! какія кисти!

(Хватаетъ Зибеля за носъ; другіе дѣлають тоже и поднимають ножи).

Мефистофель (какъ прежде).

Обманъ, спадн съ нихъ пеленою!

Шутить вамъ съ чортомъ не пришлось.

(Онъ исчезаетъ съ Фаустомъ. Товарищи отскакивають другъ отъ друга).

Зибель.

Что это?

Алтмейеръ.

Какъ?

Фрошъ.

Ужель твой носъ?

Брандъ (Зибелю).

А твой я ухватилъ рукою!

Алтмейеръ.

Вотъ былъ ударъ! По всеѣмъ суставамъ больно!

Стулъ дайте; падаю невольно!

Фрошъ.

Нѣтъ, что случилось? кто-бъ сказать.

Зибель.

Гдѣ онъ, злодѣй! Его бы въ мигъ не стало,
Когда бъ его я повстрѣчалъ!

Алтмейеръ.

И видѣть самъ, какъ въ двери онъ подвала —
Верхомъ на бочкѣ усакалъ. —
Въ ногахъ свинецъ, какъ мнѣ сдается.

(Оборачиваясь къ столу).

Какъ думаешь, вино еще польется?

Зибель.

Одинъ обманъ, затменіе одно.

Фрошъ.

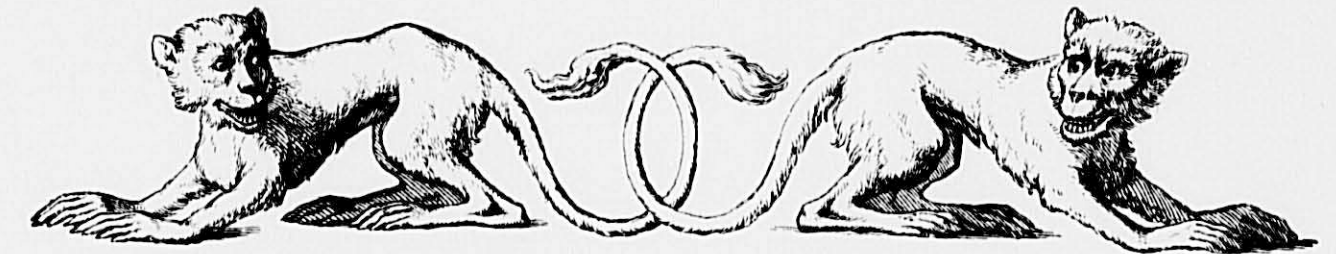
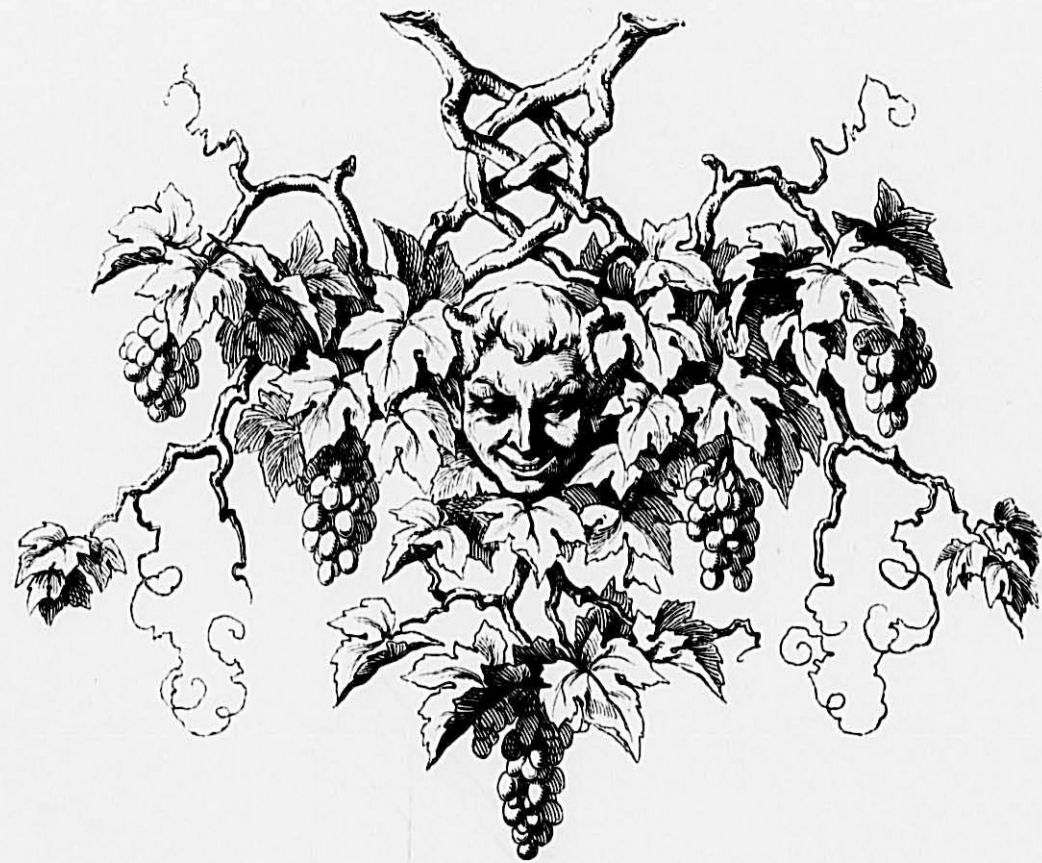
Мнѣ помнится, я будто пилъ вино.

Брандеръ.

А виноградъ-то, что манилъ повсюду?

Алтмейеръ.

Вотъ говори, какъ не повѣрить чуду!

Кухня вѣдьмы.

(На пизкомъ очагѣ стоитъ большой котелъ на огнѣ. Въ подымающемся отъ него парѣ являюся различные образы. — Мартышка сидитъ около котла и снимаетъ, заботясь, чтобы онъ не ушелъ. — Мартышка съ молодыми грѣется подлѣ. — Стѣны и потолокъ убраны странною утварью колдуньи).

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Все это волшебство — уродство!

Скажи, такое сумасбродство

Способно-ль исцѣлить меня?

Какой совѣтъ старуха дать мнѣ можетъ?

И точно ль эта пачкотня

Съ костей моихъ лѣтъ тридцать сложить?

Пропалъ я! если нѣтъ тутъ помощи иной.

Ужъ я отчаиваюсь прямо.

Ужель природа или духъ благой

Такого не нашли бальзама?

Мефистофель.

Опять разумна рѣчь твоя!

Въ природѣ средство есть снять лѣтъ твоихъ вериги;

Но эта странная статья

Написана въ особой книгѣ.

Фаустъ.

А какъ?

Мефистофель.

Безъ вѣдьмъ и докторовъ,

Безъ всякихъ денегъ на расплату!

Ступай ты въ поле; будь готовъ

Тамъ взять топоръ или лопату.

Воздерживай себя и тѣломъ и умомъ

Ото всего, что не твое жилище;

Не-сложною питайся пищей,

Живи среди скота и самъ какъ звѣрь,

Самъ не стыдись свое навозить поле;

Вотъ средство лучшее, повѣрь,
Прожить лѣтъ восемьдесятъ болѣ!

Фаустъ.

Такъ жить я не привыкъ; не могъ я и отъ скуки
Взять никогда лопаты въ руки,
И узость жизни мнѣ тошна.

Мефистофель.

Такъ вѣдма всетаки пужна!

Фаустъ.

Зачѣмъ старуху эту брать!
Иль ты сварить питья не можешь?

Мефистофель.

Охота время мнѣ терять!
Вѣдь той порою мостовъ пять тысячъ сложишь.
Тутъ мало знать или умѣть,
Терпѣнье нужно тутъ имѣть.
Въ теченіи многихъ лѣтъ оставить во вниманьи;
Броженью время лишь дать силу въ состояньи.
Предметовъ разныхъ нужно тѣмъ.
Никто такъ скоро ихъ не сложить!
Хоть чортъ наставилъ ихъ уму,
А самъ-то сдѣлать чортъ не можетъ.

(Указывая на звѣрей).

Вотъ пара — любо дорога!
Вотъ и служанка! вотъ слуга!

(Звѣряжъ).

Хозяйки видно дома нѣту?

Звѣри.

По свѣту,
Гулять захотѣла,
Въ трубу улетѣла!

Мефистофель.

Когда-жъ ей снова прилетѣть?

Звѣри.

Успѣемъ лапы отогрѣть.

Мефистофель (Фаусту).

Ну что же? Нравятся ли звѣри?

Фаустъ.

Ужъ вѣрно гаже не найду!

Мефистофель.

Нѣтъ, разговоръ, какой теперь веду,
Мнѣ больше правится всего, по крайней мѣрѣ.
(Звѣряжъ).

Ну говорите, какъ ни глупы,
Какой заболтали тамъ припасъ?

Звѣри.

Мы варимъ нищенскіе супы.

Мефистофель.

Большая-жъ публика у васъ.

Мартинъ (подходить и ласкается къ Мефистофелю).

Костей кидай,
И проиграй
Мнѣ только денегъ груды!
Все только прахъ;
А при деньгахъ
Я тоже умникъ буду.

Мефистофель.

Вѣдь какъ бы эту харю одолжили,
Когда бъ въ лото ей ставку предложили!

(Молодые мартышки играютъ большимъ шаромъ и выкатили его).

Мартинъ.

Вотъ вамъ и свѣтъ.
Задержки нѣтъ,
Бѣжить понышѣ.
Стеклянный звонъ!
Но хрупокъ онъ.
Пусть въ серединѣ.
Блеститъ съ боковъ;
Но прочь готовъ

Я, по причинѣ.

Сынокъ, играть

Оставь опять!

Знать вамъ неймется!

Тутъ глина, — глядь

И разобьется.

Мефистофель.

На что рѣшето?

Мартинъ (спимаетъ его).

Про вора взято;

Сейчасъ его признаю.

(Вѣжитъ къ мартышкѣ и заставляетъ ее смотрѣть въ рѣшето).

Гляди въ рѣшето!

А воръ-то кто?

Назвать запрещаю!

Мефистофель (приближаясь къ огню).

Горшокъ зачѣмъ?

Мартинъ и Мартышка.

Онъ дурень совсѣмъ!

Горшокъ, вишь, зачѣмъ?

Въ котель-то вглядися.

Мефистофель.

Невѣжа, смотри!

Мартынъ.

Ты вѣшникъ бери,
На кресло садися!

(Принуждаетъ Мефистофеля сѣсть).

Фаустъ (стоящій это время передъ зеркаломъ, то приближаясь, то отходя отъ него).

Что вижу я? Какой здѣсь ликъ небесный

Въ волшебномъ зеркалѣ увидѣлъ я!

О дай, любовь, мнѣ твой полетъ чудесный,

Что-бъ унестиcя за ней, въ ея края!

Ахъ, если я хоть на мгновенье

Дерзаю подступать къ стеклу,

То исчезаетъ, какъ во мглу,

Прелестной женщины видѣнье!

Какъ ей воздать достойную хвалу?

Не познаю ли всѣхъ небесъ я отраженье

По распростертому здѣсь тѣлу одному?

Возможно-ль на землѣ ее сыскать?

Мефистофель.

Чтожъ, если Богъ шесть дней трудился,

И крикнуть *браво* самъ рѣшился,

Тутъ можно толку ожидать.

На этотъ разъ ты налюбуйся ей;

Тебѣ такое золотце отрою,

И тотъ блаженъ, кому дано судьбою,

Назвать ее невѣстою своею!

(Фаустъ все еще смотритъ въ зеркало. Мефистофель, потягиваясь въ креслѣ и играя вѣшникомъ, продолжаетъ говорить).

Я какъ властитель здѣсь сижу на тронѣ;

Вотъ скипетръ мой и дѣло лишь въ коронѣ.

Звѣри

(исполнившіе досель различныя странныя тѣлодвиженія, съ великимъ крикомъ подносятъ Мефистофелю корону).

Ты потомъ-то склей,

Да кровью скорѣй

Корону съ зубцами!

(Разламываютъ ее на-двое, неуклюже съ нею обходясь, и прыгаютъ съ половинками).

Теперь не сберемъ!

А мы-то оремъ,

И даже стихами!

Фаустъ (противъ зеркала).

Съума сойду! безумство началось.

Мефистофель (указывая на звѣрей).

И у меня банка, того гляди, свернется.

Звѣри.

А если пришлось,

И намъ удалось,

За мысли сочтется.

Фаустъ (какъ прежде).

Въ груди огонь! въ глазахъ видѣнье!

Бѣжать отсюда поспѣши!

Мефистофель (какъ прежде).

По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья,

Они поэты отъ души.

(Котель, за которымъ мартышка до тѣхъ поръ не смотрѣла, начинаетъ перекипать; возникаетъ большое пламя поднимающееся въ трубу. Вѣдьма спускается по пламени со страшнымъ крикомъ).

Вѣдьма.

Ау! Ау! а вотъ и я!

Ахъ, ты проклятый звѣрь! свинья!

Забылъ котель! Спалилъ меня!

Проклятый звѣрь!

(Завидя Фауста и Мефистофеля).

Кто въ эту дверь?

Кто здѣсь теперь?

Какъ смѣли къ намъ?

Что нужно вамъ?

Ахъ сто чертей

Вамъ до костей!

(Она опускаетъ уловникъ въ котель и брызжетъ пламенемъ на Фауста, Мефистофеля и звѣрей. Звѣри визжатъ).

Мефистофель (переворнувъ метлу, которую держитъ въ рукѣ, бьетъ поскляпкамъ и горшкамъ).

Въ кусочки, — глянь!

Всю эту дрянь.

Ты, шельма, не робѣй!

Я пошутить,

Я тактъ пробить

Къ мелодіи твоей!

(Въ то время какъ Вѣдьма въ злобѣ и ужасѣ отступаетъ).

Признала что-ль, ты, шкура, кто я самъ?

Владыка твой, я милостивъ ужъ слишкомъ;

Пойду тузить по всѣмъ угламъ, —

Конецъ тебѣ и всѣмъ твоимъ мартышкамъ!

Иль краснаго плаща не признаешь?

Пѣтушьяго пера ты не узнала?

Чтобъ назвался я видно пожелаю?

Или лицо мое не тожь?

Вѣдьма.

Затмѣня, господниъ, простите мигъ единый!

Вѣдь я ноги не вижу лошадиной

И пары вороновъ тутъ нѣтъ.

Мефистофель.

Прощаю дерзостныя рѣчи;

Дѣйствительно, съ послѣдней встрѣчи

Съ тобой прошло не мало лѣтъ.
 Да и культура, — свѣтъ сначала,
 Затѣмъ и чорта прилизала.
 И призракъ Сѣвера не бродитъ между нами;
 Куда дѣвался хвостъ, съ рогами и когтями?
 За то съ ногою мнѣ возиться суждено,
 И на людяхъ она смущала;
 Такъ икры я завелъ фальшивыя давно,
 Какъ носить юношей немало.

Колдунья (пляшетъ).

Схожу съума — и стариной тряхну,
 Какъ вижу я ихъ милость сатану!

Мефистофель.

Не смѣй меня ты звать, какъ встарину.

Вѣдьма.

Чѣмъ это имя гнѣвъ могло вангъ заслужить?

Мефистофель.

Оно ужъ баснь, и всѣ надъ нимъ смѣются;
 Но людямъ отъ того не лучше стало жить:
 Отъ злаго отошли, а злые остаются.

Я господинъ баронъ, — ты уши приготовь,

Я кавалеръ, какихъ и мало.

Высокая во мнѣ (сама ты знаешь) кровь;

А вотъ и гербъ мой, — чай видала?

(Дѣлаетъ неприличное движеніе).

Вѣдьма (заливаясь смѣхомъ).

Ха, ха! да съ вами тутъ бѣда!

Вы сорванецъ, — и были имъ всегда!

Мефистофель (Фаусту).

Вотъ, другъ, ты можешь поучиться,

Какъ надо съ вѣдьмой обходиться.

Вѣдьма.

Скажите, чѣмъ служить вамъ, господа?

Мефистофель.

Извѣстнаго намъ соку дай сюда!

Но я прошу какого нѣту старъ;

Удвоиваютъ силы въ немъ года.

Вѣдьма.

Охотно! Я бутылку знаю,

Я и сама къ ней припадаю,

Ужъ нѣтъ и вони въ ней, такъ сокъ-то притомленъ;

Стаканчикъ я налью, — и выпьетъ не услышитъ.

(Тихо).

Но если будетъ пить безъ подготовки онъ,

Вы сами знаете, онъ часу не продышетъ.

Мефистофель.

Мы съ нимъ пріятели, изъ кухни мнѣ твоей

И угостить его не жалко на здоровье.

Кругъ обводи, проговори присловье,

И чашку полную налей!

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Вѣдъма

(со странными тѣлодвиженіями обводитъ кругъ и ставитъ въ него разнообразныя вещи; склянки начинаютъ звенѣть, котлы звучать и составляютъ музыку. Наконецъ она приноситъ большую книгу, вводитъ мартышекъ въ кругъ и заставляетъ синами поддерживать книгу, держа факелъ. Она даетъ Фаусту знакъ подойти).

Фаустъ (Мефистофелю).

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженъе,

Что за безумныя движенья!

Все надувательство одно, —

Оно противно мнѣ давно.

Мефистофель.

Эхъ, вздоръ! — Все на смѣхъ лишь отъ скуки;

Не будь такъ неумѣстно строгъ!

Какъ врачъ она выкидываетъ шутки,

Чтобъ сокъ тебя исправить могъ.

(Онъ принуждаетъ Фауста вступить въ кругъ).

Вѣдъма (съ большимъ одушевленіемъ читаетъ по книгѣ).

Зачѣмъ чудесить!

Одинъ будь десять,

Какъ два уйдетъ,

Въ трехъ будетъ четъ.

Считай, не бойсь!

Четыре брось!

А пять и шесть

Велятъ зачесть

За семь, да восемь,

Хоть вѣдму спросимъ!

А девять, десять

Забрось сперва.

Вотъ это вѣдмамъ дважды два!

Фаустъ.

Старуха бредитъ знать въ принадлежъ.

Мефистофель.

О, это лишь одни начатки;

Вся книга такъ извѣстна мнѣ.

Я изучалъ ее: успѣхъ чрезвычайный!

Противорѣчье воплижъ

И умнымъ и глупцамъ на вѣкъ пребудетъ тайной.

Любезный другъ, тутъ все искусство въ томъ,

Чтобъ, какъ велось и вдревлѣ безъ сомнѣнья,

Однимъ ли въ трехъ, тремя-ль въ одномъ,

За правду выдать заблужденъе.

И вотъ пойдетъ болтать пустая голова. —

Съ глупцами споръ плохой; ихъ племя такъ сердито.

А человѣкъ привыкъ, услышавши слова,

Предполагать, что тутъ и мысль должна быть скрыта.

Вѣдъма (продолжаетъ).

Хоть знанья власть

Намъ не подѣ масть,

Себя напрасно мучишь!

Но думать брось —

Вѣдьма

(со странными тѣлодвиженіями обходитъ кругъ и ставитъ въ него разнообразныя вещи; склики начинаютъ звенѣть, котлы звучать и составляютъ музыку. Наконецъ она приноситъ большую книгу, вводитъ мартышекъ въ кругъ и заставляетъ спинами поддерживать книгу, держа факель. Она даетъ Фаусту знакъ подойти).

Фаустъ (Мефистофелю).

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе,

Что за безумныя движенія!

Все надувательство одно, —

Оно противно мнѣ давно.

Мефистофель.

Эхъ, вздоръ! — Все на смѣхъ лишь отъ скуки;

Не будь такъ неумѣсто строго!

Какъ врачъ она выкидываетъ шутки,

Чтобъ сокъ тебя оправить могъ.

(Онъ принуждаетъ Фауста вступить въ кругъ).

Вѣдьма (съ большимъ одушевленіемъ читаетъ по книгѣ).

Зачѣмъ чудесить!

Одинъ будь десять,

Какъ два уйдетъ,

Въ трехъ будетъ четъ.

Считай, не бойся!

Четыре брось!

А пять и шесть

Велятъ зачесть

За семь, да восемь,

Хоть вѣдьму спросимъ!

А девять, десять

Забрось сперва.

Вотъ это вѣдьмамъ дважды два!

Фаустъ.

Старуха бредитъ знанъ въ припадкѣ.

Мефистофель.

О, это лишь одинъ начатки;

Вся книга такъ извѣстна мнѣ.

Я изучалъ ее: успѣхъ чрезвычайный!

Противорѣчіе исполнѣ

И умнымъ и глупцамъ на вѣкъ пребудетъ тайной.

Любезный другъ, тутъ все искусство въ томъ,

Чтобъ, какъ велось и вдревлѣ безъ сомнѣнья,

Однимъ ли въ трехъ, тремя-ль въ одномъ,

За правду выдать заблужденіе.

И вотъ пойдетъ болтать пустая голова. —

Съ глупцами споръ плохой; ихъ племя такъ сердито.

А человѣкъ привыкъ, услышавши слова,

Предполагать, что тутъ и мысль должна быть скрыта.

Вѣдьма (продолжаетъ).

Хоть знанья власть

Намъ не подъ масть,

Себя напрасно мучишь!

Но думать брось —

И принесть,
Все без труда получишь.

Фаустъ.

Какой она тамъ мелеть вздоръ!
Въ мозгу трещать ужъ начинаетъ.
Мнѣ кажется, что цѣлый хоръ
Ста тысячъ дураковъ болтаетъ.

Мефистофель.

Довольно, дивная Сивилла!
Неси, коль соку нацѣдила,
Налей намъ чашу по край!
Пріятелю твой сокъ не причинить худаго:
Онъ мужъ достоинства большаго,
И самъ не прочь быть отъ питья.

(Вѣдьма съ большими церемоніями нали-
ваетъ соку въ чашу; когда Фаустъ ее подно-
ситъ къ устамъ, появляется небольшой огонь).

Мефистофель.

Пей! пей! все дѣтскія мечты!
Сейчасъ въ радости на сердце устремится.
Сошелся съ чортомъ ты на-ты,
И станешь пламени бояться!
(Вѣдьма разрѣшаетъ кругъ, Фаустъ выходитъ).

Мефистофель.

Теперь и вонъ! Тебѣ нельзя стоять.

Вѣдьма.

Мой сокъ во здравіе; господъ я не обижу!

Мефистофель (Вѣдьмѣ).

Ты если вздумаешь за трудъ свой получить, —
Такъ на Вальпургіи увижу.

Вѣдьма.

Вотъ пѣсенка! Споете въ часъ иной,
Она подѣйствуетъ незримо.

Мефистофель (Фаусту).

Ну, поскорѣй иди за мной;
Тебѣ вспотѣть необходимо,
Чтобъ сила-то насквозь могла тебя пробрать.
Потомъ ужъ ты покой познаешь благородный,
Затѣмъ почувствуешь ты въ радости свободной,
Какъ станеть кундлонъ рождаться и скакать.

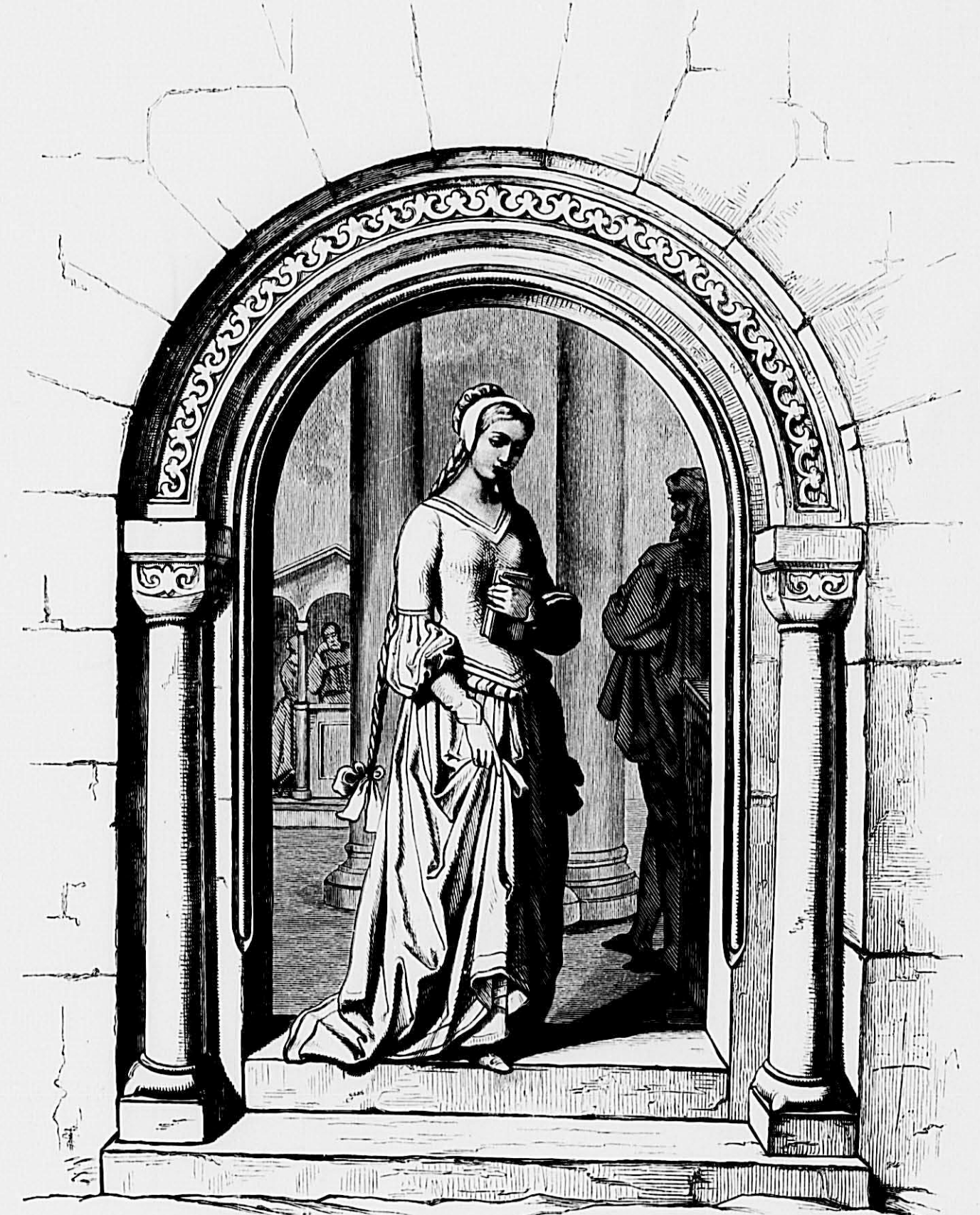
Фаустъ.

Но въ этомъ зеркалѣ какъ образъ тотъ оставлю!
Позволь взглянуть хоть подъ конецъ!

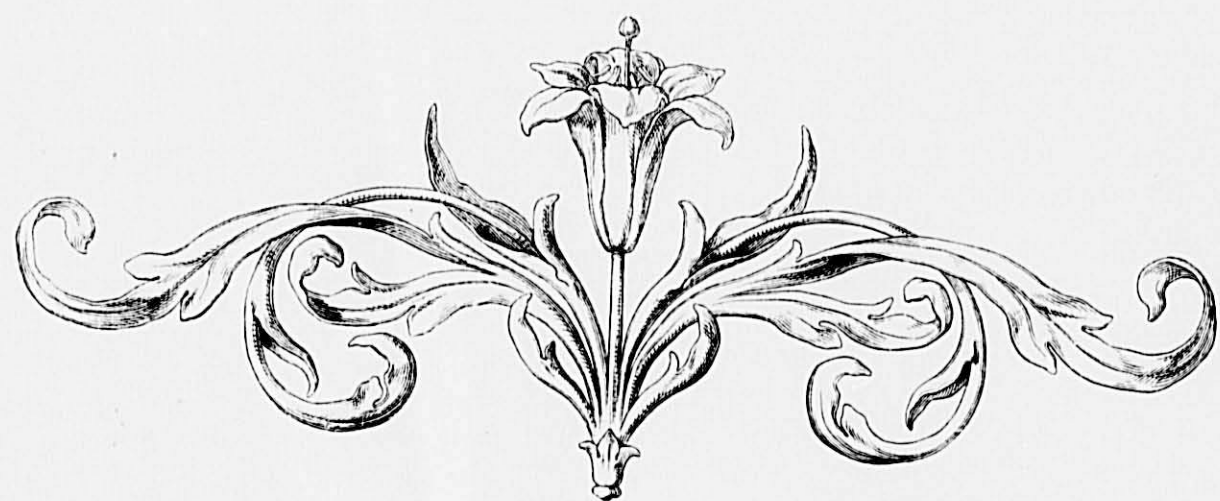
Мефистофель.

Нѣтъ, нѣтъ! я въ скорости доставлю
Тебѣ живьемъ всѣхъ женщинъ образецъ.
(Тихо).

Съ напиткомъ этимъ будешь съ жаждой
Елену видѣть въ бабѣ каждой.

У л и ц а.

Фаустъ.—Маргарита (проходить).

Фаустъ.

Прекрасной барышни почтенъ!
Дерзну-ль сопровождать? примите предложенъ.

Маргарита.

Не барышня и не прекрасна,
На провожатыхъ не согласна. (Уходитъ).

Фаустъ.

Клянусь, прелестное дитя!
Не выдывать подобной я;
Благочестива и кротка,
А также нѣсколько рѣзка.
Подобныхъ усть, подобного лица —
Я въ жизни не забуду до конца!
Какъ опускала рѣсницы она,
Проникло въ сердце мнѣ до дна;

А какъ меня она отбрила,
Такъ восхищеніе какъ мило!

Мефистофель (является).

Фаустъ.

Слышь, ты достань мнѣ эту вотъ!

Мефистофель.

Которую?

Фаустъ.

Что шла тутъ, — безъ сомнѣнья.

Мефистофель.

Нѣтъ, эта отъ попа идетъ,
Онъ отпустилъ ей прегрѣшенъ;
Прильнулъ я къ креслу на мгновенье, —
Нельзя невиннѣй быть, скромнѣй, —
И каяться-то не въ чемъ ей. —
Моя тутъ сила не возьметъ!

Фаустъ.

Пятнадцатый ей вѣрно годъ.

Мефистофель.

Ты говоришь то какъ ходокъ,
Которому что ни цѣтокъ —
То подавай; хоть благодать,
Хоть честь, — онъ все готовъ срывать.
Я радъ бы, — только не готовъ.

Фаустъ.

Ну, ты профессоръ дураковъ,
Оставь законы всѣ пустые!
Пойми — и часу не просрочъ:
Коль ты не въ силахъ мнѣ помочь
Ее обнять сегодня въ ночь, —
Съ тобою въ полночь мы чужіе.

Мефистофель.

Подумай, какъ чего желать!
Я двѣ недѣли долженъ ждать,
Чтобъ случай вызвать понемножку.

Фаустъ.

Когда-бъ на полдня я остылъ,
Я-бъ даже чорта не спросилъ,
Чтобъ соблазнить такую крошку.

Мефистофель.

Послушать, точно ты французъ;
Но я тебя прошу не обижаться;

Что пользы прямо наслаждаться?
Совсѣмъ другой выходитъ вкусъ,
Когда, задавши кругъ большой,
Ты финтифлюшекъ минурой
Подводишь куколку къ развязкѣ;
Какъ говоритса часто въ сказкѣ.

Фаустъ.

Къ чему? Я голоденъ и такъ.

Мефистофель.

Безъ раздраженій и безъ вракъ!
Но знай, прекрасное дитя
Не думай ты увлечь шута.
Ломить тутъ силой не годится;
А надо въ хитрости пуститься.

Фаустъ.

Достань мнѣ что-нибудь отъ ней!
Своди къ ней въ комнату скорѣй!
Достань съ груди ея платокъ,
Подвязку съ этихъ милыхъ ногъ!

Мефистофель.

Тебя готовъ я убѣдить,
Что радъ тоскѣ твоей служить.
Минутки мы одной не потеряемъ,
Еще сегодня къ ней мы въ комнату слетаемъ.

Фаустъ.

Поважень мнѣ ее? отдашь?

Мефистофель.

Ну вот!

Она къ сосѣдкѣ въ домъ пойдетъ.

Тѣмъ временемъ ты безъ хлопотъ,

Питайся чудною химерой,

Дыши отрадной атмосферой.

Фаустъ.

Не отпрапляться ли?

Мефистофель.

Обожди.

Фаустъ.

Ты мнѣ подарокъ ей найди.

(Уходитъ).

Мефистофель.

Сейчасъ дарить? что-жь! такъ успѣхъ возможенъ!

Давно мѣстами я богатъ,

Гдѣ не одинъ запрятанъ кладъ,

Взгляну какой куда положенъ.

(Уходитъ).

Вечеръ.

Небольшая, чистая комната.

Маргарита (плететъ и закладываетъ косы).

Желала бы я знать, кто былъ

Тотъ господинъ, что нынче подходилъ!

Такой хорошій право онъ,

И въ знатномъ домѣ онъ рожденъ;

Я это тотчасъ разглядѣла —

Не подошелъ бы онъ такъ смѣло.

(Уходитъ).

Мефистофель и Фаустъ.

Мефистофель.

Входи! Тихонечко входи!

Фаустъ (послѣ нѣкотораго молчанія).

Прощу, ты самъ-то отойди!

Мефистофель (осматривался).

Вотъ чистота гдѣ, — погляди.

Фаустъ (осматривался кругомъ).

Привѣтъ тебѣ, отрадный полусвѣтъ,

Въ моемъ свитилницѣ разлитый.

Встрѣчай меня живой любви привѣтъ!

Росой надежды сердце обнови ты.

Здѣсь тишина повсюду разлита,

Порядокъ, чувства совершенство!

Здѣсь въ этой бѣдности какая полнота!

Въ такой тюрьмѣ — и сколько тутъ блаженства!

(Бросается на кожаное кресло у постели).

Прими меня! какъ многихъ ты съ пеленъ

Взлелѣло въ веселыи и въ печали!

Ахъ, вѣрно ужъ не разъ отцовскій этотъ тропъ

Толпы дѣтей веселыхъ окружали!

У дѣда можетъ быть за дѣтскій даръ Христа

И милая моя здѣсь руку цѣловала,

Съ румянцемъ на щекахъ, покорна и чиста.

Я чувствую, о, дѣвушка! твой духъ

Порядка, тишины здѣсь вѣсть надо мною,

Онъ каждый день твой поучаетъ слухъ,

Столь чистой скатертью покрыть, а тамъ вокругъ

Песочкомъ раскидать хрустящимъ подъ ногою.

О, руки милыя! подъ ваннимъ обаяньемъ

Небеснымъ хижина наполнена сѣнцемъ.

(Открываетъ занавѣсъ ея постели).

А здѣсь! Блаженства дрожь меня взяла!

Здѣсь радъ сидѣть я цѣлыми часами.

Природа! здѣсь ты золотыми снами

Взлелѣять ангела могла.

Дитя лежало здѣсь; въ груди его дышала

Вся нѣжность жизни молодой,

Здѣсь постоянно возникало —

Все, что явилось красотой!

А ты! что привело тебя?

Какъ глубоко я тронуть, слышу я!

Зачѣмъ ты здѣсь? что давить грудь твою?

Несчастный Фаустъ! Тебя не узнаю.

Волшебные-ли здѣсь витають сны?

Рвался я прямо насладиться,

И вотъ пришлось въ любовномъ снѣ разниться!

Пль мы среды игрушкой быть должны?

А еслибъ вдругъ ее я повстрѣчалъ,

О, какъ бы самъ я ужаснулся!

Большой болванъ какъ сталъ бы малъ!

У ногъ ея бы растинулся.

Мефистофель.

Скорѣй! она идетъ, я вижу.

Фаустъ.

Вонъ! вонъ! я не вернусь назадъ!

Мефистофель.

Вотъ ящикъ: онъ тяжеловѣтъ,
Кого другаго ужъ обижу.
Ты въ шкафъ поставь его скорѣй;
Клянусь, она не извидитъ свѣта;
Я тамъ накласть такихъ вещей,
Что отъ другой бы ждать привѣта.
А дѣти — дѣти, и игра — игра.

Фаустъ.

Рѣшиться-ль мнѣ?

Мефистофель.

Вотъ спрашивать пора!

Ты драгоценности припрятать хочешь что-ли?

Такъ сладострастіе твое

Пусть время сбережетъ свое

И мучиться меня не заставляетъ болѣ.

Не скупостью же ты, конечно, зараженъ?

Я въ головѣ чену и руки зазудило —

(Ставить ящикъ въ шкафъ и запираетъ замокъ).

Скорѣе вонъ!

Чтобъ только твой любовный сонъ

Прекрасное дитя осуществило;

А ты глядишь,

Какъ будто ты на каедрѣ стоишь,

Какъ будто предъ тобой воочію тоска

И физика и метафизика!

Скорѣй!

(Уходить).

Маргарита (съ лампадой).

Какъ душно здѣсь, я задохнусь. (Открываетъ окна).

А на дворѣ совсѣмъ не зной.

Чего-то словно я боюсь! —

Хоть мать скорѣй бы шла домой.

Дрожитъ вся внутренность моя! —

Вотъ глупая трусиха я!

(Поетъ раздѣваясь).

Жилъ въ Оулѣ король, — до могилы

Онъ вѣренъ былъ душой;

Ему, умирая, вручила

Любовница кубокъ златой.

Не зналъ онъ дороже бокала;

Что пиръ, онъ его осушалъ;

Слеза на глаза проступала,

Когда изъ него онъ пивалъ.

Передъ своей кончиной

Онъ земли подѣлилъ,

Всѣ роздалъ до единой,

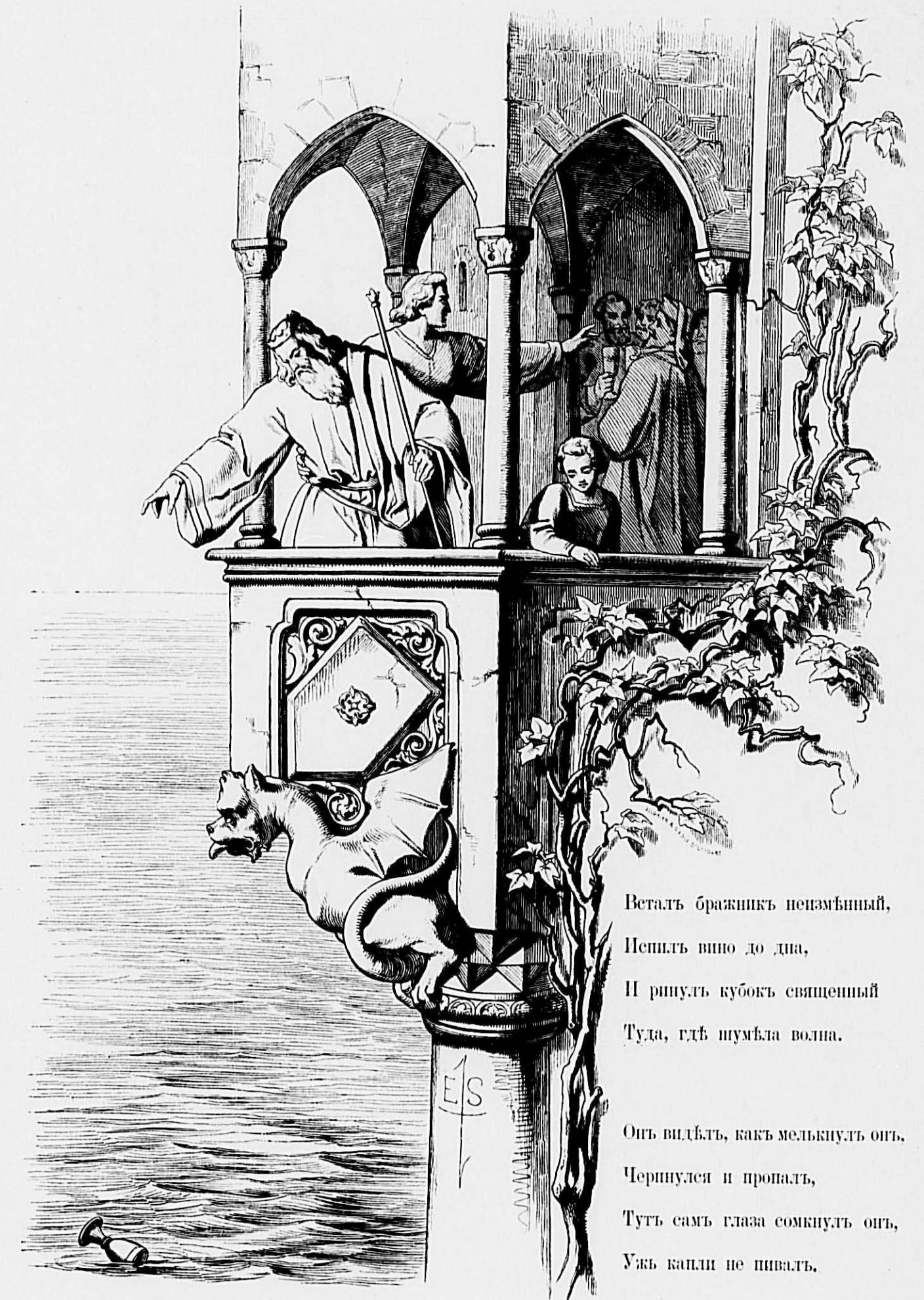
Но кубка не дарилъ.

Вотъ съ рыцарской семьею

Сидитъ онъ у стола,

Гдѣ замокъ надъ волною

Морской внесла скала.

Всталъ бражникъ неизмѣнный,
Испилъ вино до дна,
И ринулъ кубокъ священный
Туда, гдѣ шумѣла волна.

Онъ видѣлъ, какъ мелькнулъ онъ,
Чернулся и пропалъ,
Тутъ самъ глаза сомкнулъ онъ,
Ужъ капли не пивалъ.

(Раскрывает шкафъ, убрать платье и видѣть ящикъ).

Понасть сюда какъ ящикъ могъ?

Я затворила на-замокъ.

Какъ странно! можетъ быть въ залогъ

Огъ принесенъ — и мать могла

Деньгами подъ него ссудить.

На лентѣ ключикъ я нашла;

Попробую замокъ открыть.

Гляди! О, Господи! что это?

Уборъ, какого мнѣ не довелось видать:

Дворянка въ праздникъ въ немъ была бы разодѣта,

Вотъ хоть цѣпочку эту взять!

Могла-ли-бъ мнѣ она пристать?

Чьи это венцы дорогія?

(Надѣваетъ уборъ и становится передъ зеркаломъ).

Вотъ мнѣ серезки бы такія!

Не такъ на васъ сейчасъ глядѣть.

Хоть молода ты, хоть прекрасна,

Все превосходно, да напрасно; —

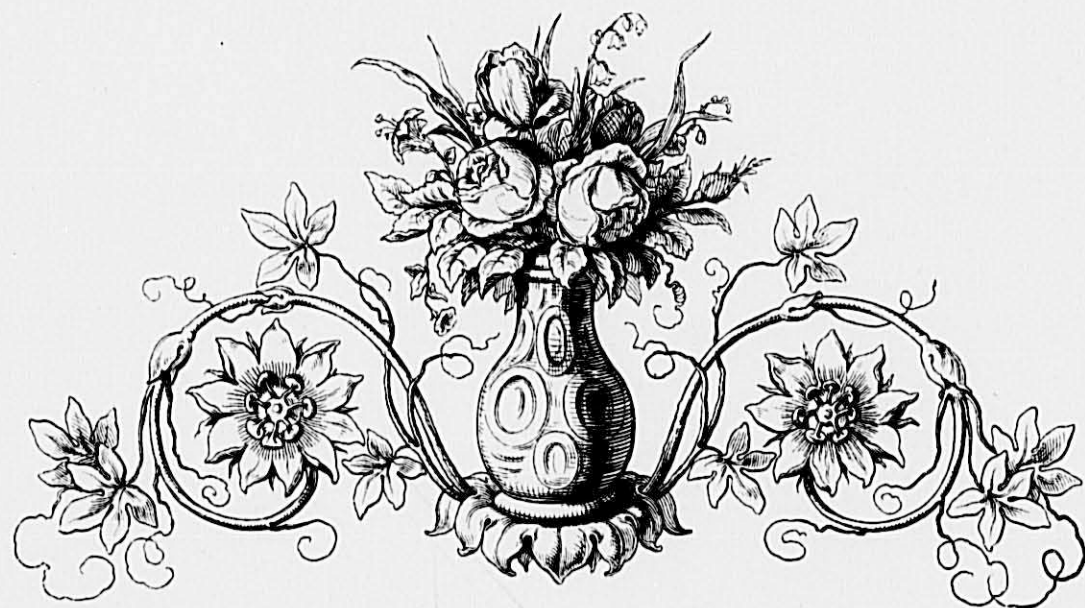
Вниманія не обратятъ.

Похвалятъ лишь съ участіемъ безслѣднымъ.

Къ богатству лнуть,

Богатства ждутъ

Все! Ахъ, и горе же намъ бѣднымъ!

Г у л я н ь е.

Фаустъ въ раздумьи ходитъ взадъ и впередъ. —
Подходитъ Мефистофель.

Мефистофель.

Клянусь отверженной любовью! пыломъ ада!

Знай хуже что, клялся-бъ и тѣмъ я! Вотъ досада!

Фаустъ.

Что такъ? и въ чемъ бѣда твоя?

Подобнаго лица и видѣть не случится!

Мефистофель.

Готовъ бы къ чорту провалиться,

Когда-бъ самъ чортомъ не былъ я!

Фаустъ.

Иль голова твоя сбиваться съ толку стала?

Тебѣ такъ буневать ужасно не пристало!

Мефистофель.

Подумай, тотъ уборъ, что Гретхенъ я принасъ,

Понъ подцѣпить съумѣлъ какъ разъ!

Мать эту штуку усмотрѣла,

И вмѣстѣ сомнѣнье возымѣла.

У этой бабы чуткій носъ,

Онъ на молитвенникѣ взросъ,

И чуетъ всюду, въ каждый слѣдъ,

Святая это вещь, иль нѣтъ.

Она уборъ какъ увидала,

Въ немъ благодати не смыкала.

Дитя! сказала, — грѣхъ и страхъ!

Неправое стяжанье прахъ.

Снесемъ Богородицѣ даръ неизвѣстный,

Она насъ порадуетъ манной небесной!

А Гретхенъ ротъ скривила свой,

Я чай, подумала, конь даровой,

И какъ безбожникомъ считать

Того, кто это могъ прислать!

Мать за попомъ послала скоро;

Тотъ понять все изъ разговора,
Взглянуть и говорить: разсудокъ
На путь вась истинный наведъ.
Кто побуждаетъ, — приобрести.
У церкви все варить желудокъ,
Она и страны пожираетъ,
А все же сытой не бываетъ;
Не вредно церкви, безъ сомнѣнья,
Неправое приобретенье.

Фаустъ.

Обычай общій; — онъ таковъ
У королей и у жидовъ.

Мефистофель.

Забралъ тутъ серьги и цѣпочки
Онъ какъ грибки поодиночкѣ,
И даже не благодарить,
Орѣховъ словно навалилъ,
Небесныя всѣмъ посулить награды,
Онъ сердечно были рады.

Фаустъ.

А Гретхенъ?

Мефистофель.

Стала тосковать,
Не знаетъ какъ, чего желать,
Уборъ ей голову вкружить,
А больше тотъ, кто приноситъ.

Фаустъ.

Мнѣ жаль бѣдняжечки моей.
Уборъ достань ты новый ей!
Да прежній плохъ быть, знаешь самъ.

Мефистофель.

Все шутки этимъ господамъ.

Фаустъ.

Ты постарайся, не лѣнись,
Къ ей сосѣдкѣ подкатись.
Ты, чортъ, не будь же размазней,
Достань ты мнѣ уборъ другой!

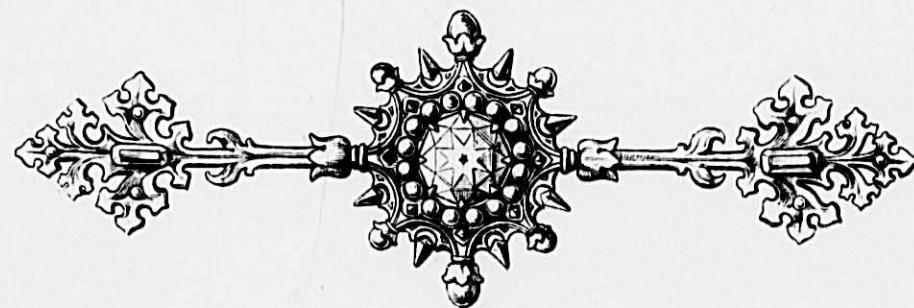
Мефистофель.

Да, сударь, вангъ слуга ослунаться не смѣетъ.

(Фаустъ уходитъ).

Какъ съ дуракомъ влюбленнымъ быть?
Онъ солнце и луну, и звѣзды всѣ разсѣетъ,
Чтобъ только милой угодить.

(Уходитъ).

Домъ Сосѣдки.

Марта (одна).

Мой муженекъ, чтобъ Богъ ему простить,
Со мною дурно поступилъ!
Ушелъ шататься, — тѣсно въ домѣ.
Вотъ и одна я на соломѣ,
А кажется, ему я не грубила
И, видѣть Богъ, какъ я его любила.

(Плачетъ).

Быть можетъ ужъ Господь успѣлъ его прибрать!
Гдѣ мнѣ свидѣтельство то взять!

Маргарита (входитъ).

Я, Марта, къ вамъ.

Марта.

Дружокъ, зачѣмъ?

Маргарита.

Я вся дрожу, чуть не упала!
Въ шкафу я ящикъ увидела
Такой, какъ былъ и передъ тѣмъ.
А вещи, — не было такихъ
И въ томъ — чудесныхъ, дорогихъ.

Марта.

Про нихъ ты матери ни слова!
Она попу отдастъ ихъ снова.

Маргарита.

Гляди! Ахъ! обрати вниманье!

Марта (напрягаетъ ее).

Ахъ, ты счастливое созданье!

Маргарита.

Жаль! что нельзя въ нихъ ни гулять,
Ни даже въ церкви ихъ казать.

Марта.

Ко мнѣ почаще урывайся,
Тихонько здѣсь, въ уборѣ этомъ всемъ,
Предъ зеркаломъ часочекъ прогулился,
Мы налюбуемся вдвоемъ.
А въ праздники ты станешь надѣвать
По малости, — и людямъ ихъ казать.
Сперва цѣпочку, серьги тамъ одни.
Мать не замѣтитъ; ей, пожалуй, что сболтни.

Маргарита.

Но кто два ящика принесъ-то?
Тутъ дѣло кажется не проста!
(Стучать).

Маргарита.

О, Боже! Ну, какъ мать идетъ! — я вся дрожу.

Марта (смотря за запавшею дверю).

Чужой тамъ господишь. — Войдите!

Мефистофель (входя).

Я прошу

Прощенья напередъ у дамъ,
Что прямо такъ вхожу я самъ.

(Почтительно отступаетъ передъ Маргаритой).

О Мартъ Швертлейнъ я спросить два слова!

Марта.

Я самая. Я отвѣчать готова!

Мефистофель (тихо ей).

Теперь я знаю васъ, — и впредь я очень радъ;
Но гости знатные у васъ сидятъ.
Простите, что вошелъ безъ зова,
Но въ полдень къ вамъ явлюсь я снова.

Марта (громко).

Дитя! Вотъ чудеса пошли!
Тебя за барыню сочли.

Маргарита.

Бѣдняжка я, и господину
Дала къ любезности причину.
А весь чужой на мнѣ уборъ. —

Мефистофель.

Не онъ одинъ, а вашъ и взоръ
Блестаетъ благородной волей;
Я радъ, что остаюсь тутъ долѣ!

Марта.

Съ чѣмъ вы пришли? Хочу скорѣй...

Мефистофель.

Желать бы лучшихъ я вѣстей!
И не хотѣлъ бы вызвать стонъ.
Мужъ умеръ вашъ и шлетъ поклоновъ.

Марта.

Онъ умеръ? милый другъ! Ахти!
Онъ умеръ, ахъ, не въ силахъ я снести!

Маргарита.

Въ отчаянье не приходите!

Мефистофель.

Печальной повѣсти внимайте!

Маргарита.

Я подобыть весь вѣкъ свой не желаю,
Утраты я не вынесу, — я знаю.

Мефистофель.

Грусть въ радости, а радость въ грусти вѣчно.

Марта.

Скажите же, какъ умеръ онъ?

Мефистофель.

Онъ у Антонія, сердечный,
Тамъ въ Падуѣ похороненъ,
На благодатиѣшемъ погостѣ
Свой онъ успокоить кости.

Марта.

А мнѣ вы ничего затѣмъ не сообщите?

Мефистофель.

Большую просьбу приношу:
Вы триста панихидъ по мертвомъ закажите!
Во всемъ другомъ не возмекивать прошу.

Марта.

Какъ! бездѣлушки даже никакой?
Какую въ сумочкѣ рабочій припасетъ,

Да въ память принесть,

Скорѣй попросить подавня! —

Мефистофель.

Мадамъ, скорбно я самъ душой;
Но все-жъ на вѣтеръ онъ не бросилъ достойна.
Онъ о своихъ проступкахъ сознаѣлъ,
И очень о своемъ несчастіи скорбѣлъ.

Маргарита.

Какъ трудно людямъ жить и гибнуть безъ пути!
За упокой его послѣдній грошъ отдамъ ужъ.

Мефистофель.

Достойны вы сейчасъ же выйти замужъ:
Такое вы прелестное дитя.

Маргарита.

Ахъ, нѣтъ, чередъ не вышелъ мой.

Мефистофель.

Коли не мужъ, такъ кавалеръ любой.
Какое райское блаженство,
Обнять такое совершенство.

Маргарита.

Не принять здѣсь подобный обиходъ.

Мефистофель.

Ну, принять или нѣтъ! а все одинъ исходъ.

Марта.

Да расскажите мнѣ!

Мефистофель.

И въ часъ его кончины
Быть у его одра; то быть навозъ одинъ,
Но умирать онъ, какъ христіанинъ,
А за собой еще онъ находилъ причины.
Какъ долженъ, онъ твердилъ, себя я ненавиждѣть,
Что могъ такъ долгъ пограть и такъ жену обидѣть!
Ахъ, тяжело! онъ продолжалъ, стени,
Хотя-бъ простить меня она въ дунѣ рѣшила!

Марта (плачетъ).

Мой бѣдный мужъ! ужъ я давно ему простила.

Мефистофель.

Но видитъ Богъ! она виновнѣ меня.

Марта.

Онъ лжетъ! какъ! лгать передъ кончиной этапъ!

Мефистофель.

Онъ вѣрно бредилъ подъ послѣдокъ,
Коль я могу судить о чемъ.
Мнѣ, говорилъ онъ, жить досталось не зѣвая,
Сперва дѣтей, потомъ ей хлѣба добывая,
И хлѣба въ смыслѣ не прямомъ,
А я не могъ куска-то съѣсть покойно.

Марта.

Всю нѣжность, всю любовь забыть такъ недостойно,
Все надрыпанье день и ночь!

Мефистофель.

Нѣтъ, было позабытъ о нихъ ему не въ мочь.
Онъ говорилъ: когда изъ Мальты я
Отплылъ, я за жену и за дѣтей молился,
И до небесъ дошла молитва, знать, моя,
Въ плѣну у насъ корабль турецкій очутился,
Который везъ казну великому султану. —
Тутъ было роздано возмездье храбрецамъ.
И получилъ, скрываться въ томъ не стану,
Часть приходящую самъ.

Марта.

Ахъ что? Ахъ гдѣ? Ее онъ не зарылъ ли?

Мефистофель.

Не знаю подлинно; онъ денегъ не спустилъ-ли?
Въ Неаполѣ съ нимъ барышня сошлась,
Когда уже въ трудахъ не изнуриятъ онъ силы;
Она его любить такъ вѣрно принялась,
Что это чувствовать онъ даже до могилы.

Марта.

Ахъ, онъ подлецъ! Дѣтей грабитель!
Бѣда, нужда со всѣхъ сторонъ,
А онъ такой же расточитель!

Мефистофель.

Вы видите, за то и умеръ онъ.
Когда-бъ я сталъ на мѣсто ваше,
Хоть горевалъ бы годъ, другой,
Межъ тѣмъ дружка высматривать бы краше.

Марта.

О, Боже! Все жъ каковъ былъ первый мой,
Едва-ль другой отыщется на свѣтѣ!
Подобный дурачекъ найдется-ль среди живыхъ.
Онъ только странствія любить всѣ эти,
Вино чужое, женъ чужихъ
И эти проклятыя кости.

Мефистофель.

Ну, можно было и терпѣть,
Когда и онъ безъ всякой злости
Могъ и на вашу жизнь смотрѣть.
Клянусь, съ такимъ условьемъ самъ
Кольцо въ обмѣнъ я-бъ отдалъ вамъ!

Марта.

Вы только шутите изъ лести!

Мефистофель (про себя).

Нѣтъ, отъ нея пора бѣжать!

Готова чорта на словъ поймать.

(Обращаясь къ Гретхенъ).

А ваше сердце все на мѣстѣ?

Гретхенъ.

Какъ мнѣ васъ понимать?

Мефистофель (про себя).

Невинное дитя! .

(Громко).

Прощайте, барыни!

Маргарита.

Прощайте!

Марта.

Не шутя!

Свидѣтельство-то мнѣ, премного-бъ одолжили,

Какъ, гдѣ, когда дружка вы схоронили.

Порядокъ вѣкъ блюди во всѣхъ предметахъ.

Про смерть его прочесть желала бы въ газетахъ.

Мефистофель.

Двухъ очевидцевъ можетъ быть

Довольно, дѣло подтвердить.

Товарищъ у меня приличный, —

Онъ явится на ставкѣ личной.

Мы съ нимъ придемъ.

Марта.

Прошу я васъ!

Мефистофель.

А вотъ и дѣвушка какъ разъ!

Онъ ловкій малый! Просвѣщенъ,

Любезенъ съ барышнями онъ.

Маргарита.

Сгорю я со стыда предъ этимъ господиномъ.

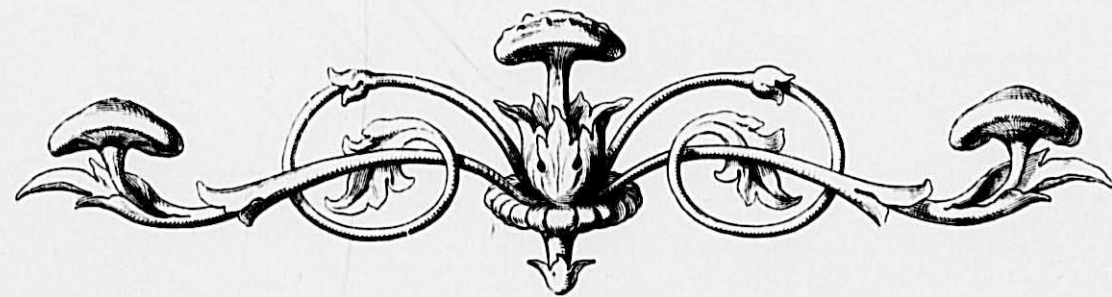
Мефистофель.

Да ни передъ царемъ однимъ.

Марта.

Вотъ тамъ въ моемъ саду, за этимъ домомъ,

Сегодня вечеркомъ мы ждемъ васъ со знакомымъ.

Улица.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Ну что? каковъ успѣхъ? Дождусь ли я?

Мефистофель.

А, bravo! Весь горнишь какъ жаръ ты?

И Гретхенъ въ скорости твоя.

Съ ней вечеромъ увидишься у Марты.

Вотъ женщина; ужь рождена

Цыганкой, сводней быть она!

Фаустъ.

Чудесно!

Мефистофель.

Но и къ намъ есть просьба, милый мой.

Фаустъ.

Услуга требуетъ другой.

Мефистофель.

Мы показать должны, въ томъ только вся услуга,

Что прахъ ея покойнаго супруга

Былъ въ Падуѣ похороненъ.

Фаустъ.

Умно! И долженъ путь туда свершить сперва я!

Мефистофель.

Sancta simplicitas! — Тутъ выходъ не мудренъ;

Ты засвидѣтельствуй, не зная!

Фаустъ.

Другое выдумай! То выдумка плохая.

Мефистофель.

О, мужъ святой! Давно-ли освѣщенъ?

Какъ будто въ жизни ужь понынь

Ты лжеисвидѣтельство не давалъ! —

О Богѣ, о душѣ не самъ ли ты вѣнчалъ,

О мѣрѣ, доходи до всѣхъ его началъ,

Опредѣлений ты не ставилъ ли въ гордынѣ?

Да съ мѣднымъ лбомъ, съ отвагой огневой?

А загляни въ себя ты честно,

Вѣдь это все тебѣ не болѣе извѣстно

Кончины Швертлейна самой!

Фаустъ.

Ты все софистъ и вѣчный лжецъ.

Мефистофель.

Когда бы я не зналъ людскихъ сердецъ.

А завтра неравно случится,

У Гретхенъ станешь горячиться,

И бѣдненькой въ любви божиться!

Фаустъ.

И отъ души.

Мефистофель.

Отлично! Не снѣши!

Тутъ о любви и страсти вѣчной

И безграничной и сердечной —

И это тоже отъ души?

Фаустъ.

Оставь! Ну да! Когда горю я,

Когда весь пылъ, всю эту дрожь

Назвать и слова не сыщу я,

И въ цѣломъ мѣрѣ сердцемъ снова

Ищу достойнѣйшаго слова,

И этотъ пылъ съ стремленіемъ сердечнымъ

Я называю вѣчнымъ, вѣчнымъ, —

Иль это дьявольская ложь?

Мефистофель.

А правъ-то я!

Фаустъ.

Послунай-ко! Оставь —

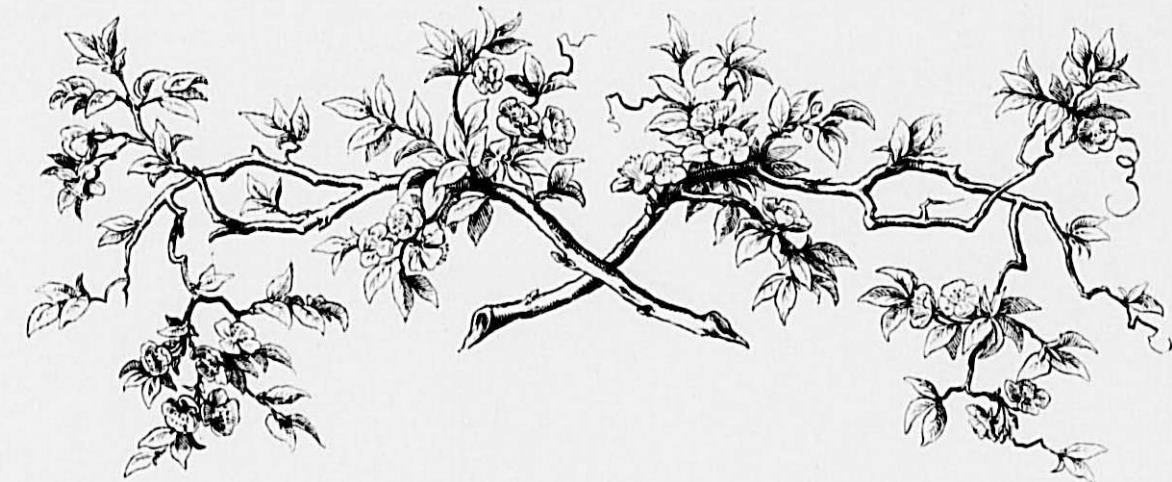
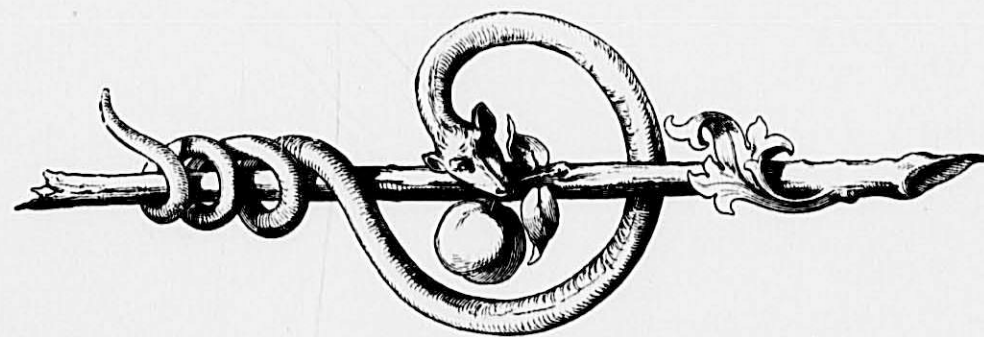
Пожалуйста, мои хоть легкія жалѣя: —

Кто хочетъ правымъ быть, лишь языкомъ владѣя,

Тотъ будетъ правъ.

Пойдемъ. — Наскучила мнѣ эта болтовня.

Ты правъ ужъ тѣмъ, — что нужно для меня.

С а д ъ.

Маргарита и Фаустъ подъ руку. — Марта и Мефистофель прогуливаются.

Маргарита.

Я чувствую все снисхожденіе въ васъ

Ко мнѣ, — и я стыдомъ сгораю небывалымъ.

Кто странствуетъ, привыкъ уже подъ часъ

Довольствоваться сплннкомъ малымъ;

И я увѣрена, мужъ опытный такой

Не можетъ занять быть моею болтовней.

Фаустъ.

Одинъ твой взглядъ и звукъ рѣчей

Дороже мудрости мнѣ всей.

(Цѣлуетъ ея руку).

Маргарита.

Не беспокойтесь! что вамъ за охота

И цѣловать! Она жестка, груба!

Не минеть этихъ рукъ и черная работа;

Мать на высканье не слаба.

(Проходятъ).

Марта.

А вы, сударь, вы вѣчно на пути?

Мефистофель.

Ахъ, ремесло и долгъ! Не въ нашей это волѣ!

Какъ тяжело порой изъ мѣстъ иныхъ уйти,

А все нельзя остаться долѣ!

Марта.

Въ порывистыхъ годахъ куда ни шло

Носиться по свѣту, испытывая силы,

Но вотъ лѣта приносятъ зло,

И такъ холостякомъ тащиться до могилы

Кого-либо къ добру едва-ли привело.

Мефистофель.

Предвижу это съ содроганьемъ!

Марта.

Размыслите о томъ за время со вниманьемъ.

(Проходятъ).

Маргарита.

Да, вонъ изъ глазъ, изъ сердца вонъ!
Вы съ вѣжливымъ сдружилесь обращеньемъ.
Не мнѣ чета; разумѣйшимъ сужденьемъ
Вашъ кругъ знакомства надѣленъ.

Фаустъ.

О, милая! Повѣрь, разумнымъ-то слыветь
Нерѣдко спѣсь одна, да близорукость.

Маргарита.

Да?

Фаустъ.

Ахъ, жаль, что въ простотѣ невинность никогда
Себя и всей цѣны своей не сознаеть!
Что скромность нѣжную смиренному разсудку
Готовы мы въ вину поставить и считать...

Маргарита.

Попомните меня единую минутку,
Достанетъ времени о васъ мнѣ вспоминать.

Фаустъ.

Вы все одни?

Маргарита.

Да, хлопоты всѣ дни,
Хоть необширные они.
У насъ служанки нѣтъ; вязать, мести, варить,
Шить надо мнѣ, бѣги туда, бѣги обратно,
А матери моей трудненько угодить, —
Такъ аккуратна!

Не то, чтобъ нужно ей стѣснять себя во всемъ,
Мы даже болѣе нѣмъ имѣемъ средства:
Отецъ такъ оставилъ намъ наслѣдство,
Есть домикъ за городомъ, садъ.
Теперь мои поразвизались руки:
Мой братъ солдатъ,
Сестричка умерла.
Съ ребенкомъ этимъ, что я горя приняла,
Но я бы съ радостью опять пошла на муки,
Будь живъ онъ.

Фаустъ.

Ангель быть, коль сходилъ быть съ тобой!

Маргарита.

Вскормила я его, — тянулся онъ за мной.
Ужъ послѣ онъ отца родился; —
И недугъ матери продлился,
Ужъ мы отчаялись сперва, —
И поднялась она едва-едва.
Тутъ думать нечего ей было,
Чтобъ крошечку сама она кормила.
Вотъ и вскормила я ее
Водой да молокомъ; сказать, — дитя мое.
И съ рукъ моихъ оно не шло,
Смѣялось, прыгало, росло.

Фаустъ.

Чистѣйшую изъ всѣхъ ты радость испытала.

Маргарита.

Но сколько я и горя принимала.
Малютки колыбель стояла близъ меня,
Въ ночное время, — чуть бывало пошевелиется —
Проснусь и я;
То надо напоить, то взять къ себѣ; неймется, —
Кричить, — тогда вставай, на мѣстѣ не сиди,
А съ нимъ по горнищъ взадъ и впередъ ходи,
А по утру опять къ корыту подходи:
На рынокъ, въ кухню будь готова,
Сегодня такъ и завтра снова.
Веселье не поидетъ на умъ тутъ, сударь мой;
За то какъ вкусенъ хлѣбъ и сладостень покой.
(Проходить).

Марта.

Задача бѣдныхъ женщинъ тяжела:
Холостика нельзя исправить.

Мефистофель.

А вѣдь любая-бъ, кажется, могла
На лучший путь меня направить.

Марта.

Еще ни съ кѣмъ вы такъ-то не встрѣчались?
И сердцемъ вы нигдѣ не прилѣплялись?

Мефистофель.

Пословица гласитъ намъ: свой очагъ,
Да добрая жена всѣхъ выше благи.

Марта.

Я говорю: такихъ вы мыслей не держали?

Мефистофель.

Меня вездѣ любезно принимали.

Марта.

Я спрашиваю: мысль питали-ль вы сердечно?

Мефистофель.

Кто съ женщиной шутить осмѣлится безопасно?

Марта.

Ахъ, вы не поняли!

Мефистофель.

Ужасно жалко мнѣ!

Но понять только я, что вы добры вполнѣ.

(Проходить).

Фаустъ.

Такъ ты, мой ангелокъ, сейчасъ сообразила,
Узнала ты меня, когда я въ садъ вошелъ.

Маргарита.

Вы не замѣтили? Глаза я опустила.

Фаустъ.

И ты простила мнѣ, что подошелъ
Такъ дерзко я, хотя тогда ты волновалась,
Когда намеренъ ты изъ церкви возвращалась?

Маргарита.

Я смущена была, мнѣ это было ново;
Худаго про меня никто-бъ не могъ сказать.
Подумала я: онъ чего-нибудь дурнаго

Иль наглаго во мнѣ не могъ-ли увидать?
 Съ чего бы кажется и статся,
 Такъ прямо къ дѣвкѣ привязаться.
 И признаюсь, никакъ не знала я,
 Что въ пользу вашу здѣсь ужъ стало шевелиться;
 Но вѣрно то, я злилась на себя,
 Что я на васъ сильнѣй не въ силахъ злиться.

Фаустъ.

Душа!

Маргарита.

Позвольте!

(Она срываетъ астру и обрываетъ
лестки одинъ за другимъ).

Фаустъ.

Это что? Букетъ какой?

Маргарита.

Нѣтъ, такъ, забава.

Фаустъ.

Какъ?

Маргарита.

Не смѣйтесь надо мной.

(Она обрываетъ и шепчетъ).

Фаустъ.

Что шепчешь ты?

Маргарита (вполголоса).

Меня онъ любить, — нѣтъ —

Фаустъ.

О ты, очей отрадный свѣтъ!

Маргарита (продолжаетъ).

Онъ любить, — нѣтъ, онъ любить, — нѣтъ,

(Обрывая послѣдній лепестокъ, съ
нѣжной радостью).

Меня онъ любить!

Фаустъ.

Дитя мое! прими ты рѣчь цвѣтка

За приговоръ небесъ. Тебя онъ любить!

Поймешь ли ты слова? тебя онъ любить!

(Беретъ ее за обѣ руки).

Маргарита.

Я трепещу!

Фаустъ.

О, не дрожи! Пусть этотъ взоръ

И пусть руки моеи пожатье

Проговорить, чего сказать нѣтъ словъ:

Вполнѣ предаться, чувствуя блаженство,

Которое должно быть вѣчно!

Да, вѣчно! Вѣдь его конецъ бы быть

Отчаянье. — Нѣтъ, безъ конца! и вѣчно!

(Маргарита жметъ ему руки, вырывается
и убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣкоторое время въ
задумчивости, потомъ слѣдуетъ за ней).

Марта (входитъ).

Ужъ скоро ночь.

Мефистофель.

И мы уйдемъ сейчасъ.

Марта.

Я-бъ васъ просила дольше здѣсь остаться;

Да мѣсто-то прегнущное у насъ.

Здѣсь все, вотъ словно имъ и пчѣмъ заниматься,

И дѣла точно нѣтъ другого,

Какъ у сосѣда все высматривать любаго.

А тутъ пойдутъ судить, не избѣжишь рѣчей.

А наша парочка?

Мефистофель.

Порхнула въ липникъ тотъ.

Вотъ птички веселія!

Марта.

Онъ кажется къ ней льнуть.

Мефистофель.

Она къ нему. Таковъ законъ вещей!

Бесѣдка.

Маргарита (вбѣгаетъ, причется за дверь, прикладываетъ палецъ къ губамъ и смотритъ въ щель двери).

Идетъ!

Фаустъ (входитъ).

Плутовка, какъ, смѣяться надо мной?

Постой же! (Цѣлуетъ ее).

Маргарита (обнимая его, возвращаетъ поцѣлуй).

Другъ! тебя люблю я всей душой!

Мефистофель (стучится).

Фаустъ (тоннувъ ногой).

Кто тамъ?

Мефистофель.

Пріятель!

Фаустъ.

Звѣрь!

Мефистофель.

Разсѣяться не пора-ль?

Марта (входитъ).

Ужъ поздно, сударь.

Фаустъ.

Мнѣ васъ провожать нельзя-ль?

Маргарита.

Мать стала бы меня... прощайте!

Фаустъ.

Такъ не ждать!

Прощайте!

Марта.

Добрый путь!

Маргарита.

Увидимся опять!

(Фаустъ и Мефистофель уходятъ).

Маргарита.

О, Господи! чего, чего

Не передумалъ онъ всего!

А я въ смущеніи гляжу

И ко всему лишь *да* твержу.

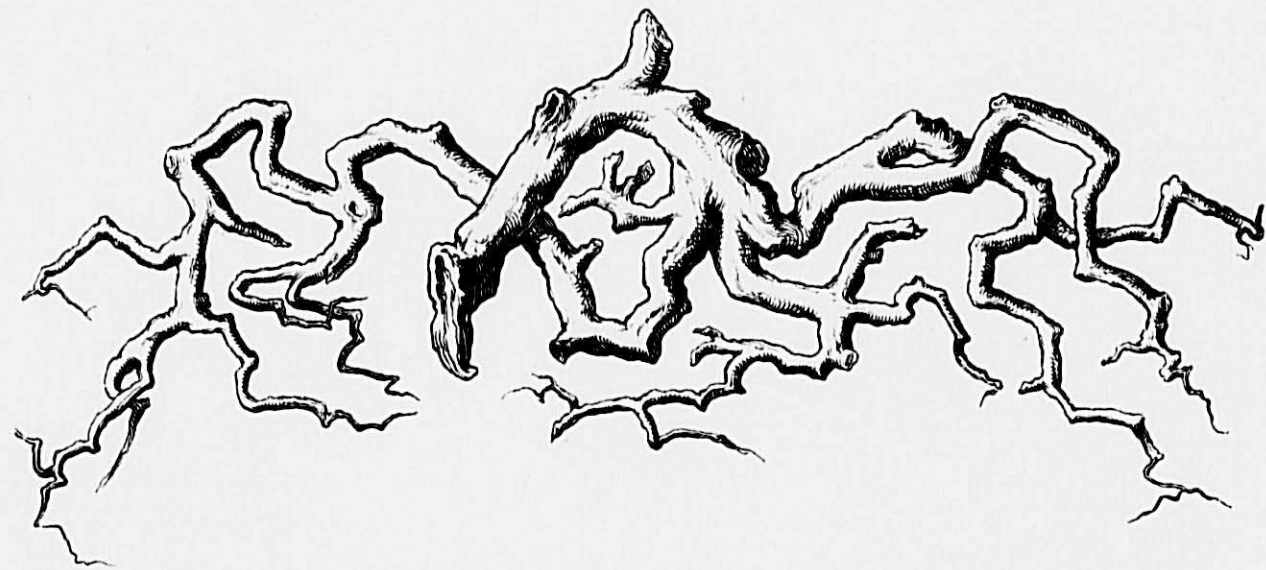
Заговорить — я какъ во снѣ,

И что онъ могъ найти во мнѣ?

(Уходитъ).

Лѣсъ и пещера.

Фаустъ (одинъ).

Высокій духъ, ты все послалъ мнѣ, все,
О чемъ просить я. Не воще свой ликъ
Ты обратилъ во пламени ко мнѣ.
Отдавъ мнѣ въ царство чудную природу,
Ты дать мнѣ силъ цѣлнть ее, вкушать.
Къ ней разрѣшилъ не доступъ лишь холодный,
А даровалъ взглянуть ей прямо въ грудь,
Какъ будто въ грудь прнѣтливую друга.
Ты рядъ живыхъ проводншь предо мной
И научаешь братьевъ узнавать
На воздухѣ, въ водѣ и въ тихой рошѣ.
Когда же буря по лѣсу гудеть
И исполннть сосна треща валится,
Сосѣднѣ ломя стволы и сучья,
И грянетъ холмъ отъ тяжкаго паденья,
Тогда ты мнѣ въ пещерѣ безопасной
Указываешь самого себя,

И грудь моя свои мнѣ кажетъ тайны.
Когда же чистая луна засвѣтитъ
Успокоительно, ко мнѣ слетаютъ
Съ отвѣсныхъ скалъ и изъ кустовъ росистыхъ
Минувшаго серебряныя тѣни,
Жаръ созерцанья строгнй укротнть.

О, я познать теперь, что человѣку
Не вѣдать совершенства. Къ наслажденью,
Ведущему меня къ богамъ все ближе,
Ты прнбншилъ мнѣ спутника, съ которымъ
Ужъ я разстаться не могу, хотъ онъ
Въ моихъ глазахъ меня же унижаетъ,
Какъ все твои дары, единымъ словомъ.
Въ моей груди онъ буднть пламень днкнй,
Чтобъ днвную ту омрачнть картину.
Такъ восхотн, нцу я наслажденнй,
И въ наслажденьн жажду восхотѣть.

Мефистофель (входитъ).

Вести такую жизнь не надобно знать?
Какъ на одной стоять затѣѣ?
Прекрасно это все однажды испытать;
А тамъ чего бы поновѣ!

Фаустъ.

Знать дѣлать нечего, коль въ чудный день такой
Тебѣ терзать меня досужно.

Мефистофель.

Ну, ну! Мнѣ дорогъ твой покой;
И повторять о томъ не нужно.
Въ тебѣ, съ причудами твоими, да съ душкомъ
Всегда запоечнымъ — немного потеряешь.
Тутъ полны руки дѣлать въ любое время днемъ!
Что правится ему и негода въ чемъ,
Ужъ по пошу у васъ никакъ не угадаешь.

Фаустъ.

Такъ вотъ дѣла куда пошли!
Благодари я даже за докучу.

Мефистофель.

Ну, какъ бы, бѣдный сынъ земли,
Ты жить, когда бъ не протянуть я руку?
Вѣдь дурь твоей растрепанной мечты
Прогнать-то я надолго постарался.
И если-бы не я, давно бы ты

Съ земнаго шара прогулялся.
Ну, что ты здѣсь въ пещерахъ подъ скалой,
Въ разсѣлинахъ сидншь сова совой?
По мхамъ да влажнымъ камнямъ, только знаешь
Какъ жаба пищи набираешь?
Занятъе чудное и видѣ!
Въ тебѣ все докторъ знать сиднть.

Фаустъ.

Поймешь ли ты, какимъ приливомъ силъ
Пустынный этотъ видъ мнѣ душу оживилъ?
Но еслибъ понялъ ты хотъ частью,
Какъ истый чортъ, ты помѣнать бы счастнью.

Мефистофель.

Сверхчувственно — могу сказать!
Въ росѣ, въ горахъ, да по ночамъ шагать,
И съ небомъ и съ землею обниматься,
До божества пытаешь раздуться,
И въ глубъ земли стремнться путь найти,
Шестъ дней творенья все вмѣнать въ груди,
Вкушать въ гордынѣ не вѣсть что такое?
Въ блаженствѣ утопать, все позабывъ земное
И сына праха заглушнвъ;
И вдохновенн приливъ

(Дѣлаетъ движенне).

Закончнть чѣмъ?

Оставлю ужъ въ покоѣ.

Фаустъ.

Фи! гадость!

Мефистофель.

Видишь ли, тебѣ не правлюсь я.

Фи! въ правѣ говорить ты, правдивность блюди,

И уши чистыя то пропускаютъ мимо,

Что чистымъ вѣмъ сердцамъ вполнѣ необходимо.

Ну, словомъ, я твоей предоставляю волю,

Налгать при случаѣ себѣ какъ можно болѣ;

Но долго-ль будетъ такъ съ тобой.

Въ тебѣ ужъ что-то шевелится,

Дай срокъ, оно и разразится

Безумствомъ, страхомъ или тоской,

Оставимъ это! — Твой дружочекъ милый

Сидитъ теперь печална и грустна;

Къ тебѣ она стремится всею силой,

Въ тебя она до страсти влюблена.

Любовнымъ бѣшенствомъ сначала забурлилъ ты,

Какъ въ таяны снѣговъ бушующій ручей;

Волненіе свое ей въ сердце перелилъ ты,

Теперь ручейчикъ твой смирился.

Мнѣ кажется, чѣмъ по лѣсамъ скитаться,

Великій мужъ бы, не шутя,

Могъ это бѣдное дитя

Вознаградить за нѣжность постараться.

Тоска ее ужасная беретъ;

То станеть у окна да все глядитъ, какъ тучи

То тинутся, то наплывають въ кучи.

«Когда бъ была я птичкой!» запоеть.

Такъ цѣлый день, гляди, и ночь пройдетъ,

То весела, не то грустна,

То вдругъ слезами вся залетѣетъ,

Потомъ какъ будто и уймется,

И все влюблена.

Фаустъ.

Змѣя! змѣя!

Мефистофель (про себя).

Ага! тебя поймалъ же я! —

Фаустъ.

Проклятый! къ дѣлу и не къ дѣлу,

Прекрасной женщины не поминай!

И похоти во мнѣ не возбуждай

Къ ей ты сладостному тѣлу!

Мефистофель.

Чтожь это будетъ? Ты въ ее глазахъ,

Теперь бѣжалъ. Вѣдь это просто страхъ.

Фаустъ.

Я близокъ къ ней, — вездѣ она моя,

И къ ней на вѣкъ мечты мои несутся;

Завидую Христову тѣлу я,

Когда ее уста его коснутся.

Мефистофель.

Отлично, другъ! и мнѣ завидно часто было

Двоешекъ наблюдать, что розами прикрыло.

Фаустъ.

Прочь, сводникъ!

Мефистофель.

Ты меня бранишь, а мнѣ забавно.

Богъ, что дѣвицъ и парней создавать,

Въ томъ силу главную призналъ,

Чтобъ случай подвести исправно.

Пойдемъ! Подумаешь, вотъ горе!

Вѣдь ты у милой будешь векорѣ,

Не смерть, а счастье впереди.

Фаустъ.

Что мнѣ и рай ея дыханья?

Могу-ль забыть ея страданья

Я даже на ея груди?

Я развѣ не бѣглецъ? и не безумный?

Не выродокъ стѣпной, познавшій страсть,

Который какъ потокъ со скалъ несется шумный,

Чтобъ въ безднѣ сумрачной пропасть?

А въ сторонѣ она съ младенческой душою; —

На выступѣ скалы стоитъ ея домогъ,

Заботою домашнею одною

Наполнишь весь ея мірокъ. —

Богоотверженный, и мало

Того что захватилъ

И раздробилъ

Ея родныя скалы!

Я подъ ея покой рѣшился подконаться!

Подобной жертвой, адъ, ты можешь улажаться!

Ты, чортъ, разсѣй измученную душу!

Чему ужъ быть, пусть будетъ поскорѣй!

Пусть на себя судьбу ея обрушу,

Погибнуть чтобъ со мною и ей.

Мефистофель.

Опять кишишь ты и плаешь!

Ступай утѣшь ее, глупецъ!

Гдѣ въ бѣдной головѣ ты выходишь потеряешь,

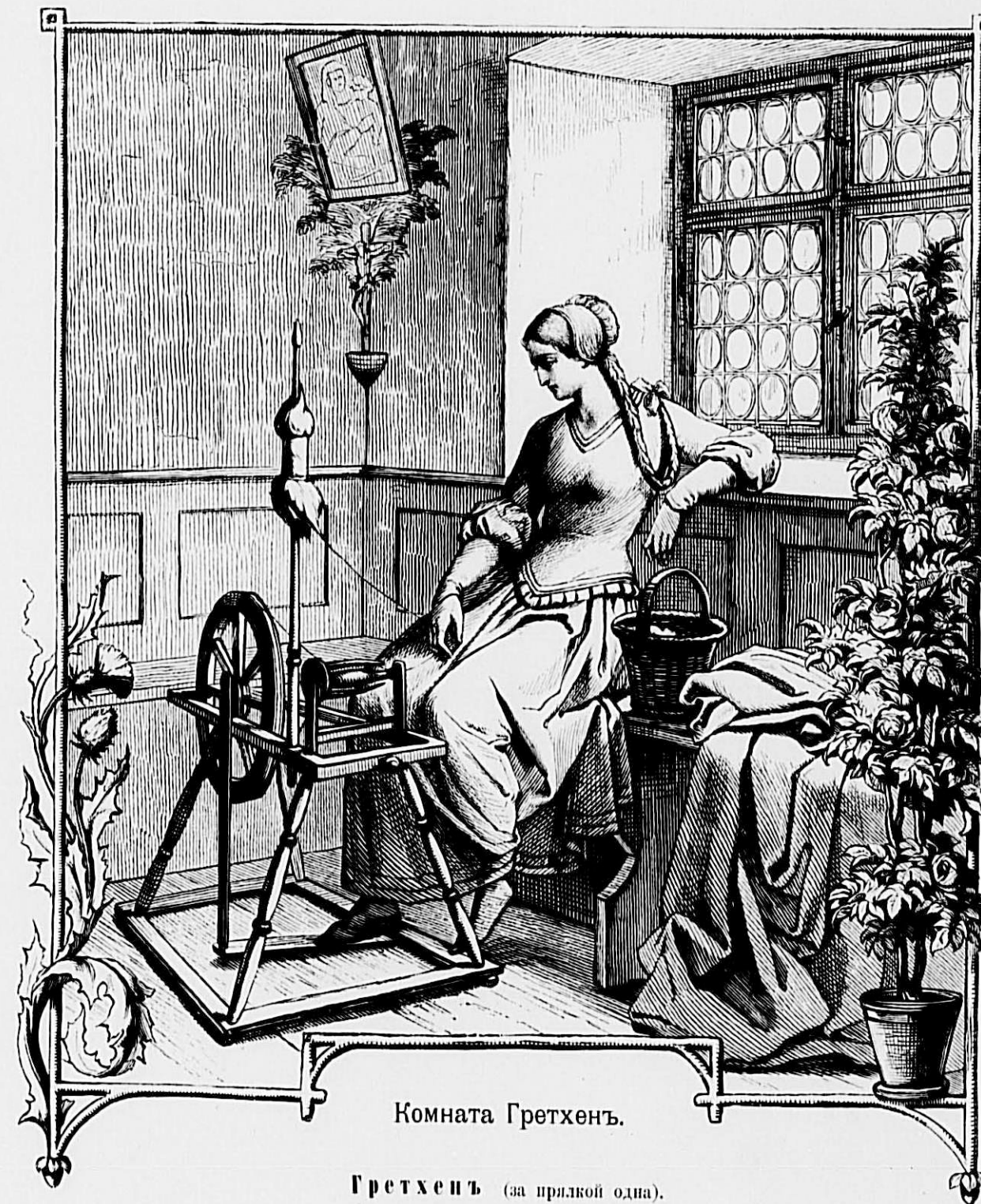
Тебѣ мерещится конецъ.

Хвала тому, кто дѣйствуетъ смѣлѣй!

И огнь и воду ты вѣдь человѣкъ прошедшій.

По моему пѣть ничего глупѣй,

Какъ чортъ, въ отчаянье принедеши.

Комната Гретхенъ.

Гретхенъ (за прѣлкой одна).

Прости мой покой,

Тоска въ груди;

Никогда мнѣ его —

Никогда не найти.

Гдѣ онъ не со мною,

Все гробъ пустой;

Глядѣть на свѣтъ

Охоты нѣтъ.

Мой бѣдный умъ
Пошелъ кругомъ,
Мой бѣдный смыслъ
Печезъ во всемъ.

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его —
Никогда не найти.

За нимъ лишь гляжу я
Изъ окна,
За нимъ лишь иду я
Изъ дома одна.

Какая поступь,
Какъ сложенъ,
Кто улыбнется,
Кто глянетъ, какъ онъ?

И эта рѣчь,
Какъ пѣнье струй,
И рукожатъе,
И поцѣлуй!

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его —
Никогда не найти.

Душа летитъ
Его встрѣчать.
Ахъ, какъ бы схватить
И его удержать!

И цѣловать
Его и млѣть,
И въ поцѣлуяхъ
Умереть!

Садъ Марты.

Маргарита. — Фаустъ.

Маргарита.

Дай слово, Генрихъ!

Фаустъ.

Въ чемъ могу!

Маргарита.

Насколько ты религiи послушенъ?

Ты добрый человекъ, но я едва-ль солгу —

Сказавъ, что къ ней ты равнодушенъ.

Фаустъ.

Оставь, дитя! Мою ты сознаешь любовь;

За близкихъ сердцу я готовъ пролить и кровь,

Не стану отнимать я церкви у страны.

Маргарита.

Нѣтъ, мало этого; мы вѣровать должны!

Фаустъ.

Должны ли мы?

Маргарита.

Мнѣ-ль убѣждать? Самъ знаешь!

И таинствъ ты не считаешь.

Фаустъ.

Я чту ихъ.

Маргарита.

Только безъ желанья.

Не приносить давно ты въ церкви покаянья.

А въ Бога вѣришь ли?

Фаустъ.

Кто въ правѣ въ цѣломъ свѣтъ,

«Я въ Бога вѣрую», сказать?

Спроси священника или мудреца,—въ отвѣтъ
Скорѣ можно бы насмѣшку услышать
Надъ вопрошающимъ.

Маргарита.

Итакъ, не вѣришь ты?

Фаустъ.

Какъ объяснить тебѣ, мой ангелъ чистоты!
Кто назоветъ Его? укажетъ
И скажетъ:
«Въ Него я вѣрю.»
Кто ощущаетъ
И самъ держаетъ
Сказать: «не вѣрю я?»
И Вседержитель,
Всесохранитель
Не охраняетъ ли тебя,
Меня и самого себя?
Не сводъ ли неба тамъ надъ нами?
И не крѣпка-ль земля подъ нашими ногами?
Не вѣчныя ли звѣзды всходятъ
Все выше, весело блестя?
Глаза въ глаза тебѣ я не гляжу-ль,
И не стремится-ль все
Къ тебѣ и въ голову, и въ сердце,
И вѣтъ тайной безотвѣтной

Незримо, зримо вокругъ тебя?
Наполни этимъ грудь со всею участіемъ,
И если сердце вдругъ замлѣветъ счастьемъ,
Какъ хочешь это чувство назови:
Любовью! счастьемъ! сердцемъ! Богомъ!
Я имени не знаю
На это! — Чувство — все;
А имя — звукъ и дымъ, вокругъ
Небеснаго огня.

Маргарита.

Прекрасно это, добрый другъ;
Священникъ тоже, помню я,
Иными говорилъ словами.

Фаустъ.

Все это говорить сердцами
Всѣ люди по свѣту кругомъ,
На языкѣ своемъ родномъ. —
Зачѣмъ мнѣ на своемъ не высказать того же?

Маргарита.

Послушать, такъ и съ правдой схоже,
Но въ этомъ есть изъянъ одинъ; —
Въ душѣ ты не христiанинъ.

Фаустъ.

Дитя!

Маргарита.

И вижу я скорбя,
Въ подобномъ обществѣ тебя.

Фаустъ.

Какъ такъ?

Маргарита.

Тотъ человѣкъ, съ которымъ ты хорошъ,
Мнѣ прямо въ сердце острый ножъ;
И въ жизни, съ самаго начала,
Я ничего страшнѣй не знала
Его лица-то одного.

Фаустъ.

Не бойся, куколка, его!

Маргарита.

Въ его присутствіи стѣсненіе я терплю.
А то я всѣхъ людей люблю;
Какъ жажду я тебя увидѣть,
Такъ этого въ душѣ готова ненавидѣть,
И я его считаю шельменкомъ!
Прости мнѣ, Господи, коль ошибаюсь въ томъ!

Фаустъ.

Есть и такимъ на свѣтѣ дѣло.

Маргарита.

Съ подобными ему я жить бы не хотѣла!
Какъ въ двери онъ войдетъ, заговорить,
Съ такой насмѣшкою глядѣть,
Какъ бы со зломъ;
Не приметъ видимо участія онъ ни въ чемъ;
На лбу написано признание,
Что онъ любить не въ состояннѣ.
Въ объятіяхъ твоихъ мнѣ такъ свѣтло,
Такъ по себѣ, такъ преданно тепло,
А вотъ при немъ я вся больна душой.

Фаустъ.

О, чистый, вѣщій ангелъ мой!

Маргарита.

Такое я насиліе терплю,
Что стоитъ лишь ему межъ нами появиться,
Я словно и тебя ужъ больше не люблю.
При немъ я-бъ не могла молиться,
Какъ будто пробираетъ дрожь;
Съ тобою, Генрихъ, вѣрно тоже.

Фаустъ.

Антипатія у тебя.

Маргарита.

А мнѣ пора домой.

Фаустъ.

Ахъ, хоть бы я

Часокъ съ тобой покойно могъ остаться,

Чтобъ грудь на грудь, душа съ душой сливаться!

Маргарита.

Ахъ, еслибъ я спала одна!

Сегодня бъ я въ почи замка не задвигала;

Но мать чутка во время сна,

И еслибъ насъ она застала,

Я-бъ тутъ на мѣстѣ умерла!

Фаустъ.

Мой ангелъ, въ чемъ бѣду нашла?

Вотъ пузырекъ! Три капли влить

Въ ея напитокъ и довольно,

Чтобъ въ сонъ ее глубокий погрузить.

Маргарита.

Тебя я слушаюсь невольно!

Надѣюсь, ей вреда не будетъ въ этомъ!

Фаустъ.

Не вызвался-бъ иначе я съ совѣтомъ.

Маргарита.

Другъ, близъ тебя стихаетъ вся тревога,

Куда велишь, иду я какъ во снѣ;

Я для тебя ужъ сдѣлала такъ много,

Что нечего и дѣлать больше мнѣ.

(Уходитъ).

Мефистофель (входитъ).

Мартышка-то ушла?

Фаустъ.

А ты шпионить снова?

Мефистофель.

Я все разслушать слово въ слово,

Изъ катехизиса пришлось вамъ отвѣчать;

Надѣюсь, докторъ, это вамъ здорово.

А дѣвушкамъ страхъ хочется узнать,

Блюдетъ ли кто законъ по старинѣ.

Коль тутъ онъ тихъ, такъ сдается-моль и мнѣ.

Фаустъ.

А ты, чудовище, ты не поймешь никакъ,

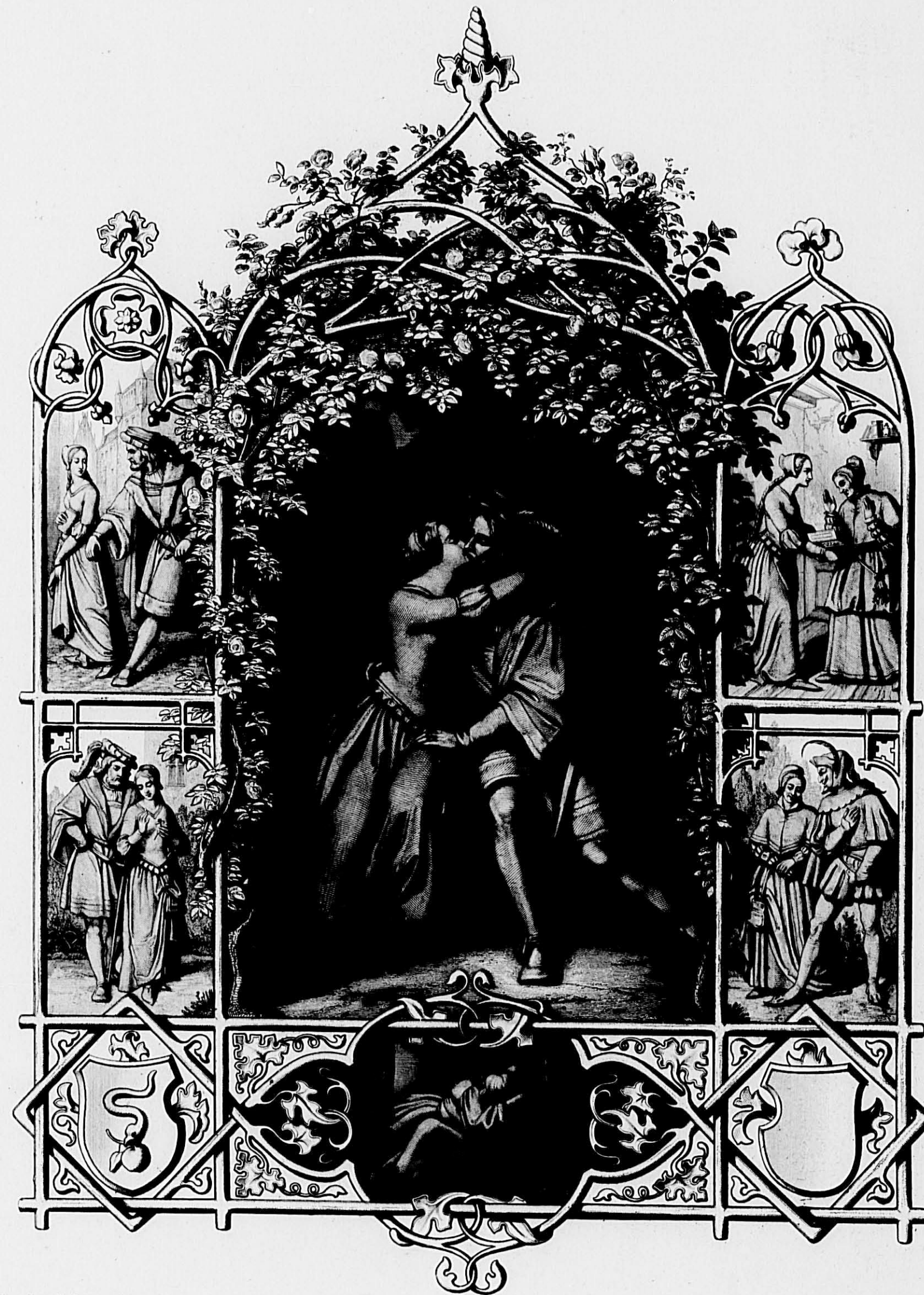
Что чистая душа, святая, —

Глубокой вѣрою полна,

Которая въ ея глазахъ

Одна спасительна, — томится, помышляя,

Что милаго она погибшимъ счесть должна.

Мефистофель.

Сверхчувственный и чувственный мой другъ,
Проводить за ночь васъ дѣвица.

Фаустъ.

Ты грязь и адекой бездны духъ!

Мефистофель.

А по лицу читать она премоастерица.
При мнѣ она какъ будто не своя,

Тревожу чувства въ ней я маской небывалой;
Она предчувствуетъ, что вѣрно геній я,
Коли не самъ я чортъ, пожалуй.
Такъ пынѣшнюю ночь...?

Фаустъ.

Тебѣ то что-же?

Мефистофель.

И я порадоюсь тоже!

У колодца.

Гретхенъ и Лиза (съ кувшинами).

Лиза.

Ты о Варюшѣ не слыхала?

Гретхенъ.

Ни слова! Выхожу въ народъ я рѣдко такъ.

Лиза.

Навѣрное. Вечоръ Сивилла мнѣ сказала!

Попала наконецъ въ просакъ.

Доважничалась!

Гретхенъ.

Какъ?

Лиза.

Не говори, воняетъ!

Коль ѣсть она или пьетъ, такъ этимъ духъ питаешь.

Гретхенъ.

Ахъ!

Лиза.

Вотъ наконецъ ей подѣломъ;

Довольно виснула на парѣ-то своемъ!

Довольно гуляла,

На танцахъ, прогулкахъ мелькала,

Видишь, нужно первой быть во всемъ,

То съ пирожками къ ней оиъ, то съ виномъ; —

Ужъ краше, думала, и пѣтъ ей кругомъ,

Стыда-то, совѣсти не знала,

Его подарки принимала.

Шептались, миловались, знай;

А вотъ цвѣтокъ-то и прощай!

Гретхенъ.

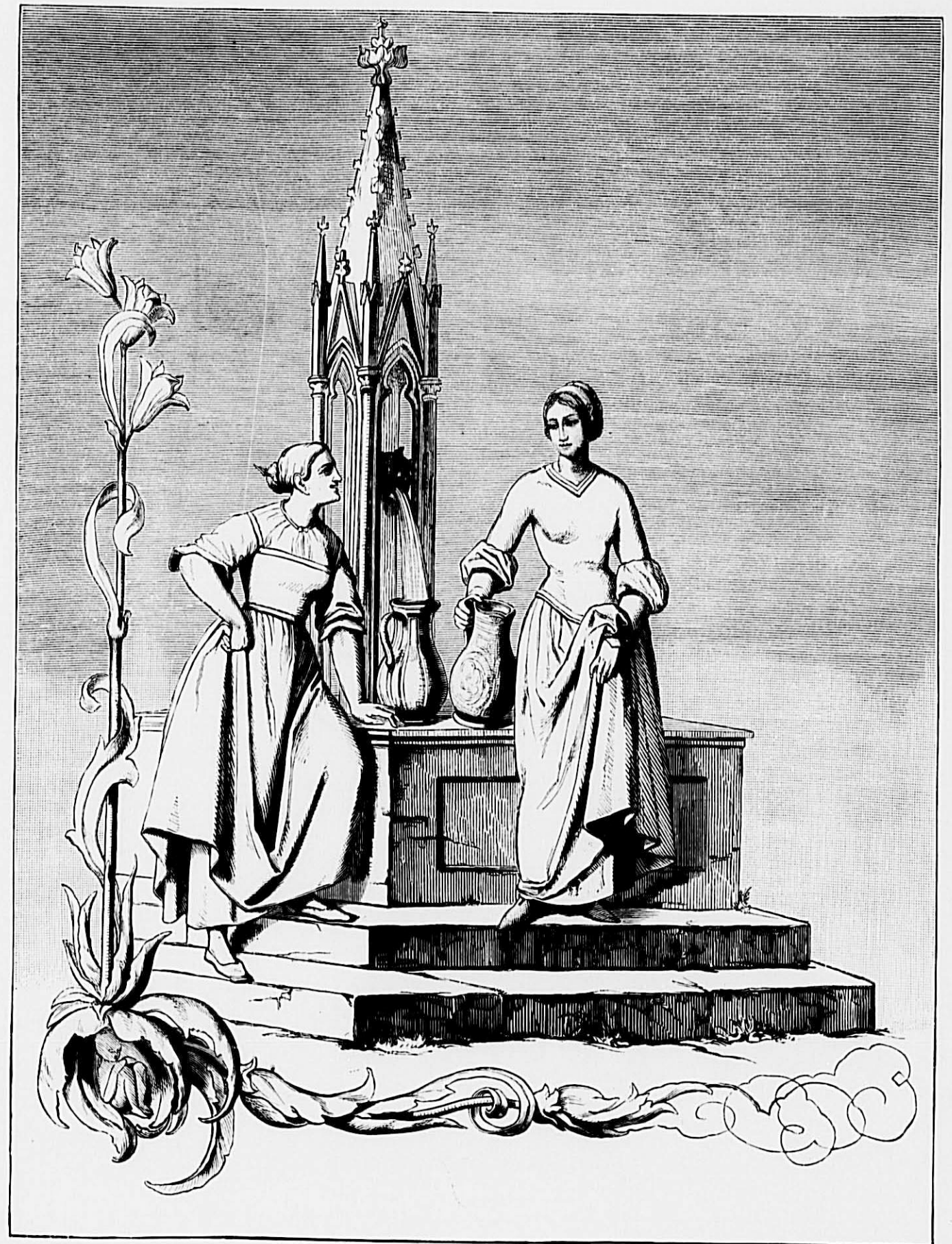
Бѣдняжка!

Лиза.

Что о ней жалѣть!

Какъ намъ за прилкою сидѣть,

Да ночью не пускаетъ мать, —

Ей все съ возлюбленнымъ стоять; —
И на скамьѣ и въ темномъ переходѣ
Часами были на свободѣ.
Теперь пускай не погибнѣетъ
Въ рубашку грѣшницъ нарядиться!

Гретхенъ.

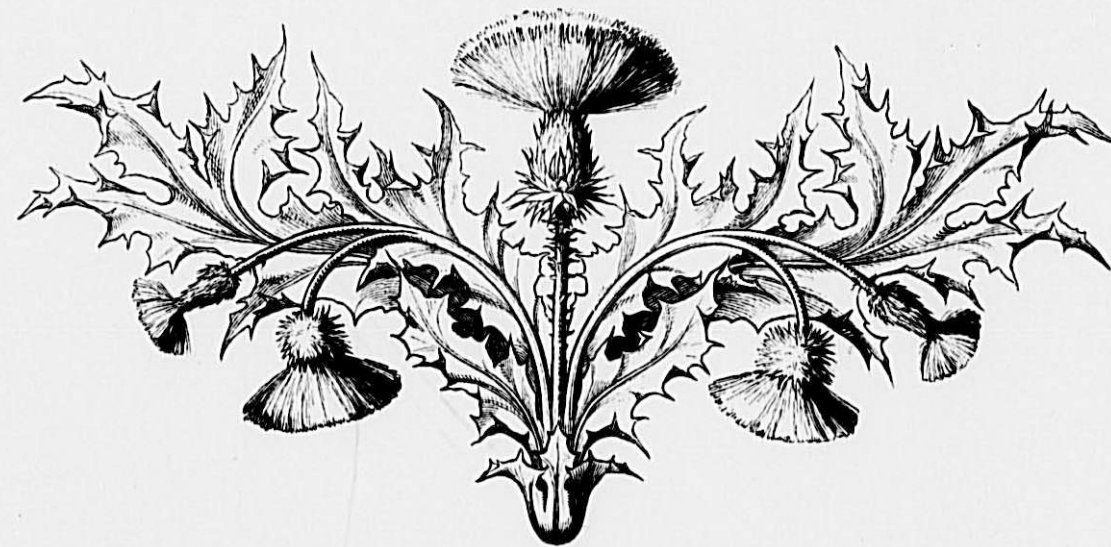
Онъ вѣрно женится на ней.

Лиза.

Онъ не дуракъ. Такому молодцу
Вездѣ просторъ и все къ лицу.
Ужъ онъ ушелъ.

Гретхенъ.

Поступокъ нехорошъ!

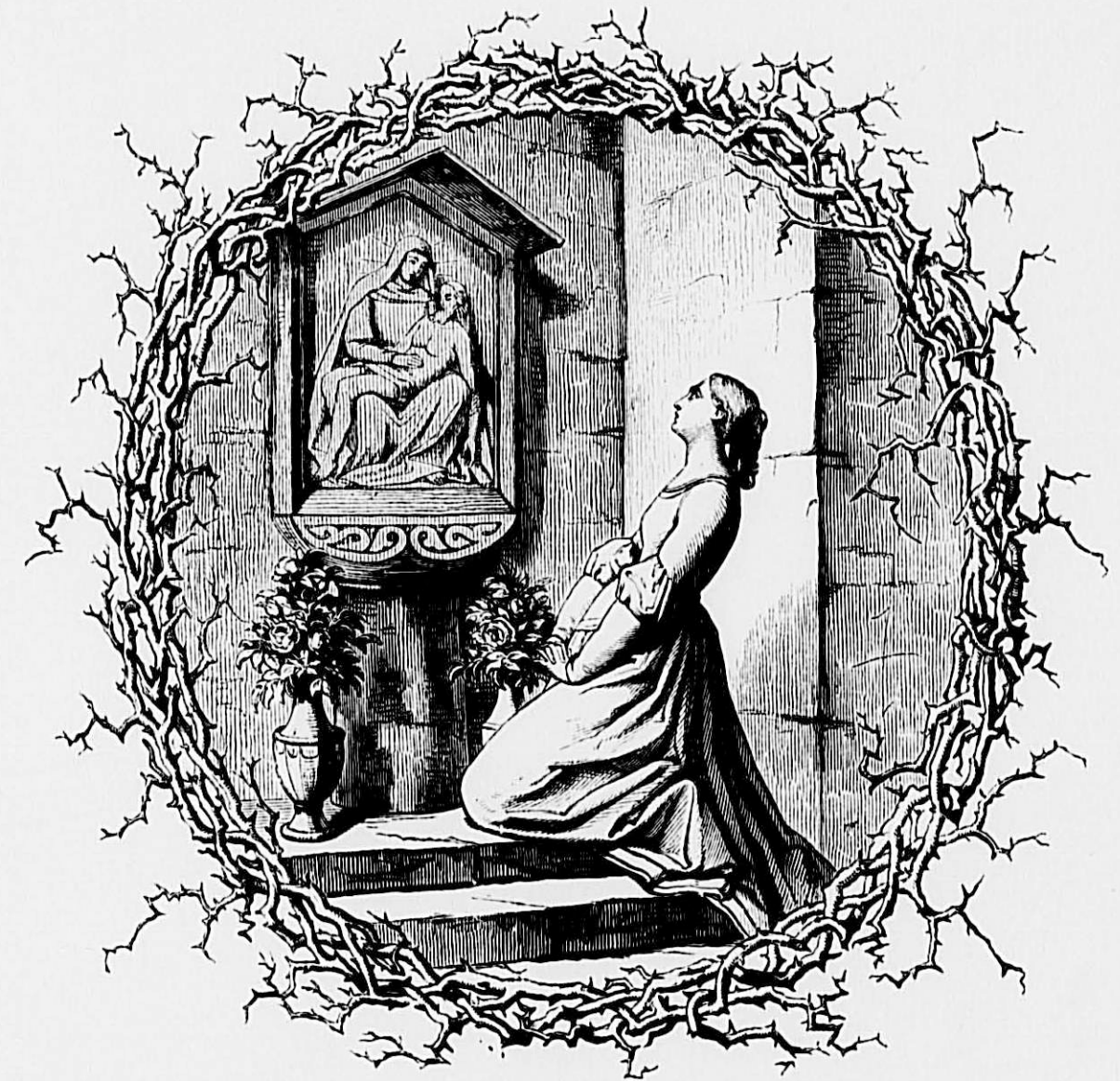

Лиза.

Хоть онъ женись, а все ей будетъ тожь.
Ей парни разорвутъ вѣнокъ,
А мы насыплемъ рѣзки на порогъ!
(Уходить).

Гретхенъ (уходи домой).

Какъ прежде мнѣ казались тяжки
Проступки дѣвушки-бѣдняжки!
Для прегрѣшенія чужаго
Бывало не находишь слова!
Бывало черно, все чернишь, —
А надо больше — говоришь.
Гордилася я въ собственныхъ глазахъ!
А вотъ сама я во грѣхахъ!
Но все, — что къ этому вело,
Ахъ! было нѣжно такъ! и такъ свѣтло!

Ограда.

Въ углубленіи стѣны образъ Скорбящей Божіей Матери. —
Передъ нимъ вазы для цвѣтовъ.

Гретхенъ (ставитъ свѣжіе цвѣты въ вазы).

Къ молищей

Ты ликъ скорбящій

Склони, пойми тоску мою!

Твоя кручина

О смерти Сына

Мечемъ пронзила грудь твою.

Къ Отцу взираешь,
И возмладаешь
Ты воздыханьемъ скорбь свою.

Кто знаетъ,
Какъ таетъ
Во мнѣ вся сила до дна?
Чѣмъ бѣдное сердце страдаетъ,
Что дрожью его обнимаетъ,
Ты знаешь, ты знаешь одна!

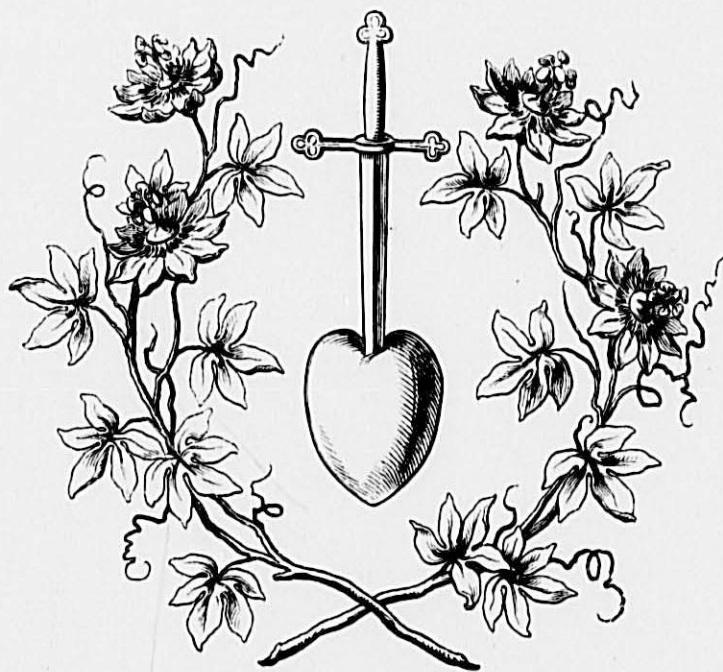
Куда бы ни пошла я,
Больна, больна, больна я,
Тоска въ моей груди!
Уйду-ль и горе спрячу,

Я плачу, плачу, плачу,
И сердцу не снести.

Всѣ стекла въ моемъ окошкѣ
Слезамъ вновь политы,
Когда я сегодня срывала
Тебѣ вотъ эти цвѣты.

Чуть солнце заблестѣло
По утру мнѣ въ окно,
А я опять сидѣла
Въ постели ужъ давно.

Спаси! укрой рабу свою!
Къ молящей
Ты ликъ скорбящій
Склони, пойми тоску мою!

Н о ч ь.

Улица у двери Гретхенъ.

Валентинъ (солдатъ, братъ Гретхенъ).

Бывало на пиру шномъ,
Какъ похвальба поидеть кругомъ,
И станеть кто мнѣ говорить
И лучинихъ дѣвушекъ хвалить,
Съ стаканомъ полнымъ избохась,
На край стола облокотясь;
Спужу спокойно я себя,
Внимая этой похвальбѣ.
Молчу, а смѣхъ въ дунѣ таю,
И подыму стаканъ съ виномъ,
Да и скажу: всякъ за свою!
Но есть ли гдѣ-нибудь кругомъ,
Чтобъ съ Гретхенъ можно спорить ей,
Съ сестрою дорогой моей?
Топъ! топъ! чокъ! чокъ! поидеть вокругъ.
Они кричатъ: «онъ точно правъ;
Какая прелесть, что за правъ!»
А хвастуны затихнуть вдругъ. —

И вотъ! — рвать волосы придется,
На стѣнку лѣзть мнѣ остается!
Радъ подпустить тебѣ иголку
Шельмецъ послѣдній втихомолку!
А я, я, какъ преступникъ тайный,
Потѣй отъ выходки случайной!
Хоть разожми ихъ кулаками —
А все не назовешь лгунами.

Кто тамъ? кто крадется вотъ тутъ?
Ихъ двое кажется идуть.
И если онъ, его схвачу я, —
И ужъ живымъ не отпущу я!

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Какъ въ ризницѣ тамъ у окна
Лампада вѣчная лишь свѣтитъ вверхъ силыѣе,

Теряясь въ стороны слабѣ и слабѣ,
И ночь кругомъ ея черна:
Такъ и въ груди моей все темно.

Мефистофель.

А мнѣ такъ словно коникъ томно,
Что вверхъ по лѣстницѣ крутой
Взошла и скрылась за стѣной;
И добродѣтельно и чувствую сперва
Немного похоти, немного воровства.
Всего какъ бы манить и пудить
Вальпургіева ночь опять!
Она же послѣзавтра будетъ,
Тогда не жаль и не поспать.

Фаустъ.

А между тѣмъ, подымется-ль тотъ кладъ,
Гдѣ вижу огоньки тамъ позади блестять?

Мефистофель.

Ужъ не далеку твой часъ отрадный,
Котельчикъ выиешь презрядный.
Въ него намени я глядѣть;
Онъ полонъ талеровъ горѣть.

Фаустъ.

И ни заплата, ни кольца?
Мнѣ милой подарить бы нужно. —

Мефистофель.

Какихъ-то видѣлъ два конца,
Отъ нитки кажется жемчужной.

Фаустъ.

Вотъ хорошо! Мнѣ больно къ ней идти,
И ничего съ собой не принести.

Мефистофель.

Ты могъ бы съ мыслью помириться,
Порой и даромъ насладиться.
Теперь послунай лютню ты мою,
При блескѣ звѣздъ и я смѣлѣ;
Я пѣнь моральную спою,
Чтобъ съ толку сбить ее вѣриѣ.

(Поетъ подъ лютню).

Напрасно, вѣрь,
Къ дружкѣ ты въ дверь
Глядишь теперь,
Катюша, предъ денницей!
Тебя тайкомъ,
Введетъ путемъ,
Дѣвицей въ домъ,
Но пустить не дѣвицей.

Такъ ты гляди!
Себя блюди;
Того и жди,
Накличень дней печальныхъ!
Мы веѣмъ твердимъ:
Вы ни съ однимъ

Не знайтесь съ нимъ
До колецъ обручальныхъ!

Валентинъ (выступаетъ).

Кого, проклятый, манишь тамъ?
Ахъ, крысоловъ — кривая рожа!
Сперва гудокъ ко всѣмъ чертямъ!
И къ чорту ибсенника тоже!

Мефистофель.

Вотъ лютня сломана! Не велика забота.

Валентинъ.

По черепамъ пойдетъ работа!

Мефистофель (Фаусту).

Вы, докторъ, тожь, куда ни шло!
За мной, когда я наступаю!
Свою пинаженку наголо!
Колите вы! Я отбиваю.

Валентинъ.

Ну, отбивай!

Мефистофель.

Чтожь! я таки натерть.

Валентинъ.

И этотъ?

Мефистофель.

Да!

Валентинъ.

Дерется онъ, какъ чортъ!
Но что со мной? Слабѣю, какъ ребенокъ.

Мефистофель (Фаусту).

Коли!

Валентинъ (падая).

Увы!

Мефистофель (подходитъ).

Знать присмирѣлъ теленокъ!
Теперь уйдемъ! Скорѣе, прочь отсюда!
Уже орутъ разбой во всѣхъ концахъ.
Съ полиціей я былъ всегда въ ладахъ,
Но голосъ крови — съ нимъ я лажу худо!

Марта (изъ окна).

Сюда! сюда!

Гретхенъ (изъ окна).

Огня скорѣй!

Марта (какъ прежде).

Здѣсь споръ и брань и звонъ мечей.

Народъ.

Одинъ успѣлъ ужъ мертвымъ пасть!

Марта (выходи на улицу).

Убийцы знать ушли скорѣй?

Гретхенъ (выходи).

Убить-то кто?

Народъ.

Сынъ матери твоей.

Гретхенъ.

О, Милосердый! что за страсть!

Валентинъ.

Я умираю! — говорить

Недолгая статья.

Вы, бабы, полно плакать, выть!

А слушайте меня!

(Всѣ его обступаютъ).

Ты, Гретхенъ! видишь, молода,

Еще глупа, въ твои года

Концовъ не можешь скрыть.

Тайкомъ хотѣлъ тебѣ сказать:

Выходишь подлинно ты б....,

Ужъ такъ тому и быть!

Гретхенъ.

Братъ! Господи! за что же мнѣ!

Валентинъ.

Оставь ты Бога въ сторонѣ!

Что миновало — не вернешь,

А что посеешь, то пожнешь.

Ты тайно начала съ однимъ,

Чередъ настанетъ и другимъ,

А какъ до дюжины дойдешь,

Къ тебѣ весь городъ будетъ вхожъ.

Когда вначалѣ стыдъ родится,

Его пугаетъ свѣтъ дневной,

Ночною ищетъ пеленой

И съ головою онъ укрыться;

Его убить желанье наше.

А какъ пошелъ онъ только въ ростъ,

Такъ среди дня онъ ходитъ простъ,

А все не дѣлается краше.

И чѣмъ гнуснѣе онъ на видъ,

Тѣмъ больше къ свѣту поровнѣ.

Настанетъ день и не одинъ,

Что всякій честный гражданинъ

Тебя — ты, никура! — побоится,

Какъ отъ чумы онъ самъ сторонится, —

И сердце кровью будетъ обливаться

Твое, какъ ты ихъ встрѣтишь взоръ!

Въ цѣпочкѣ золотой не красоваться

У алтаря тебѣ отъ этихъ поръ!

Въ воротничкѣ ты съ кружевами

На танцы не пойдешь съ друзьями!

А будешь по угламъ стараться

Средь нищихъ и калѣкъ прижаться,

И, хоть и Богъ проститъ тогда,

На сей землѣ будь проклята!

Марта.

Отдать готовься душу Богу!

Зачѣмъ худой грѣшникъ ты на дорогу?

Валентинъ.

Ты, сводня! если-бъ до сухихъ

Костей добратся мнѣ твоихъ,

Тогда бы мнѣ — въ души спасенье

Всѣ отпустились прегрѣшенья.

Гретхенъ.

О, братъ! какъ этотъ адъ горячъ!

Валентинъ.

Я говорю тебѣ, не плачь!

Ты злѣе мнѣ ударъ нанесть

Грѣшилась, потерявши честь.

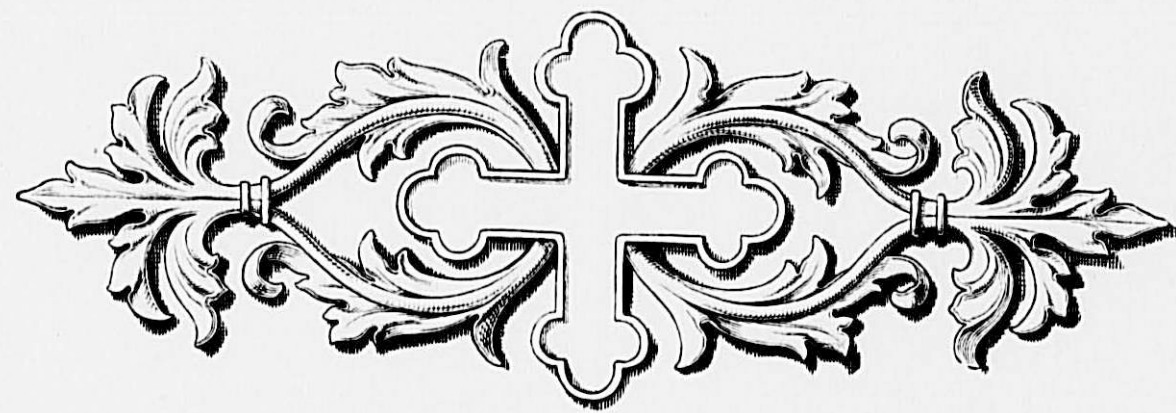
А я стою у вѣчныхъ вратъ

Предъ Богомъ правъ и какъ солдатъ.

(Умираетъ).

С о б о р ъ.

Обѣдня. — Органъ и пѣніе.

(Гретхенъ среди толпы народа. Злой духъ позади Гретхенъ).

Злой духъ.

Съ тобою то ли, Гретхенъ,
Бывало, какъ съ невинной
Душой предъ алтаремъ,
Ты по избитой книжкѣ
Молитвы лепетала,
Не то о дѣтскихъ играхъ,
Не то о Богѣ помня!
Гретхенъ!
Что въ головѣ твоей?
А въ сердцѣ
Какое прегрѣшенье?
Молилась ли о матери, которой
Пришлось изъ-за тебя почить въ страданьи долгомъ?
У двери, у твоей чьей кровъ? —
А у тебя подъ сердцемъ
Не движется-ль уже и не растетъ ли

Себѣ на муку и тебѣ
Своимъ присутствіемъ злобѣющимъ?

Гретхенъ.

Увы! увы!
Хотя-бъ уйти отъ мыслей,
Которыя туда, сюда мнутся
Невольно!

Хоръ.

Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla.

(Звукъ органа).

Злой духъ.

Тебя хватаетъ ужасъ!
Труба трубить!
Гроба трясутся!
И сердце

Твое, изъ праха
Въ огнѣ мученій
Рождаясь снова,
Дрожитъ!

Гретхенъ.

Хотя-бъ уйти!
Мнѣ кажется, органъ
Захватываетъ духъ мнѣ,
А пѣнье въ сердце
Идетъ до дна.

Хоръ.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet apparebit,
Nil inultum remanebit.

Гретхенъ.

Такъ тѣсно мнѣ!
Всѣ эти стѣны
Меня стѣснили,
А своды давить!
Нѣтъ силъ дышать!

Злой духъ.

Укройся! Грѣхъ и стыдъ не можетъ
Нигдѣ укрыться.
Свѣтъ? Воздухъ? Горе
Тебѣ!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus?

Злой духъ.

Святые отвратили
Прославленные лики отъ тебя.
И руку протянуть
Тебѣ трепещетъ чистый!
Увы!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхенъ.

Сосѣдка! вангъ флаконгъ!

(Падаетъ въ обморокъ).

Вальпургіева ночь.

Г А Р Ц Ъ.

Мѣстность Ширке и Элендъ.

Фаустъ. — Мефистофель.

Мефистофель.

Не нужно-ль помела тебѣ хоть для подмоги?
Козла бы взять я подюжѣй.
А этакъ колесить немало намъ дороги.

Фаустъ.

Покуда мнѣ еще такъ бодро служатъ ноги,
Довольно палки мнѣ моей.
Что пользы путь отыскивать прямой!
Въ извилинахъ долинъ тихонько подвигаться,
И на утесъ потомъ взбираться,
Откуда этотъ ключъ свергается струей,
Вотъ чѣмъ отраденъ путь такой!
Весна ужъ просится повѣять отъ березы,

Да и сосна душку пустила своего;
А вѣшнія на насъ не дѣйствуютъ-ли грезы?

Мефистофель.

Не чую право ничего!
Я полонъ скуки небывалой;
Морозъ да снѣгъ мой оживили-бъ духъ.
Какъ грустно, восходя, краснѣеть запоздалый
Луны недовершенный кругъ,
И плохо свѣтитъ; какъ незрящій,
На дерево, скалу тутъ всякій набѣжитъ!
Дай подзову огонь блудящій!
Я вижу, тамъ одинъ такъ весело горитъ.
Эй! милый другъ! Послунай-ко любезный!

Чѣмъ тратить пламень бесполезный,
Ужъ будь такъ добръ и вверхъ намъ посвѣти!

Блудящій огонь.

Я постараюсь, вамъ въ угоду,
Сдержать свою летучую природу;
По сторонамъ мы мечемся въ пути.

Мефистофель.

Эге! идишь людскою стезею!
Держи же прямо, чортъ съ тобою!
Не то задую въ мигъ одинъ.

Блудящій огонекъ.

Я чувствую, что здѣсь вы господинъ.
Охотно вамъ готовъ служить.
Но на горѣ теперь содомъ тутъ настоящій,
И если долженъ васъ водить огонь блудящій,
Нельзя възыскательному быть.

Фаустъ, Мефистофель и Блудящій огонь.

(Поютъ вмѣстѣ).

Въ область сновъ и волхвованья
Мы, какъ кажется, вступили.
Приложи свѣтитъ старанье!
Чтобы мы скорѣй забыли,
Какъ пустынно здѣсь и дико!

За деревьями смотри-ко,
Какъ деревья пробѣгаютъ,

Какъ тамъ скалы присѣдаютъ,
И утесы, что надъ нами
Дуютъ и сопятъ носами!

По камнямъ межъ кустами
Ручеекъ и чистъ, и тѣснѣ.
Шумъ ли это? звуки-ль пѣсенъ?
Или стонъ любви печальной,
Молодой, первоначальной?
Что мы любимъ, что намъ мило!
Только эха голосъ дальній
Какъ преданіе чудеснѣ.

Угу! гаркнули съ просонка;
Сычъ, сова, сизоворонка,
Или въ сонъ васъ не клонило?
Саламандры знаютъ въ опушкѣ!
Тонконожки! толстобрюшки!
Словно змѣи тамъ коренья
Изъ-подъ камней, надъ песками,
Завязались узлами,
Намъ на страхъ и на смятенье;
Нити выпустивъ упрямо,
Какъ полипы, лѣзутъ прямо
На прохожихъ. — И стадами,
Между травами и мхами,
Мыши пестрыя шныряютъ!

Свѣтляки-жъ, вокругъ летая,
Словно туча огневая,
Хуже съ толку насъ сбиваютъ.

Но скажи, съ тобою вмѣстѣ
Мы идемъ или на мѣстѣ?
Все вертится ходуномъ,
А скалы, деревья тоже
Искривися, корчатъ рожи
Предъ блудящимъ огонькомъ.

Мефистофель.

Ухватись за плащъ мой длинный!
На скалѣ мы серединой,
Здѣсь увидишь, изумленъ,
Какъ въ горѣ блеститъ мамонтъ.

Фаустъ.

Какъ странно въ глубинѣ мерцаетъ
Какой-то отблескъ заревои!
И даже словно проникаетъ
И въ сумракъ бездны онъ самой.
Тамъ точно паръ блеститъ стороной,
Здѣсь пылъ такъ ярокъ и могучъ,
Тамъ потянулся нитью тонкой,
А тутъ сверкаетъ словно ключъ.
Вотъ здѣсь по жиламъ онъ прелестнымъ

Спѣшитъ въ долину низойти,
А здѣсь, за поворотомъ тѣснымъ,
Разъединился на пути.
Какъ искры, розсыпъ золотая
Пескомъ разбросаннымъ блеститъ.
Но посмотри, скала сплошная
Во весь свой ростъ огнемъ горитъ.

Мефистофель.

Не правда-ль, какъ мамонтъ отлично
Дворецъ свой въ праздникъ освѣтилъ?
Ты счастливъ, что при этомъ быть;
Хоть гости шумны неприлично.

Фаустъ.

Какъ этотъ вихрь и кружить все и рветъ!
Какъ онъ жестоко бьетъ меня по шеѣ!

Мефистофель.

За ребра старыхъ скалъ держись смѣлѣе;
Иначе онъ тебя въ тѣ пропасти столкнетъ.
Туманъ кругомъ разлитъ.
Послушай, какъ въ лѣсахъ трещитъ!
Валетаютъ испуганно совы.
Въ осколки дробятся основы
Зеленыхъ и вѣчныхъ дворцовъ.
Ты слышишь ломанье суковъ,
Стволовъ непреклонныхъ стenanъ,

Голосъ.

Откуда ты?

Голосъ.

На Ильзенштейнѣ летѣла!
Совѣ въ гнѣздо тамъ посмотрѣла.
Какъ глянетъ пара глазъ!

Голосъ.

Эхъ, чтобъ те провалиться!
Куда верхомъ такъ торопиться!

Голосъ.

На раны глины! съ дуру,
Ссадила всю шкуру.

Хоръ вѣдьмъ.

Дорога долга и для всѣхъ шипока;
Какой васъ тутъ лѣний толкаетъ въ бока?
Намъ вилы — колоты, а метла чтобъ драть,
Задохся ребенокъ и лопнула мать.

Колдуны (полухоръ).

Напѣ какъ улитка медленъ ходъ;
А бабы всѣ ушли впередъ.
Гдѣ только царство злаго ждетъ,
Тамъ бабы за версту впередъ.

Другой полухоръ.

Рѣшаетъ споръ одна черта:
Нѣтъ, женщинамъ, нужна верста,

Кореньевъ и трескъ, и зѣванье!
Всѣ въ общемъ погромѣ тѣнятся,
И дружка на дружку валятся,
И вдоль заваленныхъ ущелій,
Взвывая несутся мителы. —
Слышишь ли ты говоръ дикій?
И вдали и близко крики?
Ужъ по всѣмъ ущельямъ горь
Заревѣтъ волшебный хоръ!

Вѣдьмы хоромъ.

На Брокенѣ вѣдьмамъ всѣмъ походъ;
Хоть живые желто, зеленъ всходъ.
Туда толпа поспѣтъ спѣшитъ,
Гдѣ Урианъ вверху сидитъ.
По ниямъ, по каменьямъ гони, пошелъ!
Колдунья п — ть, воняетъ козель!

Голосъ.

А старая Баубо осталась одна;
Верхомъ на поросячѣ свинѣ она.

Хоръ.

Честь честью, кому подобаетъ почеть!
Ты тетунка Баубо! ступай напередъ!
Свинья поздоровѣй, да тетка верхомъ,
Всѣ вѣдьмы за нею гурьбою поидемъ.

Но пусть спѣшать — что толку въ томъ?
Мужчина, глядь, догнать прыжкомъ.

Голосъ (сверху).

Сюда! тамъ съ горныхъ вы озеръ!

Голосъ (снизу).

Мы рады-бъ къ вамъ на выси горъ!

Мы моемъ, чисты, какъ вода; (4).

За то бесплодны навсегда.

Оба хора.

Звѣзда скатилась, вѣтеръ спитъ;

Ужъ мѣсяцъ спрятаться спѣшитъ;

И искрами волшебный хоръ

Горитъ, летя какъ метеоръ.

Голосъ (снизу).

Стой! стой!

Голосъ (сверху).

Кто тамъ кричитъ изъ-подъ скалы крутой?

Голосъ (снизу).

Возьмите меня! Возьмите меня!

Карабкаюсь триста я лѣтъ,

А все до вершины подняться

Нѣтъ мочи; а горько остаться.

Оба хора.

Везетъ метла, везетъ и копь,

Везетъ ухватъ, везетъ козель;

Кто нынче ужъ не полетѣлъ,

Тому ужъ положенъ предѣлъ.

Полувѣдьма (внизу).

Топчусь, ужъ ноги отекли;

А вишь другія какъ ушли!

И дома ладу не найду,

Да и сюда не попаду.

Хоръ вѣдьмъ.

У вѣдьмъ для бодрости настой,

На парусъ взять лоскутъ любви,

Корыто лодка тоже чай;

Кто нынче не летитъ — прощай!

Оба хора.

Какъ мы вершину облетимъ,

Спускайтесь вы къ степямъ самимъ,

Чтобъ весь уступъ, какъ глазъ глядѣть,

Быть всюду вѣдьмами покрытъ!

(Опускаются).

Мефистофель.

Толкутся, суются, трещатъ!

Болтаютъ, жмутся и шипятъ!

И блескъ, и дымъ, и вонь, и чадъ!

А вѣдьмамъ любо — сущій адъ!

Ты за меня держись! не то насъ разлучатъ.

Ты гдѣ?

Фаустъ (издали).

Я здѣсь!

Мефистофель.

Ужъ вонъ куда оттерли?

Нѣтъ, съ ними толковать начну съ ножомъ на горлѣ.

Прочь! Видишь, самъ идеть. Прочь, сволочь! чернь!

пусти!

Дай руку, докторъ, тутъ чтобъ разомъ намъ пройти,

Пока толпа сильнѣе не нагринетъ;

Тутъ даже мнѣ, такъ тошно станеть.

Вонъ что-то свѣтится особеннымъ огнемъ,

Вонъ въ тѣ кусты меня все тянеть.

Скорѣй! скорѣй! Туда юрکنемъ.

Фаустъ.

Противорѣчя духъ! какое поведенье!

Иду съ тобой, хоть не пойму путемъ.

Въ Вальпургіеву ночь на Брокенъ мы идемъ,

Чтобъ тамъ искать уединенья.

Мефистофель.

Смотри, что за огни цвѣтныя!

Веселый клубъ! Гляди какіе!

И въ маломъ будешь не одинъ.

Фаустъ.

Добраться лучше до вершинъ!

Тамъ у огней въ дыму толпа видна.

Гдѣ возсѣдаетъ зло, тамъ ей и сладко;

Тамъ выйдетъ не одна разгадка.

Мефистофель.

Загадка тоже не одна.

Оставь ты свѣтъ большой кружиться;

Мы станемъ въ маломъ веселиться.

Давно ужъ это не секретъ,

Что малые мірки большой вмѣщаютъ свѣтъ.

Вотъ молодая вѣдьма — вся нага,

А вонъ старушка какъ хитро прикрылась.

Любезень будь, хоть мнѣ-то сдѣлай милость;

Трудъ невеликъ, забава дорога.

Ну, инструменты грянули! Досада!

Проклятый хрипъ! А все привыкнуть надо!

Пойдемъ! Пойдемъ! я буду впереди;

Необходимо мнѣ тебя ввести,

Чтобъ было и тебѣ вольготнѣй.

Что скажешь, другъ? Не маленькій просторъ.

Во всѣ концы едва хватаетъ взоръ!

Огней пылаетъ больше сотни;

Танцуютъ, врутъ, варятъ, смѣются, пьютъ;

Скажи, гдѣ лучшій есть пріютъ?

Фаустъ.

А ты себя, чтобъ выйти на просторъ-то,

За колдуна имъ выдашь или за чорта?

Мефистофель.

Меня всегда никого ниго прельщает;
 Но въ праздникъ всякъ свой орденъ надѣваетъ.
 Подвизки орденской хотъ мнѣ недостаётъ;
 Но лошадиной тутъ ногъ большой почетъ.
 Улитку виднѣ ли? Волъ къ намъ она плетется;
 Хотъ только оцунью вѣкъ свой,
 А что-то ей во мнѣ сдается.
 Здѣсь, хотъ бы я хотѣлъ, не скроюсь, милый мой!
 Пойдемъ къ огнямъ, ко всѣмъ собратамъ,
 Ты какъ женихъ, и буду сватомъ.

(Къ нѣкоторымъ сидищимъ вокругъ углей).

Вы, старички, куда вы тутъ забились?
 Я-бъ сталъ хвалить, когда-бъ вы веселились,
 Пусться въ развалъ, гдѣ молодежь, огни;
 И дома все сидѣли вы один!

Генералъ.

У націй ужъ такая мода!
 Заслугой ихъ не проберешь;
 У женщинъ, какъ и у народа,
 На первомъ мѣстѣ молодежь.

Министръ.

А мнѣ любезна старина;
 Куда теперь заколесили?
 Какъ мы всѣмъ правили, такъ были
 И золотыя времена.

Рагвени.

Случалось и намъ сбиваться кое въ чемъ,
 А все назвать нельзя насъ дураками;
 Теперь же все пошло вверхъ дномъ,
 И именно, когда все было подъ руками.

Авторъ.

Ну, кто теперь прочтетъ что подѣльнѣй,
 Признайтесь-ко неліцемерно!
 А что касается до молодыхъ людей,
 Такъ нось задрали непомѣрно.

Мефистофель (вдругъ становится старикомъ).

Пора на Страшный Судъ всѣмъ, вижу я,
 Последний разъ иду на эту гору,
 И если жить мнѣ хуже день отъ дня,
 То міру знать конецъ приходитъ скоро.

Вѣдьма торговка.

Вы, господа, куда пошли!
 Вы случая не упустите!
 Мои товары разглядите;
 Тутъ что угодно бы нашли.
 Недаромъ выхваляю лавку,
 Какой не встрѣтить на землѣ,
 Нѣтъ вещи, чтобъ она въ добавку
 Въ какомъ не побывала злѣ.

Engelbert Seibertz erf. u. ges.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Что ни кинжалъ, то кровь по немъ струилась,
Здѣсь кубка нѣтъ, которому бѣ вливать
Горячій ядъ въ тѣла не приходилось.
Что ни уборъ — то женщинъ соблазнять
Привыкъ, — что мечъ — измѣнѣ послужившій,
Хоть въ спину напримѣръ противника сразившій.

Мефистофель.

Ты, тетка! плохо знать слѣдишь за временами!
Что было, — минуло давно!
Торгуй ко лучше новостями!
Намъ нужно новое одно.

Фаустъ.

Хоть самому-бѣ не затеряться!
Вотъ это ярмарка, признаться!

Мефистофель.

Все большеверху напираютъ.
Ты норовишь толкать, а самого толкаютъ.

Фаустъ.

А это кто?

Мефистофель.

Лилить. — Сама она.

Фаустъ.

Кто?

Мефистофель.

Первая Адамова жена.
Ты берегись волосъ ея прекрасныхъ, —
Единственный уборъ ея, замѣть.
Кого изъ юношей поймаетъ въ эту сѣть,
Не скоро вырвется тотъ изъ объятій страстныхъ.

Фаустъ.

Вонъ двѣ сидятъ, старуха съ молодой;
Ужъ вѣрно плясъ задали не плохой!

Мефистофель.

Сегодня все идетъ кругомъ.
Вотъ новый танецъ! чтожъ, пойдѣмъ! и мы возьмемъ.

Фаустъ (танцуетъ съ молодой).

Прекрасный сонъ приснился мнѣ,
Я видѣлъ яблоню во снѣ,
Два чудныхъ яблока на ней,
За ними я полѣзъ скорѣй.

Красавица.

До яблокъ падки вы всегда
Еще изъ рая, господа.
Я въ восхищеніи больномъ,
Что есть они въ саду моемъ.

Мефистофель (со старухой).

Томился я тяжелымъ сномъ;
Я видѣлъ дерево съ дупломъ,

И хоть ..... на немъ была,
Охота все меня брала.

Старуха.

Прошу принять привѣтъ больнои,
Мой рыцарь съ конскою ногой!
Держи исправно ..... ты свой
Коль не запуганъ ты .....

Проктофантазмистъ.

Проклятый вы народъ! и непослушный — страхъ!
Нль не доказано давно, что въ самомъ дѣлѣ,
Духъ никогда не крѣпокъ на ногахъ?
А вы еще плясать, какъ люди захотѣли!

Красавица (танцуетъ).

Зачѣмъ пришелъ онъ къ намъ на балъ?

Фаустъ (танцуетъ).

Эхъ! онъ нигдѣ не отставалъ.
Другой танцуетъ — онъ обесудитъ.
И если каждый шагъ имъ оцѣненъ не будетъ,
То шагъ какъ будто не пройденъ.
Движеніемъ впередъ онъ злѣй всего возбѣшенъ.
Вотъ если бы при немъ все лишь кружиться,
Какъ въ старой мельницѣ своей онъ то завелъ,
Пожалуй слово бы онъ доброе нашелъ;
Особенно, какъ тутъ ему же поклониться.

Проктофантазмистъ.

А вы еще все здѣсь! Паладили одно!
Печезните! Вѣдь все давно просвѣщено!
Вотъ чортовъ-то народъ не слушается правилъ;
Мы такъ умны, а тутъ кто эту дрянъ оставилъ?
Вѣй предразсудки я повымель за порогъ!
А все нечисто тутъ. Ну кто-бъ повѣрить могъ!

Красавица.

Ну, что онъ намъ надоѣдаетъ?

Проктофантазмистъ.

Въ лицо вамъ, духи, говорю:
Духовный деспотизмъ — его я не терплю;
Мой духъ его не допускаетъ.

(Продолжаютъ танцевать).

Сегодня здѣсь моихъ не слушаютъ совѣтовъ;
Но путешествіе отбуду молодцомъ,
Въ надеждѣ, что хотя передъ концомъ
Схумѣю покорить чертей я и постовъ.

Мефистофель.

Пожалуй въ дужу онъ усѣется соберется,
Такъ облегчаетъ онъ обычно тяжкій трудъ —
И если пьянокъ тамъ побольше присосется,
Уймется духъ его и духи пропадутъ.

(Фаусту выступившему изъ круга танцующихъ).

Зачѣмъ прекрасную дѣвицу ты оставилъ?
Она ужъ пѣла все пѣжнѣй.

Фаустъ.

Ахъ! вмѣстѣ съ пѣніемъ у ней
Шмыгнулъ изъ устъ мышенокъ красный.

Мефистофель.

Вотъ выдумать! какая-жъ тутъ бѣда;
Была вѣдь мышь-то не сѣда.
Есть чѣмъ тревожить говоръ страстный!

Фаустъ.

Потомъ я видѣлъ...

Мефистофель.

Что?

Фаустъ.

Ты самъ вонъ погляди!

Прекрасное дитя, вдали отъ всѣхъ одна,
Такая блѣдная, не движется почти,
Плыветъ, какъ будто ногъ не двигаетъ она.
Скажу по совѣти своей,
Есть съ милой Гретхенъ сходство въ ней.

Мефистофель.

Оставь ее! Она грозитъ бѣдой.
То ликъ волшебный, идолъ не живой.
Съ ней встрѣтиться — напасть себѣ готовъ;

Отъ глазъ застывшихъ застываетъ кровь,
Взглянуть — и тотчасъ камнемъ стать.
Ты о Медузѣ-то слыхалъ.

Фаустъ.

Ну, право, мертвецы одни глядятъ такъ вяло,
Когда имъ глазъ никто изъ близкихъ не смыкалъ.
Вотъ грудь, которую мнѣ Гретхенъ отверзала;
Вотъ тѣло пѣжное, какимъ я обладалъ.

Мефистофель.

Въ томъ все и волшебство, нль въ умъ тебѣ неидетъ!
Что каждый милую свою въ ней узнаетъ.

Фаустъ.

О, что за счастье! За терзанье!
Я глазъ свести не въ состоянны.
Какъ изумительно пристать
Шнурочекъ красный къ тонкой шеѣ,
Спины кожа не шире, не видишь!

Мефистофель.

Такъ точно! Самъ я увидалъ.
Ей голову носить подъ мышкою удобно;
Ей отрубить ее Персей богоподобный. —
Страсть у тебя къ мечтанію во всемъ!
Вотъ на пригорокъ дай взойдемъ!
Тутъ словно въ Пратерѣ движенъ;
И если пѣтъ обмана въ томъ,

Театръ я вижу, безъ сомнѣнья.

А что даютъ?

Servibilis.

Сейчасъ опять начнемъ.

Вещь новая! Седьмое представленья!

Семь пьесъ всегда играютъ тутъ.

То дилетанта сочиненье

И дилетанты все даютъ.

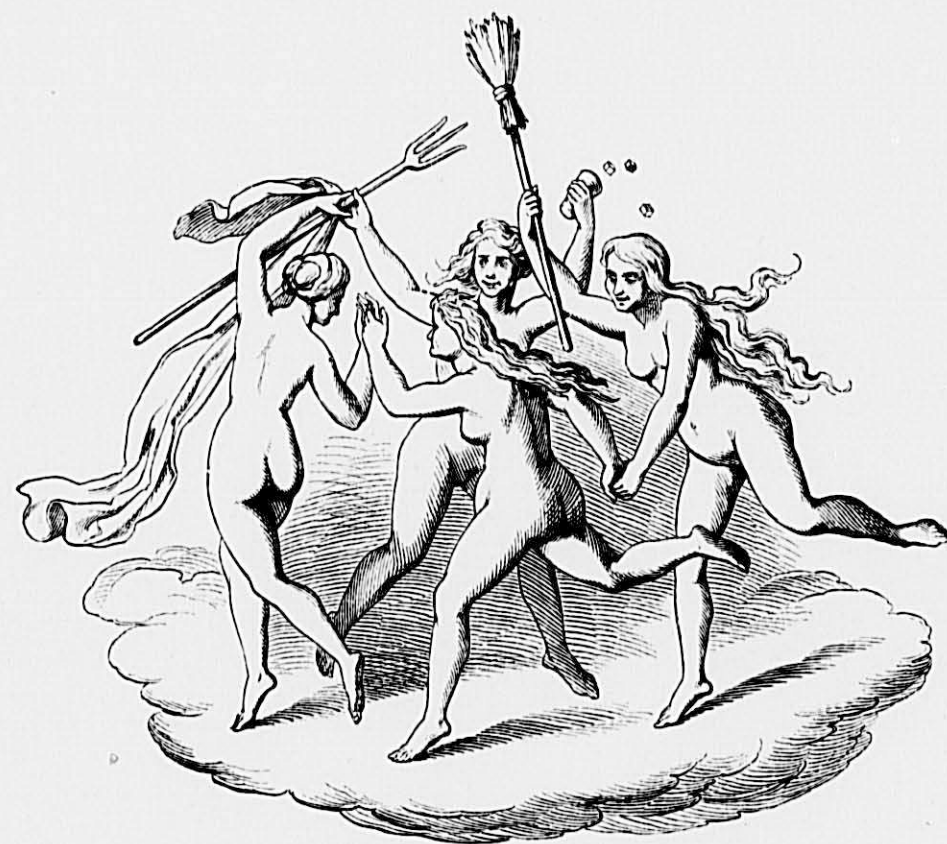
Простите, господа, что васъ я оставляю;

Какъ дилетантъ поднять я занавѣсъ спѣшу.

Мессингсфельдъ.

Я радъ, что я тебя на Блоксбергъ встрѣчаю.

Да гдѣ жъ и быть тебѣ? покорнѣйше спрошу.

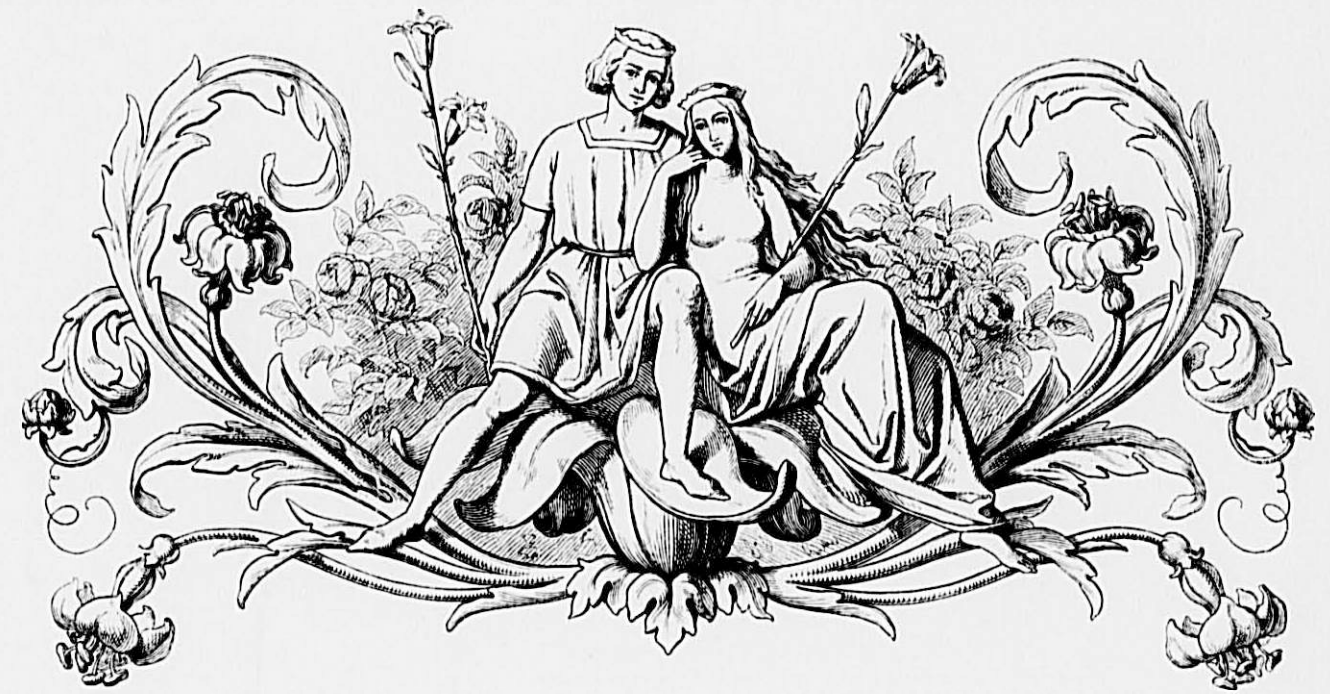
Сонъ въ Вальпургіеву ночь

ИЛИ

ОБЕРОНА И ТИТАНИИ ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА.

INTERMEZZO.

Режиссеръ.

Нынче Миднига сынамъ (5).
Есть въ трудахъ замѣна;
Холмъ да лугъ росеиный намъ,
Вотъ и вся тутъ сцена!

Герольдъ.

Чтобы свадьбѣ золотой
Стать — полвѣка надо,
Будь за трудъ мой мировой
Золото награда.

Оберонъ.

Полно, духи, вамъ порхать,
Вы бы прислужились,
Царь съ царицею опять
Здѣсь соединились.

Пукъ.

Если Пукъ прыжкомъ какимъ
Въ пляскѣ отличится;
Сотни бросятся за нимъ
Въ хороводъ кружиться.

Аріель.

Съ Аріелемъ запоешь —
Выйдетъ такъ пригоже;
Много онъ приманитъ рожъ
И красавицъ тоже.

Оберонъ.

Каждой парѣ можетъ быть
Нашъ примѣръ — наука!
Чтобъ другъ друга полюбить,
Нмъ нужна разлука.

Титанія.

Взбѣлся мужъ, а на него
Зло беретъ супругу,
Мните къ Сѣверу его,
А ее вы къ Югу.

Весь оркестръ

(fortissimo).

Эй, лягушки, ты, комарь!
Мухи! все таланты!
Ты, кузнечикъ, пріударь!
Вотъ и музыканты!

Соло.

Вотъ сама волинка къ намъ!
То пузырь лишь мыльный.
Зареветъ, такъ лопнетъ самъ
Отъ натуги сильной!

Духъ начинающій образовываться.

Къ жабъ крылья, паука
Ножки — вотъ смѣшенье!
Хоть не вышло такъ звѣрка —
Есть стихотворенье.

Парочка.

Мы пустились дружно въ плясъ,
Вся роса слетаетъ;
Но на воздухъ что-то насъ
Все не подымаетъ.

Любопытный путешественникъ.

Маскарадный знать чертогъ?
Вотъ ужъ изумился!
Оберонъ, прекрасный богъ,
Ты ли мнѣ явился?

Ортодоксъ.

Нѣтъ когтей, не при хвостъ!
Но и онъ въ итогъ
Все такой же чортъ, какъ тѣ
Греческіе боги.

Сѣверный художникъ.

Что набросилъ я — одини
Очерки — признаюсь;
Но въ Италію всѣ дни
Я подготавлиюсь.

Нуристъ.

Вѣдь не цѣнить этотъ людъ
Строгости премудрой!
Изъ всѣхъ волшебницъ тутъ
Только двѣ подъ пудрой.

Молодая вѣдьма.

Пудра съ платьемъ и тряпьемъ —
Бамамъ перезрѣлымъ;
На козлѣ я нагиномъ
Щеголяю тѣломъ.

Матрона.

Мы привыкли тонко жить,
Взорить не ведется.
Молода, свѣжа, а егнить
Заживо придется.

Канцельмейстеръ.

Эй, вы, мухи, ты, комарь,
Къ голой что пристаи!
Ты, кузнечикъ, пріударь,
Такъ вы потеряли!

Флюгеръ (въ одну сторону).

Гдѣ подобный кругъ найдешь?
Что ни шагъ — невѣста!
На подборъ и молодежь,
Вся добьется мѣста.

Флюгеръ (въ другую сторону).

Коль земля не поглотитъ
Эту шваль сплюснутую,
Самый адъ не устранишь,
И туда спрыгну я.

Ксенія. (6).

Насѣкомыми припили
Мы — и клещи наши

Мы на службу принесли
Сатанѣ папанѣ.

Геннингсъ (7).

Смотрите, какъ ихъ тѣсенъ рядъ,
Какъ шутки ихъ безпечны;
Пожалуй скажутъ что являютъ
Отъ доброты сердечной.

Музагетъ.

Мнѣ этихъ вѣдьмъ мила семья,
Толкался-бъ между ними;
Тутъ легче справился бы я,
Чѣмъ съ Музами своими.

си-devant Геній своего времени.

Какіе люди все у васъ!
Дай руку. Вотъ пролѣзь-то!
И Блоксбергъ, какъ и нашъ Парнасъ,
Обшириѣйшее мѣсто.

Любопытный путешественникъ.

Кто этотъ гордый, что притомъ
Глядитъ такъ сановито?
Онъ всюду похаетъ кругомъ.
«Онъ ищетъ езуита».

Журавль.

И въ мутной я готовъ водѣ
 Попользоваться рыбкой.
 Хоть набоженъ, спѣшу вездѣ
 Чертей встрѣчать съ улыбкой.

Свѣтскій.

Да, средство набожнымъ во всемъ,
 Что-бъ это исправить въ корнѣ;
 Они на Блоксбергѣ самомъ
 Устроить все соборне.

Танцующій.

Знать новый хоръ звенитъ въ ушахъ.
 Не бубны-ль загремѣли?
 Нѣтъ, это вышн въ камынахъ
 Такъ глухо загудѣли.

Танцмейстеръ.

И всякъ-то пляшетъ. Эка блажь!
 Кажись бы, до того ли.
 Хромой и увалень туда-жъ,
 Не спросить, хорошо ли.

Гудочникъ.

Вѣдь эта сволочь, ей же ей,
 Другъ дружку-бъ задушила;

Но какъ Орфей скликалъ звѣрей,
 Волянка ихъ смирила.

Догматикъ.

Не сдамся критикѣ отнодъ,
 И спорить радъ до смерти.
 Чортъ долженъ быть же чѣмъ-нибудь;
 Откуда-жъ были-бъ черти?

Идеалистъ.

Шалить фантазія моя,
 Чуть мѣры не утратилъ;
 Коль это все, — все самъ же я,
 Такъ я сегодня спятить.

Реалистъ.

Какъ надоѣла мнѣ сейчасъ
 Вся эта суматоха;
 И на ногахъ я въ первый разъ
 Стою довольно плохо.

Супернатуралистъ.

А мнѣ такъ стало веселѣй,
 Хожу я торжествуя;
 О добрыхъ духахъ отъ чертей
 Уже заключать могу я.

Скептикъ.

За огонькомъ бѣгутъ вездѣ,
 Все кладъ въ воображеньи.
 А я, я рному помню: гдѣ
 Видѣнье, тамъ сомнѣнье.

Капельмейстеръ.

Вы, кузнечики — смотри!
 Эхъ вы дилетанты!
 Что-жъ вы, мухи, комары,
 Вы вѣдь музыканты!

Ловкіе.

Sans souci слыветъ нашъ кругъ,
 Весело межъ нами.
 Отказались ноги вдругъ,
 Ходимъ вверхъ ногами.

Неловкіе.

Пришлось и намъ хватать куски;
 Теперь чередъ не нашимъ!
 Мы протоптали башмаки
 И босикомъ ужъ пляшемъ.

Блудящіе огни.

Всѣ мы вышли изъ болотъ,
 Родины смердящей,

А помотришь — мы народъ
 Самый здѣсь блестящій.

Надучая звѣзда.

Разлетѣлась я съ высотъ
 Какъ звѣзда большая,
 А теперь лежу я вотъ,
 Съ мѣста не вставая.

Массивные.

Мѣста! мѣста! Тутъ примнень
 Траву, какъ ни хуже.
 Мчатся духи, духи тожъ,
 Только неуклюжи.

Пукъ.

Что вы, точно какъ слоны!
 Кажете намъ дюжестъ.
 Уступитъ ужъ вы должны
 Пуку неуклюжестъ!

Аріель.

Если крылья вамъ даны
 Духомъ и рожденемъ,
 Вы летѣть за мной должны
 Къ высреннимъ селеньямъ!

Духи

(pianissimo).

Тучекъ лѣтъ, туманъ поникъ,
Сверху просило,

Вѣтра вздохъ, — заснулъ тростникъ,
Вотъ и все пропало.

Пасмурный день.

П о л е.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Въ нуждѣ! Въ отчаянн! Скиталася съ горемъ
долго по землѣ и вотъ задержана! Какъ преступ-
ница заключена въ темницу на страшную муку,
прелестное, несчастное созданье! Вотъ до чего! до
чего! Предательскій недостойный духъ, и это ты
отъ меня скрывалъ! Стой, стой тутъ! Ворочай злобно
своими дьявольскими глазами! Стой и вызывай меня
своимъ невыносимымъ присутствіемъ! Въ заключе-
нн! Въ непереносимомъ бѣдствіи! Преданная во
власть злыхъ духовъ и безчувственного суда чело-
вѣческаго! А меня ты тѣмъ временемъ морочилъ
безмысленными развлеченіями, скрываешь отъ меня
ей возрастающее горе и оставляешь ее безпомощно
погибать!

Мефистофель.

Она не первая!

Фаустъ.

Собака! Отвратительное чудовище! Преврати его
ты, духъ безконечный! преврати этого змѣя снова
въ его собачій видъ, въ какомъ часто бывало
ему ночью порою являться передо мною, катиться
безвѣстному путнику подъ ноги и виснуть у на-
ткнувшагося на плечахъ. Обрати его снова въ лю-
бимый его образъ, чтобы онъ на брюхѣ ползалъ
передо мною на пескѣ, чтобы я ногами топталъ его,
отверженца! Не первая! Горе! горе, ни въ какой че-
ловѣческой душѣ невмѣстимое, что болѣе чѣмъ одно
созданіе потонуло въ глубинѣ этого бѣдствія, что
первая не искупила вины всѣхъ остальныхъ своими
предсмертными муками передъ лицомъ вѣчно Про-
щающаго! До мозга костей все существо мое про-
щивается бѣдствію этой одной; а ты спокойно ска-
лишься надъ судьбою тысячей!

Мефистофель.

Вотъ мы и опять на границѣ нашей смекалки, гдѣ у васъ, людей, умъ за разумъ заходитъ. Зачѣмъ же ты братаешься съ нами, коли не въ силахъ довести этого до конца? Хочешь летать и подверженъ головокруженью? Мы навязались къ тебѣ или ты къ намъ?

Фаустъ.

Не скажъ такъ на меня свои прожорливые зубы! Миѣ гадко! Великій, возвышенный духъ, удостоившій меня своего появленія, вѣдающій мое сердце и мою душу, зачѣмъ приковать ты меня къ этому позорному товарищу, который усаждается наносимымъ зломъ и радуется гибели!

Мефистофель.

Ты кончилъ?

Фаустъ.

Спаси ее! Или горе тебѣ! Страннѣйшее тебѣ проклятіе на тысячелѣтія!

Мефистофель.

Мстителя узъ я расторгнуть не могу, не могу отворить его затворовъ. — Спасеніе! — Кто же ввернулъ ее въ бѣдство? Я или ты? (Фаустъ дико озирается). Или ты ищешь грома? Хорошо, что онъ не

дагъ вамъ, несчастнымъ смертнымъ! Разгромить невиннаго встрѣчнаго — вотъ способъ тирановъ, при стѣсненіи облегчить грудь.

Фаустъ.

Неси меня туда! она должна быть свободна!

Мефистофель.

А опасность, которой ты подвергаешься? Знай, еще въ городѣ тебя ищутъ за пролитую кровь. Надъ могилою убитаго посяетъ духи мщенія, ожидая возврата убійцы.

Фаустъ.

Еще этого отъ тебя не доставало? кровь и смерть цѣлаго міра на твою голову, чудовище! Веди меня туда, говорю я, и освободи ее!

Мефистофель.

Я поведу тебя, но что могу я сдѣлать, слушаи! Развѣ миѣ дана полная власть на небѣ и на землѣ? Я усилю сторожа; захвати ключи и выведи ее человѣческой рукой! Я стану на стражѣ. Волшебные кони готовы и я васъ умчу. Вотъ все что могу я.

Фаустъ.

Скорѣй и въ путь!

Н о ч ь.

Открытое поле.

Фаустъ и Мефистофель (проносятся на вороныхъ коняхъ).

Фаустъ.

Что вьются надъ мѣстомъ тамъ казни онѣ?

Мефистофель.

Не знаю, что дѣлають, варягъ.

Фаустъ.

Подымутся, спустятся, вьются, плывутъ.

Мефистофель.

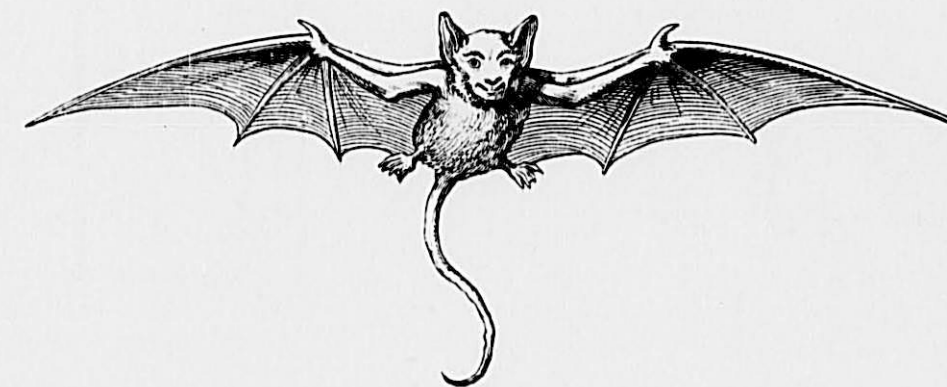
Слетѣлись колдуньи.

Фаустъ.

И сѣютъ и мѣсто готовить.

Мефистофель.

Впередъ! впередъ!

Темница.

Фаустъ (со связкой ключей и лампой у желѣзной двери).

Давно забытый страхъ владѣть мною;
Всемирнымъ я страданьемъ потрясенъ.
Вотъ здѣсь она живетъ, за влажною стѣною,
А весь ея проступокъ — милый сонъ!
Ты медлишь ее обнять!
Боишься ее увидать!
Скорѣй! спасенья часъ пока не промедленъ.

(Онъ беретъ за замокъ. Внутри поетъ).

Ты, распутница мать,
Извела ты меня!
Ты, разбойникъ отецъ,
Ты зачѣмъ съѣлъ меня!
А сестрички меньшой
И могилки сырой
Не сыщу;
Тутъ я птичкою стала лѣсной,
Полечу, полечу!

Фаустъ (оттираетъ).

Что милый здѣсь, ей не придетъ на умъ,
Что слышишь звукъ цѣпей онъ и соломы шумъ.
(Онъ входитъ).

Маргарита (причась въ постели).

Увы! увы! идутъ. Часъ горькій мой!

Фаустъ (тихо).

Молчи! Сейчасъ на волѣ будешь.

Маргарита (падая къ его ногамъ).

Коль человекъ ты, — скажись надо мной!

Фаустъ.

Ты крикомъ сторожей разбудишь!

(Онъ беретъ ея цѣпи, чтобы отомкнуть).

Маргарита (на коѣннѣхъ).

Кто власть, палачъ, тебѣ могъ дать
Здѣсь надо мной такую!

Меня пришелъ ты въ полночь брать.

Умилосердись, — жить хочу я!

Хоть до утра оставь; — тогда...

(Встаетъ).

Я молода еще, такъ молода!

И вдругъ могила!

И хороша была, вотъ что сгубило.

Другъ близокъ былъ, теперь вдали;

Разорванъ мой вѣнокъ, цвѣточки отцвѣли.

Зачѣмъ твоя рука такъ больно ухватила!

О, пощади! чѣмъ я не угодила?

Не дай напрасно умолять!

Вѣдь мнѣ въ первой пришлось тебя и увидать!

Фаустъ.

Какъ съ этимъ горемъ совладать!

Маргарита.

Теперь да будетъ власть твоя.

Дай накормить дитя грудное.

Надъ нимъ вся ночь прошла моя;

Они отняли дорогое,

И говорятъ, его убила я.

Всю жизнь мнѣ проводить съ тоской.

И пѣсни про меня сложили люди злые!

У старой сказки есть конецъ такой;

Зачѣмъ вставлятъ слова другія?

Фаустъ (бросаясь на коѣннѣ).

У ногъ твоихъ здѣсь любящій, готовый

Расторгнуть рабскія оковы.

Маргарита (бросаясь къ нему).

О! предъ святыми станемъ на коѣннѣ!

Смотри! Куда пошли ступени,

Вотъ у порога,

Тамъ въ адъ дорога!

И злобный духъ,

И злая прислуга,

Какъ грянуть вдругъ!

Фаустъ (громко).

Гретхенъ! Гретхенъ!

Маргарита (вслушиваясь).

То голосъ милаго друга!

(Она вскакиваетъ, цѣпи спадаютъ).

Гдѣ онъ? онъ звалъ меня сейчасъ.

Теперь свободна я! Никто мнѣ не указъ.

На шею къ нему полечу,

На грудь къ нему пасть я хочу!

Онъ крикнулъ мнѣ: «Гретхенъ!» Онъ былъ на порогѣ.

Средь адскаго гама, въ смертельной тревогѣ,

Подъ дьявольскій смѣхъ и неистовый стукъ,

Узнала я милый и сладостный звукъ.

Фаустъ.

Вотъ я!

Маргарита.

Ты это! О, скажи еще въ другой!

(Хватаетъ за него).

Онъ! это онъ! Куда дѣвался ужасъ мой?

Весь страхъ тюрьмы, цѣпей, во что онъ обратился?

Ты! чтобъ спасти меня явился!

И спасена! —

Вотъ я и улицу узнала,

Гдѣ въ первый разъ тебя я повстрѣчала,

А вотъ и садикъ увидала,

Гдѣ съ Мартою тебя мы поджидали.

Фаустъ (порывался).

Пойдемъ! Пойдемъ скорѣе!

Маргарита.

Не спиши!

Такъ рада я всегда побыть съ тобой.

(Ласково).

Фаустъ.

Спиши!

Минутою одной

Погубишь все. Не медли долѣ.

Маргарита.

Какъ? Ты ужъ не цѣлуешь болѣ?

Мой другъ, давно-ль я шла тебя встрѣчать,

Ужъ разучился цѣловать?

Зачѣмъ мнѣ странно на груди твоей?

Когда въ твоихъ рѣчахъ, въ глазахъ твоихъ встрѣчая,

Бывало, небеса храню въ душѣ моей,

Ты цѣловать меня, какъ будто удущая.

Поцѣлуй меня!

Не то я стану цѣловать тебя!

(Обнимаетъ его).

Увы! твои остыли губы,

Ты нѣмъ.

Куда вся любовь, что я знала,

Пропала?

Кто отнялъ? Зачѣмъ?

(Отворачивается отъ него).

Фаустъ.

Скорѣй! Опомнись, милая! Бѣжимъ!

Всѣмъ пыломъ страсти буду вновь твоимъ.

Иди за мной! Прощу я объ одномъ!

Маргарита (обращаясь къ нему).

Да ты ли это? Ты-ль? Скажи путемъ.

Фаустъ.

Я! Я! Пойдемъ.

Маргарита.

Ты цѣпи разорвешь,

И на колѣни вновь меня возьмешь.

Другъ, отчего ко мнѣ ты страха не питаешь? —

Ты знаешь ли, кого освобождаешь?

Фаустъ.

Скорѣй! Скорѣй! ужъ началъ день свѣтатъ.

Маргарита.

Я убила родимую мать,

Я дитя утопила свое.

Вѣдь оно-жъ и мое, и твое?

И твое! — Это ты! — Это онъ.

Дай мнѣ руку! Такъ это не сонъ!

Эту милую руку! — Но ахъ! посмотри,

Какъ мокра! Ты ее оботри!

На ней кровь.

Боже! что это сдѣлать ты вновь!

Эту шагу вложи,

Умоляю! — Ты знаешь...

Фаустъ.

Что прошло, ужъ о томъ не тужи!

Ты меня убиваешь.

Маргарита.

Нѣтъ, ты долженъ остаться, мой милый!

Опишу я тебѣ всѣ могилы,

Ты по утру ихъ вновь

Изготовь:

Мѣсто лучшее матері взято,

Положи съ нею рядомъ и брата,

А меня такъ-то съ бока,

Да не слишкомъ далеко!

Мнѣ ребенка на правую грудь.

Лечь со мною они не рѣшатся! —

Но къ тебѣ мнѣ, бывало, прижаться

Было счастье, отрада моя!

Но теперь нѣту прежняго болѣ;

Словно льну я къ тебѣ поневолѣ,

И тебѣ точно я не своя.

А вѣдь все же ты здѣсь, съ этимъ добрымъ лицомъ.

Фаустъ.

Коль меня узнаешь, такъ пойдемъ!

Маргарита.

Чтобы я выходила?

Фаустъ.

На волю.

Маргарита.

Коль ждешь тамъ могила,

И смерть караулитъ, пойдемъ!

Отсюда на вѣчный покой!

И дальше ни шагу! — Теперь ты уходишь?

О, Генрихъ! когда-бъ я могла за тобой!

Фаустъ.

Ты можешь! Рѣшайся! отворена дверь.

Маргарита.

Нельзя мнѣ. Надежды нѣтъ теперь.
Что пользы бѣжать? Тамъ меня караулятъ.
Какъ горько просить подаянья,
Къ тому же страшась наказанья!
И тамъ на чужбинѣ узнаютъ,
Они меня снова поймаютъ!

Фаустъ.

Я буду съ тобой.

Маргарита.

Скорѣй! скорѣй!
Къ ребенку своему поспѣй!
Бѣги! по пути,
Гдѣ по кладкамъ ручей
Перейти,
Все дальше въ лѣсъ,
Налѣво, гдѣ доска
Въ прудѣ.
Хватай въ водѣ!
Подняться хочеть
И бьется оно!
Спаси! Спаси!

Фаустъ.

Мгновенье одно!

Лишь шагъ одинъ — и будь свободной!

Маргарита.

Вонъ къ той горѣ тропой обходной!
На камнѣ мать сидитъ мой,
Меня въ ознобъ кидаетъ!
На камнѣ мать сидитъ моя,
И головой качаетъ;
И не кивнетъ, голова тяжела;
Никакъ не проснется, — такъ долго спала.
Спала, чтобы мы миловались.
Блаженные дни миновались!

Фаустъ.

Коль нѣтъ ни въ моленияхъ, ни въ просьбахъ пути,
Такъ прямо рѣшаюсь тебя унести.

Маргарита.

Оставь ты меня! — не хочу я насилья!
Зачѣмъ ты меня такъ хватаешь силомъ!
Тебѣ угождать я старалась во всемъ.

Фаустъ.

День близокъ! Другъ мой! милый другъ!

Маргарита.

День! Близокъ день! Последнй день настать;
Днемъ свадьбы для меня онъ стать!

Не сказывай, что ты уже у Гретхенъ былъ.

Вѣнокъ мой бѣдный!

Не помни было!

Увидимся снова!

Но не на танцахъ.

Толпа валить, ей не слышать.

На площади и повсемѣстно

На улицахъ тѣсно.

Раздался звонъ, идутъ и брать.

Онъ вяжетъ меня и хватаетъ!

Уже я у плахи стою рековой.

Уже надо всѣмъ мелькаетъ

Топоръ, что блеститъ надо мной.

И мѣръ замолчалъ, какъ могила!

Фаустъ.

О, лучше бы я не родился!

Мефистофель (появился вѣ).)

Скорѣ бы ты торопился!

Все медлятъ! болтаютъ! пустое твердятъ!

Мои кони храпятъ,

И утро мерцаетъ.

Маргарита.

Что тамъ изъ земли возникаетъ?

Тотъ! тотъ! Ушли его опять!

Чего на святомъ ему мѣстѣ искать?

Меня ему нужно!

Фаустъ.

Ты жить должна!

Маргарита.

Судъ Божій! Тебѣ я предана!

Мефистофель (Фаусту).

Скорѣй! Скорѣй! Не то васъ брошу я.

Маргарита.

Твоя я, Отче! ты спаси меня!

Вы, Ангелы, всѣ прилетите,

Святые меня защитите!

Мнѣ странно, Генрихъ! быть съ тобой.

Мефистофель.

Ей нѣтъ спасенья!

Голосъ (свыше).

Спасена!

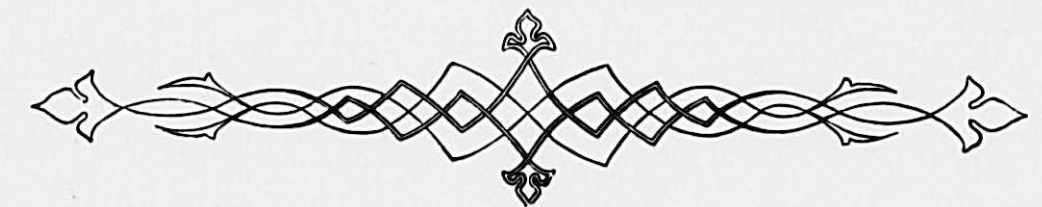
Мефистофель (Фаусту).

За мной!

(Исчезаетъ съ Фаустомъ).

Голосъ (изнутри замираетъ).

Генрихъ! Генрихъ!

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Астрологическій знак микрокосма, на подобіе кадрана часовъ, изображенъ въ книгѣ Scheible, *Das Kloster* стр. 932. Штутгартъ, 1846.
- 2) По алхимической терминологіи *Красный левъ* означаетъ яркокрасный порошокъ, превращающій металлы въ золото.
- 3) *Лилия*. Вѣроятно тотъ серебристый металлъ, бѣлый порошокъ, который у французскихъ алхимиковъ назывался *fille blanche*. Древнефранцузскія серебряныя копѣечки были извѣстны подъ именемъ *blancs à la fleur de lys*. Лилейно-бѣлый металлъ — серебро.
- 4) Болтливость прачекъ придала нѣмецкому *waschen* значеніе *болтать*. Намекъ на журналистику.
- 5) Директоръ театра характеризуетъ себя и машинистовъ, какъ сыновей *Mieding'a*, памяти котораго посвящено стихотвореніе *Mieding* (Octav-Ausg. 84).
- О Мидингѣ еще упоминается въ Goethe's Werke B. XXXI, I. 84. I. Мартинъ Мидингъ († 1782) служилъ при Веймарскомъ театрѣ и отличался рвениемъ къ дѣлу.
- 6) Ксенія отъ ξένος подразумѣвалъ (ξένον) подарокъ гостю, въ проиическомъ смыслѣ, подарочекъ, — сатирическое стихотвореніе. Употреблено у писателя Эвфориона.
- 7) Геннингъ. Директоръ Веймарскаго театра во время Гёте.

ШАЗМЕ

ТРАГЕДІЯ

ЗЕМЕ

Переводъ А. ФЕТА.

Съ рисунками Энгельберта Зейбертца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

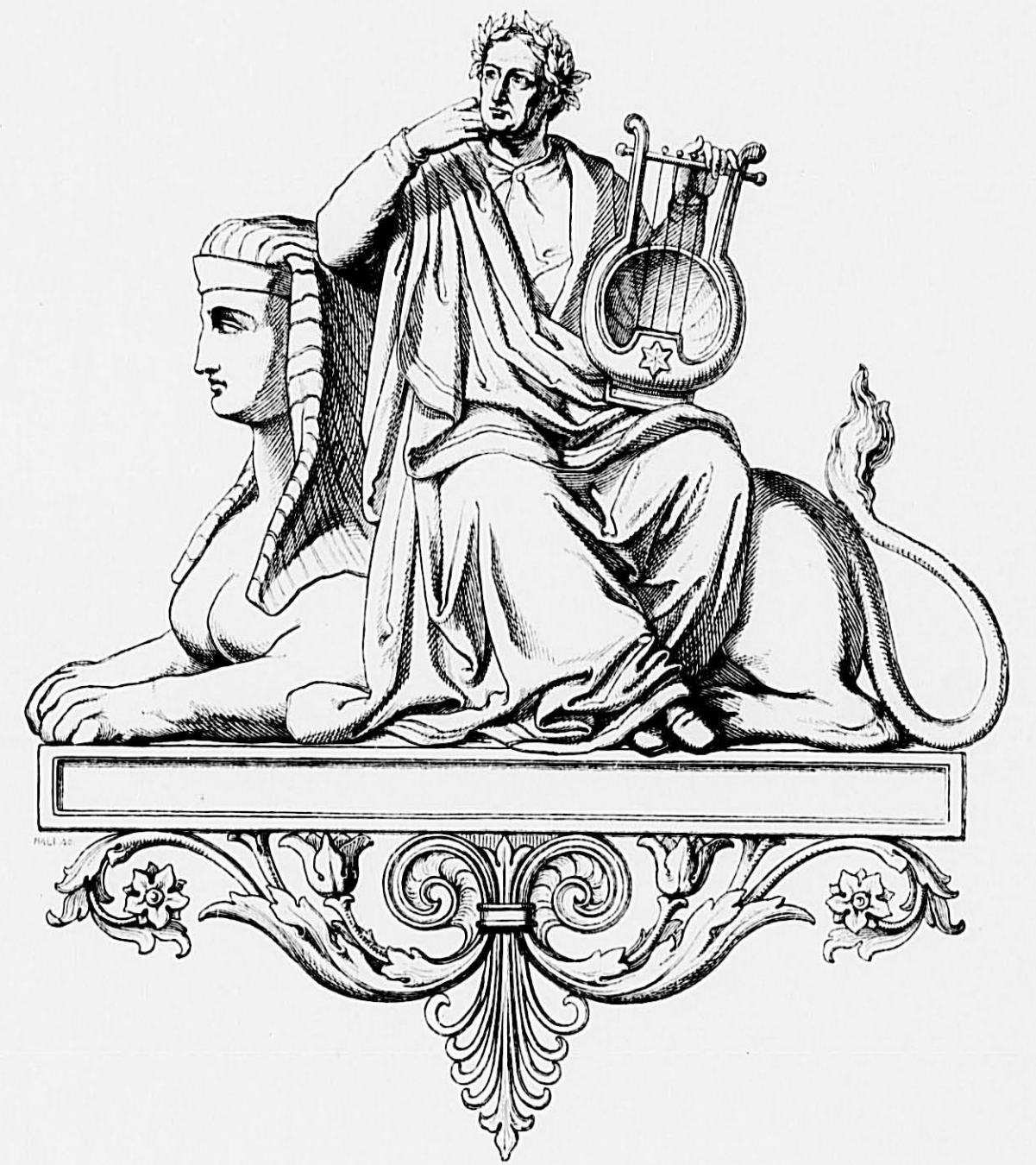

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1889.

ТРАГЕДІИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ пяти актахъ.

Антъ первый.

С у м е р к и.

Фаустъ (распростертъ на цвѣтущей муравѣ, безпокойно ищетъ сна).

Хоръ духовъ паритъ подвижно, милые малютки.

Апрѣль (пѣніе сопровождаемое
золотыми арфами).

Какъ весна свой дождь цвѣточный
Надо веѣми пронесетъ,
Какъ въ поляхъ зеленый, сочный
Всеходъ на радость веѣмъ блеснетъ,
Малыхъ эльфовъ духъ высокій
Помогать спѣшитъ всему;
Будь святой онъ, будь жестокій,
Несчастливца жаль ему.

Вокругъ его чела вы, рой свободный,
Исполните долгъ эльфовъ благородный,
Уймите пылъ, которымъ онъ томимъ,
Отъ стрѣлъ его спасите вы упрека,
Развѣйте ужасъ пережитый имъ.
Въ ночной тѣни четыре вамъ урока,
Пройдите ихъ вы ласково надъ нимъ.
Сперва его вамъ уложить удастся,
Затѣмъ пускай онъ росы Леты пьетъ;
Упорство членовъ судорожныхъ сдастся,

И, стихнув, онъ навстрѣчу дню пойдетъ.
Свершите эльфовъ долгъ прямой,
Верните въ свѣтъ его святой!

Хоръ (отдѣльно, вдвоемъ и во
множествѣ, по очереди и
вмѣстѣ).

Въ часъ, когда весь знакъ поляны
Теплотой еще объять,
Ароматы и туманы
Ниспускаетъ въ нихъ закатъ.
Тихо шепчетъ; сномъ влюбленнымъ
Ищетъ сердце усыпить,
И предъ окомъ утомленнымъ
Двери дня опять закрыть!

Ночь въ долинахъ глубочайшихъ.
Звѣзды вѣчныя взошли,
Крупныхъ искръ средь искръ мельчайшихъ
Ближній блескъ и свѣтъ вдали,
Прыщетъ въ озерѣ мигая,
Свѣтитъ съ тверди голубой,
И, покой нашъ завершая,
Правитъ мѣсяцъ золотой.

Унялось часовъ теченье,
Боль и счастье устрани.

Ты предчувствуй нецѣленье!
Вѣрь грядущей силѣ дня!
Холмъ пыннѣй, тѣнистой мглою
Разцвѣченный долъ одѣвъ,
И серебристою волною
Къ жатвѣ движется посѣвъ.

Пробудись съ мечтой заветной,
Въ дальнемъ блескѣ все твое.
Ты объять лишь незамѣтно,
Сонъ скорлупка — сбрось ее.
Не замедли ты рѣшеньемъ,
Гдѣ порывъ толпы смущень,—
Благороднымъ исполненьемъ
Быстрый подвигъ награжденъ.

(Необычайный гулъ возвѣщаетъ приближеніе солнца).

Апрѣль.

Слушай, какъ бунную оры!
Слуху духовъ заявляясь,
Новый день идетъ рождаясь;
Мрачныхъ скалъ скрипятъ затворы,
Колеса гремятъ Авроры,
Что за гулъ приноситъ свѣтъ!
Трубный трескъ дрожитъ, дробится,

Глазъ мигаетъ, уху скрыться
Отъ неслыханнаго слѣда.
Въ глубь цвѣтовъ скорѣй спасайтесь!
Глубже, глубже, зарывайтесь
Подъ скалы, подъ листья, въ мохъ!
Кто заслышалъ, тотъ оглохъ.

Фаустъ.

Трепещутъ пульсы жизни возделѣнно,
Встрѣчая часъ, когда зари блеснула:
И въ эту ночь, земля, ты неизмѣнно,
У ногъ моихъ почи, свить вдохнула;
Ты принесла мнѣ снова наслажденья,
Ты мощно пробудила и вдохнула
Къ высокой жизни вѣчныя стремленья.
Ночной покровъ ужъ снять до половины,
Стогласное въ лѣсу возникло пѣнье,
Туманъ струей вливается въ долины,
Но отблески небесъ и въ глубь зашли;
Приподнялись все вѣтви до вершины
Изъ ароматной мглы, въ которой спали.
Ужъ красками одѣлась грудь земная,
Гдѣ цвѣтъ и листъ слезами задрожали;
Вокругъ меня отверсто царство рай.

А въ вышнихъ! Нагихъ вершинъ колоссы
Уже горять, о торжествѣ вѣная,

Къ нимъ прежде всѣхъ съ снѣгомъ льются росы,
Что позже въ долъ нисходятъ усмысленный.
А вотъ и Алыгъ зеленые откосы
Пріемлютъ свѣтъ и видъ опредѣленный.
И постепенно сходить день горячій.
Оно взошло, — увь! ужъ ослѣпленный
Я взоры отвращаю съ болью жгучей.

Вотъ точно тожъ и въ насъ, когда стремленья,
Окрылены надеждою могучей,
Врата находятъ настѣжъ исполненія;
Но вотъ изъ пѣдра привлекавшей цѣли
Избытокъ пламени — и мы въ смущенны.
Мы фавель жизни лишь зажечь хотѣли —
Вдругъ море пламени, какое пламя!
Любовь? или ненависть? тѣмъ закипѣли
Мы вдругъ, что страшно овладѣло нами?
Такъ что, опять со мглой мирясь земною,
Завѣсой мы укрыться рады сами.

Такъ оставайся-жь солнце за снѣжною.
На водопадъ, въ ущелья горъ гремящій,
Взираю я съ восторженной душою;
Съ уступа на уступъ онъ съ силой вищей,
На тысячи дробясь потоковъ, мчится,
Наполнивъ воздухъ пѣною кипящей.
Но какъ чудесно въ этой мглѣ родится,

И, стихнувъ, онъ навстрѣчу дню пойдетъ.
Сверните эльфовъ долъ прямой,
Верните въ свѣтъ его святой!

Хоръ (отдѣльно, вдвоемъ и по
множествѣ, по очереди и
вмѣстѣ).

Въ часъ, когда весь злакъ поляны
Теплотой еще объять,
Ароматы и туманы
Ниспускаетъ въ нихъ закатъ.
Тихо шепчетъ; сномъ влюбленнымъ
Ищетъ сердце усыпить,
И предъ окомъ утомленнымъ
Двери дня опять закрыть!

Ночь въ долинахъ глубочайшихъ.
Звѣзды вѣчныя возли,
Крупныхъ искръ средь искръ мельчайшихъ
Ближній блескъ и свѣтъ вдали,
Прыщетъ въ озерѣ мигая,
Свѣтитъ съ тверди голубой,
И, покой нашъ завершая,
Правитъ мѣсяцъ золотой.

Унялось часовъ теченье,
Боль и счастье устрани.

Ты предчувствуй исцѣленье!
Вѣрь грядущей силѣ дня!
Холмъ пыннѣй, тѣнистой мглою
Разцвѣченный долъ одѣвъ,
И серебристою волною
Къ жатвѣ движется поспѣвъ.

Пробудись съ мечтой заветной,
Въ дальнемъ блескѣ все твое.
Ты объять лишь незамѣтно,
Сонъ скорлупка — сбрось ее.
Не замедли ты рѣшеньемъ,
Гдѣ порывъ толпы смущенъ, —
Благороднымъ исполненьемъ
Быстрый подвигъ награждать.

(Необычайный гулъ возвѣщаетъ приближеніе солнца).

Апрѣль.

Слушай, какъ бунуютъ оры!
Слуху духовъ заявляясь,
Новый день идетъ рождаясь;
Мрачныхъ скалъ скрипятъ затворы,
Колеса гремятъ Авроры,
Что за гулъ приносить свѣтъ!
Трубный трескъ дрожить, дробится,

Глазъ мигаетъ, уху скрыться
Отъ неслыханнаго слѣда.
Въ глубь цвѣтовъ скорѣй спасайтесь!
Глубже, глубже, зарывайтесь
Подъ скалы, подъ листья, въ мохъ!
Кто слышалъ, тотъ оглохъ.

Фаустъ.

Трепещутъ пульсы жизни возжелѣнно,
Встрѣчая часъ, когда зоря блеснула;
И въ эту ночь, земля, ты немѣнно,
У ногъ моихъ почивъ, опять вдохнула;
Ты принесла мнѣ снова наслажденья,
Ты мощно пробудила и вдохнула
Къ высокой жизни вѣчныя стремленья.
Ночной покровъ ужъ снять до половины,
Стогласное въ лѣсу возникло пѣнье,
Туманъ струей вливается въ долины,
Но отблески небесъ и въ глубь запали;
Приподнялись все вѣтви до вершины
Изъ ароматной мглы, въ которой спали.
Ужъ красками одѣлась грудь земная,
Гдѣ цвѣтъ и листъ слезами задрожали;
Вокругъ меня отверсто царство рай.

А въ вышнихъ! Нагихъ вершинъ колосомъ
Уже горятъ, о торжествѣ вѣщая,

Къ нимъ прежде всѣхъ съ снѣгомъ льются росы,
Что позже въ долъ нисходятъ усыпленный.
А вотъ и Алыпъ зеленые откосы
Пріемлютъ свѣтъ и видъ опредѣленный,
И постепенно сходитъ день горючій.
Оно возло, — увы! ужъ ослѣпленный
Я взоры отвращаю съ болью жгучей.

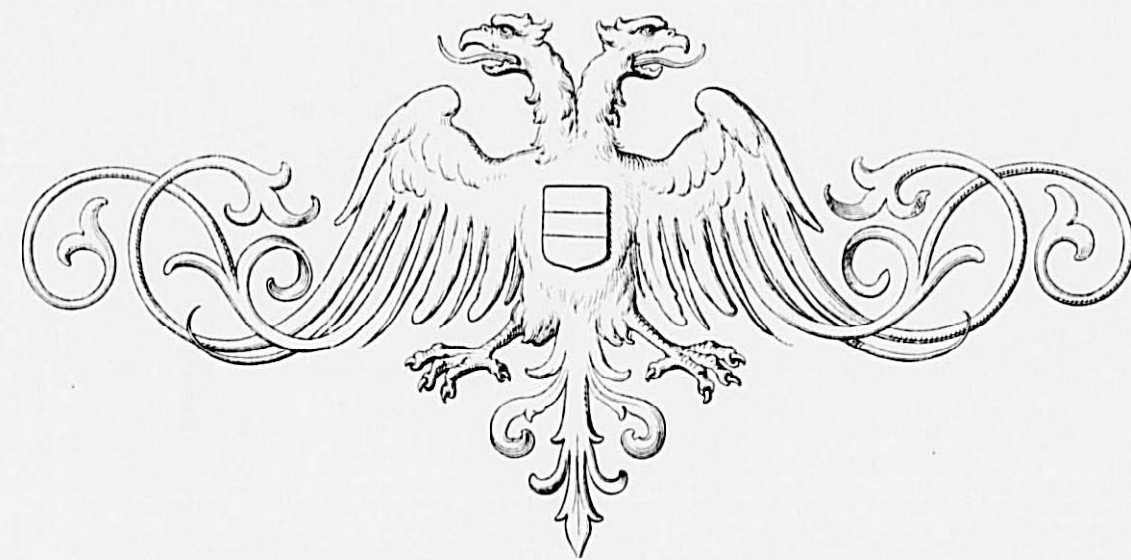
Вотъ точно тожъ и въ насъ, когда стремленья,
Окрылены надеждою могучей,
Врата находятъ пастежъ исполненья;
Но вотъ изъ пѣдра привлекавшей цѣли
Избытокъ пламени — и мы въ смущеніи.
Мы факель жизни лишь зажечь хотѣли —
Вдругъ море пламени, какое пламя!
Любовь? или ненависть? чѣмъ закипѣли
Мы вдругъ, что странно овладѣло нами?
Такъ что, опять со мглою мирясь земною,
Завѣсой мы укрыться рады сами.

Такъ оставайся-жъ солнце за снѣгою.
На водопадъ, въ ущелья горъ гремицій,
Взираю я съ восторженной душою:
Съ уступа на уступъ онъ съ силой вищей,
На тысячи дробясь потоковъ, мчится,
Наполнивъ воздухъ пѣною кипящей.
Но какъ чудесно въ этой мглѣ родится,

Мѣняясь вѣчно, та дуга цвѣтная,
То таетъ вдругъ, то снова загорится,
Росою все душистой обдавая.

Какъ въ зеркалѣ людское въ ней стремленье;
Обдумавъ все, ты скажешь постигая:
Тотъ пестрый отблескъ — жизни уясненье.

Императорскій дворецъ.

Тронная зала. (Государственный совѣтъ въ ожиданіи Императора).

Трубы.

Входятъ придворные всѣхъ чиновъ, въ великолѣпныхъ одеждахъ.

Императоръ вступаетъ на тронъ; по правую его руку Астрологъ.

Императоръ.

Всѣмъ мой привѣтъ, кто здѣсь явился,
Я вѣрность ихъ цѣню сердечно! —
Вотъ и мудрецъ при мнѣ конечно;
Куда же шутъ запропастился?

Юнкеръ.

Сейчасъ за мантией твоею
На лѣтницѣ свернуть онъ шею.
Вотъ туша! Еле унесешь.
Пьянъ или умеръ? не поймешь.

Другой юнкеръ.

Сейчасъ, откуда что берется,
Другой на это мѣсто рвется.

Великолѣпно онъ одѣтъ.

По роза! И подобной нѣтъ!

Алебардистамъ не сдается.

Тѣ бердыши скрестивши ждутъ. —

Да вотъ и онъ — отважный шутъ.

Мефистофель (склоня коленъ у трона).

Что ненавидать и ласкаютъ?

Что изгоняютъ и манятъ?

Что постоянно защищаютъ?

Что обвиняютъ и бранятъ?

Что глухо къ твоему глаголу?

Что всѣмъ приятно такъ называть?

Что близко къ твоему престолу?

Что лишь само могло ответить?

Императоръ.

Такія рѣчи намъ извѣстны,

Но здѣсь загадки неумѣстны,

Пусть господа ихъ разрѣшаютъ.

Вотъ разрѣши! — Я слышать радъ.

Мой старый путь навѣкъ исчезъ изъ края,

Иди ко мнѣ, его мнѣ замѣняй.

(Мефистофель выходитъ и становится слѣва).

Говоръ толпы.

Ужъ новый путь, — для новыхъ мукъ!

Откуда онъ явился вдругъ?

Тотъ прежній палъ — навѣкъ ушелъ. —

Тотъ бочка былъ, — а этотъ колъ. —

Императоръ.

И такъ привѣтъ вамъ за участие,

Все вѣрные, мнѣ близкіе душою!

Вы подъ счастливой собрались звѣздою:

Начертаны намъ въ небѣ миръ и счастье.

Зачѣмъ же въ дни, скажите сами,

Когда заботы за горами,

И съ подвижными бородами

Мы все желаемъ веселиться,

Намъ совѣщаньями томиться?

Но коль пехода вы другаго не нашли,

Исполнимъ то, зачѣмъ пришли.

Канцлеръ.

Горитъ добра высокій ореолъ

Вкругъ царскаго чела; его глаголь

Одинъ всемъ править человѣчно:

То правосудіе, что вѣчно

Всею нужно, всею необходимо,

Въ глазахъ народа въ немъ хранимо.

Увы! что можетъ въ человѣкѣ умъ,

А въ сердцѣ благость? что отвага думъ? —

Когда весь край въ какой-то лихорадкѣ,

И злу вослѣдъ другое зло въ зачаткѣ?

Кто поглядитъ съ той высоты, гдѣ тронъ,

На царство — словно видитъ тяжкій сонъ,

Гдѣ надъ уродствомъ тѣнятся уродство,

Гдѣ въ беззаконьи есть съ закономъ сходство,

И заблужденій общее господство.

Тотъ крадетъ стадо, тотъ жену,

Алтарный крестъ, подевѣчникъ, чашу,

Затѣмъ, позори слабость нашу,

Вкушаетъ миръ и тишину.

Тутъ челобитники толнятся,

Судья сидитъ въ своей цѣли;

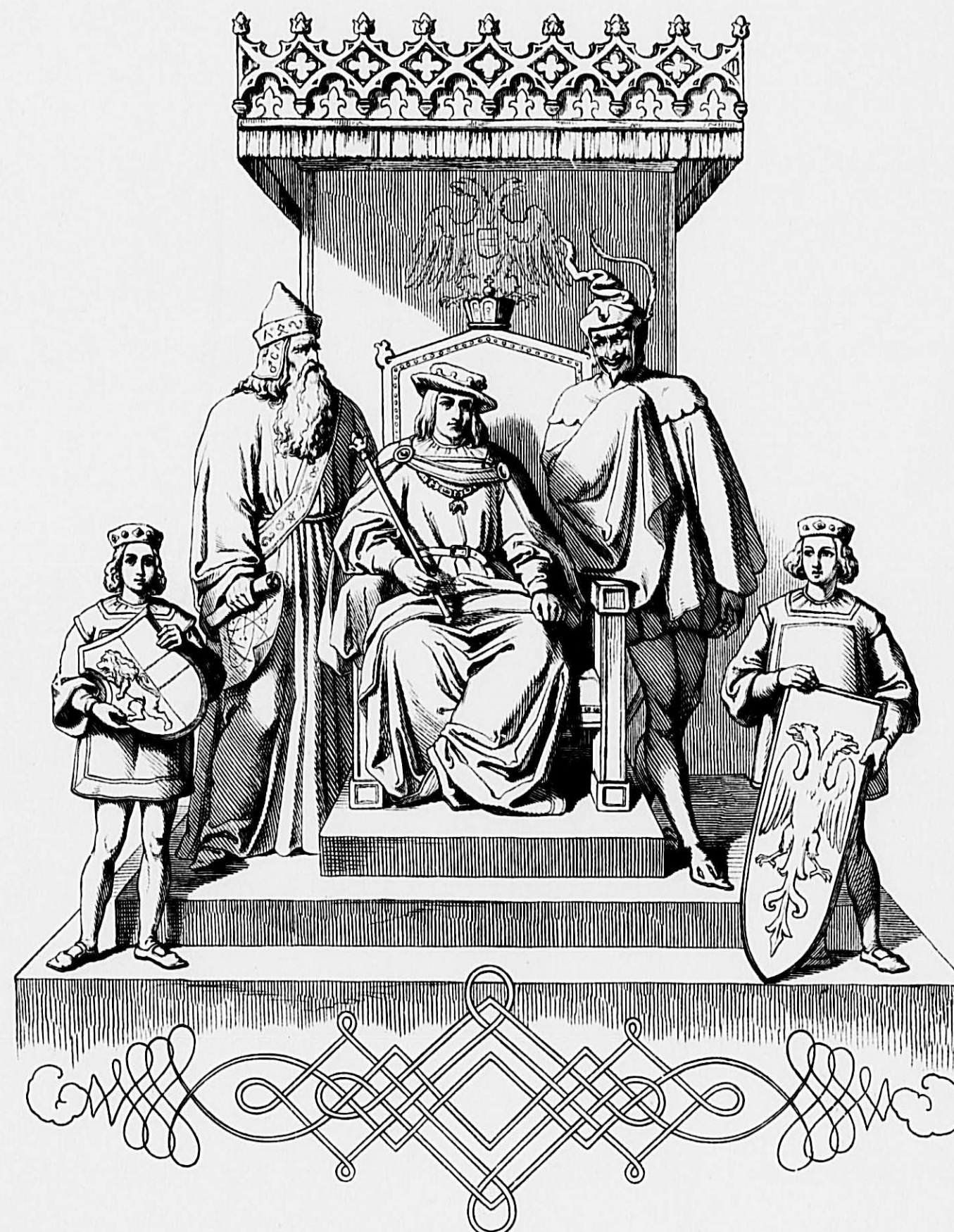
А между тѣмъ, чтобъ разливаться,

Возстанье все растетъ въ степи.

Тотъ только чистъ и безгрѣховенъ,

Кого сообщники спасутъ,

И развѣ слышится: «виновенъ»

HOLESCHNITZ VON KUNIGS K. SIEGEL STUTTGART

Тамъ, гдѣ невинный стать на судъ.
 Такъ все готово распасться,
 То разрушая, что блюдетъ.
 Какъ можетъ смыслъ тутъ разнаться,
 Который къ должному ведетъ?
 Пришлось и честному склонять
 Чело передъ льстецомъ, злодѣемъ,
 Судья безсильный покарать
 Примкнуть невольно къ лиходѣямъ.
 Картина мрачная. Готовъ
 Я на нее спустить покровъ.

(Пауза).

Взять мѣры тутъ необходимо;
 Коль всякъ вредить, всеѣмъ нестерпимо,
 Въ ущербъ даже царскій духъ.

Главнокомандующій.

Какое буйство въ эти дни-то:
 Всякъ или убійца или убитый,
 А на команду каждый глухъ!
 И горожанинъ за стѣнами,
 И рыцарь на своемъ гнѣздѣ,
 Прижавшись тѣнаться надъ нами,
 Намъ нѣтъ пособниковъ нигдѣ.
 Хоть взять наемнаго солдата,
 Просить онъ дерзко жалованья сталъ,
 И если бъ не за нами плата,
 Онъ и всеѣмъ бы убѣжать.

Кто никуда, что они буйны,
 Тотъ на гнѣздо наткнулся ось. —
 Странѣ отъ нихъ бы ждать охраны,
 А стать добычей ихъ пришлось.
 Мы терпимъ эти буйства злыя,
 Промотаѣ чуть не цѣлый свѣтъ;
 Хоть короли и есть другіе —
 Но никому до насъ и горя нѣтъ.

Казначей.

Вотъ на союзниковъ пеняютъ!
 Субсидій только обѣщаютъ,
 Ихъ какъ воды въ засуху нѣтъ.
 Ты государь большихъ владѣній, —
 Кто-жъ собственникомъ стать имѣній?
 Куда ни глянь, домъ новый возстаѣтъ, —
 И независимы все стали;
 А ты гляди, какъ онъ дѣла ведетъ.
 И столько правъ мы пораздали,
 Что ни на что намъ правъ не достаѣтъ.
 Отъ партій, какъ ихъ называютъ,
 Поддержки ждать нельзя давно;
 Онѣ хоть хвалятъ, хоть ругаютъ,
 А равнодушны все равно.
 Что Гвельфы, что и Гибелины
 Слѣшать укрыться, отдыхать.
 Помочь сосѣду нѣтъ причины,
 Хоть бы себя-то отстоять.

Намъ дверь къ богатству затворяютъ;
 Все шарить, роютъ и скопляютъ —
 А мы при сундукѣ пустомъ.

Кастелянъ.

И я, въ какомъ я затрудненъ!
 Толкуемъ мы о береженъ,
 И больше тратимъ съ каждымъ днемъ;
 Бѣда растетъ и мнѣ видна.
 У поваровъ пока достатокъ:
 Оленей, зайцевъ, куропатокъ,
 Гусей и утокъ, куръ оброчныхъ,
 То депутатовъ, то и срочныхъ
 Хоть можно понабрать сполна;
 Но не хватаетъ намъ вина.
 Бывало въ погребахъ едва терпѣли стойки,
 У бочекъ бочки какъ постройки, —
 Теперь большихъ господъ попойки
 До капли выбрали запасъ.
 И ратуша свой складъ спустила на пирушки.
 Пьютъ чашами, хватаютъ кружки, —
 И подъ столомъ весь пиръ какъ разъ.
 А я плати за все какъ знаешь;
 Жиды никакъ не уломаешь,
 Антиципацій нахватаешь,
 И бейся изъ году ты въ годъ.
 Свиной мы не дождемся въ тѣлѣ,

Въ залогъ даже все постели,
 И хлѣбъ кладутъ намъ сѣданный впередъ.

Императоръ (послѣ нѣкотораго
 размышленія къ Ме-
 фистофелю).

Ты, шутъ, не знаешь ли еще какихъ заботъ?

Мепистофель.

Я никакихъ. Я вижу блескъ чудесный
 И твой и этихъ дамъ. Сомнѣнья неумѣстны
 Тамъ, гдѣ величество всю совмѣщаетъ власть;
 Гдѣ все враждебное должно предъ силой пастъ;
 Гдѣ воля добрая, направлена умомъ,
 Многообразнѣйшимъ окружена трудомъ; —
 Возможно ль, чтобы тамъ судьба бѣдой грозила,
 Затмевшемъ — гдѣ горятъ подобныя свѣтила?

Говоръ толпы.

Вотъ это плутъ — свое возьметъ —
 Пошелъ на лестъ — пока беретъ —
 Я понять, — ловкій человѣкъ-то —
 Что-жъ будетъ дальше? — Жди проекта.

Мепистофель.

Гдѣ безъ нужды бываетъ бѣлый свѣтъ?
 Въ томъ или другомъ; здѣсь просто денегъ нѣтъ.
 На мостовой валяются ихъ не будетъ,
 Но мудрость ихъ изъ-подъ земли добудетъ.
 По жиламъ горъ, по стѣнкамъ скрытно
 Есть просто золото и слитно;

Спросите жь, кто его для насъ откроетъ вдругъ?

Природный даръ ума и мужа мудрый духъ.

Канцлеръ.

«Природа, духъ». Для христіанъ непетовъ

Такой языкъ! Сжигаютъ атепетовъ

За рѣчь, что къ пагубѣ ведетъ.

Природа — грѣхъ, духъ — дьяволъ черный;

Межъ ними рядъ сомнѣній спорный,

Таковъ чудовищный ихъ плодъ.

У насъ не такъ. Въ твоемъ владѣнии

Возникло два лишь поколѣнія,

Чтобъ защищать достойно тронъ:

Линъ рыцари, да линъ святые

Стоять способны въ бурѣ злыя,

За то имъ храмъ и судъ врученъ.

А черни смутныя затѣи

Упорства развиваютъ духъ;

Еретики да чародѣи

Разносятъ гибель линъ вокругъ!

Ты шуткой держкою безъ мѣры

Мрачить и выше хочешь сферы;

Въ сердцахъ дурныхъ твои примѣры,

Шуту порочный — близкій другъ.

Мефистофель.

О, какъ легко признать ученаго сейчасъ!

Чего на ощупь нѣтъ, то далеко отъ васъ;

Что не въ рукахъ у васъ, того искать не слѣдъ;

Чего вы не сочили, того и вовсе нѣтъ;

Чего не вѣѣчили, въ томъ вѣсу нѣтъ нѣсколько;

Что не чеканили — безцѣнно да и только.

Императоръ.

Злу не поможетъ этотъ споръ неспешный.

Чего ты ждешь отъ проповѣди постной?

Какъ, да когда бъ, прѣблась это дрянъ.

Нѣтъ денегъ: что жь — скорѣ ихъ достанъ!

Мефистофель.

Достану все, что нѣмче далеко.

Хоть и легко; но трудно, что легко.

Лежить оно готово, да достать

Задача вся; кто знаетъ, какъ начать?

Подумаи самъ, въ дни страха и печали,

Когда людскія волны затопляли

Страну, — какъ тотъ и этотъ въ страхѣ тоже

Туда-сюда скрывать что подороже;

Такъ съ Римскихъ дней все это началось,

И такъ затѣмъ по этотъ день велось.

И это все лежитъ въ землѣ зарыто —

Въ землѣ жь Имперской все твое, что скрыто.

Казначей.

Для дурака не глупыя слова;

То древнія Имперскія права.

Канцлеръ.

Здѣсь золотыя дьяволъ ставитъ петли,

Какихъ-нибудь грѣховныхъ каверзъ нѣтъ ли?

Кастелянъ.

Линъ ко двору бы онъ даровъ доставить,

Я бъ отступитъ немножко радъ отъ правилъ.

Главнокомандующій.

Дуракъ уменъ, онъ вѣмъ пообщалъ;

Солдаты не спросятъ, кто откуда вьзять.

Мефистофель.

Не думайте, что я нагаль вамъ много,

Вотъ мудрый мужъ, спросите астролога!

Въ своихъ кругахъ онъ видитъ часъ и домъ. —

Скажи-ка, что на небѣ тамъ твоёмъ?

Говоръ толпы.

Два проходимца — съ двухъ сторонъ —

Шутъ и фантастъ — обетали тронъ —

Все пѣснь одна — не удивитъ —

Дуракъ шепчетъ — мудрецъ гласитъ —

Астрологъ (говоритъ, Мефистофель напентываетъ).

Изъ золота все солнце создано;

Слуга Меркурій ждетъ награды давно;

Венера вѣхъ плѣнить успѣла васъ,

Съ утра и въ ночь съ васъ не спуская глазъ.

Луна стыдливо прячетъ скорбный лучъ;

Марсъ не грозитъ, но силой онъ могучъ;

Юпитеръ вѣхъ затмить, какъ возсіялъ.

Сатурнъ великъ, хотя на глазъ и малъ;

Мы, какъ металлъ, его не очень чтимъ,

Цѣной онъ малъ, но вѣсомъ вьзть своимъ.

Вотъ если бъ къ солнцу да луна скорѣй,

Сребро да къ злату — вѣмъ бы веселѣй.

А тамъ уже всего-бъ добыли люди:

Дворцовъ, садовъ, ланитъ и пышной груди,

Многоученый мужъ достанетъ вамъ

Все то, чего нѣтъ силъ достигнуть намъ.

Императоръ.

Я слышу рѣчь его вдвойнѣ,

А все довѣря нѣтъ во мнѣ.

Говоръ толпы.

Что пользы тутъ? — баклуши бьютъ —

Календари — чортъ ихъ деръ!

Пришлось слышать — да тицетно ждать —

А выйдетъ, глянь! — Такъ это дрянъ —

Мефистофель.

Теперь пошли болтать о вздорѣ,

Какъ кладъ достать, для нихъ вопросъ.

Одинъ бурчитъ о мандрагорѣ,

Другому снится черный пѣсъ.

Что пользы, если тотъ хохочетъ,

Другой волшебниковъ бранитъ,

У самого жь въ подошвахъ ужъ щекочетъ

Пль ногъ онъ не пошевелитъ!

Полны влѣяній вы тончайшихъ,

Природы вѣчной то завѣтъ,

И изъ предѣловъ глубочайшихъ

Живой къ намъ выбѣгаетъ слѣдъ;
Коль въ членахъ зацемишь порой,
Коль мѣсту станешь ты не радъ,
Скорѣй берись! Копаи и рой!
Тутъ жди удачи, тутъ-то кладъ!

Говоръ толпы.

Легло мнѣ на ноги свинцомъ. —
Мнѣ руку сводить — видно домъ. —
У пальца слышу зудъ въ слѣду —
Никакъ сишны не разведу —
По этимъ признакамъ кажись,
Сюда всѣ клады собрались.

Императоръ.

Скорѣй! Шутить я не желаю,
Придай ко лживой пѣнѣ вѣсь-то,
Кажи сейчасъ обѣщанное мѣсто!
Я скипетръ свой и мечъ слагаю,
И собственными здѣсь руками,
Коль ты не лжешь, все дѣло справлю;
А лжешь, такъ въ адъ тебя отправлю.

Мефистофель.

Туда дорогу самъ бы могъ сыскать я.
Но трудно дать о всемъ понятие,
Что какъ ничье лежитъ вездѣ;
Мужикъ горшокъ на бороздѣ
Находитъ полный золотыми, —

Селитра въ глини, мыслить онъ,
И вотъ руками трудовыми
Вскрыть золото, — испуганъ онъ и радъ;
Въ какія пропасти и своды,
Въ какіе склепы, переходы
Копать искатель долженъ ходы,
Въ подземный этотъ міръ сходя!
Въ подвалахъ древнихъ, кубки, чашки,
Тарелки видятъ взоры ваши,
Кругомъ ряды ихъ находятъ;
Бокалъ рубиновый сверкаетъ,
Кто изъ него пинить желаетъ,
На влагу древною каплетъ;
Но, вѣрьте знающему смѣло, —
Лотковъ все дерево сотлѣло,
И винный камень бочкой сталъ!
Но не одно вино такое,
Во мракѣ золото литое
И самоцвѣты видятъ взоръ.
Для мудреца въ ночи не жутко.
Днемъ познавать — пустая шутка;
Во мглѣ містеріямъ просторъ.

Императоръ.

Возьми себѣ ихъ, что намъ мраки эти?
Что цѣнно пусть появится при свѣтѣ. —
Какъ разглядѣть плута во мглѣ ночной?
Быкъ черенъ, коники сѣры до одной.

Горшки-то тѣ, что полны золотыхъ —
Пусти свой плугъ, — да выгони намъ ихъ!

Мефистофель.

Бери самъ заступъ, рой какъ надо,
Трудомъ крестьянскимъ ставъ великъ, —
И золотыхъ тельцовъ все стадо
Изъ-подъ земли предстанетъ въ мигъ.
Ужъ тутъ восторга не загасишь,
Себя ты самъ и милую украсишь.
Каменьевъ блескъ достоинъ высоты
Величества и красоты.

Императоръ.

Скорѣй! скорѣй! Что длить тутъ обѣщанья?

Астрологъ (какъ прежде).

Монархъ! Уйми столь пылкія желанья;
Сперва ты пестрый праздникъ свой отбуди!
Смѣшавшись, мы упустимъ что-нибудь.

Сначала мы рѣшимость обнаружимъ,
То, что внизу, здѣсь наверху заслужимъ.
Кто ждетъ добра — добро готовъ;
Ждешь радости, смори свою ты кровь;
Вина ты ждешь, — жми гроздіи въ той же мѣрѣ;
А чуда ждешь, такъ укрѣпляйся въ вѣрѣ.

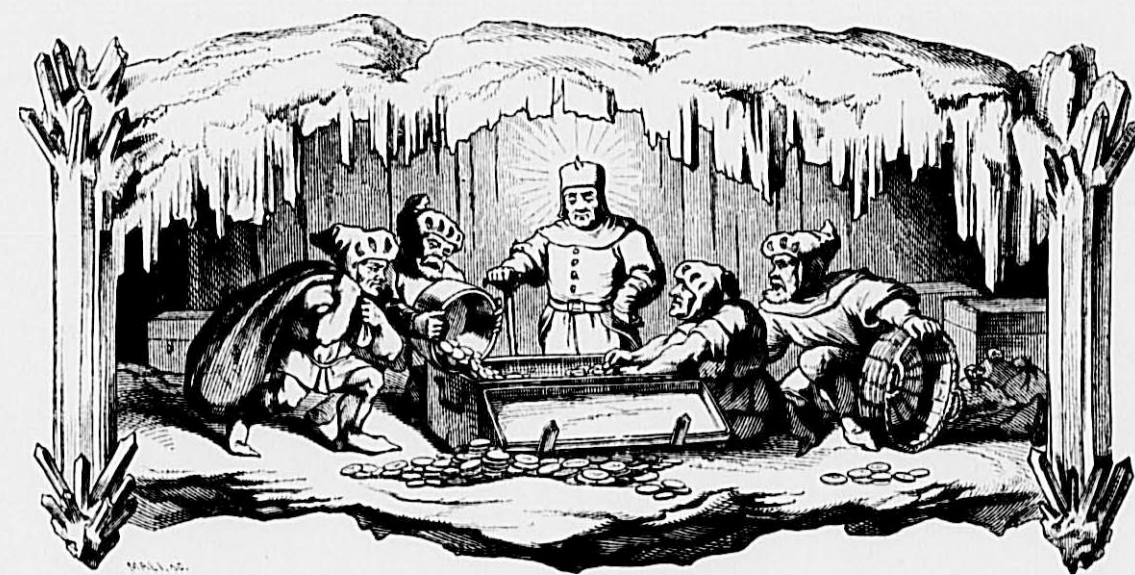
Императоръ.

Такъ станемъ дни въ веселы провождать!
Поста ужъ кетати будемъ ждать.
А между тѣмъ хочу, чтобъ всякъ встрѣчалъ
Повеселѣи нашъ шумный карнавалъ!

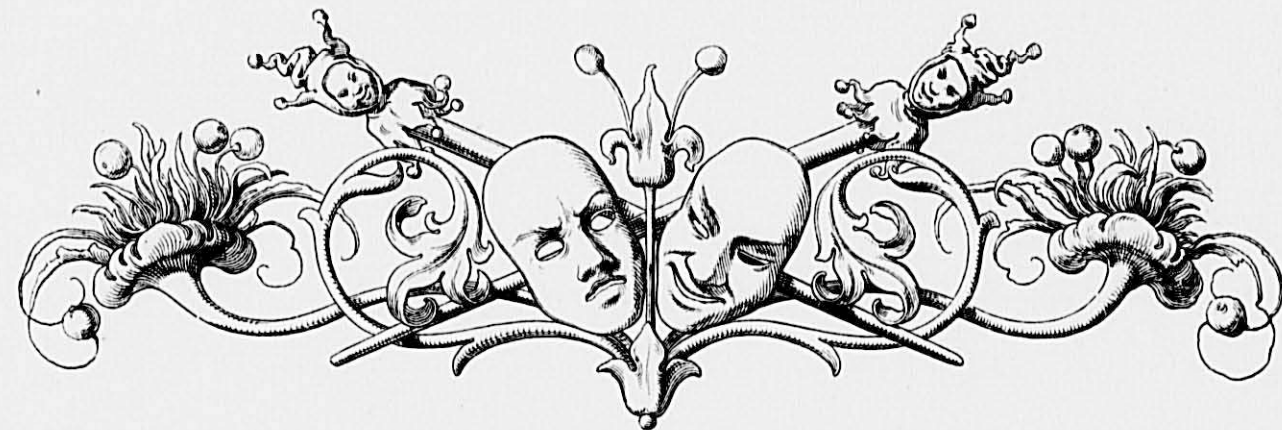
(Трубы. Exeunt).

Мефистофель.

Что счастье и заслуга — братья,
Не лѣзетъ въ голову глупца;
Имъ хоть бы могъ и камень мудрыхъ дать я,
Не смщенъ къ камню мудреца.

Просторный залъ, съ примыкающими покаями,
украшенный и убранный для маскарада.

Герольдъ.

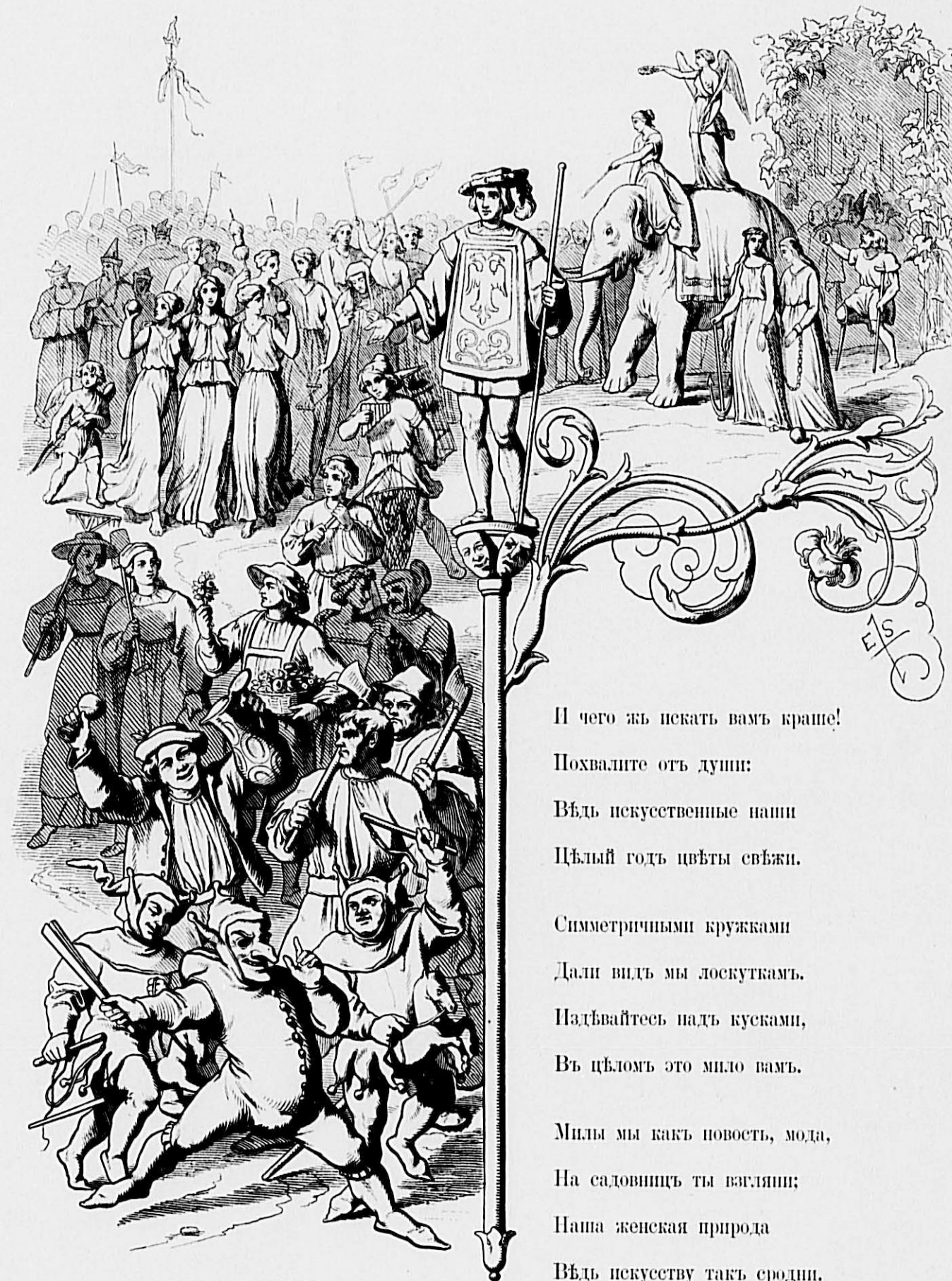
Въ предѣлахъ вы нѣмецкихъ, но не вѣрите,
Что лишь шуты здѣсь, мертвецы, да черти;
Веселый праздникъ подождать.
Нашъ государь, походъ свершивъ на славу,
Себѣ на пользу, вамъ въ забаву,
Отбывъ чрезъ Альпы переправу,
Веселымъ царствомъ овладѣлъ.
Главой склонясь къ святому трону,
Онъ право просилъ на власть,
Но для себя приобрѣти корону,
Для насъ колпакъ онъ не забыть принасть.
Переродились все мы сами:
Пріятно свѣтскимъ людямъ веѣмъ равно
Въ него засунуть голову съ ушами;
Хоть въ немъ легко считать ихъ дураками,
Они умны, насколько имъ дано.
Ужъ вижу, какъ они толпятся,

То разойдутся, то сдрукатся;
Къ кружку прибитъ ищетъ всякъ;
Войдетъ и выйдетъ прелюдно.
Что было и осталось такъ;
Пускается въ шутки безгранично,
Весь міръ одинъ большой дуракъ.

Садовницы.

(Шпіе, сопровождаемое мандолинами).

Похвалы стяжать живыя
Раздѣлись на зарѣ
Флорентинки молодыя,
При нѣмецкомъ мы дворѣ;
Мы цвѣтовъ, убранства ради,
Въ черныхъ кудряхъ принесли,
Шелкъ въ кусочкахъ, шелкъ какъ пряди
Мѣсто здѣсь свое нашли.

И чего жъ некать вамъ краше!
Похвалите отъ души:
Вѣдь искусственные наши
Цѣлый годъ цвѣты свѣжи.
Симметричными кружками
Дали видъ мы лоскуткамъ.
Издѣвайтесь надъ кусками,
Въ цѣломъ это мило вамъ.
Милы мы какъ новость, мода,
На садовницъ ты взгляни;
Наша женская природа
Вѣдь искусству такъ сродни.

Герольдъ.

Взглянемъ въ тѣ корзины сами,
 Что вы на головы взяли
 Или держите руками:
 Чтобъ по вкусу мы избрали.
 Ну скорѣй, чтобъ превратились
 Входы, выходы — въ теплицы!
 Стоять, чтобы къ нимъ тѣснились,
 И товаръ, и продавицы.

Садовники.

Веселѣе по обновѣ,
 Но безъ торгу покупай!
 И въ короткомъ тонкомъ словѣ,
 Что досталось, понимай.

Оливковая вѣтка съ плодами.

Не завидую цвѣтку я,
 Вовсе споровъ не терплю я,
 Такъ природой мнѣ дано.
 Все же почвенная сила
 Вся во мнѣ, и я служила
 Мирной вѣстною давно.
 Нынче жду съ мечтой безгласной
 Украшать чело прекрасной.

Вѣнокъ изъ колосьевъ (золотой).

Даръ Цереры мнѣ отъѣнно,
 Приспособленный къ вѣнцу.

Что въ полезности такъ цѣнно,
 Будь прекрасно вамъ къ лицу!

Фантастическій вѣнокъ.

То, что малыгъ напоминаетъ,
 Въ мохъ искусно можно вплестъ.
 Хотя въ природѣ не бываетъ,
 Но у моды это есть.

Фантастическій букетъ.

Кто бъ назвать меня рѣшился?
 Теофрастъ бы самъ смутился.
 А надѣюсь, что найдутся
 Тѣ, кому бъ мнѣ приглянуться.
 У такой я, можетъ статья,
 Могъ бы въ волосы влетаться,
 Иль она бъ мѣстечко мило
 Мнѣ у сердца уступила.

Вывъ.

Цвѣтъ фантази блестящей
 Служить модѣ преходящей;
 Пусть же чудень онъ бываетъ,
 Какъ природа не рождаетъ;
 Вѣтки, листья золотые,
 Вплейтесь въ кудри молодья! —
 Только...

Почки розъ.

Скромность въ насъ живетъ.
 Счастливы тотъ, кто насъ найдетъ!

Въ лѣтній вечеръ благовошный

Почка розы воспаленной

Для кого же не отрада?

Общенье и награда

Покоряетъ въ тотъ же часъ

Чувство, взоръ и сердце въ насъ.

(Въ галереяхъ, украшенныхъ зеленью, садовники
 красиво размѣщаютъ свой товаръ).

Садовники.

(Пѣніе сопровождаемое теорбами).

Пусть цвѣты благоухаютъ,

Ваши кудри украшая;

Но плоды не обольщаютъ,

Ихъ мы цѣнимъ лишь вкушая.

Вишни, персики созрѣли:

Покупайте! кто желаетъ.

Гдѣ языкъ да небо въ дѣлѣ,

Глазъ плохимъ судьей бываетъ.

Вотъ созрѣвшими плодами

Наслаждайтесь какъ ведется;

Розы можно пѣть стихами,

А плоды кусать придется.

Намъ дозволейте стать подъ пару

Съ вашимъ блескомъ молодымъ,

И созрѣвшему товару

Вашимъ видъ мы придадимъ.

Въ расцвѣченномъ поворотѣ,

Что къ бесѣдѣ насъ ведетъ,

Вы совместно все найдете:

Почки, листья, цвѣтъ и плодъ.

(Подъ чередующееся пѣніе, сопровождаемое ги-
 тарами и теорбами, оба хора продолжаютъ раз-
 ставлять по ступенямъ вверхъ и предлагать
 свой товаръ).

Мать и дочь.

Мать.

Родилась ты дочь, — тебя

Въ чепчикъ я убрала.

Такъ мила ты изъ себя

Крошечка лежала.

Ужъ тебя я подъ вѣнцомъ

За первѣйшимъ богачемъ

Увидать мечтала.

Ахъ! умчались все года

И съ мечтою сладкой.

Волокитъ ужъ ни слѣда

Послѣ встрѣчи краткой.

Танцевала ты съ однимъ,

Подавала знакъ другимъ

Локоткомъ украдкой.

Сколько праздникам у насъ
Приходилось длиться;
Фанты, игры каждый часъ,
Смотришь — не клеится;
Нынче праздникъ дураковъ,
Милка, фартукъ свой готовъ,
Можетъ кто ввалится!

(Подружки, юныя и прекрасныя, присоединяются къ нимъ: слышна задумчивая болтовня. Рыбки и Пинцеловы съ сѣтими, удочками, силками и прочими снастями покланяются, мѣшаясь съ прекрасными дѣвками. Взаимныя попытки захватить, поймать, избѣжать и удержать даютъ поводъ къ пріятнѣйшимъ діалогамъ).

Дровосѣки.

(Появляются стремительно и неуклюже).

Эй! разступитесь!
Просторъ мы любимъ.
Деревья рубимъ,
Свалить желаемъ,
А какъ таскаемъ,
Толчковъ страшитесь.
Пойми сугубый
Смыслъ, — неизбежный:
Вѣдь если грубый
Спины не гнуть бы,
Ну какъ тутъ пѣжный
Себя соблють бы,
На зло затѣямъ?

Что-жъ, разсудили?
Чтобъ вы не стыли,
Такъ мы потѣмъ.

Полишинели (ребячески, почти глупо).

Глупцы трудятся,
Горбись родятся;
Не отъ ума ли
Мы пошъ не знали.
Вѣдь колпаки-то
Ужъ какъ легки-то,
И въ курткахъ вольно.
Самодовольно
Мы дни проводимъ
И въ туфляхъ ходимъ,
Иль безъ записокъ
Влетимъ на рынокъ,
Да крикнемъ сами
Вдругъ пѣтухамъ;
Затѣмъ свободно
Тамъ, гдѣ народно,
Скользимъ какъ змѣи,
И вновь затѣи
И шумъ и пляска;
Хоть брань, хоть ласка

Къ намъ долетѣла:
Намъ что за дѣло!

Паразиты (ласкательно-сластолюбиво).

Вы тамъ съ дровами,
Намъ любо съ нами,
Намъ уголь тоже
Всего дороже!
Ужомъ сгибанье
И потаканье,
Всѣ фразы лести,
Что дуютъ вмѣстѣ
Студя и грѣя,
Вся ихъ затѣя —
Пустое дѣло.
Хотя бы пламя
Къ нимъ языками
Съ небесъ слетѣло,
Все дровъ немало,
Да углей нужно,
Чтобъ запылало
На кухнѣ дружно.
Тамъ парить, варить,
Пекуть и жарить,
И запахъ чуждо
Для лизоблюда.
Онъ рыбу чуетъ,

Узнать жаркое, —
Вотъ запируеть,
Гдѣ ждетъ чужое.

Пьяный (безсознательно).

Нынче мнѣ весь свѣтъ чудесенъ!
Такъ свободно я дышу,
Вѣдь веселости и пѣсенъ
Я съ собою приношу;
Вотъ и пью я, лейте! лейте!
Чокнитесь! чокнитесь! пейте! пейте!
Ты чего отсталъ отъ насъ?
Чокнитесь, вотъ тебѣ весь сказъ.

На меня жена бранилась,
Пестрымъ мой камзолъ нашла,
Я заважничать, — озлилась,
Палкой въ маскѣ назвала.
Но я пью! такъ лейте! лейте!
Чокнитесь! чокнитесь! пейте! пейте!
Палки въ маскахъ всѣ заразы!
Чокъ, да чокъ! Вотъ вамъ и сказъ!

Сумасбродомъ не считай-ка
Ты меня, я самъ ходокъ.
Скупъ хозяинъ, дасть хозяйка,
Дасть служанка на мѣлокъ;
Вотъ и пью я! лейте, лейте!
Чокнитесь! чокнитесь! пейте! пейте!

Каждый такъ-то! въ добрый часъ!
Чокъ да чокъ! Вотъ вамъ и сказъ.

Въ чемъ пріятность нахожу я,
То не должно измѣнять;
Гдѣ свалился, пусть лежу я,
Не хочу ужъ я стоять.

Хоръ.

Дружно, братцы, лейте, лейте!
На здоровье пейте! пейте!
На скамьѣ держись у насъ!
Кто подъ столъ, — тутъ весь и сказъ.

(Герольдъ возмущается о различныхъ позахъ, пѣвцахъ природы, придворныхъ и рыцарскихъ пѣвцахъ, то пѣжныхъ, то энтузиастахъ. Въ толпѣ всевозможныхъ соискателей никто другаго не допускаетъ до пѣсни. Одинъ проскользаетъ съ немногими словами).

Сатирикъ.

Вы знаете-ль, что мнѣ, поэту,
Всего бѣ отраднѣй было?
Когда бѣ твердить и пѣть я свѣту
Могъ то, что всѣмъ постыло.

(Пѣвцы ночи и гроба просятъ извиненія, такъ какъ они въ настоящую минуту заняты интереснѣйшимъ разговоромъ съ только что воскресшимъ вампиромъ, изъ чего можетъ быть разовьется новый родъ поэзіи; Герольдъ долженъ на это согласиться, и между тѣмъ вызываетъ греческую мимологию, которая даже въ модныхъ маскахъ не теритъ своего характера и пріятности).

Граціи.

Аглая.

Прелестъ въ жизнь мы вносимъ, знайте;
Съ той же прелестью давайте!

Гегемона.

Будь прелестно получение! —
Мило мыслей исполненъе.

Евфросина.

Въ тихой жизни повсемѣстно
Благодарность будь прелестна!

Парки.

Атропосъ.

Старшей мнѣ пришлось явиться
Прясть съ заботой неизбѣжной.
Сколько всяческихъ роитея
Думъ надъ нитью жизни пѣжной.

Чтобы мягче ей сгибаться,
Я тончайшій лентъ сыскала,
Чтобы ей не запинаться,
Ловкимъ пальцемъ я равняла.

Если вамъ при вашей прыти
Очень шибко жить придется,
Не забудьте этой нити,
Берегитесь! Ну порвется!

Клото.

Этихъ пожницъ управленъе
Мнѣ на-дняхъ передано.
Нашей старшей поведенъе
Ропотъ вызвало давно.

Вѣснеленія пустыя
Бережетъ, дасть имъ жить;
А надежды дорогія
Рѣжетъ, чтобы хоронить.

И со мной не разъ случится:
Промажусь, — таковъ нашъ полъ.
Нимѣ, чтобы не ошибиться,
Прячу пожницы въ чахотъ.

Эта связъ мнѣ не бремя,
Мило мнѣ глядѣть на васъ:
Такъ въ свободное вы время
Веселитесь въ добрый часъ.

Лахезисъ.

Я одна благоразумна,
И порядокъ я люблю,
Цѣлый вѣкъ трудясь безпумно,
Ничего не тороплю.

Нити льются, нити выются,
Я на путь ихъ навожу;

У меня ужъ не собоюся,
Вѣсн, какъ должно, укружу.

Ошибись я, — кто повѣритъ,
Мира жизнь я прекращу.
Часъ сочтеть, а годъ отмѣрить,
И мотокъ идти къ ткачу.

Герольдъ.

Въ тѣхъ, что идутъ, вы ошибаетесь сами,
Какъ чтенъе бы васъ книгъ ни просвѣтило.
Взглянувъ на нихъ, которымъ зло такъ мило,
Вы-бъ ихъ сочли пріятными гостями.

То фурія, вотъ странная затѣя!
Прелестны, юны, сложены прекрасно;
Но съ ними вамъ сближенъе опасно,
И изъ такихъ голубокъ жалать змѣи.

А въ наши дни къ чему же имъ коварство,
Когда порокомъ и дуракъ кичится,
Не ангеламъ — имъ нечего стыдиться,
Что бичъ они страны и государства.

Алекто.

Спасенія нѣтъ; довѣрье мы возбудимъ,
Мы вкрадчивы и юны и прекрасны;
Коль между вами есть любовникъ страстный,
То все ему наущничать мы будемъ.

Ему глазъ на глазъ выскажемъ свободно,
 Что и другимъ порой она киваетъ,
 Умомъ тупа, горбата и хромаетъ,
 И какъ невѣста — ни на что негодна.

Да и къ невѣстѣ мы пристанемъ смѣло:
 Вѣдь другъ ея недавною порою
 О ней съ презрѣньемъ говорилъ съ другою.
 Мирись потомъ! — а злое прикипѣло.

Мегера.

Все это вздоръ! Хотя бракъ ихъ сочетаетъ,
 А я берусь, съ моей обычной властью,
 Въ причудахъ ихъ найти отраву счастью.
 Не ровень всякъ, не ровень часъ бываетъ.

Ни кто не льнетъ къ желанному тому же,
 Глупцу другое болѣе желанно,
 Онъ, тяготясь, что счастье постоянно,
 Бѣжитъ отъ солнца, ждетъ тепла отъ стужи.

Всѣмъ этимъ я руковожу коварно,
 И тутъ зову я друга Асмодея,
 Чтобъ во-время вредить онъ, злобу сѣи,
 И такъ-то я людей гублю попарно.

Тизифона.

Идѣ и мечъ, не злое слово,
 На коварство берегу я.

Измѣнилъ, — подстерегу я,
 Рано-ль, поздно-ль — месть готова.

Если самый мигъ сладчайшій
 Превратится въ пѣну яда,
 Нѣтъ уступокъ, прочь пощада,
 Надъ виновнымъ судъ кратчайшій.

Вы не пойте мнѣ: помилуй!
 Я спрошу у скаль рѣшенье.
 Слышнись! эхо вторитъ: мщенье.
 Измѣнилъ, — иди въ могилу!

Герольдъ.

Угодно ли вамъ въ сторону раздаться;
 Съ тѣмъ, что теперь идетъ, вамъ не равняться. —
 Вы видите, гора идетъ пѣнкомъ,
 Коврами вся увѣнана кругомъ;
 Змѣится хоботь, два клыка огромныхъ;
 Загадочно; но ключъ есть для нескромныхъ.
 Тамъ на хребтѣ красавица видна,
 И ею править палочкой она.
 Другая выше тамъ стоитъ за ней;
 Блескъ отъ нея, — что больно для очей.
 А съ боку двѣ жены идутъ въ цѣпяхъ,
 Веселье видно въ той, а въ этой страхъ,
 Въ той духъ свободенъ, эта ждетъ скорбя.
 Пусть сами скажутъ про себя.

Боязнь.

Сколько факеловъ туманныхъ,
 Лампъ, свѣчей я узнаю;
 А къ средѣ личинъ обманныхъ
 Я прикована стою!

Прочь, смѣшные ротозѣи!
 Что вы скалитесь! — всѣ прочь!
 На меня всѣ лиходѣи
 Напираютъ въ эту ночь.

Сталь врагомъ, кто другомъ звался,
 Маской онъ не проведетъ;
 Тотъ убить меня собирался,
 Но открыть — сейчасъ уйдетъ.

Ахъ, какъ рада бы была я
 Убѣжать куда нибудь;
 Только сверху угрожаи,
 Не даютъ мнѣ отдохнуть!

Надежда.

Васъ привѣтствую, сестрицы;
 Хотя сегодня эти лица
 Васъ въ собраньи не смущали,
 Всѣ однако утверждали,
 Что вы маски снять готовы.
 И хотя въ подобномъ мѣстѣ

Словно чувствуемъ мы бремя,
 Но въ счастливѣйшее время,
 И расторгнувъ всѣ оковы,
 Въ одиночку или вмѣстѣ,
 Чтобъ гулять въ широкомъ полѣ,
 Выйдемъ мы по доброй волѣ.
 Всѣ заботы мы забудемъ,
 Безъ лишеній все добудемъ.
 Всюду встрѣчи, — съ каждымъ шагомъ
 Станетъ радостишій нашъ путь.
 Нѣтъ сомнѣнья, съ высшимъ благомъ
 Мы сойдемся гдѣ нибудь.

Благоразуміе.

Двухъ враговъ людскаго рода,
 Вотъ, надежду при боязни
 Заковавъ, — я отъ народа
 Отвожу такія казни.

Здѣсь живымъ колоссомъ смѣло,
 Нагрузивъ его, я правлю;
 Хотя шагаетъ неумѣло,
 А идетъ, куда заставлю.

Наверху же надъ зубцами
 Та богиня, что стремится
 Съ распростертыми крылами
 Приобрѣтеній добиться.

Какъ пристала ей гордыня,
Этотъ блескъ ей сіянья,
То Викторія богиня,
Матерь всякаго дѣянья.

Золло-Оирентъ.

У! у! Попалъ я въ добрый часъ!
Я дрянью выбрано всѣхъ васъ.
А главная-то цѣль моя,
Вонъ госпожа Викторія.
Она, что крылья подняла,
Себя считаетъ за орла,
И думаетъ, что весь народъ,
Весь свѣтъ къ ногамъ ей падетъ!
А я, гдѣ на успѣхъ наткнулся,
Такъ и сейчасъ вооружусь;
Высокимъ внизе, низъ вверхъ тяни,
Что криво — правъ, что прямо — гни,
Вотъ только этимъ и живешь;
И въ мірѣ я хочу того-жъ.

Герольдъ.

Такъ вотъ, собака, не уйдешь!
Жезла попробуй и смирись!
Теперь покорнись, повертись! —
Какъ быстро этотъ карликъ могъ
Свернуться въ мерзостный комокъ!
Ахъ! не комокъ — яйцо у насъ!
Раздулось, лопнуло сейчасъ,

Вотъ изъ него ползутъ вдвоемъ
Ехидна и съ петопыремъ;
Одна во прахъ прочь бѣжитъ,
Другой подъ потолокъ летитъ,
Слѣзая на волѣ жребій слитъ —
Я не хотѣлъ бы третьимъ быть!

Говоръ толпы.

Живо! Тамъ пустился въ плясъ. —
Нѣтъ, бѣжалъ бы я сейчасъ —
Какъ пристала къ намъ, ты глѣнь!
Эта призрачная дрянь?
У волосъ моихъ вылась —
Мнѣ къ ногѣ подобралась —
Хоть никто не пострадалъ,
Только страхъ на всѣхъ напалъ —
Шутка вся омрачена. —
Это бестій цѣль одна.

Герольдъ.

Съ той поры, какъ я въ нарядѣ
Былъ Герольдомъ въ маскарадѣ,
Я блюду у этой двери,
Чтобы васъ по крайней мѣрѣ
Не смущали здѣсь несколько;
Вотъ стою, смотрю и только.
Но боюсь я, — въ залъ нашъ душный
Въ окна рвется рой воздушный.
Волшебство подозреваю,

Чѣмъ же тутъ помочь, не знаю.
Если карликъ былъ противень,
То ужъ этотъ рой какъ дивенъ.
Объяснить всѣхъ лишь значенье,
Я хотѣлъ бы безъ сомнѣнья;
Непонятнаго же дѣла
Толковать вамъ не могу я.
Помогите всѣ, — прошу я! —

Вонъ въ народъ уже влетѣла
Колесница четвернею,
Пронеслася надъ толпою;
Никого она не тронетъ,
Давки нѣтъ, — никто не стонетъ.
Блескъ вдали съ зарницей сходно,
Пестрыхъ звѣздъ какихъ угодно,
Съ фонаремъ волшебнымъ сродно;

Мчится ближе съ быстротой.—
Мѣста! Вы! мнѣ странно!

Мальчикъ возница.

Стой!

Кони, крылья задержите,
Вѣрный поводъ оцутите!
Покоряйтесь, коль велю я;
Мчитесь вдаль, коли гоно я!
Это мѣсто чтите строго.
Оглянитесь, какъ ужъ много
Удивленныхъ къ намъ приспѣло.—
Ну, Герольдъ, берись за дѣло,
Опиши, пока мы въ сборѣ,
Разскажи, кто мы такіе!
Мы собранье аллегорій,
И тебѣ мы не чужіе.

Герольдъ.

Я назвать тебя стѣсняюсь;
Описать же постараюсь.

Мальчикъ возница.

Такъ попробуй!

Герольдъ.

Я не лгунъ,

И прекрасенъ ты и юнъ.
Ты полувзрослый мальчикъ; впрочемъ, дамамъ
Ты быть бы милъ и въ полнолѣтїи самомъ.

На мой ты взглядъ, искатель, искуситель—

Ну, прирожденный соблазнитель.

Мальчикъ возница.

Не душно начать! Продолжай!
Загадку весело рѣшай.

Герольдъ.

Блескъ черныхъ глазъ и ночь кудрей густая.
Какой вѣнецъ на ней блеститъ!
Какой ты мантией увить,
Съ плеча до пятъ она спадая
Каймой пурпурною горитъ!
Тебя счесть дѣвочкою можно;
Но ты и ихъ бы не смущать,
У дѣвочекъ ты осторожно
Азъ-Буки Вѣди бы узнать.

Мальчикъ возница.

А этотъ, что, блестя безмѣрно,
На колесницѣ тамъ сидитъ?

Герольдъ.

Богатый, добрый царь онъ вѣрно;
Блаженъ кого онъ отличить,
Къ чему еще стремиться долѣ!
Онъ ищетъ самъ нуждѣ подать,
И помогать онъ любить болѣ,
Чѣмъ всѣмъ богатствомъ обладать.

Мальчикъ возница.

Но этимъ кончить неудобно,
Ты опиши его подробно.

Герольдъ.

Какъ описать все до конца.
Но этотъ лунный видъ лица,
И губы полныя и щеки
Подъ пышною чалмой, высокой,
И роскошь дорогаго платья!
Что про осянку-бъ могъ сказать я?
Какъ властелинъ знакомъ онъ намъ.

Мальчикъ возница.

То Плутусъ, богъ богатства самъ.
Онъ въ торжествѣ сюда грядетъ;
Его самъ Императоръ ждетъ.

Герольдъ.

Но кто ты самъ, узнать хотѣлъ бы я?

Мальчикъ возница.

Я расточительность, поэзія,
Я тотъ поэтъ, что самъ преуспѣваетъ,
Когда свой даръ онъ расточаетъ.
Неизмѣримо я богатъ
И съ Плутусомъ поспорить радъ,
Его пирамъ я пышность придаю,
Чего въ нихъ нѣтъ, то я даю.

Герольдъ.

Ты похваляться молодецъ.
Блесни своимъ искусствомъ наконецъ!

Мальчикъ возница.

Смотрите, я щелкну сначала;
Ужъ колесница засверкала.
Здѣсь нить жемчужная ползетъ. (Продолжал щелкать).
Вотъ ожерелье, серьги вотъ;
Коронки, гребни въ жемчугахъ;
И камни яркіе въ перстняхъ.
И огоньками я дарю,
Не загорится-ль гдѣ? — смотрю.

Герольдъ.

Вотъ какъ накинудись, пристали!
И раздавателя-то сжали;
Дарами онъ какъ бы во снѣ шелкаетъ,
И всякій на лету хватаетъ.
Но — тутъ опять я вижу штуки:
Чьи какъ ни жадно ловятъ руки,
Награды нѣтъ такимъ трудамъ:
Подарокъ улетаетъ самъ.
Разсыпались всѣ жемчуги,
Въ рукахъ копошатся жуки,
Онъ ихъ швырнулъ, они ужъ, глядь,
Вкругъ головы пошли жуужжать.
Другіе ждуть даровъ правдивыхъ,

А ловят бабочек игривых.
Плутинка много насулит,
А раздаст, что лишь блеснить!

Мальчикъ возница.

Ты ловокъ масокъ объяснять значенье;
Но въ сущность проникать явленья
Герольдамъ видимо труднѣй:
Тутъ надо зрѣнье поострѣй.
Но я боюсь противорѣчій.
Къ тебѣ, владыко, обращаю рѣчи.

(Обращаясь къ Плутусу).

Не мнѣ-ль вручилъ ты предъ тобой
Крылатой править четверней?
Чтожъ, плохо править я, ты скажешь?
Иль я не тамъ, куда укажешь?
Иль не успѣлъ я возноситься,
Чтобъ пальмы для тебя добиться?
Коль за тебя я рвался къ бою,
Такъ все къ побѣдѣ насъ вело:
И если лавръ вѣнчать твое чело,
Не я ли сплелъ его некушеною рукою?

Плутусъ.

Чтобъ о тебѣ не отозваться глухо,
Скажу при всѣхъ: духъ моего ты духа.
Ты вѣренъ былъ моимъ мечтамъ,
И ты богаче, чѣмъ я самъ.
Изъ всѣхъ моихъ вѣнцовъ, чья даръ твой рѣдкій,

Я больше гордъ твоей зеленой вѣткой.
И выскажу я правду безъ сомнѣнья:
Мой сынъ, тебѣ мое благоволенье.

Мальчикъ возница (къ толпѣ).

Дарами лучшими изъ рукъ
Своихъ я надѣлилъ вокругъ;
На многихъ головахъ, взгляни,
Мной засвѣченные огни.
Съ того на этого летать,
Къ тѣмъ пристають, съ другихъ скользять,
Лишь изрѣдка надъ кѣмъ на мигъ
Пылаетъ огненный языкъ;
У многихъ огонекъ сейчасъ
Какъ долетѣлъ, такъ и погасъ.

Бабы болтовня.

Вся колесница-то обманъ,
На ней навѣрно шарлатанъ.
Тамъ сзади тонкій шутъ присѣлъ,
Должно быть онъ не пилъ, не ѣлъ;
Такихъ и видѣть не пришлось,
Щипнуть, такъ не проймешь, небось.

Исхудалый.

Прочь бабы, нечего зудить!
На васъ мнѣ вѣкъ не угодить.
Какъ домъ-то былъ одна семья,
Звался я аvaritia,
Но всѣмъ жилось отлично въ немъ:

Герольдъ.

Сейчасъ жезломъ! Чтобъ отходили!
Да тутъ и жезъ не нуженъ мой.
Онѣ страншницъ разозлили,
А тѣ съ обычной быстротой
Двойныя крылья распустили;
И вотъ, полны огня и гнѣва,
Раскрылись два огромныхъ зѣва —
Толпа разсѣялась кругомъ.

(Плутусъ сходить съ колесницы).

Герольдъ.

Вотъ онъ сошелъ. Какъ царственъ онъ!
Кивнулъ — покорствуешь драконъ;
Вотъ съ колесницы ящикъ сняли,
Въ которомъ злато охраняли,
Ужъ онъ у ногъ его стоитъ:
Какъ скоро дѣло-то конитъ.

Плутусъ (къ возницѣ).

Ты пону сбывъ, теперь покрайней мѣрѣ
Ты воленъ стать; сбѣжи къ своей ты сферѣ!
Она не здѣсь; здѣсь только сбродъ одинъ
Уродливо нестрѣющихъ личинъ.
Туда! гдѣ ясность видѣть ясный взоръ,
Гдѣ самъ ты свой, гдѣ для тебя просторъ,
Гдѣ красота и благо; — ты ступай
Въ удивленье — тамъ свой мѣръ создай!

Несли не изъ дому, а въ домъ!
Всего тащить я въ складъ да въ прокъ,
Нашли и въ этомъ винъ порокъ!
Но какъ въ новѣйшіе-то годы
У женищъ завелись расходы,
И у хозяевъ безтолковыхъ
Желаній больше чѣмъ цѣлковыхъ,
Тутъ мужу дни плохѣ стали:
Куда ни глянетъ — задолжали;
Она, хоть что успѣлъ собрать я,
То на дружка, а то на платье;
И лучше ѣсть она и пить,
Когда поклонниковъ сзоветъ:
Тутъ я ужъ алченъ стать въ конецъ.
Мужскаго рода я — скупецъ!

Главная баба.

Съ дракономъ пусть драконъ скупится;
Вѣдь это призракъ, знаетъ всякъ!
Дразнить мужей онъ лишь годится —
Они неопасны намъ и такъ.

Бабы толпой.

Вотъ чучело-то! Да трезвону
Ему проклятому задать!
Онъ рожей хочетъ запугать?
Драконы эти изъ картопу.
Скорѣй, и станемъ напирать!

Мальчикъ возница.

Твоимъ посломъ я вѣрнымъ пребываю;
Тебя-жь роднымъ ближайшимъ почитаю.
Гдѣ ты — тамъ полнота, гдѣ я, —
Тамъ всѣхъ понтъ чистѣйшая струя;
Иному въ жизни трудно такъ рѣшиться:
Тебѣ-ль ему, или мнѣ вполнѣ отдаться?
Твоихъ конечно отдыхъ ждетъ вездѣ,
Но кто со мной, тотъ навсегда въ трудѣ.
Мои труды подлѣ спудомъ не бывають,
Я чуть вздохну — ужъ все про это знаютъ.
Итакъ прощай, — ты поступи благъ моихъ;
Но лишь шепни, я возвращуся вмгъ.

(Улетаетъ, какъ появился).

Плутусъ.

Теперь пора, чтобъ кладъ былъ обнаруженъ!
Замка коснусь Герольдовой лозою;
Раскрылось все! глядите! какъ запруженъ
Котель чугунный кровью золотомъ.
Короны, кольца, цѣпи тутъ сверкають,
Того гляди расплавятся, растають.

Крикъ толпы.

Смотри, о глинь! Какъ разлилось,
Въ край сундука ужъ поднялось!
Златые кубки таютъ вмгъ,
Катятся свертки золотыхъ,
Червонцы скачутъ — погляди,

Что за восторгъ въ моей груди!
Все что лишь грезилось въ пылу!
Вотъ раскатилося на полу —
Вѣдь вамъ дарить, — чего стоять?
Нагнись и станешь ты богатъ. —
А мы какъ молнія — сейчасъ
Захватимъ весь сундукъ заразъ.

Герольдъ.

Куда? глупцы, чего хотятъ?
Вѣдь это шутка, маскарадъ,
Желать богатствъ не мѣсто тутъ;
Иль деньги вирымъ вамъ раздають?
Въ такой игрѣ, чтобъ васъ занять,
Жетоновъ было бъ жалко дать.
Вотъ дурин! Милый призракъ, вмигъ
Стань грубой правдою для нихъ.
На что вамъ правда? Бредъ и вздоръ
Ловить вы рады за вихоръ. —
Ты, Плутусъ, маскарадный богъ,
Гони всю сволочь за порогъ!

Плутусъ.

Твой жезлъ къ тому готовъ вполнѣ,
Дай ты его на время мнѣ. —
Его я въ пылъ-то окуну. —
Ну, маски, васъ теперь пугну!
Какъ затрепало, какъ кинитъ!
И жезлъ-то самъ уже горитъ.

Скупецъ.

Такъ можно, значить, духъ отвести,
На всѣхъ покойно озираться.
Вѣдь женщины всегда впередъ тѣнятся,
Гдѣ что смотрѣть, чѣмъ лакомиться есть.
Заржавѣлъ я пока наполовину!
Что жъ краше женщинъ кто найдетъ?
И нынче я на даровищину
Пущусь плѣнять прекрасный полъ.
Но гдѣ толпа и суматоха,
До уха рѣчь доходитъ плохо,
Такъ я потщусь получше ухитриться —
И мимикой понятной объясниться.
Руки, ноги, хватки мало мнѣ;
А надо штуку ясную вполнѣ.
Я золото лѣпить какъ глину буду;
Такой металлъ на все пригоденъ всюду.

Герольдъ.

Вотъ нищій шутъ-то, — я смотрю!
Остричь такому сухарю?
Все золото онъ изведетъ,
Въ своихъ рукахъ его онъ мнетъ.
Но какъ его ни жаль, ни мять,
Все видъ какой-то гнусный дать.
Сталь что-то женщинамъ казать;
Тѣ съ крикомъ рады убѣжать,
Ихъ горчить ужасъ всеобщный.

Начну, кто станетъ палѣзать,
Немилосердно припекать. —
Вотъ начинаю я какъ разъ.

Крикъ и давка.

Увы, насталъ послѣдній часъ!
Вѣгните, сколько хватитъ силъ!
Ты что дорогу заслонилъ! —
Въ лицо мнѣ брызнуло огнемъ —
Меня онъ опалилъ жезломъ —
Пропали все мы, — всѣхъ спалить.
Назадъ, назадъ, весь маскарадъ!
Назадъ, назадъ! вы, — толкотня!
О, будь ка крылья у меня!

Плутусъ.

Отброшенъ кругъ со всѣхъ сторонъ.
Никто, я чай, не опаленъ.
Толпа бѣжитъ,
Какъ страхъ велитъ.
Но чтобъ порядокъ былъ иной,
Незримой обведусь чертой.

Герольдъ.

Ты чудо совершилъ, ей, ей.
Спасибо мудрости твоей!

Плутусъ.

Терпѣнье, другъ мой, — погоди,
Довольно шуму впереди.

Мошеникъ видимо зловредный,
И радость въ томъ его видна,
Что правдивность оскорблена.
Молчать, терпѣть ужъ не могу я;
Дай жезлъ сюда, — его турну я!

Плутусъ.

Не знаетъ онъ, что близится бѣда.
Пуškai дурачится на волѣ,
Для глупостей его не хватитъ мѣста болѣ;
Законъ могучъ, еще сильнѣй пужда.

Гамъ и пѣніе.

Сюда стремится дикій хоръ,
Съ лѣсныхъ долинъ, съ высокихъ горъ,
На праздникъ свой, изъ разныхъ странъ,
Ихъ всѣхъ созвалъ великій Панъ.
Вѣдь все же имъ извѣстно то,
Чего не вѣдаетъ никто.

Плутусъ.

Вы здѣсь — знакомъ мнѣ вашъ великій Панъ;
Вамъ вмѣстѣ съ нимъ отважный подвигъ данъ.
Я знаю то, что знать не вѣзмъ дано,
И тѣсный кругъ раздвинуть я давно.
Пуškai найдутъ чего желаютъ!
Тутъ могутъ выйти чудеса;
Куда идутъ они не знаютъ,
И не предвидятъ ихъ глаза.

Дикое пѣніе.

Народъ разряженный, — смотри!
Несутся въ шкурахъ дикари,
Большимъ прыжкомъ, бѣгомъ бѣгутъ,
Иль тяжелой поступью идутъ.

Фавны.

Гдѣ фавновъ хоръ,
Тамъ плясъ и свистъ,
Кудрей уборъ
Дубовый листъ;
А уха тоненькій копецъ
Торчитъ въ кудряхъ, тѣснитъ вѣнецъ;
И носъ тупой, и ширь лица
Не портятъ фавна молодца.
Фавнъ лапу протянетъ красавицу брать,
Едва-ль не поидетъ она съ нимъ танцовать.

Сатиръ.

Сатиръ за ними слѣдомъ — прыгъ,
На козыхъ ножкахъ-то своихъ;
Хоть тонки, много силы въ нихъ,
И онъ какъ серна по скаламъ,
Онъ всю окрестность видитъ тамъ;
Онъ воленъ — и коритъ одинъ
Дѣтей и женщинъ и мужчинъ,
Что дымъ и чадъ долины пьютъ,
Воображая, что живутъ,

А съ высоты своей межъ тѣмъ
Онъ властелинъ надъ міромъ всѣмъ.

Гномы.

Малютки ножками дробятъ,
Ходить попарно не хотятъ;
Съ лампаками, одѣты въ мохъ,
Другъ передъ дружкой кто какъ могъ,
У каждаго дѣла свои,
Они кишатъ какъ муравьи;
Взадъ и впередъ вездѣ бѣгутъ,
И вдоль и поперекъ сплужутъ.
Мы добрымъ геніямъ сродни,
Хирурги скаль по всѣмъ дни,
Изъ горъ высокихъ мы беремъ,
Изъ полныхъ жилъ мы достаемъ,
Кричимъ надсаживая грудь:
Тяните вверхъ! Счастливый путь!
Привѣтъ глубокій отъ души:
Мы къ добрымъ людямъ хороши.
Но золото мы имъ даримъ,
Чтобъ крали, сводничали съ нимъ.
Пусть и желѣзо наконецъ
Къ убійству всѣхъ найдетъ гордецъ;
Кто этихъ заповѣдей трехъ
Не читъ, тотъ всѣмъ пренебрегъ.
Не нами это завелось,
Такъ вамъ, какъ намъ, терпѣть пришлось.

Великаны.

Вотъ люди дикіе идутъ,
На Гарцѣ такъ-то насъ зовутъ;
Гордятся могучей наготой,
Подходятъ великановъ строй.
Сосновый стволъ у нихъ въ рукѣ,
На чуть замѣтномъ кунакѣ
Линь фартукъ изъ вѣтвей съ листвою.
У Папы стражи вѣтъ такой.

Нимфы хоромъ.

(Обетуня великаго Папа).

Идетъ! призванъ!
Весь міръ вмѣстѣ,
Изобразилъ
Великій Панъ.
Повеселѣй носись кругомъ,
Ему пропляшемъ, пропоемъ!
Затѣмъ что добръ, хотя суровъ,
Веселье видѣть онъ готовъ.
Онъ и подъ сводомъ голубымъ —
Безсоннымъ сторожемъ починимъ;
Но съ вѣтеркомъ ручей порою
Нашепчутъ и ему покой.
И если въ полдень онъ заснетъ,
На вѣткѣ листикъ не дрогнетъ,
Стихаетъ воздухъ, травы спятъ,
Цѣлебный дышетъ ароматъ;

Рѣзвиться нимфа устаётъ,
 А гдѣ стояла, тамъ заснётъ.
 Но если вдругъ, въ неожиданный мигъ,
 Его раздастся грозный крикъ,
 Какъ громъ небесъ, какъ шумъ морскою,
 Тутъ всякъ бѣжитъ и самъ не свой.
 Войска разбѣится въ конецъ,
 И въ битвѣ задрожитъ храбрецъ.
 Такъ честь тому, кто честь блюдетъ!
 Хвала тому, кто насъ ведетъ!

Депутація гномовъ

(къ великому Пану).

Если нигдѣ блестящей
 Льется въ безднахъ благодать,
 Можетъ только пруть всезрящій
 Лабиринтъ ея смекать;

Подъ тяжелыми скалами
 Троглодитски мы живемъ,
 Ты жъ въ сияньи дня дарами
 Одѣляешь всѣхъ кругомъ,

Вотъ открыли ключъ позилый
 Мы у самыхъ этихъ скалъ,
 Общается онъ, обильный,
 То, чего никто не ждалъ.

Завершится все тобою.

Ты владыка, такъ бери жъ!

Каждый кладъ своей рукою

Въ общій даръ ты превратишь.

Плутусъ (Герольду).

Теперь должны мы съ мыслями собраться,
 Смотри на то, что станеть тутъ сбываться;
 Вѣдь ты всегда на все отважно шель.
 Сейчасъ должно здѣсь страшное случиться;
 Въ чемъ мѣръ и все потомство усомнится:
 Ты запиши все вѣрно въ протоколь.

Герольдъ

(хватаясь за жезлъ въ рукахъ Плутуса).

Знать Пана карлики-то тутъ

Къ источнику огня ведутъ.

Въ немъ, то въ края начнетъ вскипать,

А то на дно спадетъ опять

И станеть мрачный зѣвъ зять;

Вотъ снова ярый пылъ вскипѣлъ.

Великій Панъ не оробѣлъ,

Смотрѣть на это чудо радъ.

А пузыри кипятъ, дрожать.

Взбѣряться тамъ кому нибудь?

Согнулся онъ на дно взглянуть.

Его свалилась борода.

Кто безбородый? Вотъ бѣда!

Рукой закрылся онъ отъ насъ.

Другое бѣдствіе заразы.

Съ горящей бороды сейчасъ

Его вѣнокъ и грудь зажгло;

Веселье въ горе перешло!

Толпа тушить, гасить спѣшитъ,

Огня никто не избѣжитъ;

Чѣмъ больше хлопаютъ и бьютъ,

Огни все новые растутъ.

Стихіей ярою обнять,

Весь загорѣлся маскарадъ.

Но что, я слышу, мнится вдругъ
 Изъ устъ въ уста изъ слуха въ слухъ!
 О вѣчно горестная ночь!
 Какъ эту скорбь намъ превозмочь!
 Грядущій день расскажетъ то,
 Чего не слушать бы никто!
 Отвеюду крикъ я услыхалъ:
 «Самъ государь какъ пострадалъ!»
 О если-бъ это было вздоръ!
 И государь сторгъ и дворъ!
 Проклятье той, что увлекла
 Его, съ вѣнкомъ вокругъ чела,
 Въ ревущемъ хорѣ буневать
 И гибель общую создать!
 О юность! юность! о когда-жъ
 Найдешь ты радости границу?
 О власть величія! когда-жъ
 Направить разумъ твой десницу?
 Ужъ загорается и лѣсъ,
 И острый пламень ужъ долѣзъ
 Подъ деревянный потолокъ;
 И все сторгитъ въ кратчайшій срокъ.

Несчастье мѣру превзошло.
 Не знаю, что-бы насъ спасло.
 И завтра грудой нешла тутъ
 Величье царское найдутъ.

П л у т у с ъ.

Страхъ успѣть распространиться; —
 Нужно помощи добиться! —
 Такъ ударь своимъ железомъ,
 Чтобъ дрогнуло все кругомъ!
 Ты, о воздухъ, намъ скорѣй
 Влажнымъ холодомъ повѣй!
 Пронеситесь, какъ волненья,
 Вы, туманы, испаренья,
 Скройте роющий огонь.
 Сбѣйтесь, лѣйтесь, въ тучки вейтесь,
 Завиваясь удушайте,
 Веюду пламя укрощайте;
 Вы смягчите, окрошите,
 Скройте ярую жару,
 Злаго пламени игру.
 Тамъ гдѣ духи насъ пугаютъ,
 Силы магіи спасаютъ.

Императорскій садъ.

Утреннее солнце.

Императоръ, его придворные, мужчины и женщины. Фаустъ и Мефистофель, прилично, не странно, а по обычаю одѣты; оба на колѣняхъ.

Фаустъ.

Простишь ли мнѣ съ огнями всю игру?

Императоръ.

Желаю впредь такихъ забавъ двору. —

Вдругъ весь въ огнѣ, кругомъ распространномъ.
 Себя готовъ я быть считать Плутономъ;
 Въ печи горячихъ угольевъ костры,
 Веѣ въ огонькахъ; дрожанн и остры
 Съ нихъ языки безсчетные выивались
 И трепетно въ единый сводъ сливались;
 А этотъ сводъ все выше возрасталъ,
 И то вставалъ, то снова исчезалъ.
 За огненно-извитыми столбами
 Я видѣлъ, какъ народъ мелькалъ рядами,
 Объемистымъ онъ кругомъ напиралъ,
 И какъ всегда почтенно заявлялъ:
 Придворныхъ я узналъ въ толпѣ великой: —
 Казалось, быть я Саламандръ владыкой.

Мефистофель.

Таковъ ты есть. Стихиръ признаютъ
 Величество, — и безусловно чтутъ.
 Покорность ты огня ужъ непыталъ;
 Но бросься въ море, гдѣ бунуетъ вать,
 Едва лишь дна коснешься ты, какъ вдругъ
 Тебя, дрожа, охватитъ чудный кругъ;
 Прозрачно зеленѣющія волны
 Съ пурпурными краями, блеска полны,
 Къ тебѣ прильютъ дворцомъ; ступи ногой,
 Куда пошелъ, чертоги за тобой.
 И сами стѣны жизнью веселятся,
 И блещутъ, и впередъ и назадъ стремятся.

Морскія чуда, видя новый, кроткій свѣтъ,
 Къ нему стрѣлой, но дальне ходу нѣтъ.
 Дивись драконовъ чешуѣ какъ хочешь,
 Акула пасть разверзла, — ты хохочешь;
 Хоть дворъ къ тебѣ и тутъ стремится весь,
 Но давни ты такой не виднишь здѣсь;
 И милые ты тоже встрѣтишь виды,
 Пытливый подплыли Нереиды
 Къ чертогамъ, гдѣ нѣмая стѣна зыбки,
 Меньшія быстры и легки какъ рыбки,
 А старшія умны; дошла къ Оетидѣ вѣсть,
 Целею новому она спѣшить принесть
 И руку, и уста. — Вотъ Олимпійскій тронъ...

Императоръ.

Воздушнымъ царствомъ я пока не увлеченъ,
 Успѣемъ мы занять завѣтные края.

Мефистофель.

А наша, государь, земля и такъ твоя.

Императоръ.

Въ какой счастливый часъ явился самъ
 Изъ тысячъ одной ты ночи къ намъ!
 Пусть плодотворитъ ты, какъ Шехеразада,
 А ждетъ тебя первѣйшая награда.
 Ты будь готовъ, когда въ унылый часъ
 Миѣ будничной наскучитъ строй у васъ.

Кастелянъ (входитъ поспѣшно).

Всепресвѣтлѣйшій! Миѣ во снѣ не снилось,
 Чтобъ доносить о счастья приходилось
 Миѣ здѣсь подобнымъ, — и какимъ
 Я полонъ предъ лицомъ твоимъ;
 Счетъ въ счетъ уплаченъ — я на волѣ!
 Когтей ростовщиковъ нѣтъ болѣ.
 Весь этотъ адъ могу забыть!
 Въ раю свѣтлѣй не можетъ быть.

Главнокомандующій

(слѣдуетъ быстро).

Солдатъ вполне мы разсчитали,
 Все войско вновь завербовали,
 Ланскнехтъ доволенъ черезъ край.
 И шинкарю, и дѣвкамъ раѣ.

Императоръ.

Какъ все свободно задышало!
 Какъ вы торопитесь, сбѣжало
 Раздумье все у васъ съ чела!

Казначей (подходя).

Ты ихъ спроси, все ихъ дѣла.

Фаустъ.

Самъ канцлеръ лучше объяснитъ все это.

Канцлеръ (медленно подходя).

Блаженъ вполне въ преклонныя я лѣта!

Такъ слушайте, я дивный листъ прочту,
 Который въ радость превратитъ нужду:

(онъ читаетъ).

«Да знаетъ каждый, коль желаетъ онъ,
 Сей листъ оцѣненъ тысячею кропъ.
 И обезпеченъ полной суммы страхъ
 Веѣмъ, что зарыто въ имперскихъ земляхъ,
 И приняты все мѣры, чтобы тотъ
 Огромный кладъ немедля шелъ въ расчесть».

Императоръ.

Я чую зло, ужаснѣйшій подлогъ!
 Кто царскую поддѣлать подпись могъ?
 И казни нѣтъ за это лиходѣю?

Казначей.

Самъ подписалъ ты, коль напомнить смѣю,
 Въ ночи. Великимъ Паномъ ты стоишь,
 А канцлеръ, подойдя, тебѣ сказалъ:
 «Благоволи въ часъ радости свободной,
 Черкнувъ перомъ, упрочить быть народный.»
 Ты подписать, — тамъ ухитрился къ свѣту
 На тысячи размножить подпись эту;
 Чтобъ каждый могъ участвовать во благѣ,
 Оттиснули мы цѣлый рядъ бумаги,
 Ихъ десять, тридцать, сотня на подхватъ,
 Ты не повѣришь, какъ народъ-то радъ:
 Взгляни на городъ, быть онъ какъ могила,
 Теперь онъ ожилъ, все заговорило!

Хоть именем твоимъ блаженъ весь свѣтъ,
Ему теперь особенный привѣтъ.
И азбука изъ дѣла ужъ выходитъ,
Лишь въ этихъ знакахъ счастье приходитъ.

Императоръ.

И люди это все такъ золотомъ и чтутъ?
И жалованье такъ войска и дворъ берутъ?
Хоть изумительно, знать дѣлу не поможемъ.

Кастелянъ.

Мы нашихъ бѣглецовъ и задержать не можемъ.
Какъ молніею кто ихъ всюду раскидаль:
Всѣ двери настежь у мѣняль,
И серебро и золото за листъ,
Со скидкой, съуетъ аферистъ.
Оттуда къ мяснику, по хлѣбнямъ, по трактирамъ
Пойдетъ оно; иной сидѣлъ бы вѣкъ за широмъ,
Другой расхвывается, — обновкой щегольнетъ;
Отрѣжетъ лавочникъ, портной кроить и шить.
По погребамъ *ура!* кричать промежду стѣлокъ,
Тамъ жарятъ и варятъ и звонъ стоитъ тарелокъ.

Мефистофель.

Кто по террасамъ погулять пойдетъ,
Красавицу нарядную найдетъ.
Глазокъ прикрытъ павлиньимъ опахаломъ,
Улыбочка при встрѣчѣ съ добрымъ малымъ,
И вотъ, — къ чему остротъ и рѣчи жаръ,
Любовь сулитъ завѣтнѣйшій свой даръ;

Зачѣмъ себя мы коншельками свиземъ —
Листокъ легко запрятать подъ корсажемъ,
Съ любовною запискою рядкомъ.
Попъ въ требникѣ несетъ его своимъ,
Солдаты, чтобы развизнѣй быть,
Спѣшить набрюшникъ облегчить.
Ты, государь, прости, что свель такъ смѣло
На мелочи — великое я дѣло.

Фаустъ.

Несчетныя сокровища въ землѣ
Твоей лежатъ, сокрыты въ глубинѣ,
Безъ пользы; мысль, куда бъ ни залетѣла,
Такихъ богатствъ все не найдетъ предѣла;
Воображенья выпрепнѣй полетъ
Томительно его не досягнетъ;
И только духу въ глубь глядѣть привычно,
Онъ въ безграничность вѣрять безгранично.

Мефистофель.

И золото и жемчугъ представлять
Бумаги эти предель: есть что брать;
Не нужно ихъ мѣнять да торговаться,
Ступай виномъ, любовью упиваться;
Металла нужно — лавки ждутъ мѣняль;
А пѣтъ у нихъ — немножко поконать, —
Бокалъ и цѣпъ на аукціонъ попали,
Амортизаціей бумаги стали.
Насмѣшникъ смолкъ съ невѣріемъ своимъ.

Мы свыклись, мы другаго не хотимъ.
И станетъ съ этихъ поръ достаточно у націй,
При камняхъ, золотѣ — бумажныхъ ассигнацій.

Императоръ.

Страна обязана вамъ счастьемъ своимъ;
Мы по заслугамъ васъ поспѣшно наградимъ.
Я поручаю вамъ всѣ глубины земныя,
Сокровищъ тайныхъ вы хранители прямые.
Вы мѣсто знаете, гдѣ самый кладъ какъ разъ,
И если нужно рыть, пусть будетъ вашъ приказъ. —
Начальники казны, исполните же вмѣстѣ
Свой долгъ съ охотою на этомъ важномъ мѣстѣ,
Гдѣ сочетавшіеся съ подземнымъ міръ земной
Ведеть согласіе и счастье за собой.

Казначей.

Мы ссориться и впредь причинамъ не имѣемъ,
Мнѣ быть товарищемъ пріятно съ чародѣемъ.

(Уходитъ съ Фаустомъ).

Императоръ.

Коль будетъ при дворѣ мой каждый одѣленъ,
Пушай признается, что станетъ дѣлать онъ!

На жъ (получая).

Теперь ужъ весело, безопасно заживу я.

Другой (также).

Перетней съ цѣпочкою возлюбленной куплю я.

Камергеръ (принимая).

Виномъ двойной цѣны я стану упиваться.

Другой (также).

Ужъ кости для игры въ карманѣ шевелятся.

Вассаль (вдумчиво).

Отъ долга замокъ я съ землею освобожу.

Другой (также).

Богатство къ прежнему богатству отложу.

Императоръ.

Я ждалъ, что новыя стремленія въ васъ родятся.
Но зная васъ, не трудно догадаться.
Чего вамъ ни давай, чего ни вѣбрь,
Какими были вы, все тѣ же вы теперь!

Шутъ (подходя).

Ты раздаешь, такъ удѣли и мнѣ!

Императоръ.

Ты живъ опять? Пропнешь по старинѣ.

Шутъ.

Волшебныя бумажки! не поймешь.

Императоръ.

Не диво. Ко вреду ты только ихъ возьмешь.

Шутъ.

Вотъ падаютъ еще — а я гляжу, стою. —

Императоръ.

Бери-жь! Упали знать на долю на твою.

Шутъ.

Пять тысячъ кронъ въ рукѣ моей убогой!

Мефистофель.

Ты всталъ опять, бурдюкъ двуногій?

Хоть именем твоимъ блаженъ весь свѣтъ,
Ему теперь особенный привѣтъ.
И азбука изъ дѣла ужъ выходитъ,
Лишь въ этихъ знакахъ счастье приходитъ.

Императоръ.

И люди это все такъ золотомъ и чтутъ?
И жалованье такъ войска и дворъ берутъ?
Хоть изумительно, знать дѣлу не поможемъ.

Кастелянъ.

Мы нашихъ бѣглецовъ и задержать не можемъ.
Какъ молніею кто ихъ всюду раскидаетъ:
Всѣ двери настежь у мѣняютъ,
И серебро и золото за листъ,
Со скидкой, суесть аферистъ.
Оттуда къ мяснику, по хлѣбнымъ, по трактирамъ
Пойдетъ оно; иной сидѣлъ бы вѣкъ за пиромъ,
Другой расчванится, — обновкой щегольнетъ;
Отрѣжетъ лавочникъ, портной кроить и шить.
По погребамъ *ура!* кричать промежду сдѣлокъ,
Тамъ жарять и варять и звонъ стоитъ тарелокъ.

Мефистофель.

Кто по террасамъ погулять пойдетъ,
Красавицу нарядную найдетъ.
Глазокъ прикрыть павлиньимъ опашаломъ,
Улыбочка при встрѣчѣ съ добрымъ малымъ,
И вотъ, — къ чему остротъ и рѣчи жаръ,
Любовь сулитъ завѣтнѣйшій свой даръ;

Зачѣмъ себя мы кошельками свиземъ —
Листокъ легко запрятать подъ корсажемъ,
Съ любовною запискою рядкомъ.
Попъ въ требникѣ несетъ его своимъ,
Солдаты, чтобы развизигѣй быть,
Спѣшить набрюшникъ облегчить.
Ты, государь, прости, что свель такъ смѣло
На мелочи — великое я дѣло.

Фаустъ.

Несчетныя сокровища въ землѣ
Твоей лежатъ, сокрыты въ глубинѣ,
Безъ пользы; мысль, куда бѣ ни залетѣла,
Такихъ богатствъ все не найдетъ предѣла;
Воображенья выпрепнѣй полетъ
Томительно его не достигнетъ;
И только духу въ глубь глядѣть привычно,
Онъ въ безграничность вѣрить безгранично.

Мефистофель.

И золото и жемчугъ представлять
Бумаги эти прелесть: есть что брать;
Не нужно ихъ мѣнять да торговаться,
Ступай виномъ, любовью ушаваться;
Металла нужно — лавки ждутъ мѣнять;
А пѣтъ у нихъ — немножко покопаль, —
Бокалъ и цѣпь на аукціонъ попали,
Амортизаціей бумаги стали.
Насмѣшникъ смолкъ съ невѣріемъ своимъ.

Мы свыклись, мы другаго не хотимъ.
И станетъ съ этихъ поръ достаточно у націй,
При камняхъ, золотѣ — бумажныхъ ассигнацій.

Императоръ.

Страна обязана вамъ счастьемъ своимъ;
Мы по заслугамъ васъ посильно наградимъ.
Я поручаю вамъ всѣ глубины земныя,
Сокровищъ тайныхъ вы хранители прямые.
Вы мѣсто знаете, гдѣ самый кладъ какъ разъ,
И если нужно рыть, пусть будетъ вашъ приказъ. —
Начальники казны, исполните же вмѣстѣ
Свой долгъ съ охотою на этомъ важномъ мѣстѣ,
Гдѣ сочатавшіеся съ подземнымъ міръ земной
Ведетъ согласіе и счастье за собой.

Казначей.

Мы ссориться и впредь причины не имѣемъ,
Мнѣ быть товарищемъ пріятно съ чародѣемъ.
(Уходитъ съ Фаустомъ).

Императоръ.

Коль будетъ при дворѣ мной каждый одѣленъ,
Пускай признается, что станетъ дѣлать онъ!

На жъ (получил).

Теперь ужъ весело, безопасно заживу я.

Другой (также).

Перстней съ цѣпочкою возлюбленной куплю я.

Камергеръ (принимал).

Виномъ двойной цѣны я стану ушаваться.

Другой (также).

Ужъ кости для игры въ карманѣ невеличаются.

Вассалъ (вдумчиво).

Отъ долга замокъ я съ землею освобожу.

Другой (также).

Богатство къ прежнему богатству отложу.

Императоръ.

Я ждалъ, что новыя стремленія въ васъ родятся.
Но зная васъ, не трудно догадаться.
Чего вамъ ни давай, чего ни вѣрь,
Какими были вы, все тѣ же вы теперь!

Шутъ (подходит).

Ты раздаешь, такъ удѣли и мнѣ!

Императоръ.

Ты живъ опять? Пропьешь по старинѣ.

Шутъ.

Волшебныя бумажки! не поймешь.

Императоръ.

Не диво. Ко вреду ты только ихъ возьмешь.

Шутъ.

Вотъ падаютъ еще — а я гляжу, стою. —

Императоръ.

Бери-жь! Упали знать на долю на твою.

Шутъ.

Пять тысячъ кропъ въ рукѣ моей убогой!

Мефистофель.

Ты всталъ опять, бурдюкъ двуногій?

Ш у т ь.

Не въ первый разъ; но тутъ я ловко подосиѣлъ.

Мефистофель.

Ты радуешься такъ, что даже весь вспотѣлъ.

Ш у т ь.

Что-жъ золото дадутъ за это вотъ — гляди-жъ!

Мефистофель.

На это глотку ты и брюхо усадишь.

Ш у т ь.

И можно домъ и скотъ и поле покупать?

Мефистофель.

Конечно. Предложи. Отказу не бывать.

Ш у т ь.

И замокъ и лѣса, гдѣ водится дичина?

Мефистофель.

Желалъ бы я въ тебѣ увидѣть господина.

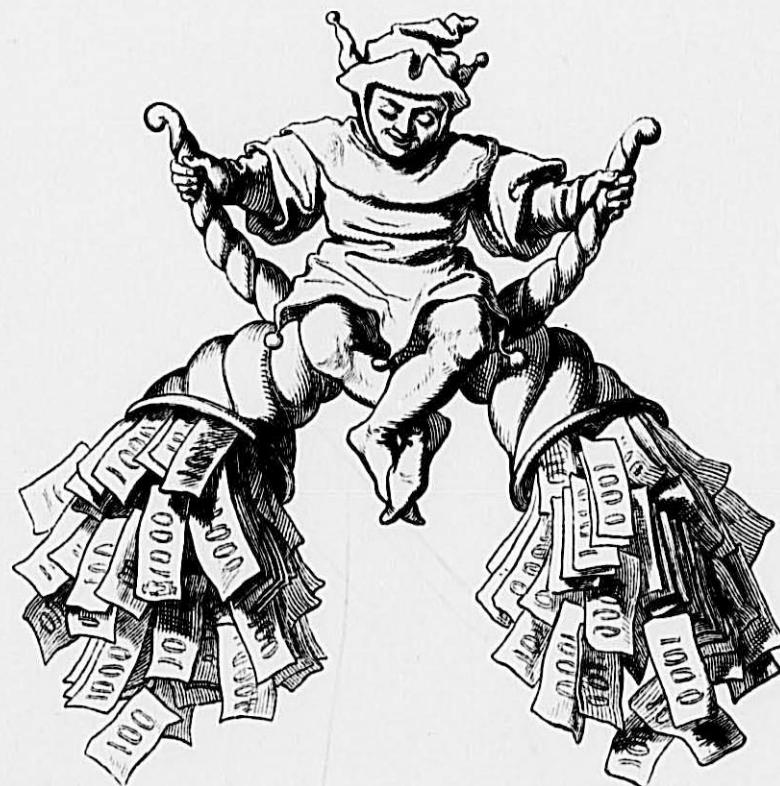
Ш у т ь.

Сегодня-жъ вечеромъ въ помѣстьи лигу спать.

(Уходить).

Мефистофель (solus).

Кто станетъ въ дуракъ смышенность отрицать?

Темная галлерей.

Фаустъ. — Мефистофель.

Мефистофель.

Зачѣмъ ведешь меня ты въ сумракъ перехода?

Ужель веселья мало тамъ,

Въ толпѣ придворнаго народа,

Съ предлогомъ къ шуткамъ, пустякамъ?

Фаустъ.

Не говори мнѣ такъ. Въ былые годы

Ты истрепать подобные подходы.

А взадъ впередъ ты ширишь здѣсь опять,

Чтобъ въ словѣ предъ мной не устоять.

Меня-жъ терзаютъ выше мѣрь, —

И кастелянъ и камергеръ —

Самъ Императоръ ждетъ, чтобъ принеслись

Сюда сейчасъ Елена и Парисъ;

Мужчинъ и женщинъ свѣтлый идеалъ

Воочію онъ видѣть пожелать.

Скорѣй за дѣло! Я ему далъ слово.

Мефистофель.

Ты далъ его безумно, безтолково.

Фаустъ.

Тебѣ, пріятель, не въ догадъ,

Къ чему ведетъ твое умѣнье:

Сперва отъ насъ онъ сталъ богатъ,

Теперь онъ хочетъ развлечения.

Мефистофель.

Ты полагалъ, что все сейчасъ;

Мы у крутыхъ съ тобой ступеней,

Чужая область не по насъ,

На новый долг навел преступный шагъ,
Легко ли приступить къ Еленѣ,
Какъ къ событію призранныхъ бумагъ!
Скликать колдуній, пляски привидѣній,
Зобастыхъ карликовъ я точно геній,
Но чортовыхъ возлюбленныхъ, хоть милыхъ,
За героинь мы выдавать не въ силахъ.

Фаустъ.

Погудка старая на новый ладъ!
Съ тобой всегда доходилъ до сомнѣній.
Отецъ ты всякихъ преткновеній,
За новый трудъ ты новыхъ ждешь наградъ.
Ты не ворчи, а исполни свой,
Оглянешься — ты ихъ примчишь на дѣлѣ.

Мефистофель.

Язычки вѣдь дѣло не мое,
Въ своемъ аду они засѣли;
Но средство есть.

Фаустъ.

Скажи безъ замедленья!

Мефистофель.

Мнѣ трудно тайнъ высокихъ откровенье.
Царятъ богини средь пустынь пѣмахъ. —

Ни мѣста тамъ, ни времени вокругъ нихъ,
Уста пѣмъють говорить о нихъ. —
То матери.

Фаустъ (испуганно).

Какъ матери?!

Мефистофель.

Дрожьешь?

Фаустъ.

То матери! ты странно говоришь!

Мефистофель.

Дѣйствительно: богини, смертнымъ, вамъ
Невѣдомы, назвать ихъ трудно намъ.
Къ жилищу ихъ дойдешь ты глубиною.
Что пужны намъ онѣ, ты самъ тому виною.

Фаустъ.

Гдѣ жъ путь?

Мефистофель.

Къ нимъ нѣтъ путей: въ недоступность
Недостижимую, — въ неумолимость —
Неумолимую! Готовъ ли ты?
Вскрывать замковъ, засововъ не случится,

Въ пустомъ пространствѣ будешь ты носиться.
Постигъ ли ты значенье пустоты?

Фаустъ.

Ты побережь бы рѣчь такую!
Тутъ кухню вѣдьмы снова чую,
Какъ въ дни несбыточной мечты.
Нѣ въ мірѣ быть опять чужому,
Вздоръ изучать, учить пустому?
А выскажешь разумное вполнѣ —
Противорѣчье слышится двойнѣ;
Отъ гнущаго пришлось мнѣ тревоженія
Вѣжать въ пустыню, да въ уединенье,
И, одному чтобъ вовсе не остаться,
И подъ конецъ радъ чорту быть отдаться!

Мефистофель.

Да если бъ ты и въ океанъ пустился
И безграничность увидать,
Тебѣ бы валь за валомъ тамъ явился,
Хотя бы ты предъ гибелью дрожалъ;
Ты что-нибудь бы видѣлъ, хоть пучины,
Гдѣ при затишьи движутся дельфины,
Хоть облака, хоть солнце, путь ли млечный;
Но ничего нѣтъ въ пустотѣ той вѣчной,
Своихъ шаговъ тамъ не слышать,
Не слышенъ твердаго, гдѣ стать!

Фаустъ.

Въ твоихъ словахъ я слышу мистагога,
Который жжетъ предъ неофитомъ много;
Лишь панзюанку. Ты меня въ пустое
Пленишь, чтобъ тамъ набрала я силы вдвое;
И на меня ты смотришь какъ на кошку,
Чтобъ я нагребъ капитановъ понемножку.
Что жъ, продолжай; мы можемъ углубиться;
Въ твою *ничто* мнѣ можетъ *все* открыться!

Мефистофель.

Хвалю, пока тебя не отпускалъ,
И вижу, чорта ты вполнѣ узналъ.
Вотъ ключъ тебѣ!

Фаустъ.

Такую мелочь брать?

Мефистофель.

Возьми его сперва, — чѣмъ осуждать!

Фаустъ.

Ростетъ въ рукѣ, сверкаетъ и блеститъ!

Мефистофель.

Ты видишь ли, что онъ въ себѣ таитъ?
Ключъ этотъ самъ на мѣсто то наводитъ.
Ступай съ нимъ въ глубь, онъ къ матерямъ проводитъ.

Фаустъ (содрогаюсь).

О! къ матерямъ! мнѣ это слово громъ!
Оно несносно мнѣ, но что же въ немъ?

Мефистофель.

Пль ты въ туинкъ предъ новымъ словомъ стать?
Пль слышать радъ лишь то, что ты слышать?
Тебѣ-то что? звучи какъ хочешь слово,
Чудесное давно тебѣ не ново!

Фаустъ.

Я не избралъ приближеннымъ застой —
И содроганье лучшій даръ людской:
Хоть точно жизнь въ насъ чувства притупляетъ,
Чудовищность насъ сильно потрясаетъ.

Мефистофель.

Такъ погрузись! Я бѣ могъ сказать: взвивайся!
Тутъ все равно; бѣги ты отъ явленій,
И призраковъ ты въ область погружайся,
Въ то, отъ чего давно ужъ нѣтъ и тѣни. —
Какъ облака ихъ гонитъ безъ предѣла;
Махай ключемъ, гони ихъ прочь отъ тѣла.

Фаустъ (вдохновенно).

Держа его, я сталъ какъ бы владыкой,
Въ груди огонь! Скорѣй за трудъ великій!

Мефистофель.

Пылающій треножникъ въ глубинѣ,
То знакъ тебѣ, что ты на самомъ днѣ;
Увидишь ты, что матери всѣ тутъ.
Озарены сидятъ, стоятъ, идутъ.
Образованье, преобразование,
И вѣчной мысли вѣчное дрожанье,
Вкругъ образы всѣхъ тварей словно дымъ;
Имъ зримы только схемы, ты незримъ.
Тутъ не робѣй, опасность настаетъ,
Иди ты прямо на треножникъ тотъ,
И тронъ его ключемъ!

(Фаустъ дѣлаетъ исполнѣ повелительный знакъ ключемъ).

(Мефистофель смотритъ на него).

Вотъ такъ какъ разъ!

Онъ за тобой какъ рабъ пойдетъ сейчасъ;
Входи спокойно съ нимъ на высоты,
И не замѣтишь, какъ вернешься ты.
Когда жъ его доставишь въ этой край,
То героннь, героевъ вызывай.
Ты первый могъ на шагъ такой рѣшиться:
Твой будетъ подвигъ, если онъ свершится.
А въ будущемъ намъ магія ужъ прямо
Создастъ боговъ изъ дыма онимама.

Фаустъ.

Съ чего жъ начать?

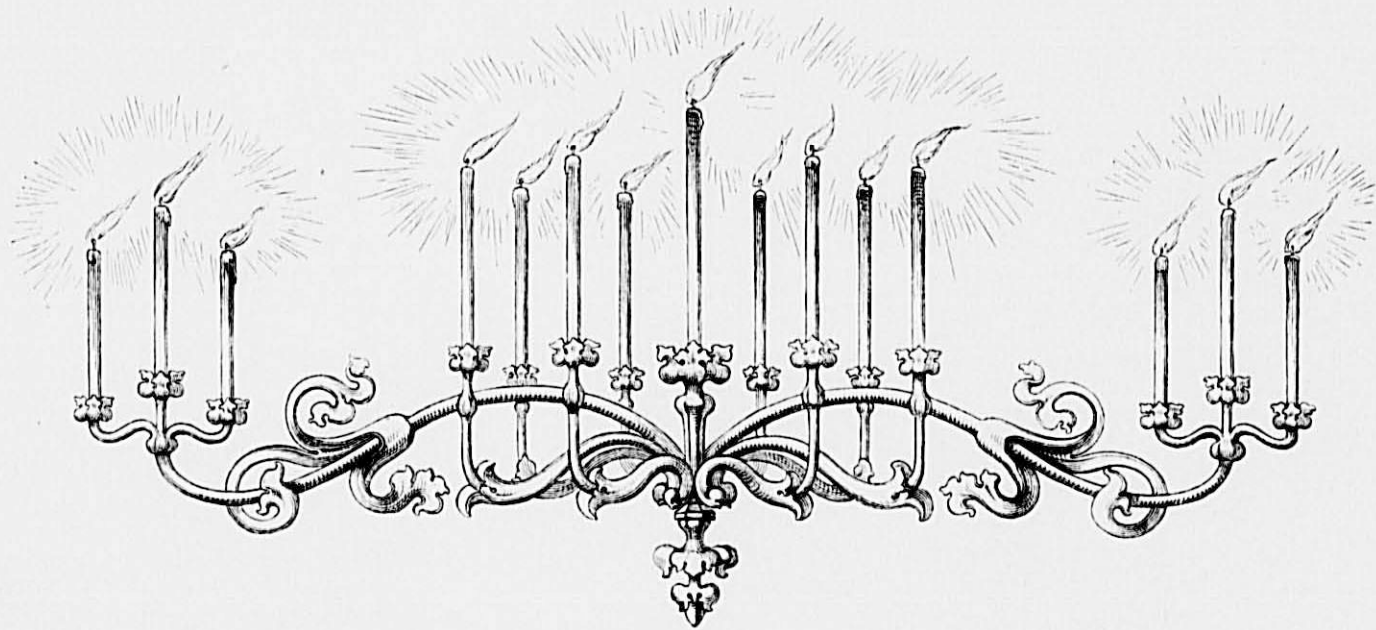
Мефистофель.

Всѣмъ существамъ спускаться;
Спуститься — тощи; тощи, чтобъ подняться.

(Фаустъ топаетъ и проваливается).

Лишь только-бъ ключъ настроить все на ладъ!
Желать бы знать, вернется ль онъ назадъ.

Ярко освѣщенные залы.

Императоръ и князья. Дворъ въ волненіи.

Камергеръ (къ Мефистофелю).

Ты сценой духовъ все въ долгу остался.
Скорѣй за дѣло! Государь заждался!

Кастелянъ.

Сейчасъ его величество спросить;
Чего-жъ ты ждешь! Его ты истомилъ.

Мефистофель.

За этимъ я товарища отправить.
Онъ знаетъ, какъ держаться править,
И заперся теперь опять.
Тамъ всѣ онъ силы напрягаетъ;
Кто хочетъ кладъ, прекрасное — достать,
Тотъ магію обязанъ изучать.

Кастелянъ.

Какія правила у васъ, — намъ все равно;
Но государь сказалъ, что ждать давно.

Блондинка (Мефистофелю).

Словечко, господинъ! Вы видите, лицо
Мое свѣжо и чисто какъ яйцо.
Но лѣтомъ вдругъ коричневая пятна
Всю бѣлизну испортить неприятно.
Мнѣ средство!

Мефистофель.

Жаль! что милаго котенка
Май превратитъ гречинкой въ пантеренка.
Икры лягушекъ, жабыихъ языковъ
Ты въ полнодунье въ склянкѣ приготовь,
Настоемъ тѣмъ въ ущербъ натрись опрятно —
Придетъ весна и не вернутся пятна.

Брюнетка.

Кругомъ толпа тѣснится къ вамъ невольно;
Лѣкарства мнѣ! Съ застуженной ногой,
Мнѣ и ходить и танцовать пребольно,
И неуклюжъ поклонъ выходить мой.

Мефистофель.

Дай, я своей вамъ наступлю ногой.

Брюнетка.

Что-жъ, у влюбленныхъ водится такое. —

Мефистофель.

Въ моемъ шинкѣ значеніе большое.
Подобное — подобнымъ, — будетъ прокъ.
Ногою ногу, — такъ лѣчить всѣ члены.
Держитесь-же! отъ васъ не жду обмѣны.

Брюнетка.

Ай! Ай! Зажгло! Ужасный шпюк!
Коньтомъ что-ль!

Мефистофель.

Во здравье, мой дружокъ.
Теперь танцуй, какъ душевнѣкѣ угодно,
И подъ столомъ толкай дружка свободно.

Дама.

Да пропустите! жребій мой плачевный!
Пизыла я до глубины душевной!
Еще вчера онъ плакать предо мной,
Теперь онъ съ ней, ко мнѣ же сталъ снѣной.

Мефистофель.

Бѣда! Но словъ моихъ не пророни:
Подкрадываясь неслышною стоною,
Вотъ этимъ углемъ ты его черни
По рукаву, по платью, — злу помочь.
Раскаянья кольнутъ его огни;
Ты-жъ проглотить тотъ уголь не гнушайся;
Вина, воды устами не касайся —
Къ твоимъ дверямъ придетъ онъ нынче-жъ въ ночь.

Дама.

Не ядъ же это?

Мефистофель (въ негодованіи).

Знай, что уважать!
Такого угля долго-бъ ты некала.

Онъ изъ костра, какихъ пришлось немало
Намъ въ дни былые поджигать.

Нажъ.

Влюбленъ я; взрослого во мнѣ не признають.

Мефистофель.

Не разберу, кого и слушать тутъ!

(нажу)

Предъ самою меньшей не расточай успѣй,
Созрѣвша тебя давно бы оцѣнили.

(Тѣснится другіе).

Еще нахлынули! Не легкая статья!

Некать спасенья радъ ужъ въ правдѣ я,

Опора слабая, негодная воплѣ.

О матери! верните Фауста мнѣ!

(Озираясь).

Ужъ тусклыми огнями свѣтитъ залъ.

Весь дворъ къ нему собираться сталъ.

Я вижу, какъ ряды — нельзя скромнѣй —

Подъ сѣнь идутъ далекихъ галерей.

Обширный кругъ тѣниѣ сталъ,

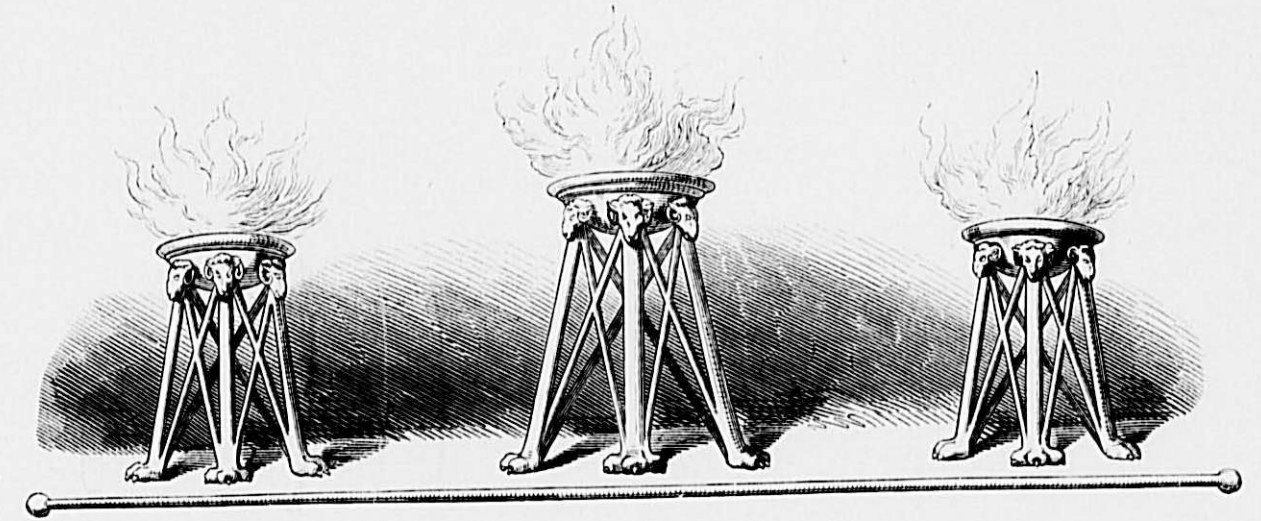
Всѣхъ рыцарскій едва вмѣщаетъ залъ.

Широкіе ковры по всѣмъ стѣнамъ,

Оружіе по шинамъ и угламъ.

Кажись, къ чему тутъ заклинать словами,

Тутъ духи мѣсто облюбили сами.

Рыцарская зала.

(Тусклое освѣщеніе).

Императоръ и дворъ присутствуютъ.

Герольдъ.

Мой долгъ вѣщать о новомъ представленіи,
Но духовъ мнѣ вліянье въ томъ мѣшается;
Разсудокъ здравый, при такомъ снѣтении,
Не объяснить, чего не постигаешь.
Готовы кресла, стулья подъ рукой;
И государь посаженъ предъ стѣной;
Тамъ на коврахъ онъ видѣтъ безъ сомнѣнья,
Минувшихъ дней великія сраженія.
Здѣсь все теперь, весь дворъ съ своимъ владыкой;
А сзади рядъ скамеекъ превеликій;
И милая, смѣря страхъ сердечка,
Близъ милаго нашла себѣ мѣстечко.
И вотъ теперь, когда мы всѣ засѣли,
Готовы мы: пусть духи бы летѣли!

(Трубы).

Астрологъ.

Вся драма въ ходъ пойдетъ сейчасъ!
Раздайтесь стѣны, вамъ такой приказъ!
Покорно все тутъ магіи исполнѣ.
Ковры бѣгутъ, свиваясь какъ въ огнѣ;
Нѣтъ больше стѣнъ, куда ни погляжу;
Какъ бы театръ большой все окружаетъ,
Таинственнымъ намъ свѣтомъ озаряетъ;
На авансцену самъ я выхожу.

Мефистофель

(изъ суфлерской будки).

Здѣсь я могу предъ всѣми отличиться:
Напентывать вѣдь чорту не учиться.

(астрологу).

Ты тихихъ звѣздъ теченье узнаешь,
И шопотъ мой отлично ты поймешь.

Астрологъ.

Волшебной силой появился самъ
Тяжеловѣсный и старинный храмъ;
Какъ Атласъ, что держать небесный сводъ,
Колоннъ двойной недвижимъ хороводъ,
Громада брусьевъ ихъ не отягчила,
Такихъ бы двухъ нагрузъ больнои хватило.

Архитекторъ.

Такъ это-то антично? воть чудесно!
Скорѣй же грубо и тяжеловѣсно.
Имъ грубость — строгость, неуклюжесть — мощь;
Рости колоннамъ должно въ видѣ роцъ,
Стрѣльчатый сводъ и насъ возносить вдругъ,
Такимъ мы зданьемъ создаемъ духъ.

Астрологъ.

Великій часъ сулятъ намъ звѣзды разомъ!
Магическимъ мы словомъ свяжемъ разумъ,
Дадимъ напротивъ взлетать волиѣй
Фантази, куда угодно ей.
Чего алкалъ, на то смотри теперь,
Не сбыточно — воть потому и вѣрь.
(Фаустъ возникаетъ на другой сторонѣ авансены).
Одѣтъ жрецомъ, въ вѣнѣхъ кудесникъ намъ
Заявить то, зачѣмъ ходилъ онъ самъ.
Изъ подъ земли треножникъ съ нимъ идетъ.
Ужъ онѣмамъ словно отдаетъ;

Вотъ жрецъ начнетъ, благословивши, дѣло.
Удачу мы предсказываемъ смѣло.

Фаустъ (значительно).

Во имя ваше, матери! Чей тронъ
Въ безбрежности молчаньемъ окруженъ,
Хоть крупъ вы! Вокругъ числомъ велики
Безъ жизни мчатся жизненные лики.
Что было разъ, чего не воротить,
Все тамъ кишитъ, желая вѣчнымъ быть.
И дѣлите вы это въ вѣчной мочи
Подъ пологъ дня, подъ своды темной ночи.
Однихъ уносить жизнь въ свои пути.
Другихъ стремится смѣлый магъ найти,
Своей рукой онъ щедро расточаетъ
Чудесное, — какого всякъ желаетъ.

Астрологъ.

Влестящій ключъ коснулся лишь котла,
Туманная распространилась мгла;
Она ползетъ какъ стая облаковъ,
Струей, клубами, врозь и слитно вновь.
Но въ чемъ тутъ сила духовъ вся видна:
Въ движенъ тучъ намъ музыка слышна.
Воздушныхъ звуковъ въ колебанъ томъ
Мелодія разносится кругомъ.
Ряды колоннъ, фронтона главный входъ,

Другой.

Полудѣтъ, дѣйствительно онъ миль!
А воть каковъ бы въ латахъ-то онъ быть?

Дама.

Онъ миль. Какъ много мягкости въ немъ есть!

Рыцарь.

Къ нему бы вамъ хоть на колѣни сѣсть!

Другая.

Какъ мило заложить онъ на голову руку.

Камергеръ.

Невѣжа! Стоило бъ отдать его въ науку!

Дама.

У васъ придирки ко всему найдутся.

Тотъ же.

Предъ государемъ такъ тянутся!

Дама.

Вѣдь это роль; и онъ владѣетъ.

Тотъ же.

Играй; — но здѣсь приличенъ будь вполнѣ!

Дама.

Успуть. Во снѣ хорошъ онъ идеально.

Да весь и храмъ, мнѣ кажется, поеть.
Туманъ садится; свѣтель и могучъ,
Красавецъ юный выступилъ изъ тучъ.
Смолкаю я; здѣсь отзывъ неумѣстенъ;
Кому Парисъ прекрасный не извѣстенъ!

Дама.

О, что за блескъ въ немъ силы молодой!

Вторая.

Какъ сочный персикъ свѣжъ, хороше собою!

Третья.

А сладостно приподняты губки!

Четвертая.

Ты бѣ отыскала сласть въ подобномъ кубкѣ?

Пятая.

Красивъ, а нѣтъ въ немъ тонкости-то всей.

Шестая.

Немногого быть онъ могъ бы половчѣй.

Рыцарь.

И видимо изъ пастуховъ онъ горныхъ,
Въ немъ принца нѣтъ, и нѣтъ манеръ придворныхъ.

Тотъ же.

Сейчасъ всхрипнеть, вотъ выйдетъ натурально.

Молодая дама (восторженно).

Какой сѣвось дымъ и запахъ узнаю,
Что свѣжестью наполнилъ грудь мою?

Среднихъ лѣтъ.

Да, точно; вдохъ всю душу проникаетъ!
Онъ отъ него!

Старшая.

То юность разцвѣтаетъ
Амброзіей живою въ красавцѣ томъ,
И въ атмосферѣ слышится кругомъ.
(появляется Елена).

Мефистофель.

Такъ вотъ она! Спокоенъ я вполне!
Она красива, только не по мнѣ.

Астрологъ.

Я ни на что ужъ болѣе не гожусь;
Какъ честный человѣкъ въ томъ признаюсь.
Краса идетъ. У похвалы нѣтъ цѣли!
О красотѣ такъ много вѣчно пѣли —
Кому она предстала — все забыть;
Кто ей владѣть — высоко счастливъ быть.

Фаустъ.

Глазами ль вижу? Или въ душѣ живою
Я красоты разливомъ весь встревоженъ?
Съ какой добычей вышелъ поискъ мой!
До сей поры мнѣ мѣръ быть пусть, ничтоженъ!
Чѣмъ онъ теперь, съ тѣхъ поръ какъ я жрецомъ?
Онъ твердъ, окрѣпъ, я жить желаю въ немъ!
Пусть не вздохну ни разу я потомъ,
Какъ измѣню подобному влеченью!
Та, что меня когда-то восхищала,
Въ волшебномъ зеркалѣ плѣнила,
Такой красы была лишь легкой тѣнью!
Лишь ты одна, смущая мой покой,
Всю силу страсти роковой,
Любовь, восторгъ, безумство мнѣ внушаешь.

Мефистофель (изъ будки).

Опомнись, ты изъ роли выпадаешь!

Дама (среднихъ лѣтъ).

Прекрасный ростъ, но голова мала.

Молодая.

За-то нога — огромна, тяжела!

Дипломатъ.

Я лишь царицъ подобныхъ видѣть могъ;
Она прекрасна съ головы до ногъ.

Придворный.

Идетъ съ улыбкой къ спящему она.

Дама.

Съ красавцемъ рядомъ, какъ она дурна!

Поэтъ.

Весь озаренъ ея онъ красотой.

Дама.

Хоть рисовать. Эндимионъ съ Луной!

Поэтъ.

Вполнѣ. Богиня видимо смутилась,
Его дыханье нить она склонилась.
Завидно! поцѣлуй! нельзя изречь!

Душенья.

При всѣхъ — приличьемъ всякимъ пренебречь!

Фаустъ.

Какое счастье мальчику!

Мефистофель.

Молчи!

Дай призраку ты волю, — не учи!

Придворный.

Проснулся онъ; она спѣшишь бѣжать.

Дама.

Она глядитъ назадъ. Легко понять!

Придворный.

Онъ изумленъ. Ея такъ дивенъ видъ!

Дама.

А ей не диво то, на чтѣ глядитъ.

Придворный.

Съ достоинствомъ глядитъ она назадъ.

Дама.

Она его знать въ руки забираетъ.
Ужъ тутъ мужчины глупы все подрядъ,
И первымъ онъ, гляди, себя считаетъ!

Рыцарь.

Величество во всемъ я вижу въ ней!

Дама.

Развратница! На что еще подѣй!

Нажъ.

На мѣстѣ бы его хотѣлъ я быть, ей, ей!

Придворный.

Такая сътъ кого-бъ не уловила?

Дама.

Сокровище и рукъ не мало проходило,
Чуть позолота не сошла.

Другая.

Она ужъ въ десять лѣтъ негодницей была.

Рыцарь.

При случаѣ схватить хорошее всѣ падки,
А я бы захватить прекрасные остатки.

Ученый.

Я признаюсь, хоть мнѣ она видна,
Да какъ рѣшить, то подлинно-ль она.
Что видимъ мы, то насъ увлечь готово,
А я держусь лишь письменнаго слова.
И я читаю, что она невольна
Всѣмъ старцамъ Тронъ пригнулася больно;
И здѣсь пожалуй прежнія дѣла, —
Не молодъ я, но мнѣ она мила.

Астрологъ.

Не мальчикъ болѣ, — молодой герой,
Ее онъ обнять сильною рукой,
Ее онъ мощно поднять наконецъ.
Похитить чтоль ее?

Фаустъ.

Постой, глупецъ!
Не смѣй! — Не слышишь! — Стой! Нѣтъ, я уйму!

Мефистофель.

Вѣдь самъ ведешь ты эту кутерьму!

Астрологъ.

Два слова лишъ! Все это представленье
Я назову: *Елены похищенье*.

Фаустъ.

Какъ похищенье! Мнѣ ль стоять безстрастно?
А ключъ-то мой! Его онъ сбавить смѣетъ!
Меня онъ вѣдь по ужасамъ вѣчасно
Уединенья — къ твердой почвѣ здѣсь.
Здѣсь я стою въ дѣйствительности твердо!
Тутъ съ духами мой духъ сразится гордо,
Въ двойной побѣдѣ мнѣ объемя весь!
Была въ дали, теперь близка вполне. —
Спасу! И будь моей она вдвойнѣ!
О матери! вашъ тронъ мнѣ да поможетъ!
Кто съ ней знакомъ, разстаться съ ней не можетъ.

Астрологъ.

Куда ты, Фаустъ! о Фаустъ! всей силой онъ
Ее схватить — ужъ ликъ ея смущень.
На юношу навелъ онъ ключъ, — и вотъ
Его коснулся. — Горе! горе — ждешь!

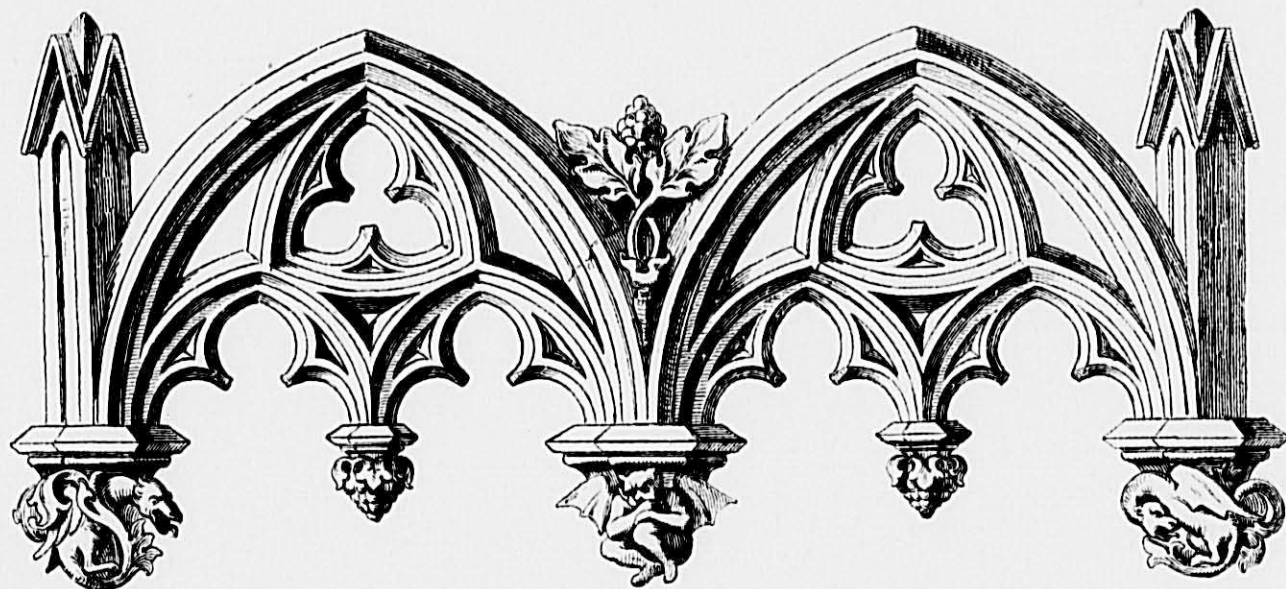
(Варья. Фаустъ падаетъ, духи исчезаютъ.).

Мефистофель (поднимая Фауста
на плечи).

Вотъ и гляди! связаться съ дураками,
Такъ тутъ самъ чортъ не справится съ дѣлами!

(Темнота. Толкотня.).

Антъ второй.

Тѣсная готическая комната съ высокими сводами.

Кабинетъ Фауста въ прежнемъ видѣ.

Местофель

(выступая изъ-за занавѣса. Когда онъ его поднимаетъ и опускаетъ, видѣнъ Фаустъ лежащій на старинной кровати).

Лежи, бѣднякъ! Тебя томить
Та цѣпь любви, что трудно рвется!
Кого Елена поразить,
Тотъ ужъ не такъ легко очнется.

(Озирается)

Хоть глянуть вверхъ, сюда ль, туда ли,
Все неизмѣнный видъ одинъ:
Кажись тусклѣй цвѣтныя окна стали,
Да развелось побольше паутинъ;
Чернила сухи, пыль на книгахъ спитъ;
Но весь порядокъ тотъ остался,

И даже здѣсь перо лежитъ,
Которымъ Фаустъ у чорта подписался.
А въ глубинѣ пера застылъ
Остатокъ крови той, что я добылъ.
Гордился бъ рѣдкостью такой
И антикварій записной.
Вотъ старый крюкъ со старой шубой;
И вспомнилъ я о шуткѣ грубой,
Какъ здѣсь я мальчика училъ.
И юношей того онъ вѣрно не забылъ.
Ты, шуба! хочется признаться,
Тебя надѣтъ и, вновь доцентомъ ставъ,
Опять надменно надуваться!
Вѣдь убѣдился жъ, что одинъ онъ правъ —

Привычное ученымъ дѣло;
Но чорту это надоѣло.

(Трясетъ спитую шубу; изъ нея вылетаютъ цикады, козявки и фарфалетты).

Хоръ насѣкомыхъ.

Здорово, здорово,
Патронъ дорогой!
Жужжимъ мы, летаемъ,
Знакомы съ тобой.
Немногихъ посѣлять
Ты тихо въ тѣни;
А тысячи пляшутъ:
Ты, батя, взгляни.
Лукаваго въ сердцѣ
Укроешь отъ глазъ;
А вопекъ на шубѣ
Увидишь какъ разъ.

Местофель.

Я изумленъ; радъ видѣть молодежь!
Ты только сѣй, и во время пожнешь.
Еще хочу я старый мѣхъ трихнуть;
И вылетитъ опять хоть что-нибудь. —
Вверху! Кругомъ! по закоулкамъ тѣснымъ
Укрыться слѣдъ вамъ, милочкамъ прелестнымъ.
Въ тотъ ящикъ, что изломанъ весь,
Въ пергаментъ пожелтѣвшій здѣсь,
Въ худыхъ горшкахъ, разбитыхъ вазахъ

И въ черепахъ тѣхъ дыроглазыхъ!
Въ подобномъ хламѣ поневолѣ
Приходится гнѣздиться моли.
(надѣваетъ шубу).

Надѣну вновь тебя, какъ надѣвалъ!
Опять наставникомъ я стану.
Что пользы такъ лишь называться,
Гдѣ жъ тѣ, что предо мной смиряются?
(Онъ звонитъ въ колоколъ, издающій рѣзкій, пронзительный звонъ; причемъ коридоры трясутся и двери растворяются).
Фаулусъ (ковыляя по длинному коридору).

Что за звонъ! душа мятется!
Входъ дрожитъ, стѣна трясется;
Вижу въ пестрыхъ окнахъ зданья
Словно молнии сверканье;
Скачетъ полъ, а сверху, мнитесь,
Мусоръ съ известью валится;
И дверей засовы — сила
Непонятная раскрыла. —
Ужасъ! — Вижу исполина,
Въ шубѣ Фаустовой мужнина!
Эти взоры съ полъ-дороги
Мнѣ подкашивають ноги.
Оставаться или бѣжать?
Ахъ! что будетъ, какъ узнать!

Местофель (мани).

Войдите, другъ. Зовутъ васъ Nicodemus.

Фамулузь.

Дѣйствительно, почтенный мужъ! — oremus!

Мефистофель.

Оставимъ это.

Фамулузь.

Радъ, что вамъ знакомъ!

Мефистофель.

Я знаю: вы еще студентъ притомъ.

Хотя въ лѣтахъ, ученый человѣкъ

Отетать не можетъ, — учится все въѣтъ.

И карточный тутъ домикъ строимъ мы;

И не достроить первые умы.

Но нашъ наставникъ дѣло понимаетъ:

Кто-жъ доктора-то Вагнера не знаетъ,

Въ ученомъ мѣрѣ кто-жъ сравнится съ нимъ!

И держится наука только имъ.

Онъ мудрость ежедневно множитъ:

Кто алчетъ знанья сколько можетъ

Спѣшитъ въ толпѣ ему внимать.

Одинъ онъ съ каедры сіяетъ;

Какъ Петръ ключемъ онъ обладаетъ,

И верхъ и низъ имъ отпирать.

Когда лучи его сіяютъ,

Иная слава прахъ и дымъ;

Ужъ имя Фауста забываютъ!

А все открыто имъ однимъ.

Фамулузь.

Простите, мужъ почтенный, коль скажу я —

И возразить притомъ дерзну я:

Я вижу сторону другую;

Лишь скромность — вотъ его удѣлъ.

Куда исчезъ и гдѣ скрываться можетъ

Великій мужъ — ума онъ не приложить.

Все ждетъ его, все слушать бы хотѣлъ.

Вся комната должна храниться,

Какъ докторъ Фаустъ въ ней прожилъ до конца.

Ждетъ стараго она жильца;

Едва дерзаю въ ней я появиться.

Теперь который звѣздный часъ?

Казалось, стѣны все дрожали,

Тряслася дверь, засовы спали —

А то бъ вы не прошли до насъ.

Мефистофель.

Но гдѣ же самъ-то онъ, скажите?

Меня къ нему, его ль сюда ведите!

Фамулузь.

Ахъ! очень строго его запретъ!

Не знаю, доложить или нѣтъ.

Не первый мѣсяцъ углубился

Онъ въ трудъ, — и тихо затворился;

Ученый мужъ былъ такъ изнѣженъ,

Теперь какъ угольщикъ небреженъ,

Носъ въ сажѣ, уши тожъ ужасны,

Глаза отъ подуванья красны;

Сидить, — схватить минуту радъ;

И только что пиццы звенять.

Мефистофель.

Ужель приходъ мой счесть напастью?

Вѣдь я, глядишь, его помочь бы счастью!

(Фамулузь уходитъ. Мефистофель важно садится).

Едва я занялъ постъ, какъ вотъ

Знакомый гость сюда идетъ.

Но онъ изъ самыхъ новыхъ вѣрно,

Онъ расхрабрится безпримѣрно.

Баккалавръ (несется по корридору).

Двери настежь я встрѣчаю!

Такъ теперь ужъ, полагаю,

Плѣсень старую забыли,

Гдѣ живой и мертвый гнили,

Чтобъ закиснуть и заглохнуть,

Чтобы заживо засохнуть.

Эти стѣны съ этимъ сводомъ

Ждутъ паденья съ каждымъ годомъ;

Не уйди мы осторожно,

То и намъ погибнуть можно.

Я первѣйшій на отвагу,

Но ужъ дальше я ни шагу.

Что за странная дѣла-то!

Не сюда ли я когда-то

Боязливымъ въ высшей мѣрѣ

Новичкомъ являлся въ двери,

Вѣрилъ имъ, длиннородымъ,

Поддавался ихъ подходамъ!

Изъ старинныхъ книгъ болтали

Ложь они, какую знали,

Знали, ей не довѣряя,

Лишь себя и насъ терзая.

Какъ? Тамъ сзади, гдѣ темно-то,

Визу вновь сидитъ вонъ кто-то!

Разглядѣть теперь поближе!

Все онъ въ той же шубѣ рыжей;

Какъ оставилъ я его,

Въ грубомъ мѣхѣ одного!

Ловкимъ я его считалъ,

Какъ его не понималъ;

Но теперь иное дѣло,

Подойду къ нему я смѣло!

Коль воды Леты все не затопили

Подъ лысымъ черепомъ у васъ, — безъ шутки,

Я ученикъ, которому такъ жутки

Академическія розги были.

И вижу васъ, какимъ видалъ,
Но я другимъ уже предеталъ.

Мефистофель.

Радъ, что мой звонъ у васъ раздался.
Я въ васъ заранѣ видѣлъ прокъ,
И въ куколкѣ мнѣ представлялся
Грядущій нестрій мотылекъ.
Вы, въ локонахъ, манишкой съ кружевами
По дѣтки любовались сами.
Вамъ не пришлось ходить съ косою?
Теперь я вижу васъ по модѣ.
Рѣшительны вы стали на свободѣ;
Лишь абсолютно бы не шли домой!

Баккалавръ.

Мы съ вами, сударь, адѣсь на мѣстѣ старомъ;
Но духъ поймите новыхъ вы годовъ.
Двуслыленно не говорите даромъ;
Теперь ужъ мы значенье ловимъ словъ.
Вы юношу дурачили преловко,
Вамъ безъ труда сходила съ рукъ уловка,
Теперь напрасно такъ шутить.

Мефистофель.

Коль юношамъ стать правду говорить,
Какой птенцы не могутъ проглотить,
Да велѣдъ затѣмъ съ годами по натурѣ,
Все на своей пришлось имъ вынести шкурѣ, —

Сдается имъ, что выдумать то всякъ;
И вотъ кричатъ: учитель былъ дуракъ.

Баккалавръ.

Плутъ можетъ-быть! Какой учитель самъ
Въ лицо всю правду скажетъ намъ?
Умѣть всякъ прибавить или убавить,
То припугнуть дѣтей, то позабавить.

Мефистофель.

Учиться — есть пора для насъ;
А вамъ учить насталь, какъ вижу, часъ.
Съ годами вы, хоть время скоротечно,
И опытностью запаслись конечно.

Баккалавръ.

Что опытность! Одинъ пустякъ!
Ей съ духомъ не ужиться дружно!
Признайтесь! вѣчно вѣдалъ всякъ,
Чего и знать совѣмъ не нужно.

Мефистофель (помолчавъ).

Себя давно считалъ я дуракомъ,
Теперь вполне я убѣдился въ томъ.

Баккалавръ.

Сердечно радъ! И первого пока
Разумнаго я встрѣтилъ старика!

Мефистофель.

Вѣкъ рылъ я кладъ блестящій и тяжелый —
И мрачныхъ угольевъ достигъ.

Баккалавръ.

Сознайтесь-ка, ванъ черепъ голый
Ничуть не лучше тѣхъ пустыхъ!

Мефистофель (добродушно).

Ты грубости своей, мой другъ, не сознаешь?

Баккалавръ.

По нашему, коль вѣжливъ — значить лжецъ.

Мефистофель (подвигаясь на аван-
сцену къ публикѣ).

Здѣсь свѣтъ и воздухъ у меня отняли;
Хоть вы бы мнѣ защитниками стали!

Баккалавръ.

Считаю мысль я дерзостной совѣмъ,
Быть чѣмъ-нибудь, когда ужъ сталъ ничѣмъ.
Людская жизнь живетъ въ крови; а въ комъ
Кровь такъ сильна, какъ въ юнонѣ любовъ?
Могучей силой молодая кровь
Изъ жизни прежней жизнь выводитъ вновь.
Тутъ все кинуть, и подвигъ создавать.
Гдѣ слабый палецъ, тамъ сильный возстаеъ.
Пока полъ-міра мы завоевали,
Что дѣлали вы? Думали, кивали,
И вѣчнымъ планамъ потеряли счетъ.
Конечно, старость — лихорадка,
Ознобъ, тоска стоитъ во всемъ;
Кому минуло три десятка,

Того считай ужъ мертвецомъ.
Васъ перебить бы, чтобы свѣтъ позавить.

Мефистофель.

Тутъ чортъ не можетъ ничего прибавить.

Баккалавръ.

Коль захочу, такъ чортъ не смѣетъ быть.

Мефистофель (въ сторону).

Все жъ чортъ тебя съумѣетъ защититъ!

Баккалавръ.

То подвигъ юности прямой.
Миръ былъ ничто, пока не созданъ мной;
Я солнце вывелъ изъ пучинъ морскихъ;
Со мной луна достигла фазъ своихъ;
Тогда и день разлился предо мною,
Чтобъ радовать меня красой землею;
По мановенью моему, въ ночи,
Впервые звѣздъ разсыпался лучи;
Кто жъ, какъ не я, вамъ дать свободу мысли,
Когда вы все филистерами кнели?
А я, свободно, какъ мой духъ велитъ,
Иду за свѣтомъ, что во мнѣ горитъ.
И шествую съ восторженной душою,
Лицемъ на свѣтъ и къ мрачному спиною.
(Уходитъ).

Мефистофель.

Оригиналъ, какъ прятъ твоя пылка!
Тебя ничуть сознание не тревожитъ,
Что кто жъ умно или глупо думать можетъ

О томъ, о чемъ не мыслили вѣка? —

Но въ этомъ пѣтъ опасно роковаго,

Современемъ измѣнится оно:

Какъ гроздй сокъ ни бродитъ безтолково, —

Все выйдетъ подъ конецъ вино.

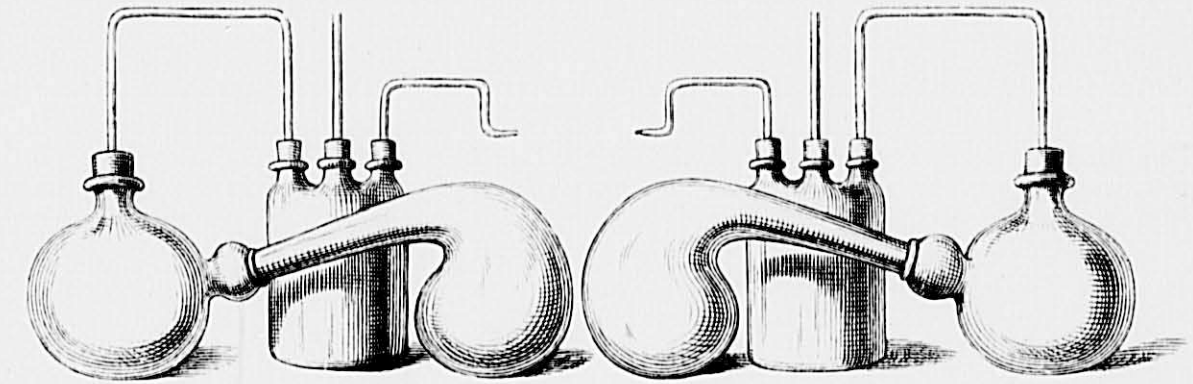
(Къ молодому партеру который не анилодируетъ).

Не убѣдить васъ мой языкъ.

Я съ вами, дѣти, правъ въ расчетѣ;

Подумайте, вѣдь чортъ старики: —

Состарясь, вы его поймете.

Лабораторія.

Въ средневѣковомъ вкусѣ. Сложные, неуклюжіе аппараты, для фантастическихъ цѣлей.

Вагнеръ (у очага).

Ударилъ колоколъ ужасный,

Затрепетали стѣны зданій:

Теперь не можетъ страхъ всечасный

Продлиться строгихъ ожиданій.

Уже во мракѣ проблескъ ясный;

Уже въ ретортѣ что-то пышетъ,

Какъ раскаленный уголь дышетъ;

Какъ бы карбункулъ многоцѣнный

Во тьму кидаетъ лучъ мгновенный.

Вотъ бѣлый свѣтъ возникъ сейчасъ;

О хоть бы разъ мнѣ безъ потери!

О Боже! Кто шумитъ у двери?

Мефистофель (входитъ).

Мое почтеніе! Въ добрый часъ.

Вагнеръ (боязливо).

Ну, въ добрый звѣздный часъ — войдите!

(Тихо).

Но ни полслова, не дышите!

Тому, что выйдетъ, изумится вѣкъ.

Мефистофель (еще тише).

Въ чемъ дѣло-то?

Вагнеръ (тише).

Творится человѣкъ.

Мефистофель.

Какъ человѣкъ? Какую же коптить

Влюбленную вы пару засадили?

Вагнеръ.

Помилуй Богъ! Какъ до сихъ поръ родить

Привыкли всѣ — мы вздоромъ объявили;

Тотъ пѣкный пунктъ, что жизнью мы даримъ,

Та сила, что, внутри сливаясь съ нимъ,

Брала и отдавала, появляясь,

Сперва роднымъ, затѣмъ чужимъ питаюсь,

Достоинство утратила теперь;

Отнынѣ пусть ей предается звѣрь,
Но человѣку слѣдъ съ его значеніемъ
Гордиться впродѣ другимъ происхожденіемъ.

(Обращаясь къ очагу).

Еще свѣтлѣй! Тутъ ждешь по крайней мѣрѣ,
Что если мы изъ многихъ сотъ матерій
Смѣшеніемъ, — въ смѣшеніи весь вопросъ —
Матерію людскую образуемъ,
Ее въ ретортѣ замуруемъ,
И тщательно дистиллируемъ,
Все дѣло намъ тихонько удалось.

(Снова обращаясь къ очагу).

Выходить! Масса все свѣтлѣетъ!
И убѣжденіе крѣпче зрѣетъ!
Все, что въ природѣ тайною слыло,
То мы разумно испытуемъ,
Что организмъ въ ней произошло,
То мы теперь кристаллизуемъ.

Мефистофель.

Кто долго жить, тотъ испытать не мало;
Онъ новаго не встрѣтитъ въ жизни сей:
При странствіяхъ, видать и я бывало
Кристаллизованныхъ людей.

Вагнеръ (до сихъ поръ обраща-
ясь къ ретортѣ).

Ростетъ, сверкаетъ, все слилось,
Мгновенье — и затѣмъ: — сбылось!

Великій планъ сперва похожъ на вздоръ;
Случайность насъ отнынѣ не обманетъ,
Подобный мозгъ для мысли съ этихъ поръ
Мыслителемъ приготовляться станетъ.

(Съ восторгомъ смотреть въ реторту).

Стекло звенитъ, и проецилась смѣсь,
Теперь пойдетъ ужъ безъ занншки!
Я вижу, шевелится здѣсь
Ликъ милостиваго мужички.
Чего жъ еще и намъ, и всѣмъ желать?
Разгадка тутъ всей тайны необъятной:
Старайтесь этимъ звукамъ вникать,
И голосъ вамъ, и рѣчи станутъ вняты.

Гомункулъ (изъ реторты Вагнеру).

Ну, папенька! ты не шути! Ей, ей!
Такъ къ сердцу ты прижми меня скорѣй!
Да поцѣлуй, чтобъ склянка утѣрилась!
Сама природа здѣсь велѣла:
Начнетъ творить, такъ не вмѣшаетъ свѣтъ;
Съ искусственнымъ же — дальше ходу нѣтъ.

(Мефистофелю).

И ты, хитрецъ, мой братецъ, здѣсь? — Смотрю
И во время какъ разъ! — Благодарю;
Судьбой ты кетати занесенъ вполнѣ:
Разъ что живу — и дѣло пужно мнѣ,

Хотѣлъ бы я сейчасъ же за работу; —
Съ чего начать, — ты ловокъ снять заботу.

Вагнеръ.

Одно слово! Стыжусь я этой тѣмъ:
И старь, и малъ мнѣ задають проблемы,
Вотъ наримѣрь: для всякаго загадка,
Какъ тѣло такъ съ душой слилися гладко,
И держатся другъ дружки неразрывно,
И цѣлый вѣкъ враждуютъ непрерывно.
Затѣмъ...

Мефистофель.

Постой! Спросилъ бы я, признаться,
Зачѣмъ мужья все съ женами бранятся?
Вотъ, другъ, вопросъ-то — разрѣши-ка — нутко!
А здѣсь нужны дѣла; ихъ ждетъ малютка.

Гомункулъ.

Что жъ дѣлать мнѣ?

Мефистофель (указывая на боковую дверь).

Тамъ выкажи ты силы!

Вагнеръ (все смотритъ въ реторту).

Понстинѣ, ты мальчикъ очень милый!

(Боковая дверь открывается, виденъ Фаустъ на постели).

Гомункулъ (изумленно).

Значительно!

(Реторта вырывается изъ рукъ Вагнера, по-
сится надъ Фаустомъ и освѣщаетъ его).

Прекрасный видъ! У влаги

Прозрачной, въ роицѣ, жены мечуть платья.

Прелестны всѣ! А вотъ теперь всѣ наги:

Но между нихъ одну бы могъ признать я

Хоть героиней, если не богиней.

Прозрачный блескъ струнтъ она ногою;

И членовъ пылъ съ ихъ юною гордыней

Прохладною пріемлется волною. —

Но что за шумъ затрепетавшихъ крылій,

Какіе плески влагу возмутили?

Въ испугѣ дѣвы разбѣжались, — только

Царицы взоръ не омраченъ нисколько,

Она глядитъ такъ женственно надменно,

Что лебедь-царь къ ногамъ ея смиренно

Приникъ. — Ея объемлетъ онъ колѣна. —

Но вдругъ туманъ встаетъ волной,

И ужъ за дымкою густой

Сокрылась сладостная сцена.

Мефистофель.

Рассказывать я вижу ты гораздъ!

Хоть самъ ты малъ, за то большой фантастъ.

Я ничего не вижу!

Гомункулъ.

Гдѣ-жъ тебѣ-то!

Провелъ ты молодости лѣта
Во мглѣ, средь рыцарей, поповъ,
Такъ вотъ и глазъ то твой таковъ!
Въ туманахъ только ты и дома:

(озираясь)

Сырыя стѣны, гадко, склизко,
Стрѣльчато, вычурно и низко!
Проснись-ка онъ, — бѣда какъ разъ:
Какъ глянеть, такъ умереть сейчасъ.
Ручьи лѣсные съ лебедями,
Красавицъ видѣть онъ во снѣ, —
Какъ сжиться съ этими стѣнами!
Я терпѣливъ, но не втерпѣжъ и мнѣ.
Умчимъ его!

Мефистофель.

Такому радъ исходу.

Гомункулъ.

Ты въ битву воина пошли,
А дѣвушку води ты къ хороводу!
Они бѣ мѣста свои нашли.
Классическая, вспомнить я сейчасъ,
Вальпургіева ночь теперь какъ разъ. —
Къ успѣху тутъ пути прямые.
Снесемъ его къ его стихіи!

Мефистофель.

Не слыхивать подобнаго я чуда.

Гомункулъ.

И слышать-то тебѣ откуда?
Романтикамъ лишь съ призраками жить!
А истый призракъ — классикъ долженъ быть.

Мефистофель.

Куда же путь свой долженъ направлять я?
Противны мнѣ античные собраты.

Гомункулъ.

Сѣверо-Западъ, чортъ, тебя все влекъ,
Но насъ теперь зоветь Юго-Востокъ.
Тамъ гдѣ Пеней равнину пробѣжалъ,
Среди кустовъ, заливами сверкая,
До самыхъ горъ долина все сплошная,
И древній рядомъ съ новымъ тамъ Фарсатъ.

Мефистофель.

О горе! Прочь! Хоть битвой пощадите
Тиранства съ рабствомъ! — Чтò ни говорите,
Вещь скучная; едва окончатъ, — глядь!
Опять пошли другъ съ другомъ воевать!
И не вдомекъ уму такихъ людей,
Что сзати ихъ дурачить Асмодей.
Все за права свободы, молъ, дерутся —
А разглядѣть: рабы съ рабами бьются.

Гомункулъ.

Оставь людей, коль вздорить имъ охота;
Имъ защищаться предоставь самимъ
Съ младенчества; такъ будетъ и съ большимъ.
Тутъ весь вопросъ, какъ исцѣлить его-то?
Коль знаешь чѣмъ, такъ на ноги поставь,
А если нѣтъ, то мнѣ все предоставь!

Мефистофель.

Тутъ съ Брокена нашлось бы что-нибудь;
Но заперли язычники мнѣ путь.
А греки были вѣкъ пустой народъ!
Въ глаза-то вамъ все чувствительность ихъ бьетъ,
Они въ грѣхахъ весельемъ соблазняютъ;
А наши-то все мрачными считаютъ.
Ну чтожъ теперь?

Гомункулъ.

Тебя вѣдь не смущу я;

Коль оессалийскихъ вѣдьмъ упомяну я,
Такъ кажется довольно я скажу.

Мефистофель (похотливо).

Ахъ, вѣдьмы оессалийскія! — Особы,
Которыхъ я давно искалъ.
Но что ни ночь, быть съ ними, — не могло бы
Мнѣ правиться, я полагаю;
А изрѣдка, для пробы...

Гомункулъ.

Плацъ сюда,

И рыцаря мы завернемъ больнаго!
А эта тряпка, какъ тогда,
Васъ одного подниметь и другаго;
Я посвячу.

Вагнеръ (боязливо).

А я?

Гомункулъ.

Не суетись!

Останься дома, въ дѣло углубись;
Пергаменты старинные достанешь,
По нимъ собирать ты элементы станешь
И соблюдать всю совокупность эту;
Обдумай *что*, и *какъ* ты разбери
Я между тѣмъ постранствую по свѣту,
Быть можетъ точку отыщу на і.
Тогда къ великой цѣли ты придешь;
За долгій трудъ награду жди по праву:
Богатство, долготѣе, почестъ, славу,
И съ знаньемъ добродѣтель — можетъ тожъ!
Прощай!

Вагнеръ (опечаленный).

Прощай! Мнѣ грустно поневолѣ!
Боюсь, тебя ужъ не увижу болѣ.

Мефистофель.

Летѣть къ Пеню я готовъ!
Не брезгаемъ мы братцемъ самъ.

(Къ зрителямъ).

Зависимъ мы, въ концѣ концовъ,
Отъ креатуръ, созданныхъ нами.

Классическая Вальпургіева ночь.

Ферсальскія поля.

Темнота.

Эрихто.

Опять къ ночному зрѣлищу ужасному
Являюсь я, Эрихто, вѣчно мрачная;
Не такъ гнусна, какъ клеветой своей меня
Поэты очернили... Нѣтъ конца хваламъ
И поношеньямъ ихъ... Уже убѣлена
Волной палатокъ сѣрыхъ вся долина вдоль,
Какъ призраками этой страшной ночи всей.
Какъ часто это повторялось! И еще
Вѣкъ повторяться будетъ.... Уступитъ никто
Не хочетъ власти; даже и тому, кто самъ
Ее стяжалъ и держитъ. Каждый, кто собой
Не въ силахъ управлять, охотно бѣ править сталъ
Сосѣдней волей, какъ бы онъ, гордецъ, хотѣлъ...
Разыгранъ битвою великій здѣсь примѣръ,

Какъ сила предъ сильнѣйшимъ хочетъ грудью стать,
Какъ дорогой свободы пышный рвутъ вѣнокъ,
И жесткій лавръ чело владыки обогнетъ.
Великому здѣсь грезился величія день.
Тамъ къ слову лести Цезарь слухъ склонялъ въ ночи!
Теперь сразятся. Знаетъ свѣтъ, кто побѣдитъ.
Огни сторожевые красный пламень шлютъ;
Какъ пролитая кровь легъ отблескъ по землѣ,
И, привлеченъ такимъ сіяньемъ ночнымъ,
Всей саги эллинской собрался легіонъ.
У всѣхъ огней колеблется въ невѣрной мглѣ
Или разсѣлись лики баснословныхъ дней....
А мѣсяцъ хотъ въ ущербъ, но вполнѣ свѣтло
Встаесть, кидая нѣжный блескъ на все вокругъ;
Исчезъ палатокъ призракъ, — снѣгъ огонь костровъ.

Но падо мной какой нежданный метеоръ?
Горить и освѣщаетъ комъ тѣлесный онъ.
Я чую жизнь. Мнѣ не приличествуетъ быть
Вблизи живаго, такъ какъ я ему вредна;
Худую славу возбужу безъ пользы я. —
Вотъ онъ спускается. Разумно удалюсь!
(Удалется).

(Воздухоплаватели вверху).

Гомункулъ.

Разъ еще кругомъ лети-ка
Надъ злобѣщими огнями;
Какъ въ долины этой дико
Свѣтить призрачными снами.

Мефистофель.

Какъ изъ сѣверныхъ строей
Въ окна старья глядя,
Вижу лики привидѣній;
Здѣсь и тамъ моя семья.

Гомункулъ.

Вонъ какая запаталась,
И уходитъ каланчей.

Мефистофель.

Точно насъ перепугалась,
Какъ летѣли мы съ тобой.

Гомункулъ.

Пусть идетъ и удалится!
На-земь рыцаря спусти,
Онъ очнется, — онъ стремится
Въ царствѣ сказокъ жизнь найти.

Фаустъ (касаясь земли).

А гдѣ она?

Гомункулъ.

Сказать не можемъ;

Здѣсь вѣмъ такой вопросъ предложимъ.
Ступай до утреннихъ лучей
По вѣмъ огнямъ освѣдомляться:
Кто могъ сходить до матерей,
Тому ужъ нечего бояться.

Мефистофель.

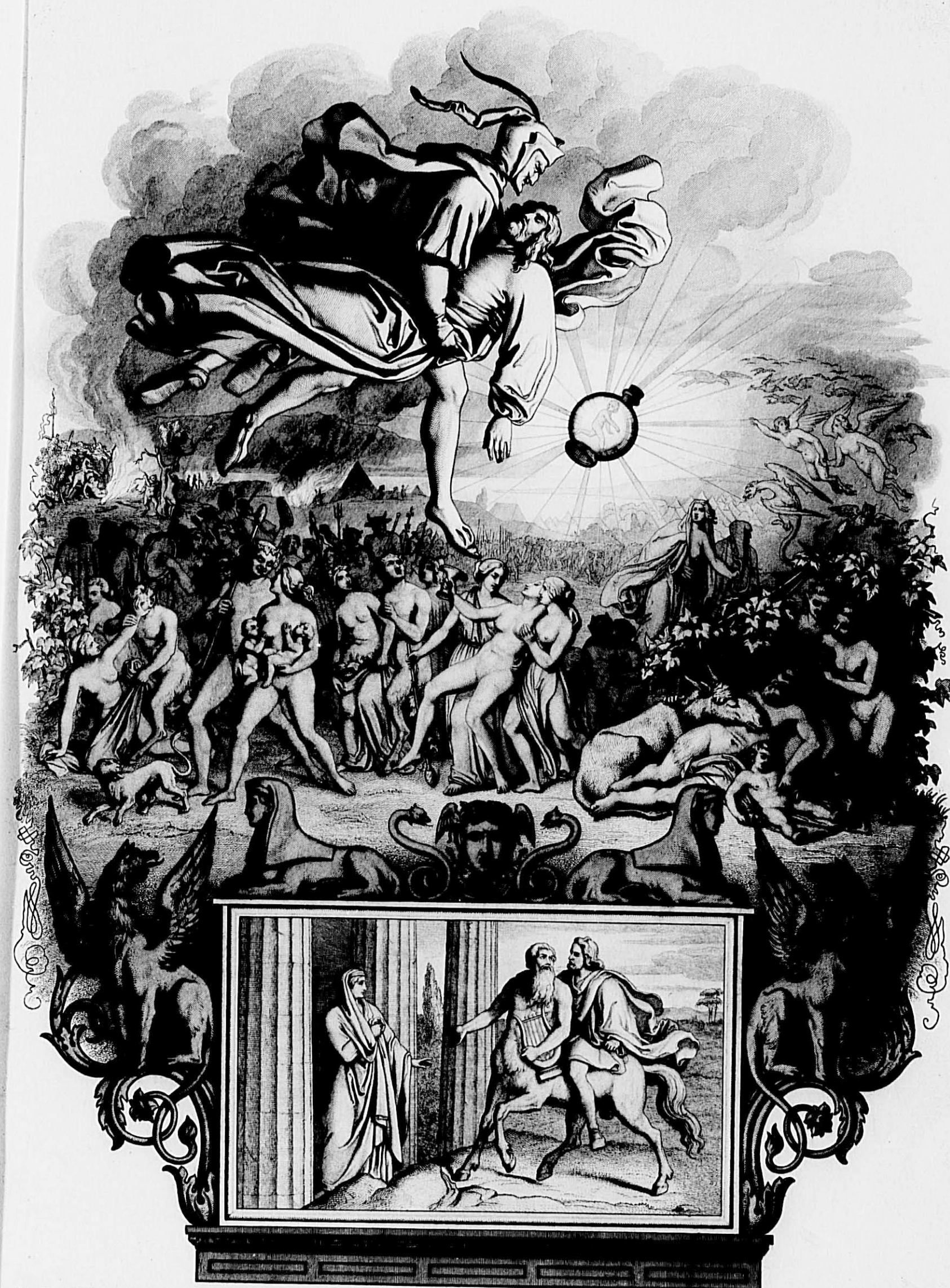
И мнѣ тутъ будетъ часть своя;
Но лучшаго для насъ не знаю я,
Какъ чтобы каждый межъ огнями
Своими поискалъ глазами,
Затѣмъ — чтобъ намъ собираться понемножку,
Заставъ фонарь свѣтить со звономъ, крошка!

Гомункулъ.

И зазвоно, и засверкаю!

(Реторта сильно свѣтитъ и звонитъ).

Чудесъ я новыхъ вамъ желаю!

Фаустъ (одинъ).

Такъ гдѣ жъ она? Я снова не спросить!
 Коль не стояла тутъ сама она,
 Коль эта къ ней не ластилась волна, —
 Здѣсь воздухъ тотъ, что рѣчь ея носилъ.
 Я волшебствомъ вдругъ къ Греціи присталъ!
 Сейчасъ почуять землю я, гдѣ стать.
 Какъ спящаго меня прожгло струей горячей,
 Такъ я стою — въ душѣ Антей могучей.
 И если странное здѣсь сочеталось вмѣстѣ,
 Все жъ въ лабиринтъ огней пуцусь узнать на мѣстѣ.

(Удаляется).

Мефистофель (озирается).

Хоть весь обширилъ рядъ я освѣщенный,
 Все я чужой и словно въ одиночку.
 Веѣ нагнемъ, кой-кто надѣтъ сорочку:
 Безстыдны сфинксы, безъ стыда грифоны.
 Чего не встрѣтитъ съ крыльями и съ гривой,
 И передомъ и задомъ, глазъ пытливыи!...
 Мы самп-то довольно неприличны,
 А эти право черезчуръ античны;
 Тутъ нужно бы на этомъ всемъ народѣ
 Премное заклеysterить по модѣ....
 Противный сбродъ! Но вѣжливомъ, я знаю,
 Быть должно гостю. — Здравія желаю
 Красавицамъ и старичкамъ игривомъ.

Грифъ (хрипло).

Нѣтъ не игривомъ — грифамъ. Кто подь старость радъ
 Игривомъ слыть? И въ каждомъ словѣ есть
 То, отъ чего его и произвестъ:
 Грусть, грозный, гордый, грубый, гробы даже,
 Этимологія все та же —
 И намъ претить.

Мефистофель.

Хоть я не возражаю,
 Но *Гри* въ титулѣ грифъ я уважаю.

Грифъ (попрежнему и до конца).

Естественно! Сродство должно тутъ быть,
 Могли его хвалить или хулить;
 Гребни короны, золото, дѣвнцъ,
 А кто нагребъ, предъ тѣмъ все пало ницъ.

Муравьи (огромной породы).

О золотѣ тутъ рѣчь. Его набрали
 И по скаламъ, пещерамъ мы наклали.
 Да Аримасы тамъ у насъ нашли, —
 Имъ смѣхъ, что все далеко унесли.

Грифы.

Ужъ мы заставимъ ихъ признаться.

Аримасы.

Не здѣсь на праздникъ ночномъ!

А завтра все мы проживем;
Теперь удастся, может статься.

Мефистофель (садясь между сфинксами).
Легко у вас мнѣ просидѣть безъ скуки;
Могу я каждого понять.

Сфинксъ.
Духовные мы непускаемъ звуки,
Ихъ ваше дѣло воплощать.
Какъ звать тебя, мы слышать бы желали.

Мефистофель.
Премножество именъ мнѣ давали.
Британцевъ пѣтъ-ли тутъ? Охотники у нихъ
Смотрѣть мѣста сраженій, водопады,
Остатки стѣнъ, классическіе склады;
Вотъ или-бъ сюда, на что чудесъ иныхъ.
Они-жъ творцы; въ старинной драмѣ ихъ
Являюсь я какъ Old iniquity.

Сфинксъ.
За что про что?

Мефистофель.
Тамъ толку не найти.

Сфинксъ.
Пожалуй такъ. Въ звѣздахъ ты понимаешь?
Ну какъ ты часъ теперешній считаешь?

Мефистофель (глядя вверхъ).
Звѣзда къ звѣздѣ, серія лунный разгорѣлся,
На этомъ мѣстѣ я бы засидѣлся,
У львиной шкуры я твоей согрѣлся;
Къ чему напрасно вверхъ стремиться взгляду?
Задай загадку, а не то параду.

Сфинксъ.
Скажи ты самъ загадку про себя.
Загадкою будь самъ ты обнаруженъ:
«Благочестивому и злему нуженъ;
Аскету цѣль уколовъ до эфеса,
Другому на безумства другъ-повѣса,
И то и се, чтобъ забавлять Зевеса».

Первый Грифъ (хрипло).
Гони его!

Второй Грифъ (хрипѣть слышнѣе).
Чего онъ ждетъ отъ насъ?

Оба.
Гоните гадкаго сейчасъ!

Мефистофель (грубо).
Ты полагаешь, что у гостя ногти
Не такъ дерутъ, какъ вонъ твои-то когти?
Попробуй-ка!

Сфинксъ (кратко).
Ты можешь оставаться.
Но не пришлось бы съ нами стосковаться;

Въ своей странѣ живешь ты безобидно,
А здѣсь тебѣ не понутру, какъ видно.

Мефистофель.
Ты аппетитна, если сверху взглянешь,
А глянувъ внизъ на бестію — отпрянешь.

Сфинксъ.
Тебѣ, лукавый, быть побитымъ;
У всѣхъ здоровы лапы тутъ.
Съ такимъ уродливымъ копытомъ
Тебѣ у насъ плохой пріютъ.

(Сирены играютъ сверху).

Мефистофель.
Что тамъ качаются за птицы
Въ вѣтвяхъ прибрежныхъ топей?

Сфинксъ.
Поберегись! ужъ тѣ пѣвицы
Губили доблестныхъ мужей!

Сирены.
Ахъ, ужель тебѣ привычно
Жить съ уродливымъ народомъ?
Слушай, цѣлымъ хоромъ
Запоемъ мы мелодично:
Такъ сиренамъ намъ прилично.

Сфинксы (передразнивая ихъ на ту-же мелодію).
Ты заставь-ка ихъ спуститься;
Любо имъ въ вѣтвяхъ таяться,

Чтобъ когтистыми лапами
Растерзать васъ, если сами
Слухъ рѣшнесь вы склонить.

Сирены.
Прочь всю зависть гнусной злобы!
Все соберемъ мы, что могло бы
Лишь подъ небомъ усладить!
На землѣ и надъ водою
Самой милою игрою
Станемъ гостя веселить!

Мефистофель.
Мы эти штуки знаемъ сами,
Когда и горломъ и струнами
Хитросплетения заведутъ!
Мнѣ эти трели лишь баклуши,
Онѣ царапаютъ лишь уши,
А все до сердца не дойдутъ.

Сфинксъ.
Не помняй ты сердца тоже!
Вѣдь кошелекъ изъ дряблой кожи
Тебѣ приличнѣй, старый плутъ!

Фаустъ (попыхиваясь).
Какъ странно, все мнѣ эти лики милы!
Въ чудовищномъ черты замѣтны силы;
Въ душѣ моей надежды лучъ возникъ;
На что наводить этотъ строгій ликъ!

(Указывая на сфинксовъ)

Такія вотъ Эдипа вопрошали:

(Указывая на сиренъ)

Улисса вотъ отъ этакихъ вязали;

(Указывая на муравьевъ)

Вотъ эти кладъ большой могли собрать.

(Указывая на грифонтъ)

Его умѣли эти охранять.

Дохинули мощью на меня всѣ лики.

Велики здѣсь, и въ памяти велики!

Мефистофель.

Ты-бъ прежде проклять ихъ во тьму,

Теперь они тебѣ понятны;

Кто ищетъ милую, тому

Чудовища — и тѣ пріятны.

Фаустъ (сфинксами).

Скажите, лики женскіе, сейчасъ:

Елены кто не видѣлъ ли изъ васъ?

Сфинксъ.

Ея года вѣдь нами не дожиты;

Послѣднія Алкидомъ перебиты.

Скорѣй Хирона разспроси ты;

Онъ скачетъ тутъ. Его-бъ тебѣ поймать,

Тогда бы могъ ты все узнать.

Сирены.

Есть тебѣ еще дорога!

Какъ Улиссъ къ намъ прибылъ въ гости,

Безъ надменности и злости,

Онъ рассказывалъ намъ много;

Все тебѣ откроемъ сами,

Только ты иди за нами

Къ морю на берегъ свободный.

Сфинксъ.

Бойся, рыцарь благородный,

И какъ Улиссъ пенькою связанъ былъ,

Совѣтомъ нашимъ будь ты связанъ!

Ты поини, — Хиронъ тебѣ указанъ,

Онъ скажетъ все, о чемъ я говорилъ.

(Фаустъ уходитъ).

Мефистофель (съ неудовольствіемъ).

Что стало крикать, крыльями плескать,

И мнится такъ, что даже не видать,

Да другъ за дружкой? Ихъ догнать

Охотникъ увидать бы видя!

Сфинксъ.

Какъ буря быстры и почти незримы,

Стрѣламъ Алкида только достижимы —

Пронесется надъ нами Стимфалиды

И шлютъ намъ криканьемъ привѣтъ.

Совинный носъ, гусиный слѣдъ;

Онѣ хотѣли-бъ здѣсь остаться

И старой намъ родней считаться.

Мефистофель (какъ прежде).

Тутъ что-то съ ними вновь шипитъ.

Сфинксъ.

Не бойся пасти ты людѣйской:

То головы змѣи Лернейской;

Вѣдь срублены, а чванство въ нихъ сидитъ....

Но что съ тобой? Ты самъ-то ли въ порядкѣ?

Какія странныя ухватки!

Куда сѣдѣши ты? — Уходи!

На хоръ, что вижу назадъ,

Ты озираешься. Такъ чтожъ,

Ступай, пріятныхъ много лицъ найдешь:

То дѣвы-Іаминъ всѣмъ хоромъ,

Съ улыбками, съ нахальнымъ взоромъ;

Такихъ Сатиры любятъ больно,

У нихъ погѣ козлиной вольно.

Мефистофель.

Надѣюсь, васъ, вернувшись, здѣсь найду я.

Сфинксъ.

Да. Ты ступай теперь въ толпу живую;

Еще въ Египтѣ мы привыкли жить

Такъ, чтобы лѣтъ на тысячи царить.

Не трогать насъ, когда мы лижемъ,

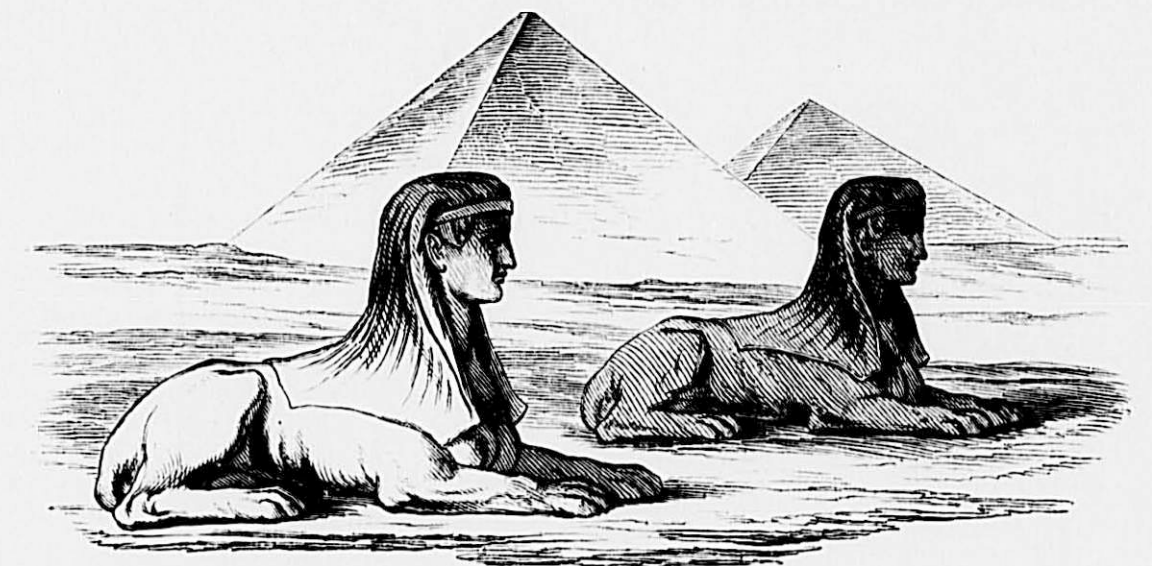
Такъ мы луны и солнца ходъ покажемъ;

Мы сидимъ у пирамиды,

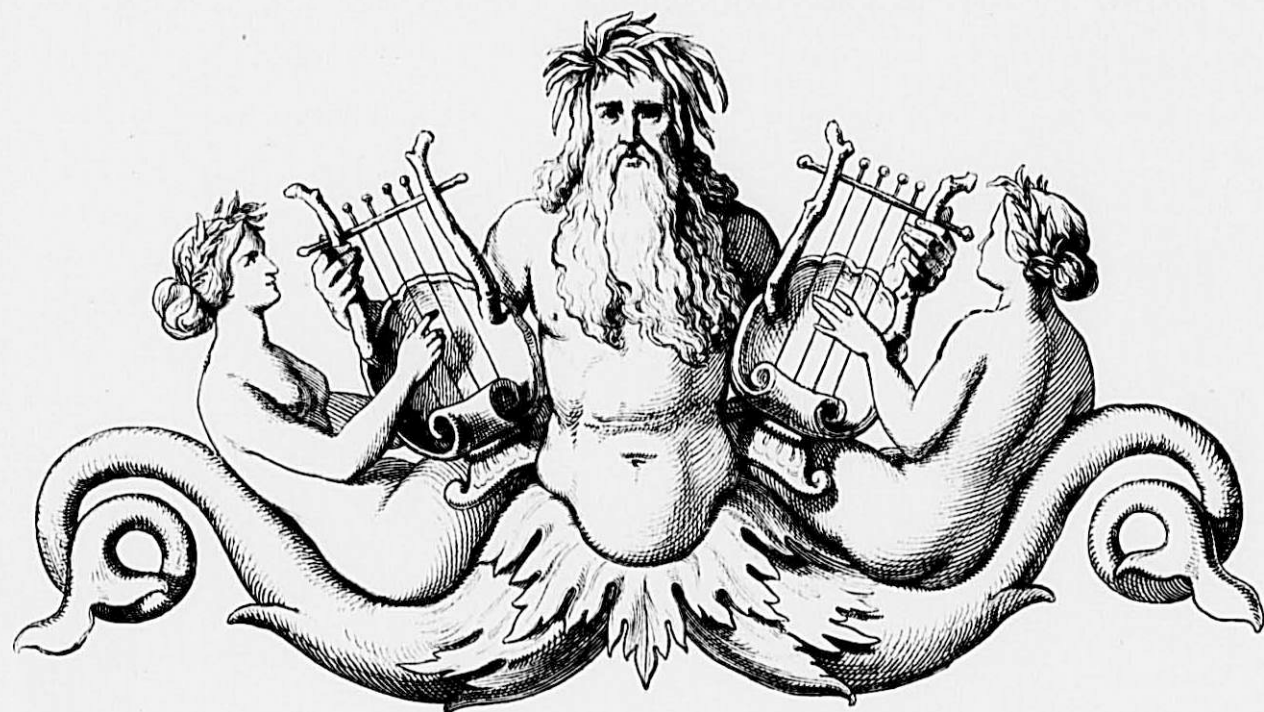
Судимъ свѣтъ своимъ судомъ,

Наводненія, войны обиды, —

Мы и глазомъ не моргнемъ.

Пеней, окруженный потоками и нимфами.

Пеней.

Ты пенни, камышъ прибрежный,
Ты вздохни, тростникъ мой пѣжный,
Лепечите, листья ивы,
Съ вѣткой тополя сѣнной,
Чтобъ дремалъ я упоенъ!
Нѣчто грозное учу,
Просыпаюсь, трепещу я,
Тихихъ струй тревожа сонъ.

Фаустъ (подступая къ рѣкѣ).

Слышу-ль я, или мнѣ сдается,
Что въ вѣтвяхъ тутъ раздается
И подъ сѣнью тростниковой
Человѣческое слово;

Струйки — словно споръ болтливый,
Воздухъ — словно вздохъ шутливый.

Нимфы (Фаусту).

Ты лучше на отдыхъ
Склонись головою,
Раскинись въ прохладѣ,
Предайся покою.
Усни, отдохни ты,
Вѣдь ты утомленъ;
Шесканьемъ, журчаньемъ
Нашепчемъ мы сонъ!

Фаустъ.

Вѣдь я не сплю! Пусть безъ смятенья
Встаютъ прелестныя видѣнья,
Куда ни кинетъ ихъ мой глазъ!

Какъ чудны все мои мечтанья!
То сны или воспоминанья!
Вѣдь быть же ты такъ счастливъ разъ!
Тихонько двигаются воды,
Кустовъ слегка качая входы,
И не шумятъ, а чуть журчатъ;
Со всехъ сторонъ ручьи живые,
Сливаясь въ зеркала сплошныя,
Купаться въ глубину манятъ;
Я вижу, молодыя жены,
Зеркальной влагой отражены,
Возникли ясно предо мной!
Онѣ купаются красиво,
Плывутъ храбрясь, бредутъ пугливо,
Кричатъ и плещутся водой.
Мнѣ здѣсь бы должно оставаться
И ими только любоваться;
Но снова въ даль меня манитъ.
Мой взоръ съ усилениемъ ищетъ новымъ:
За этимъ лиственнымъ покровомъ
Высокій ликъ царицы скрытъ.

Странно! Лебеди красиво
Выплываютъ изъ залива
Въ величавой чистотѣ.
Тихо движется ихъ стая,
Клювъ и голову склоняя

Въ горделивой красотѣ...
Но одинъ изъ всехъ смѣлѣе,
Выгибая грудь и шею,
Быстро всехъ опередилъ;
Онъ распучившись крылами,
Бороздя струи струями,
Къ мѣсту тайному подплылъ...

Другіе плаваютъ, гуляютъ,
Ихъ перья чистыя сверкаютъ,
Но въ бой вступивши на волиѣ,
Они и дѣвъ всехъ распугали,
Чтобъ не о службѣ помышляли,
А о спасеніи лишь онѣ.

Нимфы.

Сестры, лягте-ка ушкомъ
На зеленый берегъ рѣки-то;
Словно слышу за холмомъ
Топотъ конскаго копыта.
Еслибъ знать, кто могъ принести
Въ эту ночь такъ скоро вѣсть.

Фаустъ.

Такъ земля кругомъ и стонетъ,
Словно всадникъ быстро гонитъ.
Туда мой взоръ!
Иль съ этихъ поръ

Сбывается, что снилось?

О! — Чудо совершилось!

Несется всадник рысью, — в немъ

Отвага сдержана умомъ...

Конь бѣлосѣжнѣй мчится смѣло...

Я не ошибся: это онъ,

Филиры славный сынъ, Хиронъ! —

Стой, стой! Хиронъ! Къ тебѣ есть дѣло...

Хиронъ.

Ну что тамъ? Что?

Фаустъ.

Остановись, постой!

Хиронъ.

Я не стою.

Фаустъ.

Возьми-жъ меня съ собой!

Хиронъ.

Садись ко мнѣ! Все разспросить могу я.

Куда ты въ путь? Тутъ берегъ подъ тобой,

Хоть за рѣку тебя перенесу я.

Фаустъ (садясь на него).

Мнѣ все равно. Спасибо, дорогой!..

Великій мужъ, достойный педагогъ,

Что воспитать героевъ столькихъ могъ,

Кругъ Аргонавтовъ, славою одѣтыхъ,

И всѣхъ другихъ поэтами воспѣтыхъ.

Хиронъ.

Оставимъ это въ сторонѣ!

Быть Менторомъ въ нарядѣ самой Паллады;

Они потомъ все чередить вполовѣ

Какъ не воспитанные ради.

Фаустъ.

Врача, который, свойства травъ

И всѣхъ корней ихъ познавъ,

Способенъ боль и извы исцѣлять,

Душей и тѣломъ радъ я здѣсь обнять!

Хиронъ.

Гдѣ близко раненъ былъ боецъ,

Я помогать при знаньи слабомъ;

Но это знанье подъ конецъ

Попамя я передать и бабамъ.

Фаустъ.

Ты, какъ вполовѣ великій мужъ,

Хвалы не терпишь, и къ тому жъ

Хотѣлъ бы ты дунѣ не злобной

Внушить, что есть тебѣ подобный.

Хиронъ.

Ты, кажется мнѣ, ловокъ, — не робѣешь,

Народу ты и князю льстить умѣешь.

Фаустъ.

Признайся, въ жизни-то своей

Ты величайшихъ выдавать мужей.

Сопровождалъ ты многихъ благородныхъ,

Полубоговъ въ ихъ подвигахъ свободныхъ!

Но, близкій самъ ко всѣмъ геройскимъ лицамъ,

Кого считать ты изъ всѣхъ великимъ?

Хиронъ.

Изъ круга Аргонавтовъ каждый

Геройскою быть исполненъ жаждой,

И силой, что его одушевляла,

Онъ нуженъ былъ, гдѣ прочихъ не хватало.

Такъ Диоскуровъ верхъ брала чета,

Гдѣ молодость нужна и красота.

Съ рѣшимостью починъ отважныхъ дѣлъ

Былъ Бореадъ прекраснѣйшій удѣлъ.

Въ совѣтѣ мудръ, глубоко, могучъ, смиленъ

И женщинамъ пріятенъ былъ Язонъ;

Затѣмъ Орфей, и пѣжный и смиренный,

Превыше всѣхъ былъ лирой вдохновенной;

Линцей былъ зорокъ, — день и ночь искалъ

Путь кораблю онъ средь подводныхъ скалъ.

Союзниковъ напасти не печалить:

Одинъ вести, а все другіе хвалить.

Фаустъ.

О Геркулесъ ты ни слова?

Хиронъ.

О! Не смущай меня ты снова!...

Арей, Феба не видалъ

Я, какъ и Гермеса, ни разу:

Вдругъ тотъ глазамъ моимъ предсталъ,

Кто былъ божественъ по разсказу!

И былъ, рожденный въ царской долѣ,

Прекраснымъ юношею онъ,

У брата старшаго въ неволѣ

И у прелестныхъ самыхъ женъ.

Второго не родить ужъ Гебъ,

И Гебъ не назвать своимъ;

Напрасно лирамъ пѣть звончѣе,

Напрасно камень мы тожимъ.

Фаустъ.

Ваятель трудится напрасно,

Такого не проявить онъ.

Кто мужъ прекраснѣйшій, мнѣ ясно,

Кто-жъ всѣхъ прекраснѣе изъ женъ?

Хиронъ.

Что! Въ женской красотѣ нѣтъ силы,

Холодный часто ликъ она;

Тѣ существа мнѣ только милы,

Въ которыхъ жизнь веселія полна.

Краса сама себя отрада;

Служить прелестному — награда,

Хоть мнѣ, какъ я Елену несъ.

Фаустъ.

Ты несъ ее?

Хиронъ.

Да, на спинѣ же.

Фаустъ.

И такъ сходить съ ума пришлось!
И вдругъ сижу теперь. — И гдѣ же!?

Хиронъ.

За волоса мои она,
Какъ ты, держалась.

Фаустъ.

Какъ полна
Восторгомъ грудь! Скажи мнѣ все!
Лечу желаньемъ ей навстрѣчу!
Куда, откуда, несъ ее?

Хиронъ.

На твой вопросъ легко отвѣчу.
Отбили Дюскеры вдругъ
Сестричку у разбойниковъ изъ рукъ;
Въ обидѣ неудачи, тѣ сошлись,
И яростно востѣдъ имъ погнались.
Бѣгутъ борцы съ сестрой, — и вотъ
У Элевзинскихъ имъ болотъ
Пришлось вдвоемъ брести, я вилавъ пустился.
Она спрыгнула, потренила
По мокрой гривѣ, облакала,
Благодаря еще притомъ;
Такъ молода, мила со старикомъ!

Фаустъ.

Семь лишь лѣтъ!...

Хиронъ.

Ты вѣришь филологамъ.
Тебѣ да и себѣ дано имъ лгать во многомъ.
У женскихъ многовъ даръ особый есть,
Быть, какъ поэтъ ихъ вздумаетъ привести;
Ни зрѣлости, ни старости имъ нѣтъ,
Все привлекательный расцвѣтъ:
Ребенкомъ похищаютъ, къ старой льнутъ;
Поэты, словомъ, лѣтъ не признаютъ.

Фаустъ.

Витать и ей въ безвременныхъ лишь сферахъ!
Ахиллъ же могъ найти ее на Ферахъ,
Самъ виѣ время. Вотъ счастье-то впрямь!
Любви добиться вопреки судьбамъ.
И-бъ что-ль не смогъ, умѣя такъ любить,
Высокій ликъ заставить снова жить
То существо, что средь боговъ родилось,
Величьемъ, нѣгой, прелестью гордилось?
Ее видать ты; нынче видѣлъ я
Прекрасную въ расцвѣтѣ бытія!
Теперь мой умъ, мой духъ окованъ ею;
И мнѣ не жить, коль ей не овладѣю!

Хиронъ.

Какъ человѣкъ, ты, странникъ, лишь влюбленъ,
Но средь тѣней ты просто поврежденъ.
Тебѣ на счастье, безъ сомнѣнья,
Я каждый годъ, лишь на мгновенье

Спѣшу туда, гдѣ Манто обитаетъ.

Дочь Эскулапа умоляетъ
Отца, чтобъ тотъ во славу знанья
Далъ наконецъ умамъ врачей сознанье,
И отъ убійствъ ихъ свелъ на покаянье; —
Среди Сивиллъ она мнѣ всѣхъ милѣе,
Въ пріемахъ мягче всѣхъ, и всѣхъ добрѣе;
Побудь у ней, она тебѣ быть-можетъ
Кореньями какими и поможетъ.

Фаустъ.

Что мнѣ лѣзнуть! То чувства не болыныя!
Вѣдь я бы подлымъ сталъ какъ остальные!

Хиронъ.

Цѣлебнаго ключа не пропусти же!
Мы прибыли на мѣсто; такъ сойди же!

Фаустъ.

Куда же ночью — даже страхъ беретъ —
Меня примчалъ ты по хрищамъ, да вбродъ?

Хиронъ.

Здѣсь Римъ съ Оладой блился полны гнѣва,
Пеней направо и Олимпъ налѣво —
Громадной пасть державѣ рокъ судилъ.
Царь убѣжалъ, а гражданъ сразилъ.
Взгляни сюда, увидишь, близко къ намъ
Стоитъ при лунномъ свѣтѣ вѣчный храмъ.

Манто (внутри, грези).

Стучать копыты,
Дрожать священные плиты;
Спѣшать полубоги въ тѣни.

Хиронъ.

Такъ, такъ!
Лишь глаза разомкни!

Манто (просыпаясь).

Здорово! Я вижу ты во-время самъ.

Хиронъ.

И у тебя все прежній храмъ!

Манто.

Ты скачешь какъ обыкновенно?

Хиронъ.

Вѣдь ты же все живешь смиренно,
Пока я по свѣту кружу?

Манто.

Кружитесь только время — я сижу;
А этотъ?

Хиронъ.

Странной ночью онъ

Къ тебѣ какъ вихремъ занесенъ.
Елену — умъ его блуждаетъ —
Елену онъ добыть желаетъ,

Да какъ и гдѣ искать — не знаетъ;

Хоть Эскулапъ его бы исцѣлить.

Манто.

Кто хочетъ невозможнаго, — мнѣ мить.

(Хиронъ уже умчался).

Манто.

Войди ко мнѣ, отвагой окрыленный!

Вонъ темный входъ въ обитель Персефоны.

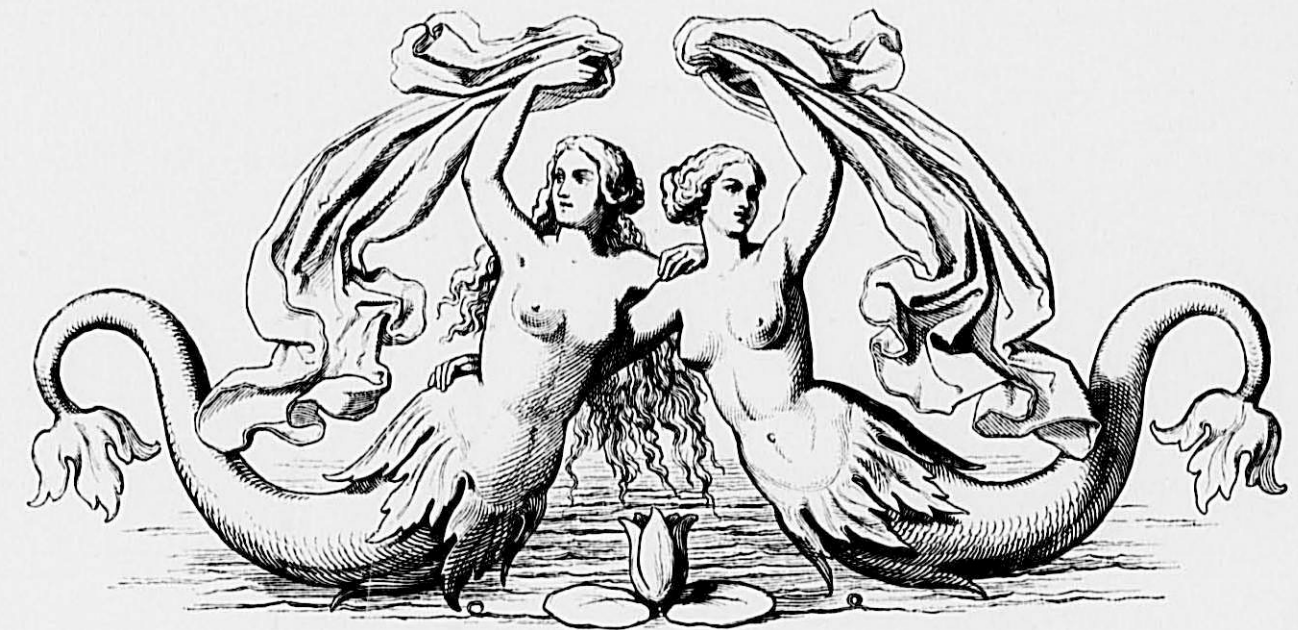
Гдѣ подъ Олимпомъ тайный гротъ,

Она свиданій ей запретныхъ ждетъ.

Здѣсь у меня учился самъ Орфей;

Воспользуйся ты лучше! Ну! смѣлѣй!

(Они спускаются).

На верхнемъ Пенеѣ (какъ прежде).

Сирены.

Бросьтесь въ глубь Пенейскихъ водъ!

Станемъ плавать и плескаться,

Пѣсни пѣть, чтобъ утѣшаться

Могъ несчастный здѣсь народъ.

Безъ воды спасенья нѣтъ!

Стоитъ намъ добаться векорѣ

До Эгейскаго лишь моря —

Чтобъ избавиться отъ бѣды.

(Землетрясенье).

Сирены.

Пѣнясь волны вспять несутся,

По руслу ужъ внизъ не льются,

Грунтъ дрожитъ, вода за нимъ,

Берегъ треснулъ, валить дымъ.

Убѣжимте все туда!

Это чудо всеѣмъ бѣда.

Прочь, веселыя подруги,

Къ морю пыльному на югъ,

Гдѣ волна дрожа мелькаетъ,

Плещетъ въ берегъ, прибываетъ,

Гдѣ луна встаетъ двойною,

Насъ кропитъ святой росой!

Тамъ живое наслажденье —

Здѣсь бѣда — землетрясенье!

Уходи, кто поумнѣй!

Мѣсто тутъ, нельзя страшнѣй.

Сейсмось (ворча и стуча въ глубинѣ).

Съ силой разъ еще собратся,

Да плечами приподняться!

Только-бъ до верху добраться,
Гдѣ ничто не устонѣтъ.

Сфинксы.

Что за гнусный этотъ трепетъ,
Словно грозный чей-то лепетъ!
Что за дрожь и сотрясенье,
Что, за качка, за волненье!
Какъ досадно, какъ претитъ!
Только насъ никто не стронетъ,
Хоть и цѣлый адъ застонетъ.
Вотъ и сводъ поднялся съ ямой.
Странно. Это тотъ же самый
Старецъ съ головой сѣдою,
Что растроганный мольбою,
Островъ нѣкогда Делось
Изъ пучинъ морскихъ вознесъ.
Все подильно исполню,
Руки вверхъ, согнувши спину,
Онъ какъ Атласъ подлегаетъ,
Землю, дергъ приподнимаетъ,
Мечетъ хрищъ, песокъ и глину
На прибрежную равнину;
Разорвать ужъ на двѣ части
Тутъ долину онъ отчасти.
Напряженный весь и съ вида
Неполнѣ-каріатида,
Съ грудой камней онъ поднялся,

Но въ землѣ по грудь остался.
Дальше видно не полѣзъ-то,
Сфинксы заняли тамъ мѣсто.

Сейсмось.

Одинъ исполнилъ я все дѣло,
Въ томъ каждая сознается душа:
Когда бы я не сотрясалъ такъ смѣло,
Была ли бы земля такъ хороша?
Ну какъ могли бы ваши горы
Небесъ касаться голубыхъ
И восхищать нѣмые взоры, —
Когда бъ не выдвинулъ я ихъ?
Изъ ночи хаоса воспрянувъ,
Тогда я силы напрягать,
И тутъ въ сообществѣ Титановъ
Олимпъ и Осеу я какъ мячъ швырять.
И юностью пылая своевольной,
Мы увлеклись движеньемъ кутерьмы,
Пока Парнассъ, какъ шанкой двуугольной,
Двумя горами не прикрыли мы...
Тамъ съ хоромъ музъ, владѣющихъ сердцами,
Приютъ находить Аполлонъ,
И самому Юпитеру съ громами
Я высоко приподнять тронъ.
Вотъ снова силы напрягая,
Изъ бездны поднимаюсь вновь,

И къ новой жизни призываю
Веселыхъ, будущихъ жильцовъ.

Сфинксы.

Вѣковѣчнымъ можно бъ счесть
Все, что здѣсь изъ пѣдръ явилось,
Если бъ изъ земли, какъ есть,
Не при насъ оно ломилось.
Расходитя все вдаль лѣсная мгла,
Еще скалу идетъ тѣснить скала,
Но Сфинксу нѣтъ до этого и дѣла:
Сидимъ на мѣстѣ мы свещенномъ смѣло

Грифы.

Золотыя нити блещутъ
И въ разѣлинахъ трепещутъ;
Клада вы не прозѣвайте —
Муравьи, живѣй, копайте!

Хоръ Муравьевъ.

Какъ тѣ тревожные
Все выдвигали,
Вы-бъ, мелкокожные,
Слѣдомъ бѣжали!
Скрытой дорожкой
Въ щель углубляться!
Тутъ каждой крошкой
Стоитъ заняться;
Не ошибайтесь
Въ мелкомъ кусочкѣ

Въ каждомъ являйтесь
Вы уголочкѣ.
Чтобъ, гдѣ расколото,
Все было взято;
Мчите къ намъ золото;
Что намъ гора-то!

Грифы.

Стаскайте золото бугромъ!
Его подъ когти мы возьмемъ;
Засововъ этихъ нѣтъ прочнѣй,
Подъ ними каждый кладъ цѣлѣй.

Нигмен.

Тутъ на мѣстѣ мы покуда,
Какъ случилось, не поймемъ;
Ты не спрашивай откуда,
Благо все мы здѣсь лицомъ.
Жизнь повсюду приютилась,
Что ни мѣсто, то приютъ;
Чуть расщелина явилась,
Глядь и карликъ тутъ какъ тутъ.
Карликъ съ карлицей — такъ мило,
Пары знаютъ роль свою;
Я не знаю, такъ ли было
Это все уже въ раю.
Здѣсь на трудъ роптать не буду,
Станемъ жить судьбу хваля;

Что востокъ, что западъ — всюду
Вѣкъ рождаетъ мать земля.

Дактили.

Ежели въ ночь она
Малыхъ родить могла,
Такъ и мельчайшихъ знать
Смѣетъ — другимъ подѣ стать.

Старшій Иггней.

Шибче бѣгите!
Мѣсто займите!
Дѣло намъ мило!
Въ скорости — сила!
Миръ хотъ наружный,
Кузницы пужны;
Куйте, ребята,
Войску вы латы.

Ой, муравьи, вы!
Вы суетливы,
Мчите руды вы!
Вонъ и Дактили.
Вы-бъ патащили
Нашему люду
Дровъ отовсюду!
Сами нажгли бы
Вы, какъ смогли бы,
Угольевъ груды!

Генералиссимусъ.

Съ лукомъ, стрѣлами
Выйдите сами;
Къ пруду ступайте,
Цапелъ стрѣляйте,
Всѣхъ, что тамъ кружатся,
Въ гнѣздахъ такъ пружатся,
Всѣхъ ихъ заразы!
Всѣхъ перебьемъ мы,
И уберемъ мы
Шлема сейчасъ!

Муравьи и Дактили.

Мы вотъ готовы
Въ желѣзѣ рыться,
А тѣ оковы
Куютъ. — Не время
Свергать намъ бремя:
Къ чему-жъ кичиться!

Ивиковы журавли.

Крикъ, предсмертныя усиля!
Быются судорожно крылья!
Что за стоны, что за гамъ
Въ высоту доходить къ намъ!
Всѣ онѣ ужъ перебиты,
Волны кровью ихъ залиты;
Эти гнусныя творенья
Сняли съ цапель украшенья:

Ихъ на шлемы, какъ хотѣли,
Грюханы паткнутъ успѣли!
Вы, соратники, что въ сборѣ
Мчитесь цѣбно черезъ море,
Васъ зовемъ, — вступитесь смѣло
Вы за родевенное дѣло:
Нашу кровь не пощадимъ!
И на вѣкъ враги мы имъ!

(Съ крехтомъ разлетаются въ небѣ).

Меѣнстофель (на равнинѣ).

На сѣверѣ пугну я вѣдѣмъ бывало,
А здѣсь у духовъ прыть моя пропала.
Вѣдь Блоксбергъ нашъ отличившій приютъ;
Куда ни стань — знакомый тутъ какъ тутъ.
Все *Ильза* та-жъ на *камнѣ* на своемъ;
И *Гейриха* на высотѣ найдемъ;
Хоть *хранунамъ* сопѣтъ на *Элендѣ* слѣдъ,
Да тысячи все такъ ведется лѣтъ.
А какъ узнать, гдѣ тутъ ступить ногой,
Не дуется-ль земля-то подѣ тобой?
Долиной весело иду,
А обернусь назадъ — уже въ виду
Встаеъ гора, — не стоить звать горою,
А ефинксовъ-то моихъ она со мною
Ужъ разлучила. Тутъ еще мелькають
Огни кругомъ, внушая страхъ невольню...
Еще несется, пляской тѣсна взоръ,

Плутовокъ ласково манящій хоръ.
Потинѣ къ нимъ: не диво соблазниться.
Гдѣ-бъ ни было, все хочется разжитись.

Ламин (увлекая Мефистофеля).

Улыбки, чары —
И прочъ обратно!
Затѣмъ постойте,
Болтайте, пойте!
Ахъ, какъ приятно,
Что грѣшникъ старый
Спѣшитъ за нами!
За грѣхъ свой тяжкій,
Съ большой натяжкой,
Ногой костлявой
Стучить лукавый.
Онъ хромъ, смѣшенъ,
Куда мы съ вами,
Туда и онъ.

Меѣнстофель (останавливаясь).

Прокляты! Мало-ль насъ трепали,
Съ Адама мало-ль надували?
Стальъ старъ, а стальъ ли ты уменъ?
Иль мало быть ты проведенъ?
Такой народъ, и всѣ одной цѣны;
Затянуты, въ лицѣ набѣлены,
Здорового въ нихъ не найдешь нисколько,

Гдѣ ни схвати, все дрябло да и только:
Вѣдь знаешь, видишь, что плохія шутки,
А плясень все по ихъ шельмовской дудкѣ!

Ламин (останавливаясь).

Стой! Онъ задумался, онъ сталъ.
Убѣи къ нему, чтобъ онъ не убѣжалъ.

Мефистофель (наступал).

Куда ни шло; къ чему сначала
Себя раздуміемъ томить,
И если бѣ вѣдьмъ совѣмъ не стало,
Кой чортъ хотѣлъ бы чортомъ быть!

Ламин (граціозно).

Подойдемъ-те же къ герою!
Въ сердцѣ страстномъ безъ сомнѣнья
Онъ плѣнится хоть одною.

Мефистофель.

Эти сумерки обидны,
Но при нихъ вы милостивы,
Привлекательны собою.

Эммуза (проталкиваясь).

И меня вы пропустите,
Въ свой кружокъ меня примите!

Ламин.

Вотъ эта намъ не по нутру;
Всегда испортитъ намъ игру.

Эммуза (Мефистофелю).

Съ погой ослиною Эммуза
Желаетъ твоего союза!
Съ одной ты конскою погой,
Прими же мой привѣтъ, родной,

Мефистофель.

Я думалъ — здѣсь мнѣ всѣ чужіе,
А къ сожалѣнію все родные;
Тутъ старые читаешь свѣтцы —
Отъ Гарца до Улады братцы!

Эммуза.

Способна быстро я рѣшиться,
Во что угодно превратиться,
Но въ честь тебѣ я предпочла
Головку тутъ падѣть осла.

Мефистофель.

Здѣсь люди, надобно признаться,
Родствомъ умѣютъ сосчитаться;
Но не могу, хоть что случится,
Съ ослиной головой мириться.

Ламин.

Оставь ты гадкую! — Она
Гнать всюду прелесть создана;
Что нѣжно что, милѣй всего, —
Она пришла — и нѣтъ его.

Мефистофель.

И этихъ кумушекъ прелестныхъ
Я не могу считать за честныхъ;
Хотя у нихъ на щекахъ розы, —
А тамъ, боюсь, метаморфозы.

Ламин.

Рѣшися! прими въ игръ участие;
Насъ много, выбери на счастье,
И лучший жребій будетъ твой!
Пѣнь про любовь давно избита!
Ты самый жалкій волокита,
Гордишься попусту собой! —
Онъ къ намъ идетъ искать развязки;
Снимаютъ понемногу маски
И видъ откройте ванъ прямой!

Мефистофель.

Вотъ выбралъ, чудо вѣдь какая...

(обнимал ее).

Увы! Что за метла сухая!

(хватая другую).

А эта? Поглядѣть, такъ срамъ!

Ламин.

Не стоишь лучшей, знаешь самъ!

Мефистофель.

Поменьше видно взять придется...
Она какъ ящерица вьется,
Коса какъ змѣй — вотъ какова!

Вотъ къ этой длинной подступаю...

Но палку тирса я хватаю,
Сосновой пишкой голова.

Ну что за притча? — Можетъ статься
За эту толстую мнѣ браться —
Остался выборъ не великъ! —

Видь самый вздутый, самый сочный,
Подобныхъ цѣнить людъ восточный...
Увы! — Ужъ лопнуть дождевикъ!

Ламин.

Разсѣйтесь, вѣйте и летайте:
Въ полетѣ черномъ вокругъ мелькайте
Надъ сыномъ вѣдьмы здѣсь чужимъ!
Въ кругахъ невѣрныхъ и зыбучихъ,
Мы на крылахъ мышей летучихъ,
Ему хоть страхомъ отомстимъ.

Мефистофель (отряхавъ).

Умнѣй ли сталъ я? Что-то не похоже, —
Нелѣпо здѣсь, нелѣпы и Сѣверъ тоже,
Упырь и здѣсь и тамъ уродъ,

Поэты пошлы и народъ!

И здѣсь, какъ всюду, въ маскарадъ
Запрятать чувственность хотятъ.

Искать пристать я къ маскамъ плотно,
И ужасы встрѣчать мнѣ приходилось;
Я-бъ надувалъ себя охотно,
Когда бѣ оно побольше длилось.

(Блуждая между камнями).

Гдѣ я? Какимъ идти путемъ?
 Была тропинка, — сталъ разгромъ.
 Сюда я шель, все гладко было,
 Теперь каменьевъ навалило;
 Пошелъ я вверхъ да внизъ шагать.
 Гдѣ бы Сфинксовъ мнѣ своихъ сыскать?
 Представить было бы не въ мочь,
 Чтобъ столько горъ явилось въ ночь!
 У вѣдымъ знать праздникъ не плохой,
 И Блоксбергъ принесли съ собой.

Ореада (съ натуральной скалы).

Сюда! Гора моя хранить
 Еще первоначальный видъ —
 Крутя уважай дороги —
 То Пинда древніе отроги,
 Утесъ мой такъ же все стоять,
 Какъ черезъ насъ Помпей бѣжалъ.
 А призраки исчезнуть вновь
 При первомъ пѣньи пѣтуховъ.
 Подобныхъ сказокъ много было тутъ,
 Появятся — и пропадутъ.

Мефистофель.

Хвала! Почтенное чело!
 Какъ мѣсяцъ ни гори свѣтло,
 Твоихъ дубовъ густую ночь
 Его лучамъ не превозмочь.

Но вижу, около кустовъ
 Какой-то свѣтъ затлился вновь.
 Вѣдь нужно жъ случаю навѣсть:
 Никакъ Гомункуль то и есть! —
 Откуда ты теперь, малютка?

Гомункуль.

Я все пошуъ, и все мнѣ жутко,
 Все хочется возникнуть мнѣ вполне,
 Свое стекло разбить я порываюсь,
 Но въ то, что видѣлося мнѣ,
 Вступитъ никакъ я не рѣшаюсь.
 И только, ужъ тебѣ признаюсь,
 Двухъ мудрецовъ былъ встрѣтить радъ.
 «Природа, да природа», все твердятъ.
 Разстаться съ ними не могу я,
 Они ужъ вѣрно знаютъ жизнь земную.
 Отъ нихъ узнаю безъ сомнѣнья,
 Какого мнѣ держаться направленья.

Мефистофель.

Самъ избирай ты что-нибудь.
 Гдѣ привидѣнья заведутся,
 Сейчасъ философы найдутся;
 И чтобъ искусство не пропало ихъ,
 Плодятъ они намъ дюжину другихъ.
 Не поблуждавъ, о правдѣ не мечтай;
 Возникнуть хочешь, самъ ужъ возникай!

Гомункуль.

Нельзя чужимъ пренебрегать совѣтомъ.

Мефистофель.

Ступай! Увидимъ, много-ль толку въ этомъ.

(Расходятся).

Анаксагоръ (Оалесу).

Твой умъ упорный уступить не можетъ,
 Какой же новый доводъ тутъ поможетъ?

Оалесъ.

Всѣмъ вѣтрамъ рада уступить волна;
 Но отъ скалы назадъ бѣжитъ она.

Анаксагоръ.

Вотъ та скала — огня произведеенье.

Оалесъ.

Во влагѣ лишь — живаго зарождеенье.

Гомункуль (между ними).

Позвольте съ вами мнѣ пойти!

Я жажду самъ произойти.

Анаксагоръ.

Съумѣлъ ли бы въ ночь одну, Оалесъ, ты самъ
 Создать изъ илу эту гору намъ?

Оалесъ.

Нигдѣ природы вѣчное теченье
 Не знало дней, ночей, часовъ стѣсненья;
 Она творитъ обычнымъ чередомъ,
 Насилія чуждаясь и въ больномъ.

Анаксагоръ.

Оно здѣсь было. Силою могучей
 Огонь Плутона и Золъ кипучій,
 Прорвавъ земли остывшія равнины,
 Извергли эту гору изъ пучины.

Оалесъ.

Изъ этого чтожъ можно заключить?
 Она вотъ тутъ — ей значить нужно быть.
 Мы только тратимъ время въ этомъ спорѣ
 И водимъ лишь довѣрчивыхъ на сворѣ.

Анаксагоръ.

Чтобъ жить въ разсѣлинахъ — на склоны
 Сейчасъ полѣзли Мирмидоны.
 Пигмен, муравьи, дактили
 Ужъ гору всю заполонили.

(Гомункулю).

Вѣдь ты не гнался за большимъ,
 А жилъ отшельникомъ прямымъ;
 Коль радъ принять ты власть земную,
 Тебя царемъ тутъ короную.

Гомункуль.

Оалесъ что скажетъ?

Оалесъ.

Нѣтъ, нельзя рѣшиться.
 Отъ малыхъ только малыхъ дѣлъ добиться.
 Великъ и малый при больномъ.
 Ты виднѣ журавлей тамъ тучу,

Весь мелкій людъ ужъ сбился въ кучу —

Вотъ то же было бъ и царю;

Они носами и когтями

Накинутся на карловъ сами;

Бѣда подходить, я смотрю;

Злодѣйство цапель перебило,

Когда приютъ ихъ обступило;

Но стрѣлы убійственныхъ метанье

За кровь приносятъ воздаянье.

И вотъ родня несется вновь,

Пролить Пигмеевъ злую кровь.

Къ чему копы, и шлемъ, и щитъ,

И перьевъ цапель украшенье?

Дактили ищутъ ужъ спасенья!

Ихъ войско дрогнуло — бѣжить.

Анаксагоръ (помолчавъ, торжественно).

И цѣлый вѣкъ подземныхъ восхваляю,

Теперь мольбу я кверху обращаю...

Ты, въ вышнѣй вѣкъ неизмѣнная,

Трехлично — трехименная,

Молю тебя, такъ тяжела утрата, —

Луна, Діана и Геката!

Ты, грудь цѣлящая, умомъ горящая,

Все тихо зрящая и власть таящая,

Раскрой своихъ тѣней ужасный звѣвъ,

И прояви безъ чаръ могучій гнѣвъ!

(Пауза).

Иль внять мой стонъ?

Ужель мой вздохъ

На небѣ могъ

Природы измѣнить законъ?

Растетъ, и, блескомъ окружень,

Богини къ намъ спешатъ тронъ.

Мой взоръ отъ страха цѣпенѣтъ,

Огонь, чѣмъ ближе, все краснѣетъ...

Не приближайся намъ на горе,

Погубишь насъ и землю ты и море!

Знать удалось-же оессалійскимъ дѣвамъ

Совлечь магическимъ напѣвомъ

Тебя съ путей твоихъ эфирныхъ,

И бѣдствій испросить всемірныхъ?

Вотъ ясный щитъ ужъ омрачился!

Вотъ молніей огъ, треснувъ, разразился!

Вотъ зашипѣло! закипѣло!

И громъ, и буря зашумѣла! —

Здѣсь я у ногъ твоихъ смирился —

Прости! вѣдь самъ я напросился.

(Повергается ницъ).

Оалесъ.

Чего ему тутъ видѣть ни пришлось!

Ужъ не пойму, какъ это такъ сбылось;

Я ничего не чувствовалъ такого.

Вѣдь это просто бредъ больного,

И тихо движется луна;

На мѣстѣ все своею она.

Гомункуль.

Вонъ у Пигмеевъ-то гора

Была кругла, теперь остра.

Тутъ сотрясенье ощутилось;

Скала къ намъ съ мѣсяца свалилась,

Она ихъ всѣхъ и не спросила,

Другъ или недругъ, — раздавила!

Хвалю искусство я безъ лести,

Что творчески, въ ночи одной,

И снизу, да и сверху вмѣстѣ

Постройку вывело горой.

Оалесъ.

Небойсь! То призракъ лишь пустой.

На эту дрянь рукой махнемъ!

Будь радъ, что не былъ ты царемъ.

Къ морскому празднику скорѣ!

Тамъ чтутъ гостей, что почудишь.

(Удаляются).

Мефистофель (зазя на противоположной сторонѣ).

Вотъ тутъ — по плитамъ каменнымъ таскайся,

Да по корнямъ дубовымъ спотыкайся!

На Гарицъ отдастъ смолой,

А это ужъ любимый запахъ мой;

Равно какъ сѣрный... — Здѣсь же эти Греки

Подобнаго не нюхали во-вѣки.

Желать бы я развѣдать несомнѣнно,

Чѣмъ топятъ адъ они обыкновенно.

Дріада.

Какъ ты ни будь въ странѣ своей умнѣ,

Не будешь ты къ чужой приспособленъ.

Ты бѣ не искалъ предметовъ отдаленныхъ,

А здѣсь хвалить красу дубовъ священныхъ!

Мефистофель.

Покинутой всегда на мысляхъ край;

Къ чему привыкли, кажется намъ рай.

Но расскажи: въ пещерѣ мрачной тамъ

Какое жметъ тройственное тѣло?

Дріада.

То Форкιάды. Подойди-ка самъ

И ихъ спроси, коль сердце не сробѣло.

Мефистофель.

Что жъ? Я смотрю, но понимаю плохо;

Какъ я ни гордъ, но сознаюсь вполнѣ.

Подобнаго не попадалось мнѣ.

Онѣ вѣдь злѣй чертополоха...

Грѣхи какъ ни были бѣ ужасны,

Покажутся вполнѣ прекрасны

Предъ этимъ пугаломъ тройнымъ!

Такимъ мы воспретили бѣ строго

Стоять у адскаго порога,

А этих здѣсь, въ странѣ красотъ
Антикомъ всякій назоветъ...
Зашевелились, — видно услышали;
Нетоппри-вампиры засвистали.

Форкіады.

Глазъ дайте сестры мнѣ — узнать,
Кто смѣетъ къ храму подступать.

Мефистофель.

Почтенныя! Дозвольте мнѣ въ смиренны
Тройкое принять благословенье.
Я прихожу не принцемъ печальнымъ,
А, кажется мнѣ, родственникомъ дальнимъ.
Ужъ у боговъ я стародавнихъ былъ,
И Онеъ и Рею я уже почтилъ;
Увидѣть Нарокъ, сестръ вамъ отъ Хаоса,
Вчера мнѣ плъ позавчера пришлось;
Но вамъ подобныхъ я нигдѣ не знаю;
Затѣмъ молчу, въ восторгѣ утопаю.

Форкіады.

Онъ кажется разуменъ, этотъ духъ.

Мефистофель.

Какъ васъ поэты не воспѣли велухъ!
Какъ то сбылось средь дѣлъ обыкновенныхъ?
Я въ статуяхъ васъ не встрѣчалъ почтенныхъ.
Рѣзцу бѣ надъ вами потрудиться надо. —
Что Гера намъ, Венера и Паллада!

Форкіады.

Сокрытыя въ безмолвіи ночномъ
Объ этомъ мы не думали втроемъ!

Мефистофель.

Гдѣ жъ было вамъ: покинули вы свѣтъ,
Ни вамъ къ нему, ни къ вамъ и ходу нѣтъ.
Вы-бѣ лучше въ тѣ мѣста переселились,
Гдѣ съ роскошью искусства воцарились;
Гдѣ каждый день, ускоря шагъ двойной,
Изъ мрамора спѣшить предстать герой.
Гдѣ...

Форкіады.

Замолчи, не накликай печали!

Что пользы, если-бъ мы что лучше знали?
Родясь въ ночи, почти себя самихъ
Не знаемъ мы, — безвѣстны для другихъ.

Мефистофель.

Тутъ бѣдствіе еще не такъ сурово;
Перенести себя лишь на другаго.
Вамъ тремъ данъ зубъ одинъ, одинъ и глазъ.
Мнооологическимъ путемъ сейчасъ,
Въ двѣ сущности всѣ три вы вставьте,
А третій образъ мнѣ вы предоставьте —
На время.

Одна.

Какъ вы судите о томъ?

Другія.

Что-жъ! — только глазъ и зубъ себѣ возьмемъ.

Мефистофель.

Вы самое-то лучшее отняли,
И вѣренъ выйдетъ образъ тутъ едва-ли!

Одна.

Одинъ ты глазъ закуръ, послунай насъ.
А зубъ глазной ты выставь на показъ,
Такъ профилемъ ты можешь постараться
Одноутробнымъ нашимъ показаться.

Мефистофель.

Премного чести. — Пусть!

Форкиады.

Пусть!

Мефистофель (как Форкиада въ профиль).

Не сплосналъ!

Любимымъ сыномъ Хаоса я сталъ!

Форкиады.

Гордимся Хаосомъ, отцомъ мы знаменитымъ.

Мефистофель.

Охъ! забранятъ теперь меня Гермафродитомъ.

Форкиады.

Вотъ новыхъ три сестры украсились сугубо!

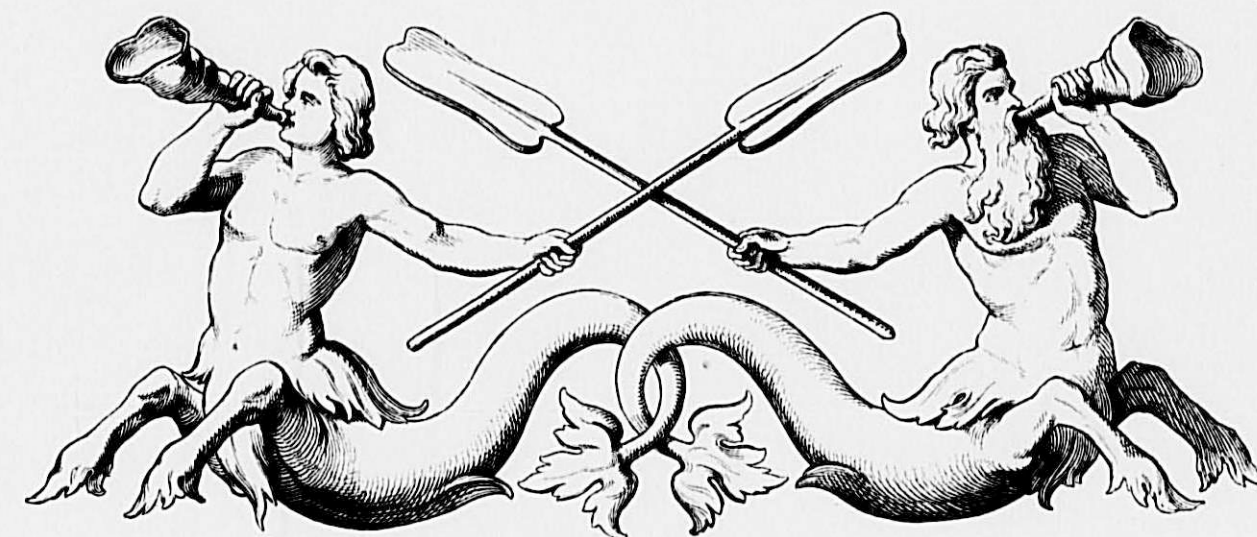
У насъ теперь два глаза и два зуба.

Мефистофель.

Отъ глазъ я всѣхъ укроюсь въ бѣгъ спѣшномъ,

Пугать чертей въ аду кромѣшномъ.

(Уходитъ).

Скалистый заливъ Эгейскаго моря.

Луна въ Зенитѣ.

Сирены (кругомъ на скалахъ, играя на флейтахъ и распѣвая).

Если слушаешь злодѣкъ,
Оессалійскихъ чародѣкъ,
Древле ты съ высотъ сходила,
Нынѣ-бъ ты, небесъ свѣтило,
На дрожаньи волнъ почило,
Озаряя нѣгой тайной
Этотъ сборъ необычайный,
Что кругомъ изъ волнъ встаетъ!
Умоляемъ униженно:
Будь, луна, къ намъ благосклонна!

Нериды и Тритоны

(какъ морскія чудовища).

Пойте громче на просторѣ,
Чтобъ во все звучало море,

Весь морекой скликайте людъ! —
Злобной бури мы боялись,
Въ глубь затишья погружались;
Нынѣ пѣсни насъ зовутъ.

Какъ мы рады въ самомъ дѣлѣ,
Золотыхъ цѣпей надѣли,
И коронъ въ цвѣтныхъ камняхъ,
И запыстей въ украшеньяхъ!
Всѣ они отъ васъ пришли!
Взяты бездной эти дива,
Ихъ вы, демоны залива,
Вашимъ пѣньемъ привлекли.

Сирены.

Знаемъ, рыбагъ жить привольно,
Ихъ уноситьъ своевольно

Тѣла гладкаго изгибъ;
Но вотъ васъ-то мы скликаемъ,
Нынче мы узнать желаемъ,
Что значительнѣй вы рыбъ.

Неренды и Тритоны.

Мы еще не выплывали,
Ужъ объ этомъ помышляли.
Сестры, братья помогли бѣ!
Не въ далекій путь сберемся,
Но докажемъ, какъ вернемся,
Что значительнѣй мы рыбъ.

(Удаляются).

Сирены.

Мгновенно убрались!
Въ Самооракію понеслись;
Имъ вѣтры въ пути помогаютъ.
Какія въ нихъ будятъ стремленья
Высокихъ Кабировъ владѣнья?
То боги, живущіе странно;
Себя хоть они создаютъ непрестанно,
Но кто они — сами не знаютъ.

Стой недвижна и ясна,
Милосердая луна,
Пусть въ ночи все море тонетъ,
День придетъ и насъ прогонитъ!

Оалесъ (на берегу, Гомункулу).

Пойдемъ искать Нерей старика;
Хотя его пещера тутъ близка,
Но не поладишь съ нимъ никакъ,
Такой упрямый онъ кислякъ!
Весь родъ людской никакъ по немъ
Не можетъ поступить ни въ чемъ.
Но знаетъ будущее онъ;
За это всѣмъ онъ почтенъ,
И всѣ предъ нимъ благоговѣютъ.
Ему не разъ и помогать пришлось.

Гомункулъ.

Такъ поступимся мы! Авось
Стекло и пламя уцѣлѣютъ.

Нерей.

Не рѣчь-ли то людская пронеслась?
На сердцѣ злорада разомъ поднялась!
Достичь боговъ все хочется тщеславнымъ,
А суждено себѣ остаться равнымъ.
Чѣмъ въ божескомъ покоѣ пребывать,
Хотѣлъ всегда я лучшимъ помогать;
А поглядишь потомъ на дѣло это,
Такъ все равно, что не давалъ совѣта.

Оалесъ.

Всѣмъ, старецъ моря, въ силахъ ты помочь.
Ты мудръ, и насъ не прогоняй ты прочь!

Вотъ это пламя въ образѣ людскомъ
Твоимъ рѣчамъ послѣдуетъ во всемъ.

Нерей.

Что рѣчь! Отъ ней кто людямъ видѣть толку?
Рѣчь мудреца въ упрямомъ ухѣ мретъ.
Хоть плачутся на дѣло безъ умолку,
А всежъ, глядишь, попрежнему живетъ.
Я, какъ отецъ, Париса увѣщаю,
Пока чужой жены онъ не смущаетъ!
Ему, какъ шель онъ къ Грекамъ съ корабля,
Я предсказать, что въ духѣ видѣть я:
На воздухъ горой багровый дымъ,
И балокъ пылъ, и бой, и смерть подъ нимъ.
День судный Тронъ уловленъ въ стихахъ,
Столѣтіямъ на память и на страхъ.
Но рѣчи старца счесть игрушкой онъ;
Онъ страсти внять — и рухнуть Пліонъ.
Гигантскій трупъ, покинуть, нагъ и сиръ;
Орламъ, слетѣвшимъ съ Пинда, сладкій пиръ.
Я-ль и Улиссу тожъ не предсказать
Сѣтей Цирцеи и Циклопа скаль?
И мѣшканье его, и производъ
Товарищей, — ну что-жъ онъ приобрѣлъ!
Пока волной качаемъ, поздно онъ
На мирный берегъ не былъ занесенъ.

Оалесъ.

Поступки эти мудрому претятъ;

Но добрый снова попытаться радъ:
Признательности фунтъ ему, какъ чудо,
Неблагодарности важнѣе пуда.
Не съ пустякомъ рѣшились мы придти:
Желаешь мальчикъ вотъ произойти.

Нерей.

Не отравляй отрадныхъ мигъ часовъ!
Сегодня ждать я не того готовъ:
Всѣхъ дочерей я ожидаю вскорѣ,
Я звалъ Доридъ, прелестныхъ грацій моря.
Ни на Олимпѣ, ни у васъ, людей,
Нѣтъ образовъ въ движеніяхъ милѣй;
Гордятся, несутъ ихъ средь морскаго лона
То чудища, то кони Посидона;
Съ стихіей пѣжно такъ слились онѣ,
Что держитъ ихъ и пѣна на волнѣ.
На раковинѣ яркой всѣхъ милѣе
Венерой здѣсь представеть Галатея.
Она, когда Киприда удалась,
Сама богиней Паооса явилась,
И у нея, чтобъ власть ея возвестъ,
Престольный городъ съ колесницей есть.
Прочь! не прилично въ часъ отцу любезный
Смущаться въ сердцѣ бранью бесполезной.
Ступайте вы къ Протею, чтобъ спросить,
Какъ превращаться и происходить.

(Удаляется къ морю).

Оалесъ.

Тутъ не нашли мы толку никакого.
Сыщи Протея, онъ исчезнетъ снова;
А хоть предстанетъ, будетъ говорить,
Что всякаго способно съ толку сбить.
Но вѣдь тебѣ совѣтъ необходимъ;
Попробуемъ, поидемъ путемъ своимъ!

(Удаляются).

Сирены (наверху скаль).

Что это передъ нами
Несется надъ волнами?
Какъ, весело играя,
Вѣтриль бѣлѣетъ стая,
Такъ ясно на просторѣ
Сияютъ жены моря.
Сойти со скаль придется,
Ихъ пѣнье раздастся.

Неренды и Тритоны.

Что мы несемъ руками,
Похвалите вы сами.
Въ щитъ ясный, черепашный,
Глядите сонмъ ихъ странный.
Боговъ мы вамъ приносимъ;
Высокихъ пѣсенъ просимъ!

Сирены.

Малые лики,
Силой велики,

Кормчихъ спасители главные!
Боги древнѣйшіе, славные.

Неренды и Тритоны.

Мы плавали къ Кабирамъ,
Чтобъ праздновать намъ съ миромъ;
Гдѣ имъ почетъ устроень,
Тамъ и Нептунъ спокоенъ.

Сирены.

Всѣхъ вы насъ превзошли;
Шли ко дну корабли,
Только мощью своей
Вы спасали людей.

Неренды и Тритоны.

Трехъ удалось намъ принести,
Четвертый не хотѣлъ идти;
Себя онъ главнымъ называетъ,
Одинъ за всѣхъ онъ разсуждаетъ.

Сирены.

Богъ про другаго бога
И на смѣхъ скажетъ много.
Всѣхъ милосердыхъ чтите,
Коль цѣлы быть хотите.

Неренды и Тритоны.

Вѣдь семь ихъ оказалось.

Сирены.

А что-жь съ тремя-то сталося?

Неренды и Тритоны.

Отвѣтить мы не въ силѣ,
Олимпъ-бы вы спросили;
Осьмага-бъ тамъ сыскали,
Какого и не ждали!
Всѣ милостивы съ нами,
Да не готовы сами.

Эти несравненные
Все впередъ стремятся,
Имъ голоднымъ снятся
Тайны сокровенныя.

Сирены.

Всѣмъ богамъ по старинѣ
Служимъ мы одинъ,
Хоть солнцу, хоть лунѣ;
И выгодно исполнѣ.

Неренды и Тритоны.

За этотъ праздникъ превознести
Должны насъ лиры!

Сирены.

Герои даже старины
Всю славу уступитъ должны,
А хоть кого и превознести,
У нихъ руно златое есть,
У васъ Кабиры!

(Раздается общимъ хоромъ).

У нихъ руно златое есть,

У насъ } Кабиры!
У васъ }

(Неренды и Тритоны плывутъ мимо).

Гомункулъ.

По мнѣ, уроды-принцы
Горники напоминаютъ;
На нихъ наткнулись мудрецы
И головы ломаютъ.

Оалесъ.

Да въ этомъ-то ихъ цѣль одна!
Монета ржавчиной цѣнна.

Протей (незамѣтно).

Чудакъ старикъ, я полонъ восхищенья:
Что чѣмъ страннѣй, тѣмъ болѣе почтенья.

Оалесъ.

Гдѣ ты, Протей?

Протей (чрезвычайно, то
вблизи, то издали).

Вотъ здѣсь! — и здѣсь!

Оалесъ.

Ты въ шуткахъ вѣкъ проводишь весь,
Но другу-то скажи по правдѣ слово,
Ты съ мѣста говоришь другаго.

Протей (будто издали).

Прощай!

Оалесъ (тихонько Гомункулу).

Онъ здѣсь въблизи. Свѣти сильнѣй!

Вѣдь любопытнѣй рыбъ Протей;

Въ какомъ бы видѣ ни былъ онъ,

Огнемъ онъ всюду привлеченъ.

Гомункулъ.

Начну свѣтить жестоко, но умѣло,

Лишь исподволь, чтобъ склянка уцѣлѣла.

Протей (въ образѣ исполненной чернахи).

Что такъ прелестно свѣтитъ тамъ?

Оалесъ (прикрывал Гомункула).

Желаешь видѣть, такъ приближься самъ.

Не тяготись уже трудомъ немногимъ,

И человѣкомъ ты предстань двуногимъ.

Мы слышать просьбу отъ того желаемъ,

Кто хочетъ видѣть то, что мы скрываемъ.

Протей (въ благородномъ образѣ).

Лукавствомъ мудрымъ ты еще богатъ.

Оалесъ.

Ты образы мѣнять все такъ же радъ.

(Открываетъ Гомункула).

Протей (удивленно).

Свѣтящій карликъ! Въ мірѣ не найти!

Оалесъ.

Спросить онъ хочетъ, какъ произойти.

Вопросовъ мнѣ онъ объяснилъ причину,

На свѣтъ родился онъ лишь вполонину.

Духовныхъ силъ дано ему несмѣтно,

Но дѣльности наглядной незамѣтно.

До сей поры стекломъ лишь вѣсокъ онъ,

И ждетъ теперь, что будетъ воплощенъ.

Протей.

Тебя дѣвичимъ сыномъ счесть:

Ты до поры ужъ тутъ какъ есть.

Оалесъ.

Еще вопросъ является не малой:

Вѣдь онъ гермафродитъ пожалуй.

Протей.

Тутъ ждать удачи можно смѣло;

Чѣмъ онъ ни станъ — все выйдетъ въ дѣло.

Здѣсь думой нечего смущаться:

Въ широкомъ морѣ долженъ ты зачатся.

Тамъ съ малаго придется начинать,

Глотать мельчайшихъ, чувствуя блаженство;

И понемногу станешь подростать,

Чтобъ выснаго достигнуть совершенства.

Гомункулъ.

Какъ нѣжно дышетъ воздухъ тутъ,

Какъ будто травы испаренья шлутъ!

Протей.

Ты не ошибся, мальчикъ милый!

А дальше будешь счастья полнѣ,

На этомъ мысѣ съ новой силой

Къ тебѣ полетятъ запахи волнъ.

Онѣ несутся средь зыбей,

Тамъ впереди ихъ сонмъ виднѣй;

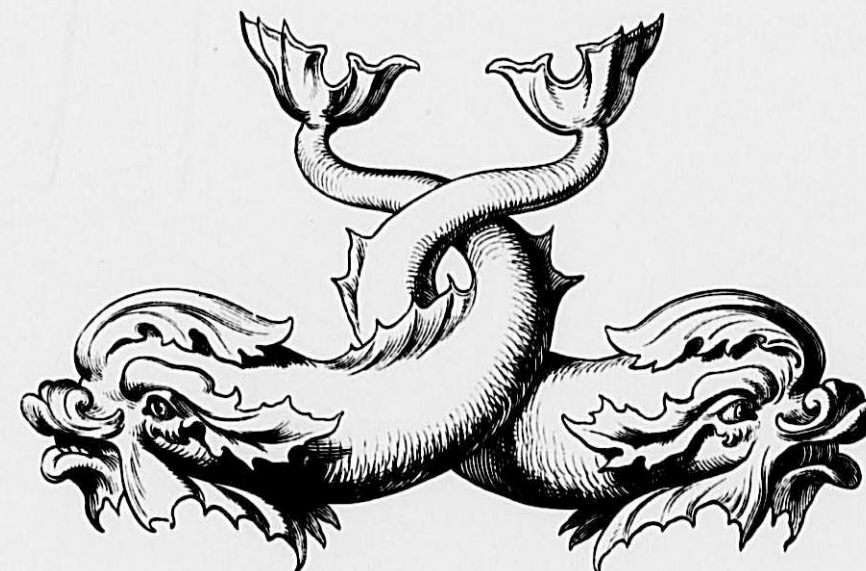
Пойдемъ туда!

Оалесъ.

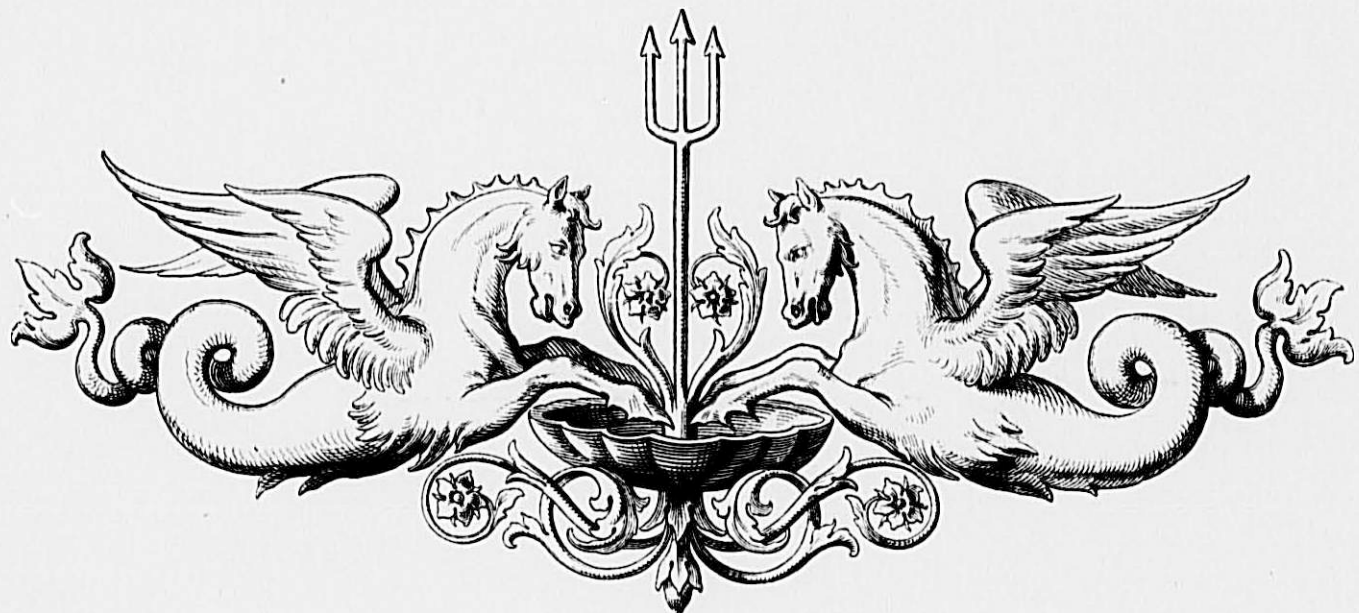
И я готовъ.

Гомункулъ.

Тройко важный шагъ духовъ!

Тельхины родосскіе,

на морскихъ коняхъ и драконахъ, держа трезубецъ Нептуна.

Хоръ.

Трезубецъ Нептуна сковали мы сами,
И имъ-то онъ бойкими править волнами:
Какъ шлетъ громовержець округля тучи,
Ему и Нептунъ отвѣчаетъ кипучій;
И какъ ни сверкаетъ тамъ сверху порой,
И снизу забрызжетъ волна за волной;
А что между ними борьбою томится,
Побьется съ пучиной и ей поглотится;
Сегодня свой скипетръ онъ передалъ намъ,
Вотъ намъ и легко по спокойнымъ волнамъ.

Сирены.

Геліосу посвященнымъ,
Днемъ веселымъ освященнымъ,
Вамъ привѣтствія полны,
Мы въ священный часъ луны!

Тельхины.

Богиня прелестная свода ночнаго,
Какъ чествуютъ брата, ты слушать готова,
Къ Родосу блаженному слухъ твой склоненъ;
Тамъ вѣчнымъ пеаномъ почтенъ Аполлонъ.
Онъ день зачинаетъ; но день лишь погасъ,
Взираетъ онъ огненнымъ взоромъ на насъ.
И городъ, и горы, и берегъ, и волны
Отраднымъ для бога сіяніемъ полны.
Туманъ хоть и встанетъ, но богъ такъ лучистъ,
Дохнетъ и проглянетъ, и островъ весь чистъ!
Тамъ сотнями лики сходны съ властелиномъ,
То юношей тамъ онъ, то вдругъ исполиномъ.
Мы первые стали боговъ благодать
Въ красѣ человѣческихъ тѣлъ выставить.

Протей.

Пусть величаются хвастливо!

Взираетъ солнце горделиво
На все, что мертвымъ создалось.
Расплавясь мѣдъ по формамъ льется,
А отольютъ, — ужъ имъ сдается,
Что все ихъ дѣло удалось.
Гдѣ-жъ этой гордости основа?
Кумировъ выслось чело,
Землетрясенье ихъ снесло,
Ужъ переплавили ихъ снова!
Земной порядокъ какъ ни глянъ,
Одно мученье и дрянъ.
Въ волнѣ ходъ жизни безупречной!
Тебя помчить по влагѣ вѣчной
Протей-Дельфинъ.

(Превращается).

Сейчасъ сомчу!
Удачу тамъ найдешь прямую,
Тебя лишь на спину возму я
И съ океаномъ обручу.

Оалесъ.

Проникнись рвеніемъ похвальнымъ,
Твореньемъ стать первоначальнымъ!
И самъ будь дѣятельнъ тожъ!
Тутъ, подвигаясь въ вѣчныхъ нормахъ
И въ тысячахъ побывши формахъ,
До человѣка ты дойдешь.

(Гомункулъ встываетъ на Протея-дельфина).

Протей.

Вступи какъ духъ во владу моря!
Тамъ въ ширь и вдаль ты можешь вкормъ
Просторъ движенію найти.
Не рвись на степеняхъ ты выше;
Иди ты къ человѣку тише;
Дошелъ — остался безъ пути!

Оалесъ.

Ну какъ сказать, — кажись, въ свой вѣкъ
Весьма хорошъ достойный человѣкъ.

Протей (Оалесу).

Да, коль тебѣ подобныхъ взяты!
На время можетъ ихъ хватать;
Гдѣ блѣдные витаютъ духи эти,
Тебя я вижу много ужъ столѣтій.

Сирены (на скалахъ).

Что за тучки окружаютъ
Въ чистомъ небѣ лунный ликъ?
Это голуби мелькаютъ,
Бѣлосѣжны крылья ихъ.
Прилетѣла къ намъ съ Паоса
Этихъ милыхъ птицъ семья,
Все на праздникъ принеслося
Къ намъ на радость бытія.

Перей (подступая къ Оалесу).

Путникъ скажетъ въ часъ полночный,
Это лунное явленье;

Но мы, духи, знаемъ точно,
И совсѣмъ другаго мнѣнья:
Дочь мою сопровождаютъ
Эти преданныя птицы,
Ихъ летать у колесницы
Ужъ издревле обучаютъ.

Фалесъ.

И я самъ согласенъ въ этомъ;
Мудрый благомъ признаетъ,
Если въ гнѣздынкѣ нагрѣтомъ
Жизнь святыню соблюдетъ.

Исиллы и Марзы

(на морскихъ быкахъ, телятахъ и баранахъ).

Въ пещерахъ Кипра скрытныхъ,
Куда Нептунъ не рвется,
Гдѣ Сеймосъ не трясется,
Во мракахъ первобытныхъ,
Издревле и понинѣ
Мы въ мѣрѣ и въ святинѣ
Блюдемъ колесницу богини.
Теперь при пономѣ дуновеньи,
По чуднымъ узорамъ волненья,
Отъ новаго скрывъ поколѣнья,
Вывозимъ прелестную дочь.
И вотъ мы теперь суеتمدимся,
Ни Льва, ни Орла не боимся,
Не страшны луна намъ и Крестъ,

Что гордо сияютъ окрестъ.
Пускай ихъ дерутся какъ знаютъ,
Другъ друга пускай убиваютъ,
И все города разрушаютъ,
А мы все завѣтнымъ путемъ
Съ прелестной царицей идемъ.

Сирены.

Такъ легко, неторопливо,
Колесницу окруживъ,
Соплетается красиво
Змѣвидный вашъ извивъ;
Приближайтесь, Неренды,
Жены мощныя красой,
Мните нѣжныя Дориды
Къ Галатеѣ ликъ родной:
Какъ гордынею сияя,
Въ ней божественность видна,
Но какъ женщина земная
Привлекательна она!

Дориды

(хоромъ пlying передъ Нереемъ, все на дельфинахъ).

Дай, луна, лучей небесныхъ
Эту юность озарять!
Мы отцу хотимъ прелестныхъ
Всеихъ супруговъ показать.

(къ Нерее).

Этихъ мальчиковъ спасали
Отъ прибоевъ мы морскихъ,
Въ тростникахъ, на мхахъ качали,
И взлѣбляли мы ихъ.
И они ужъ въ воздаянье
Расточаютъ намъ лобзанья.
Взоръ привѣта кинь на нихъ!

Нерей.

Должно двойной удачею снигаться:
Благотворить и тутъ же наслаждаться.

Дориды.

Если нашъ порывъ сердечный
Могъ, отецъ, ты похвалить,
Дай безсмертье имъ, чтобъ вѣчно
Съ ними въ молодости жить!

Нерей.

Вы возлѣблите вашихъ милыхъ,
Чтобъ отрокъ могъ и мужемъ стать!
Но награждать я тѣмъ не въ силахъ,
Что можетъ лишь Зевесъ послать.
Волна, что качкой васъ лелѣетъ,
Вѣдь и любви уноситъ мигъ,
И если склонность оскудѣетъ,
Ссадите на берегъ вы ихъ.

Дориды.

Васъ, милые мальчики, какъ не любить;
Но грустно, что насъ разлучаютъ:
Мы вѣчную вѣрность хотѣли хранить,
Да боги того не желаютъ!

Юноши.

Вы только лелѣйте насъ жизнью такой,
Какой мы у васъ проживали;
Мы лучшей и жизни не знаемъ другой,
И лучшаго-бъ мы не желали.

(Галатея приближается на колесницѣ-раковинѣ).

Нерей.

Вотъ ты, дорогая!

Галатея.

Отецъ, это ты!

Постойте, дельфины! Сбылися мечты!

Нерей.

Увы! ужъ ее и умчали
Сокрыться въ дали необъятной!
Волненья сердечныя имъ непонятны!
О, если-бъ съ собой меня взяли!
Но взгляды одинъ, одинъ лишь видъ
За цѣлый годъ вознаградить.

Фалесъ.

Радъ! радъ я сердечно!
Душой я разцѣлть безконечно,

Прекрасное въ сердце проникло!
 Вѣдь все изъ воды же возникло,
 Вода вседержитель великій:
 О будь, Океанъ, намъ владыкой!
 Когда-бъ ты тучъ не слалъ-бы,
 Ручьевъ не источалъ-бы,
 И рѣкъ не извивалъ бы,
 Потоковъ не сливалъ-бы,
 Что-бъ было съ горами, съ просторомъ долинъ?
 Ты свѣжую жизнь сохраняешь одинъ.

Эхо (хоръ всего круга).

Ты свѣжую жизнь изливаешь одинъ!

Нерея.

Качаясь, вдалѣ уходитъ хоръ,
 Ужъ взоровъ ихъ не встрѣтитъ взоръ;
 Но цѣлью вьющейся кругомъ,
 Вполнѣ согласно съ торжествомъ,
 Весь сонмъ несется на кругахъ.
 А Галатея свѣтлый тронъ
 Опять мелькнулъ, мнѣ видѣнъ онъ;
 Горитъ звѣздой
 Въ толпѣ несмѣтной.
 Что мило — въ толкотнѣ замѣтно;
 Оно въ дали любой
 Свѣтло, какъ бы въ лучахъ,
 Все близко, и въ глазахъ!

Гомункулъ.

Гдѣ по волнѣ прекрасной
 Я свѣтъ раскинулъ ясный,
 Освѣтитъ прелесть онъ!

Протей.

Во влагѣ здѣсь прекрасной
 Пышный твой свѣточъ ясный,
 И слышенъ чудный звонъ.

Нерея.

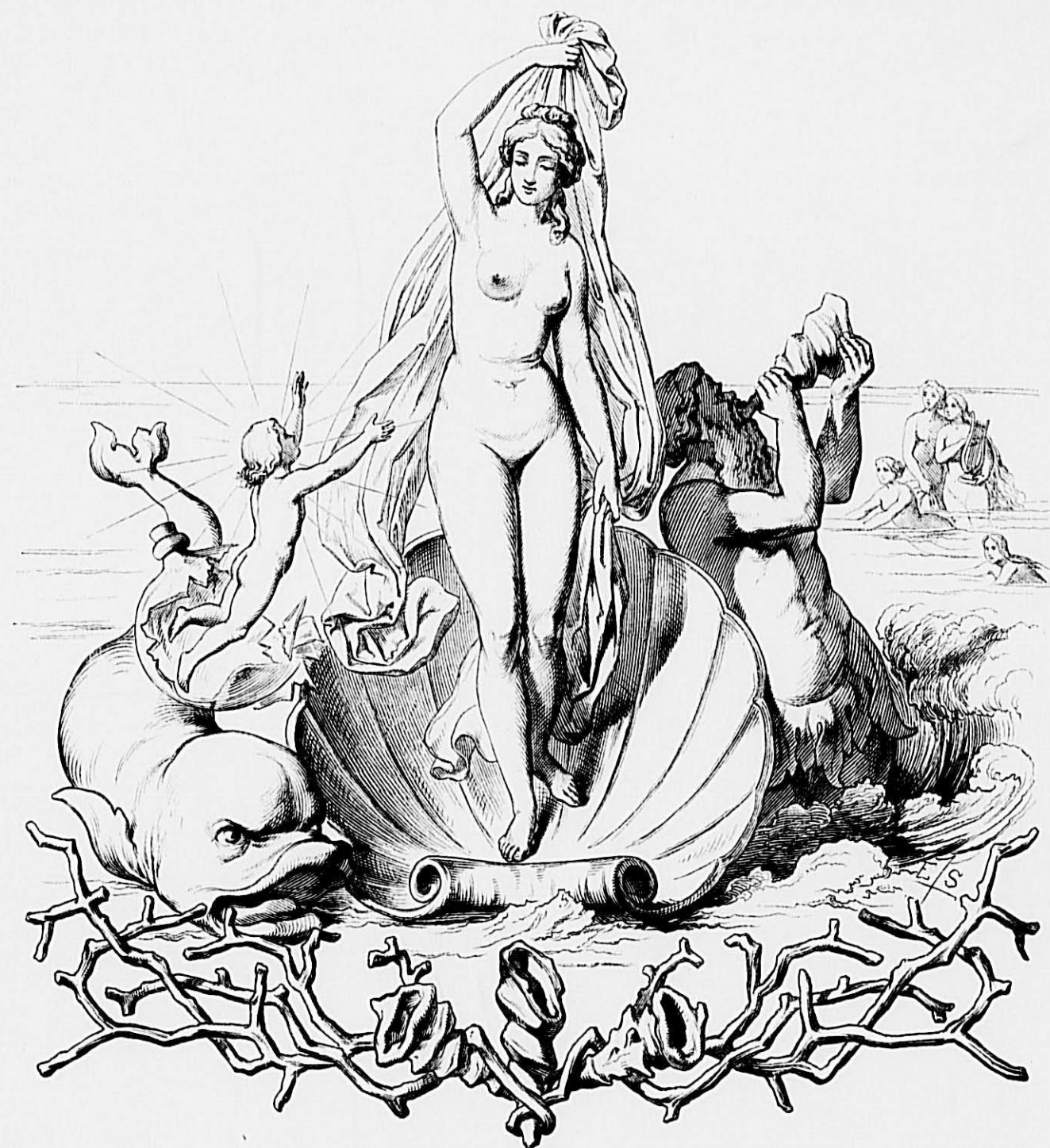
Какая тамъ новая тайна средь хора
 Желаетъ открыться для нашего взора?
 Что блестеть у трона, у ногъ Галатеи?
 То вспыхнетъ, то теплится слаще, пѣжитъ,
 Какъ будто и самый огонь-то влюбленъ!

Оалесъ.

Вѣдь это Гомункулъ, Протеемъ прельщенъ...
 Все признаки это всевластныхъ желаній,
 Мнѣ слышится звонъ затаенныхъ стенаній;
 Вѣдь онъ разобьется объ тронъ-то небойсь!
 Вотъ пышетъ, сверкаетъ. — И вотъ разлилось!

Сирены.

Какое тамъ чудо въ волнахъ озаренныхъ,
 Какъ будто другъ къ другу огнемъ нанесенныхъ?
 Свѣтятся и качаясь, чтобъ кверху идти,
 Пылаютъ тѣла на полночномъ пути, —
 И всюду мерцанье огнемъ разливается.
 Хвала-же Эроту, онъ все зарождаетъ!

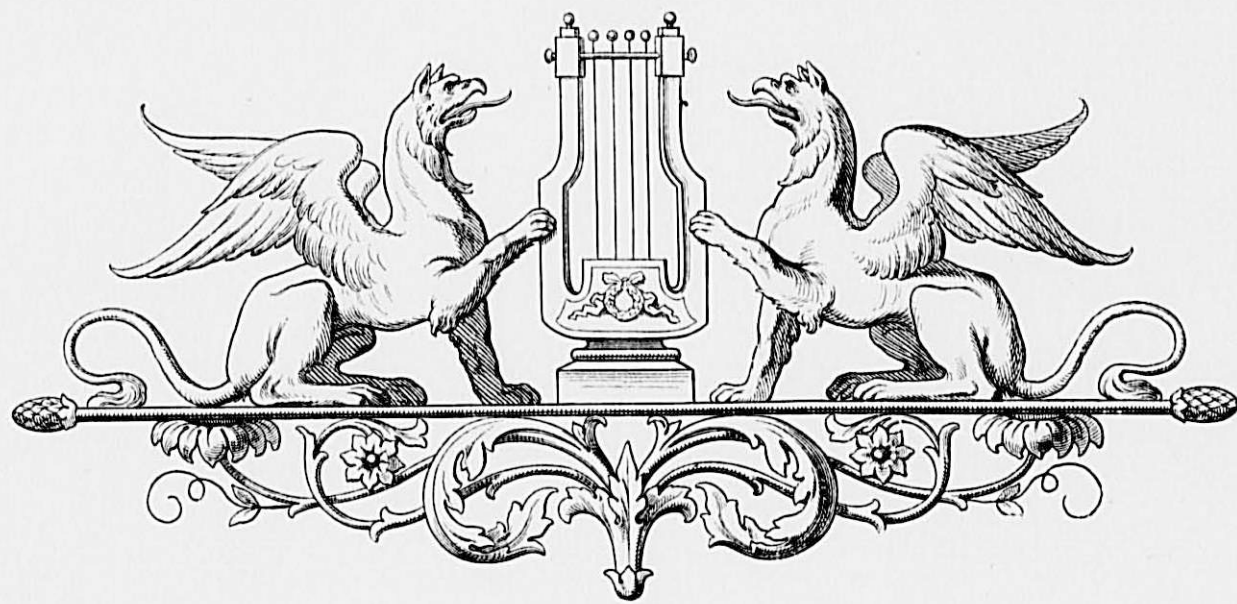

Славься море, славьтесь волны,
 Вы огнемъ священнымъ полны!
 Славься пламя, влагѣ слава!
 Какъ сбылось все величаво!

Всѣ.

Слава вѣтрамъ, съ ихъ весельемъ,
 Слава тайнымъ подземельямъ!
 Воздадимъ почетъ згѣмъ,
 Четыремъ стихіямъ всѣмъ!

Антъ третій.

Передъ дворцомъ Менелая въ Спартѣ.

Появляется Елена и хоръ илѣнныхъ Троилокъ. Панталіеъ, предводительница хора.

Елена.

Стяжавъ хваленія и хулу, Елена, я
Отъ берега иду, куда пристали мы,
Все качкою охвачена тѣхъ волнъ, что насъ
Съ Фригійскихъ отдаленныхъ пажитей сюда,
Хребты при силѣ Эвра пуча, какъ судилъ
Поейдаонъ, въ заливъ перенесли родной.
Пока остался тамъ внизу царь Менелай;
Съ храбрѣйшими онъ празднуетъ теперь возвратъ.
Но ты привѣтомъ встрѣть меня, высокій домъ,
Что выстроилъ на склонѣ этомъ Тиндарей,
Отецъ мой, возвратись съ холма Паллады самъ;
Его тогда-жъ, какъ съ Клитемнестрой мы, сестрой,

Съ Касторомъ и Поллуксомъ въ играхъ тутъ росли,
Изъ всѣхъ домовъ Спартагскихъ онъ пышнѣй убралъ!
Примите, двери мѣдныя, вы мой привѣтъ!
Гостепріимно растворясь, дозволили
Когда-то Менелая вы, изъ всѣхъ другихъ
Избраннику, мнѣ свѣтлымъ женихомъ предстать.
Раскройте снова предо мной, чтобъ я могла
Приказъ царя исполнить, какъ супруги долгъ.
Меня впустите вы, и остается пусть
Вся буря роковая за моей спиной!
Съ тѣхъ поръ какъ беззаботно я отсель ушла
Во храмъ Цитеры, какъ священный долгъ велитъ,
А тутъ меня разбойникъ, тотъ фригійскій, взялъ,

Случилось многое, о чемъ народъ кругомъ
Охотно разглашалъ, но что претить тому,
О комъ молва успѣла сказокъ наплести.

Хоръ.

Не отвергай, о дивная, ты
Высокаго блага славивѣйшую честь;
Величайшее счастье тебѣ лишь въ удѣлъ:
Слава той красоты, что превыше всего!
Герою предшествуетъ слава его,
И ею онъ гордѣ;
Но самый упорный склоняется мужъ
Передъ красотой всепобѣдной уюмъ.

Елена.

Довольно! Я съ супругомъ приплыла сюда,
И вотъ въ свой городъ онъ меня впередъ пошлетъ;
Но что въ умѣ таить онъ, не могу понять.
Вернулась ли супругой я? Царицею?
Или вернулась жертвой горестямъ князей,
Что-бъ долгія невзгоды Грековъ искупить?
Взята я съ бою, но какъ знать, взята ли въ плѣтъ;
Знать боги славой и судьбой двумысленной,
Сомнительными спутниками красоты,
Меня снабдили, такъ что даже здѣсь они
Съ порога смотреть грознымъ взоромъ на меня!
Уже на емкомъ кораблѣ кидать порою
Лишь взгляды мнѣ супругъ, но слова не сказать,

Какъ замыслили зло, сидѣлъ онъ предо мной.
Когда-жъ, въ заливъ по глубинѣ Эвроты вверхъ
Взойди, земли коснувшись кораблей носы,
Заговорилъ онъ, словно богъ ему вдохнулъ:

«Здѣсь по порядку воины сойдутъ мои;

И осмотрю ряды на берегу морекомъ;

А ты ступай все дальше, вдоль священнаго

Прибрежія Эвроты плодоноснаго,

И по дугу цвѣтущему направь коней,

Пока равнины пышной не достигнешь ты,

Гдѣ на поляхъ, въ бывше дни, распаханнхъ,

Лакедемонъ, горами окруженъ, возникъ.

Вступи затѣмъ въ высокій царскій теремъ ты

И осмотри рабынь, что тамъ оставилъ я,

Все поруча разумной, старой ключницѣ.

Она тебѣ покажетъ всѣ сокровища,

Какія твой отецъ оставилъ, да и я,

Въ войнѣ и въ мирѣ множа, накопить успѣлъ.

Ты это все найдешь въ порядкѣ, потому

Что въ правѣ царь потребовать, вернувшись въ домъ,

Чтобъ было вѣрно все соблюдено вполнѣ,

И все на мѣстѣ, какъ его оставилъ онъ:

Затѣмъ что рабъ не въ правѣ ничего мѣнять».

Хоръ.

Порадуй же ты, на богатство взглянувъ

Приумноженное, и взоры, и грудь;

Драгоценная цѣпь и короны краса

Спокойно лежать и себѣ на умѣ;

Только взойдешь и потребуешь ихъ.

И готовы онѣ.

Мнѣ отрадно видѣть борьбу красоты

Противъ золота, жемчуга, камней цвѣтныхъ.

Елена.

Затѣмъ властитель такъ еще ко мнѣ вѣщаль:

«Когда вокругъ ты все въ порядкѣ огледишь,

Тогда возьми треножниковъ ты, сколько ихъ

Съ другой посудой жертвоприносителю

Потребно, совершить святое торжество.

Котловъ и чашъ и плоскодонныхъ всякихъ блюды;

Водой чистѣйшей изъ священнаго ключа

Наполни кубки; дальше дровъ еще сухихъ

Вели сготовить, чтобы воспріять огонь;

И палоченый ножъ быть долженъ подъ рукой.

О всемъ же прочемъ позаботься ты сама».

Такъ говорилъ онъ, торопя меня; но мнѣ

Живущаго дыханья онъ не указалъ,

Что Олимпійцамъ въ жертву хочетъ онъ заклать.

Сомнительно все это! но заботы я

Гою, высокимъ предоставивъ все богамъ

Вершить, какъ въ мысляхъ держать то они;

Добромъ ли это человѣку или зломъ

Покажется, намъ смертнымъ это все стерпѣть.

Ужъ часто жрецъ, топоръ тяжелый занесъ

Въ затылокъ въ земь смотрящаго животнаго,

Не завершалъ удара; былъ задержанъ онъ

Приходомъ вражьиъ, или вмѣшательствомъ боговъ.

Хоръ.

Что должно совершиться, тебѣ не узнать.

Ты, царица, гряди,

Не страшась!

Зло идетъ и добро

Къ человѣку нежданно;

Имъ и предсказаннымъ вѣры пѣтъ.

Трой-жъ горѣла, видѣли-жъ мы

Смерть предъ глазами, страшную смерть;

А развѣ не мы

Здѣсь тебѣ радостно служимъ,

Видимъ на небѣ жгучее солнце

И всю прелесть земную,

Намъ на блаженство, тебя!

Елена.

Будь-то, что будетъ! Что ни предстоитъ теперь,

А я должна немедля въ царскій домъ вступить;

Желанный, милый, чуть мной не утраченный,

Онъ вновь въ глазахъ моихъ, сама не знаю какъ.

Ужъ ноги быстро такъ не мчатъ меня на верхъ

Ступеней тѣхъ, что были въ дѣтствѣ мнѣ прыжкомъ.

Хоръ.

Бросьте, о сестры, вы,

Грустныя плѣнницы,

Всю тоску свою тотчасъ.

Славьте царицу вы,
Славьте Елену вы,
Что въ отеческій домъ,
Хоть и поздно вернувшейся,
Но тѣмъ болѣ надежной
Нынѣ стопою идеть!

Славьте священныхъ вы,
Счастье дарующихъ
Ей, боговъ милосердыхъ!
Освобожденному,
Словно крылатому,
Всюду дорога; но узнику
Только въ мукахъ доводится
Надъ зубцами тюремными
Руки свои простирать.

Но ее восхитилъ богъ
Отдаленную,
И съ Иліонскихъ развалинъ
Онъ перенесъ ее вновь
Въ старый, убранный снова,
Отчій домъ,
Послѣ великихъ
Мукъ и отрады
Первую молодость
Помянуть безмятежно.

Нанталисъ

(какъ предводительница хора).

Теперь оставьте пѣснь радостныхъ вы путь,
И къ створчатымъ дверямъ свой обратите взоръ!
Что вижу, сестры? Ужъ не идетъ ли вновь сюда
Взволнованной походкою царица къ намъ? —
Великая царица, что могло тебѣ
Взамѣнъ привѣтствій слугъ твоихъ представиться
Тревожное? Ты даже не скрываешься;
Я отвращенье вижу на челѣ твоемъ
И благородный гнѣвъ при изумленіи.

Елена.

(Оставившая двери растворенными, въ волненіи).

Несвойственъ дочери Зевеса подлый страхъ,
Ее испугъ мгновенный тронуть не дерзнетъ;
Но ужасъ, что изъ лона старой ночи все
Встаетъ отъ вѣка въ разныхъ видахъ, словно дымъ
Густой изъ пасти огнедышащей горы, —
Онъ и героя даже потрясаетъ грудь.
Такъ ужасомъ сегодня мнѣ Стигіѣскіе
Вступленіе въ домъ отмѣтили, что рада бъ я
Съ знакомаго порога, столь желаннаго,
Какъ гостя запоздавшая, простяся, уйти.
Но нѣтъ! На свѣтъ я вышла, и меня
Ужъ дальше не прогнать вамъ, силы мрачныя!
Святить примусь я, чтобъ очищенный очагъ
Отдать привѣтъ женѣ, да и владыкъ могъ.

Предводительница хора.

Открой своимъ прислужникамъ усерднымъ ты,
Царица, что могло тамъ встрѣтиться тебѣ.

Елена.

Что видѣла, увидетьъ ваши то глаза,
Коль древняя не поглотила снова ночь
Печалью своего во мракъ своихъ чудесъ.
Но чтобъ вы знали, расскажу словами вамъ:
Какъ, думая о первомъ долгѣ, я вошла
Торжественно въ покои царскаго дворца,
Странна мнѣ стала пустота безмолвная.
Ни шороха не слышно было скорыхъ ногъ,
Ни быстрой хлопотливости не видѣлъ взоръ,
Служанокъ не встрѣчала я иль ключницы,
Которыхъ долгъ привѣтствовать входящаго.
Но только что я къ очагу приблизилась,
Вдругъ увидала у остывшей тамъ золы,
Огромную, закутанную женщину,
Не въ сонъ, скорѣй въ раздумье погруженную.
Властительно зову ее къ занятію я,
Ее считая ключницей, оставленной
Моимъ супругомъ изъ предосторожности:
Закутана сидитъ она не двигаясь;
Лишь на мои угрозы повела она
Рукой, какъ бы гоня меня отъ очага.
Я, гнѣвно отвернувшись отъ нея, пошла
Къ ступенямъ, наверху которыхъ ждетъ меня

Краса опочивающая рядомъ съ кладовой;
Но чудо быстро съ полу поднялось, и, мнѣ
Дорогу властно заступивъ, казалось такъ
Свой станъ худой и свой кроваво-мутный взглядъ,
Что видъ его одинъ мнѣ взоръ и духъ смущать.
Но рѣчь моя на вѣтеръ; слово никогда
Не въ силахъ образовъ воссоздавать, твори.
Смотрите! выступить дерзнуло въ свѣтъ оно!
Здѣсь наша власть, пока придетъ державный царь;
Въ пещеры прогоняетъ другъ прекраснаго
Фебъ все печалью ночи, иль смиряетъ ихъ.

Форкіада (выступаетъ на порогѣ
между притолками).

Хоръ.

Много извѣдала я, хоть и локонъ
Мой на челѣ еще молодо вьется,
Страшнаго много видѣть пришлось,
Плачъ побѣжденныхъ, ночь ту, когда
Палъ Иліонъ.

Сквозь окруженный облакомъ пыли
Гамъ ратоборцевъ слышала страшный
Голосъ боговъ я, слышала мѣдный
Крикъ я раздора, съ поля летѣлъ
Онъ къ стѣнамъ.

Ахъ! стояли еще
Стѣны Трои, но пыль огня

Ужъ отъ сосѣда къ сосѣду шегъ,
Разливаясь и тамъ и сямъ,
Собственной бурей гонимый,
По полночному городу.

Видѣла я сквозь огонь и пылъ,
Видѣла, межъ языковъ огней
Странно гнѣвные боги шли,
Неповитныя чуда,
Исполны шагали,
Яркимъ дымомъ обѣяты.

Видѣла я, иль казалось
Страхомъ томимой дунѣ
Все это смутное? вѣкъ мнѣ
Не узнать; но что вижу здѣсь
Этотъ ужасъ глазами я,
Это навѣрное знаю;
Тронуть руками могла бъ его,
Если бы отъ опаснаго
Не воздерживалъ страхъ.

Ты же которая
Форкиса дочь тутъ?
Вижу въ тебѣ я
Эту породу.
Или одна изъ сѣдыхъ ты,

Глазомъ и зубомъ однимъ
Поперемѣнно владѣющихъ,
Графъ здѣсь явилась?

Смѣешь ли, чудо,
Рядомъ съ красою
Ты знатоку ея
Фебу казаться?
Но выходи тѣмъ не менѣе смѣло:
Безобразья не видитъ онъ,
Какъ его священное око
Тѣни видѣть не можетъ.

Насъ же, смертныхъ, томить, увы!
Доля наша злосчастная
Болью глазъ нестерпимою,
Коль на отверженно-гнуемое
Чтунцій одну красоту глядѣть!

Такъ услышь же, коль дерзко ты
Вышла къ намъ, — порицанія,
Брань и угрозы ты выслушай
Изъ проклинающихъ устъ, осчастливленныхъ
Тѣмъ, что богами мы созданы!

Форкіада.

Высокъ и непреложенъ смыслъ старинныхъ словъ,
Что красота и стыдъ найдутъ рука съ рукой

Зеленою тропею по лицу земли.
Глубоко скрыта въ нихъ взаимная вражда,
Такъ что при встрѣчѣ каждый изъ противниковъ
Спиной къ другому тотчасъ обращается.

Затѣмъ поспѣшно каждый продолжаетъ путь,
Стыдъ въ горѣ, красота же съ дерзостнымъ челомъ,
Пока ее пустынный мракъ не окружитъ,
Коль старость раньше не смирила силу ея.

И вижу васъ, нахалокъ, изъ далекихъ странъ,
 Вы держо принеслись сюда, какъ журавлей
 Хрипливо-громкихъ стая, что надъ головой
 Какъ туча тянется, шипошляя къ намъ
 Свой крехтъ, который вызываетъ путника
 Взглянуть наверхъ; но въ свой они уходятъ путь,
 А онъ идетъ своимъ; такъ съ нами станется.
 Кто вы такіа, что у царскаго дворца
 Шумѣть дерзнули буйно такъ вакхически!
 Кто вы, что на домовую тутъ ключницу
 Завыли, словно бы на мѣсяцъ стая псовъ?
 Не знаю развѣ я, какого рода вы?
 Въ войнѣ зачаты вы и ей воспитаны,
 Развращены въ кругу мужнигъ, чтобъ развращать,
 И воиновъ и гражданъ разслаблять равно!
 Какъ посмотрю на васъ, вы точно рой цикадъ,
 Что на посѣвъ зеленый вдругъ накинуся;
 Вамъ пожирать лишь трудъ чужой! И лакомы
 Лишь на зачатки благосостоянія вы!
 Добыча, рыночный товаръ, промѣнный ты!

Елена.

Кто предъ хозяйкою бранить служанокъ, тотъ
 Бя домашнихъ правъ уже касается;
 Одной лишь подобаетъ ей достойное
 Хвалить, а все не должное наказывать.
 А я довольна службой ихъ во дни, когда
 Великій, славный Иліонъ въ осадѣ былъ

И пать, и легъ; не меньше и во дни, когда
 Пришлось терпѣть намъ бѣдственное странствіе,
 Причемъ обычно каждый ближе самъ себя.
 И здѣсь того-жъ отъ ихъ веселой жду толпы;
 Вопросъ не въ томъ кто рабъ, а въ томъ, какъ
 служить онъ.

Такъ ты молчи и скалитесь на нихъ оставъ!
 Коль царскій домъ до сей поры ты сберегла,
 Хозяйку замѣнишь, такъ честь тебѣ за то;
 Но вотъ она сама, а ты ужъ отстранись,
 Чтобъ кары вмѣсто награжденія не навлечъ!

Форкіада.

Грозить домашнимъ — это право важное
 Принадлежитъ супругъ властелина лишь
 За долгій трудъ хозяйства по заслугѣ ей.
 Какъ признанная, нилѣ мѣсто ты
 Царицы и супруги заступила вновь,
 Прими жъ ослабшія бразды и правь сама,
 Прими добро и насъ самихъ ты вмѣстѣ съ нимъ!
 А пуще защити меня, старѣйшую,
 Отъ этихъ, что предъ лебедемъ красы твоей
 Лишь сбродъ гусей ошипанныхъ, гогочущихъ!

Предводительница хора.

Какъ безобразье гнусно рядомъ съ красотой!

Форкіада.

Какъ глупость тутъ же рядомъ съ мудростью—глупа!
 (Отсюда отвѣчаютъ хористки поодиночкѣ выстуная изъ хора).

1 хористка.

Скажи про Ночь, свою ты мать, да про Эребъ!

Форкіада.

Скажи про Сциллу, про сестрицу намъ свою!

2 хористка.

Чудовищъ много въ родословной есть твоей.

Форкіада.

Ты въ Оркъ ступай! отыскивай ты тамъ своихъ!

3 хористка.

Тѣ, что живутъ тамъ, слишкомъ юны для тебя.

Форкіада.

Ступай Тирезія ты старца соблазнять!

4 хористка.

Вѣдь нянька Оріона правнучка тебѣ.

Форкіада.

Вскормили Гарпін тебя нечистотой.

5 хористка.

Чѣмъ кормишь ты свою такую худобу?

Форкіада.

Не кровью, до которой больно ты жадна.

6 хористка.

Ты алчешь труповъ и сама ты гнусный трупъ!

Форкіада.

Вампира зубы блещутъ у тебя во рту.

Предводительница хора.

И твой заткну, когда я расскажу, кто ты.

Форкіада.

Такъ назовись сперва, загадка пропадетъ.

Елена.

Не съ гнѣвомъ, съ грустью становлюсь межъ вами я,
 Чтобъ воспретить такой разладъ неистовый;
 Вреднѣй ничто не можетъ быть властителю
 Раздоровъ тайныхъ межъ слугами вѣрными.
 Его приказовъ эхо не летитъ уже
 Къ нему какъ дѣло въ мигъ свершенное назадъ;
 Нѣтъ; самовольства шумомъ окруженный самъ,
 Потерянный, напрасно лишь бранится онъ.
 Еще не все; въ безправственный вступая гнѣвъ,
 Странилищъ мрачныхъ вы накликали сюда;
 Они меня объемлютъ такъ, что чувствую
 Я близость Орка даже среди родныхъ полей!
 Воспоминанья иль безумство править мной?
 Была ль такой? такая ль я? и буду ли
 Мечтой и страхомъ всѣхъ градогубителей?
 Трепещутъ дѣвушки, но ты, старѣйшая,
 Стоишь спокойна; дай разумный мнѣ совѣтъ!

Форкіада.

Кто долгихъ лѣтъ счастливые припомнить дни,
 Тому и высшій даръ боговъ какъ будто сонъ.
 Но ты, превыше мѣры одаренная,
 Встрѣчала лишь любовью пламенѣющихъ,
 Всегда готовыхъ на отважный самый шагъ.

Ужь, восплавъ, сперва тебя схватилъ Тезей,
Сложенъ прекрасно, силою онъ былъ Ираклъ.

Елена.

Увезъ меня десятилѣтнюю онъ лань,
И мнѣ въ Афидѣ жить пришлось Аттической.

Форкіада.

Но скоро Касторъ и Поллуксъ тебя спасли,
И окружилъ тебя героевъ первыхъ сонмъ.

Елена.

Милѣй же всѣхъ, охотно я сознаюсь въ томъ,
Предсталъ Патроклъ, съ Пелидомъ сходный какъ
двойникъ.

Форкіада.

За Менелая тутъ тебя отдалъ отецъ,
За мореходца и хозяина въ дому.

Елена.

Онъ отдалъ дочь ему и царство поручилъ,
И Герміона плодъ была супружнихъ узъ.

Форкіада.

Когда жъ некаль наслѣдства смѣло въ Критѣ онъ,
Тебѣ уединенной дивный гость предсталъ.

Елена.

Не вспоминай; вѣдь я была полувдовой!
Иль мало горя изъ того возникло мнѣ?

Форкіада.

И въ томъ походѣ вольной тожъ Критянкѣ, мнѣ,
И плѣнъ пришлось, а тамъ и рабство пенять.

Елена.

Тебя сейчасъ поставилъ ключницею онъ,
Ввѣря много: всю казну и свой дворецъ.

Форкіада.

Который ты покинувъ, въ Иліонъ ушла
За радостью неисчерпаемой любви.

Елена.

Не говори о радостяхъ! Жестокое
Страданье пролилось мнѣ въ грудь и въ голову.

Форкіада.

Но говорятъ, что ликомъ ты была двойнымъ:
Жила въ Египтѣ, какъ и въ Иліонѣ ты.

Елена.

Не путай выдумокъ такихъ безумныхъ ты!
Все не пойму, которая-жъ я подлинно.

Форкіада.

Да говорятъ, что изъ страны пустой тѣней
Еще Ахиллъ съ тобою сочетался тожъ,
Тебя любившій нѣкогда на зло судьбѣ.

Елена.

Какъ призракъ сочеталась съ нимъ я призракомъ.
То былъ лишь сонъ, какъ видно то изъ самыхъ словъ.
Сама я стала призракомъ въ своихъ глазахъ.

(Падаютъ на руки полухора).

Хоръ.

Смолкни! Смолкни!

Зловѣщая, злословная ты.

Изъ однозубыхъ, ужасныхъ

Усть, что же можетъ

Изрыгать эта страшная пасть!

Ибо зловредный, явись благотворнымъ,

Волкъ подъ овечью шерстью,

Мнѣ онъ гораздо страшнѣе трехъ-

Главой пасти собачьей.

Полная страха все ждемъ мы:

Какъ и откуда накинется

Столькихъ козней

Сторожкое чудовище?

Вотъ ты вмѣсто благихъ, утѣшьемъ богатыхъ,

Летой даящихъ, нѣжно привѣтныхъ рѣчей,

Трогаешь въ цѣломъ прошедемъ

Злаго болѣ чѣмъ добраго,

И омрачаешь тутъ вмѣстѣ

Съ блескомъ данной минуты

И въ грядущемъ

Нѣжно сквозящій надежды свѣтъ.

Смолкни! Смолкни!

Чтобы царицы душа,

Ужь бѣжать наготовѣ,

Задержалась, держала силыгѣй

Ликъ изъ ликовъ, какіе

Солнце отъ вѣка могло озарить.

(Елена оправилась и снова стоитъ посреди).

Форкіада.

Выходи изъ тучъ бѣгущихъ, солнце нынѣшняго дня,

Ты и въ дымѣ восхищало, а теперь блести царишь.

Если міръ ты виднись ясно, веселья собственнаго
твоего ликъ.

Пусть сльву я безобразной, все я знаю красоту.

Елена.

Хоть изъ обморока вышла я качаясь на ногахъ,

Все жъ уснуть хотѣла бы снова, я устала до костей.

Но царицамъ подобаетъ, подобаетъ людямъ всѣмъ
Ободриться, укрѣпиться, хоть грозила бы бѣда.

Форкіада.

Если ты въ своемъ величьи, въ красотѣ предъ нами
здѣсь,

Если ты повелѣваешь, — что велишь ты? объясни.

Елена.

Вашей ссоры дерзновенной наверстайте вы прогулъ:

Справитъ къ жертвѣ все спѣшите, какъ приказывалъ
мнѣ царь!

Форкіада.

Все готово въ домѣ: чаша и треножникъ, и топоръ,
И кропленье, и куренье, только жертву укажи.

Елена.

Царь не сказывать про жертву.

Форкіада.

Не сказать? О горе намъ!

Елена.

Въ чемъ твое такое горе?

Форкіада.

О, царица, жертва ты!

Елена.

Я?

Форкіада.

И эти.

Хоръ.

Горе, горе!

Форкіада.

Ты падешь подъ топоромъ.

Елена.

Ужасъ! такъ я ожидала!

Форкіада.

Неизбѣжно то, по мнѣ.

Хоръ.

Ахъ! а насъ что ждетъ?

Форкіада.

Съ почетомъ ей придется умереть;

Но на брусѣ томъ, что держитъ у домовой крыши
верхъ,

Какъ дроздамъ въ силкахъ придется колыхаться
вамъ ридкомъ.

(Елена и хоръ стоятъ въ изумленіи и ужасѣ въ значительно и хорошо обдуманной группѣ).

Форкіада.

Что жъ, призраки! — оцѣпенѣвшихъ ликовъ рядъ,
Страшнѣе день покинуть вы, хоть онъ не вашъ.
Вѣмъ людямъ, призракамъ такимъ же, какъ и вы,
Не хочется покинуть милый солнца свѣтъ;

Но ихъ никто спасти не въ силахъ отъ конца.

Всѣ это знаютъ; но пріятно то не всѣмъ.

Довольно, вы погибли. Такъ скорѣй къ дѣламъ!

(Хлопаетъ въ ладоши, по знаку появляются въ дверяхъ закутанные карлики, которые быстро исполняютъ удивительныя приказанія).

Сюда нѣмое, шаровидное ты чудище!

Сюда накиньтесь! Вволю можно здѣсь вредить.

Золоторогій приготовьте вы алтарь,

Чтобъ легъ топоръ на край его серебряный.

Наполните кувшины! Нужно омыwać,

Что запятналось черной кровью, страшною;

Коверъ роскошный разверните здѣсь въ пыли,

Чтобъ жертвѣ преклонить колѣна царственно;

И, хоть съ отнятой головой, ее сейчасъ,

Съ почетомъ, завернувши похоронимъ мы.

Предводительница хора.

Задумчиво стоитъ царица рядомъ здѣсь.

А дѣвы винутъ какъ скошенная трава;

Но мнѣ, какъ старшей, долгъ святой велить

Речь повести теперь съ тобой, старѣйшая.

Ты опытна, разумна, да и къ намъ добра,

Хоть этотъ рой безумный оскорбилъ тебя;

Повѣдай, гдѣ бы намъ спасенье обрѣсти?

Форкіада.

Легко сказать. Зависитъ отъ царицы все,

Спасти себя, а тутъ уже вдобавокъ васъ.

Одна рѣшимость только быстрая нужна.

Хоръ.

Почтеннѣйшая Парка, мудрая Сивилла ты,

Золотыхъ не трогай пожиницъ, возвѣсти спасенья день!

Намъ сдается, ужъ повисли, закачавшись неспрiятно,

Наши члены, что любили, наладившись рѣзвой
пляской,

Къ груди милаго прильнуть.

Елена.

Пукай имъ страшно; боль я чувствую, не страхъ;

Но за спасенье благодарны будемъ мы!

Находитъ мудрый, дальновидный иногда

Возможнымъ невозможное. Такъ ты скажи!

Хоръ.

Ты скажи, скажи скорѣе, какъ избѣгнуть намъ
ужасныхъ,

Гадкихъ петель, ужъ готовыхъ самымъ гнуснымъ
ожерельемъ

Охватить намъ шен? Это мы предчувствуемъ,
бѣдняжки;

Мы заремъ и задохнемся, если ты намъ не поможешь,
Рей, мать всѣхъ боговъ!

Форкіада.

Съ терпѣньемъ можете-ль вы выслушать рассказъ
Растянутый? Довольно въ немъ событій есть.

Хоръ.

Терпѣнья много! Мы внимая будемъ жить.

Форкіада.

Кто сиди дома бережетъ свое добро,

Притомъ жилища стѣны смазывать гораздъ

И крышу охранять угѣтъ отъ дождей, —

Тотъ проживетъ въ довольствѣ много долгихъ лѣтъ;

Но кто порога своего черту дерзнетъ

Святую легкою ногой перенагнуть,

Тотъ, воротясь, хоть мѣсто старое найдетъ,

Но все инымъ, коль не разрушеннымъ вполнѣ.

Елена.

Къ чему такіа всѣмъ извѣстныя слова?

Мы ждемъ разсказа: такъ не тронь обиднаго!

Форкіада.

Тутъ только былъ, и вовсе тутъ упрековъ нѣтъ.
Разбоємъ плавалъ Менелай по бухтамъ всѣмъ;
По берегамъ и островамъ онъ шелъ врагомъ,
Добычи ради, что теперь тамъ въ кладовой.
Предъ Иліономъ простоялъ онъ десять лѣтъ;
Не знаю, долго ль довелось проплыть домой.
Но чѣмъ теперь сталъ Тиндарей домъ честной?
И чѣмъ вокругъ все царство стало славное?

Елена.

Ужели съ порицаньемъ такъ сроднилась ты,
Что безъ хулы не можешь ты и усть открыть?

Форкіада.

Такъ много лѣтъ покинуть былъ нагорный кряжъ,
Что къ сѣверу отъ Спарты возвышается,
Спиной къ Тайгету, съ высоты котораго
Эвротъ, катясь ручьемъ въ долину свѣтлую,
По тростникамъ питаетъ вашихъ лебедей.
Тамъ въ глубинѣ долины горной сѣлъ народъ
Отважный, онъ изъ Киммерійской ночи шелъ;
Онъ неприступный замокъ взгромоздилъ себѣ,
Страну легко тѣсня оттуда и народъ.

Елена.

Все это удалось имъ? Вѣрится съ трудомъ.

Форкіада.

Имъ времени довольно было въ двадцать лѣтъ.

Елена.

Одинъ тамъ править, иль ихъ станъ разбойничій?

Форкіада.

Одинъ глава, но это не разбойники.
Я не браню его, хоть насъ онъ посѣщаль;
Все могъ онъ взять, но удовольствовался онъ
Лишь *приношеньемъ*, данью не назвавъ его.

Елена.

Каковъ собой онъ?

Форкіада.

Да не дурень онъ, по мнѣ.

Веселый и отважный, образованный,
Какихъ у Грековъ мало, мужъ разумный онъ.
Бранять ихъ варварами, но не думаю,
Чтобъ извергъ былъ у нихъ такой же, какъ иной
Герой предъ Иліономъ, людѣдомъ ставъ.
Величію его довѣрилась бы я.
А замокъ-то его! взглянули-бъ сами вы!
Не тѣ ужъ это стѣны неуклюжія,
Что какъ циклопы взгромоздили безъ толку
У васъ отцы, на грубый камень навали
Такой же камень; нѣтъ, у нихъ совсѣмъ не то,
Тамъ все отвѣсно, правильно подобрано.
Снаружи глянень: къ небу поднялося все,
Такъ твердо, слитно, какъ стальное зеркало.
Тутъ взлѣзть — и мысль-то даже соскользнетъ.
А изнутри дворовъ просторныхъ — все кругомъ

Уставлено постройками различными.

Колонны тамъ, колонки, своды, сводики,
Ходы и выступы, глядѣтъ во внутрь и вдаль,
Гербы.

Хоръ.

Что за гербы?

Форкіада.

Вы сами видѣли:

Украшень былъ Аякса щитъ узломъ изъ змѣй.
У семерыхъ героев Оивскихъ на щитахъ
У каждаго значительно являлися
Изображенья мѣсяца и звѣздъ ночныхъ,
Богинь, героев, лѣстницъ, факеловъ, мечей,
Того, что разрушеньемъ городамъ грозитъ.
Такъ и до нашихъ воиновъ отъ предковъ ихъ
Дошли изображенья разноцвѣтныя.
Тамъ много львовъ, орловъ, и клювовъ, и когтей,
Роговъ и крылъ, хвостовъ павлиньихъ, розъ; затѣмъ
Полосокъ красныхъ, синихъ, бѣлыхъ, золотыхъ.
Развѣшано рядами это въ залахъ все,
А сами залы безграничны, точно міръ;
Тамъ можно танцовать вамъ!

Хоръ.

А танцоры есть?

Форкіада.

Отличные! Золотовласая толпа

Душистыхъ юношей! Такимъ былъ лишь Парисъ,
Когда къ царицѣ онъ вошелъ.

Елена.

Ты роль свою

Забыла; слово мнѣ послѣднее скажи!

Форкіада.

Послѣднее ты скажешь, если скажешь: да!
Сейчасъ въ томъ замкѣ будешь ты.

Хоръ.

О, изреки

Словечко это, и спаси себя и насъ!

Елена.

Какъ? неужель бояться мнѣ, что Менелай
Рѣшится надо мной такое сдѣлать зло?

Форкіада.

Забыла, какъ онъ Деифоба твоего,
Погибшаго Париса брата, истязалъ
Неслыханно, за то что онъ тебя, вдову,
Взялъ силою; и носъ, и уши онъ ему
И все отрѣзалъ, такъ что было страхъ взглянуть.

Елена.

Такъ поступилъ онъ съ нимъ; но то изъ-за меня.

Форкіада.

Изъ-за него жъ поступилъ также онъ съ тобой!
Нераздѣлима красота; кто ей владѣлъ,
Скорѣй готовъ сгубить ее, раздѣлъ кляни.

(Звукъ трубъ въ отдаленіи; хоръ содрогается).

Какъ ревъ трубы терзаетъ слухъ и внутренность,
И ревность также запускаетъ когти въ грудь
Мужчины; — онъ забыть не можетъ, чѣмъ владѣть,
Что потерять, чѣмъ болѣе не владѣть онъ.

Хоръ.

Слышите-ли роговъ раскаты, видите-ли оружья
блескъ?

Форкиада.

Мой привѣтъ царю владыкъ; я охотно дамъ отчетъ.

Хоръ.

Мы же?

Форкиада.

Это вамъ извѣстно, смерть увидите ея,
А въ дому тамъ ждетъ и вана; не поможешь вамъ
ничѣмъ.
(Пауза).

Елена.

Обдумала я первый шагъ рѣшительный.
Ты злобный демонъ мой, я это чувствую,
И я боюсь, что превратишь добро ты въ зло.
Но за тобой сперва пойду я въ замокъ тотъ;
Другое же я знаю; что въ груди своей
Таинственно хотѣла бы царица скрыть,
Пусть недоступно вѣмъ. Веди, старуха, насъ!

Хоръ.

О, какъ рады идти мы,
Быстрой стопой;

Смерти бѣжать,
Вновь чтобы видѣть
Крѣпости гордой
Недоступныя стѣны.
Пусть охраняетъ она,
Какъ Иліонъ хранить!
Низкою хитростью
Только и взять былъ онъ!

(Туманы стелются, закрываютъ отдаленіе и авансцену по востребованію).

Какъ? Это какъ?
Сестры, взгляните-ка!
Былъ же вѣдь свѣтлый день!
Въ шаткихъ прядяхъ туманъ встаетъ
Изъ Эвроты священныхъ волнъ!
Ужъ сокрылся плѣнительный
Брегъ, камнями увѣнчанный;
Даже свободные, гордые,
Тихо плывущіе лебеди
Скрылись стройной семьей, —
Ахъ, я не вижу ихъ!

Все же я, все
Слышу ихъ крикъ,
Дальній, хрипливый зовъ —
Смерть пророка гласятъ они;
Ахъ, чтобъ и намъ также онъ,

Вмѣсто спасенія завѣтнаго,
Не накликалъ бѣды въ конецъ,
Намъ прекраснымъ, съ лебяжьими,
Бѣлыми шеями, ахъ, и ей,
Нашей лебедеродной!
Горе намъ, горе вѣмъ!

Все покрылось вокругъ
Дымкой туманною.
Дружка другу не видно намъ!
Что-жъ такое? Идемъ мы?
Или, топчась,
Мы надъ землею уносимся?
Видишь ли что? Не несется-ль впередъ
Гермесъ у насъ? Не блеститъ ли, грозя,
Жезлъ золотой, чтобъ назадъ насъ гнать
Къ мрачному, неосязаемыхъ ликомъ
Полному въ сумракъ дня,
И съ толпой все пустому Анду?

Вдругъ однако мрачно стало, весь туманъ исчезъ
безъ блеска,
Что-то темное какъ стѣны. Стѣны стали передъ
нами,
Предъ глазами неподвижны. Дворъ ли это? Или яма?

Какъ бы ни было, все странно! Сестры, ахъ, мы въ
плѣнъ попались,

Да и въ плѣнъ еще какой!

(Внутренній дворъ замка, окруженный богатыми фантастическими средневековыми строениями).

Предводительница хора.

Безумно-счастливы, настоящий женскій полъ!
Зависитъ только отъ минуты счастья онъ
Или несчастья! Ни того спокойно снести,
Не можетъ, ни другаго. Спорить только вѣкъ
Одна съ другой, а та напротивъ ей въ отвѣтъ;
Въ весельи и въ бѣдѣ ванъ плачь похожъ на смѣхъ.
Молчите, слушайте, на что владычица
Рѣшится мудро для себя и васъ.

Елена.

Гдѣ ты, Сивилла? Какъ бы ни звался ты,
Изъ-подъ угрюмыхъ сводовъ замка выходи!
Коль ты пошла владыку здѣшнихъ храбрецовъ
Предупредить, готова честный мнѣ приѣмъ,
Благодарю, — введи жъ меня къ нему скорѣй!
Блуждать устала, лишь покоя жажду я.

Предводительница хора.

Напрасно смотришь здѣсь, царица, ты вокругъ;
Исчезъ ея противный ликъ. Остался ль онъ
Въ туманѣ томъ, изъ нѣдръ котораго сюда
Мы, не шагая, ни вѣсть какъ, примчались въ мигъ;
Иль подлинно попала въ лабиринтъ она,

Какимъ изъ многихъ зданій вышелъ замокъ самъ,
И просить тамъ владыку съ честью насъ принять.
Но вошь взгляни! Тамъ наверху задвигалась
Толпа по галереямъ, окнамъ, портикамъ,
Прислуги много взадъ-впередъ забѣгало;
Почетной встрѣчи можно ожидать гостямъ.

Хоръ.

Сердцемъ воскресла я! О, поглядите вы,
Какъ благоправно они сдержаннымъ шагомъ идутъ,
Юноши свѣтлые всѣ, чинно блудутъ они
Свой установленный строй. Какъ? По велѣнью чьему,
Обучены съ раннихъ поръ стройно рядами ходить
Эти мальчишки всѣ, этотъ чудесный народъ?
Что изумительнѣй тутъ? Этотъ ли мягкій шагъ,
Или ихъ локоновъ блескъ надъ блоснѣжимъ челомъ,
Иль пара щечекъ ихъ, алыхъ какъ перенки,
И пушкомъ же такимъ легкимъ овѣянныхъ?
Я укусила бы, только что страхъ беретъ;
Въ этомъ случаѣ вѣдь, ротъ-то наполнится,
Страшно подумать, золою!

Но прелестнѣйшее
Къ намъ идутъ; несутъ
Что же они?
Трона ступени,
Кресло, коверъ,
Пологъ и верхъ

Будто шатра;
И возносится
Надъ головой уже
Нашей царицы огъ;
Такъ какъ взошла ужъ она,
Приглашенная сѣсть на тронъ.
Станьте сюда,

Рядомъ ступени

Чинно занять!

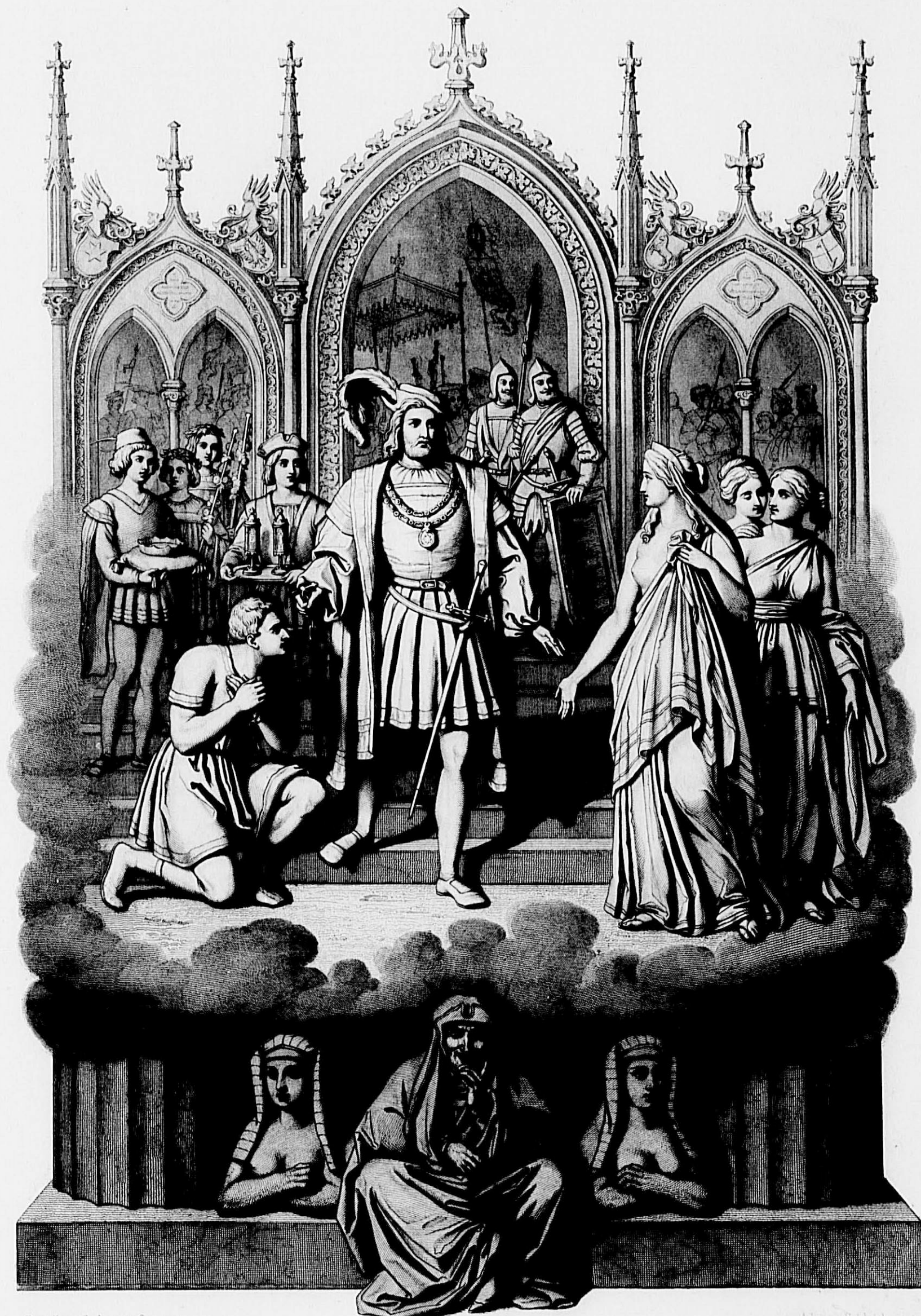
Славенъ, преславенъ, трижды прославленъ

Будь благодарно подобный приѣмъ!

(Все высказываемое хоромъ постепенно исполняется.
Послѣ того какъ отроки и нажи сошли въ длинномъ
шестивъ внизъ, Фаустъ является наверху лѣстницы въ
средневѣковомъ рыцарскомъ придворномъ костюмѣ и съ
достоинствомъ тихо спускается).

Предводительница хора (внимательно его оглядывая).

Коль боги не на время, какъ случилось то,
Его снабдили видомъ изумительнымъ,
И этою высокою осанкою,
Съ такимъ привѣтомъ, — такъ ему навѣрное
Удастся все, что онъ начнетъ: въ бою-ль мужей,
Иль въ малыхъ войнахъ съ женами прекрасными.
Его безспорно многимъ должно предпочесть,
Которыхъ все жъ какъ избранныхъ видала я.
Походкой тихой, сдержанной почтительно,
Подходить князь. Царица, обратись къ нему!

Фаустъ (подступая, веда окованнаго).

Взамѣнь привѣтствій должныхъ, предъ тобой

Почтительно склоняюсь я, — веда

Въ цѣпяхъ раба, который долгъ забыть,

И у меня равно нехитить долгъ.

Склони колѣни и повѣдай тутъ

Женѣ высокой самъ свою вину!

Владычица, вотъ этотъ человѣкъ

Поставленъ взоромъ быстрымъ озирать

Съ вершины башни весь небесный сводъ

И землю всю кругомъ, не встрѣтитъ ли

Тамъ или сямъ чего замѣтнаго

Съ крутыхъ холмовъ долиной къ замку онъ,

Будь то волна мелькающая стада,

Иль войско; мы дадимъ защиту той,

И встрѣтимъ это. Нынче, что за срамъ!

Ты къ намъ идишь, а онъ не возвѣтитъ;

Не удался почтительный пріемъ

Высокой гостыи. Въ преступленіе внавѣ,

Уже давно лежалъ бы онъ въ крови,

Смерть заслуживъ; но лишь тебѣ одной

Карать и миловать, какъ знаешь ты.

Елена.

Высокій санъ, какимъ облекъ меня

Ты, какъ царицу и судью, хотя бь

Для испытанья, — какъ сдается мнѣ, —

Велить исполнить первый долгъ судьи,

Услышать обвиненныхъ. — Говори!

Лицей. стражъ на башнѣ.

На колѣняхъ и съ мольбою,

Пусть умру я, пусть живу я,

Сердцемъ преданный стою я

Предъ божественной женою.

Ждалъ я утра, какъ извѣстно,

Чтобъ съ востока разсвѣло,

Но неожиданно и чудесно

Солнце съ юга вдругъ взошло.

Увлеченъ порывомъ весь я,

Вмѣсто пропастей и горъ,

Вмѣсто шири поднебеся

На него глядѣлъ съ тѣхъ поръ.

Могъ я зрѣньемъ поравняться

Съ зоркой рысью на соснѣ,

Вдругъ пришлось мнѣ выбиваться,

Какъ томясь въ глубокомъ снѣ.

Тутъ не взвидѣлъ ни кургана

Я, ни башни, ни воротъ;

Все въ туманѣ, изъ тумана

Вдругъ богиня эта вотъ!

Взоръ и сердца пламень жгучій
Обратилъ я къ ней смущенъ;
Красотой ея могучей
Я, бѣднякъ, былъ ослѣпленъ.

Я забылъ, что я на стражѣ,
Рогъ забылъ, оторопѣвъ.
Осуди меня ты даже!
Красота смягчаетъ гнѣвъ.

Елена.

Зло, что сама я нанесла, карать
Я не должна. Увы! жестокий рокъ
Велитъ повсюду мнѣ умы мужей
Такъ затмѣвать, что ни себя они,
Ни прочаго не могутъ помянуть.
Разбой, соблазнъ и битвы разнося,
Герои, боги, демоны меня
И тамъ и сямъ заставили блуждать.
Одна смущала всѣхъ, затѣмъ вдвойнѣ,
Теперь я втрое, вчетверо — напасть! —
Ты возврати свободу бѣдняку;
Затмѣннаго богами — не казнить.

Фаустъ.

Я изумленъ, царица, видя тутъ
Разящую и пораженного.
Я вижу лукъ, спустившій ту стрѣлу,
И раненаго. За стрѣлой стрѣла

Летитъ въ меня. Я чувствую, онѣ
Свистятъ по замку здѣсь во всѣ концы.
Что я теперь? Ты взбунтовала всѣхъ,
Мнѣ преданныхъ. Защиты нѣтъ въ стѣнахъ!
Боюсь, готово войско предъ тобой,
Непобѣдимой, всепобѣдной, пасть.
Осталось мнѣ себя и все мое, —
Мое-ль оно? — повергнуть предъ тобой!
Такъ отъ души позволь у ногъ твоихъ
Тебя признать владычицей; ты власть
И тронъ, едва вступивъ, приобрѣла.

Линцеи (съ ящникомъ и людьми,
несущими за нимъ дру-
гіе ящики).

Царица, виднись я богаты!
Но кинь какъ нищему мнѣ взгляды;
Стою передъ твоимъ лицомъ
И нищимъ я, и богачемъ.
Чѣмъ быть — и чѣмъ пришлось мнѣ стать?
Чего желать, что исполнять?
Къ чему огонь мнѣ быстрыхъ глазъ?
Онъ въ красотѣ твоей угасъ!

Съ востока мы пришли сюда,
Настигла западъ тутъ бѣда;
Народъ валилъ и старъ и малъ,
Передній задняго не знаетъ.

Гдѣ первый палъ, тамъ встать второй,
И третій съ никой боевой —
За каждымъ сотня возстаетъ,
Убитыхъ тысячи не въ счетъ.

Мы наираемъ, мы идемъ,
Мы забираемъ все кругомъ,
И гдѣ сегодня я царилъ,
Другой на завтра грабилъ, билъ.

Взглянулъ, что долго думать: ну!
Хватай красавицу-жену,
Хватать быковъ вездѣ пошли,
И лошадей всѣхъ увели.

Но я высматривать любилъ
Все, что я рѣдкимъ находилъ;
А все, чѣмъ завладѣлъ другой,
Считать засохшей я травой.

Я драгоценностей искалъ,
На нихъ-то взоръ я обращалъ,
Въ карманъ или шкатель что забралось —
Все это видѣлъ я насквозь.

Набралъ я золота, къ нему
И драгоценныхъ камней тьму;

Но изумрудъ лишь удѣлъ:
Чтобъ на груди твоей онъ млѣлъ.

Межъ ртомъ и ухомъ пусть видна
Лишь капелька съ морскаго дна!
Рубину плохо тамъ, затмитъ
Его огонь твоихъ ланитъ.

Итакъ, я свой огромный кладъ
Здѣсь у тебя пристроить радъ,
И я у ногъ твоихъ сложилъ,
Что кровью въ битвахъ заслужилъ.

Я къ этимъ ящикамъ готовъ
Прибавить много сундуковъ;
Дозволь лишь быть передъ тобой,
Подвалы я набью казной.

Едва восходишь ты на тронъ,
Уже бѣгутъ со всѣхъ сторонъ
Къ тебѣ богатство, сила, умъ,
Упасть передъ царицей думъ.

Все это блюлъ я какъ свое,
Теперь, о прелесть! все твое;
Что высоко цѣнилъ я — то
Теперь считаю за ничто.

Исчезло все, чѣмъ я владѣлъ,
Какъ будто пукъ травы соглѣлъ;
О, возврати дарамъ моимъ
Всю цѣну взглядомъ лишь однимъ!

Фаустъ.

Уйди скорѣй ты съ пошей дорогой,
Не стоишь ни хулы ты, ни награды.
И такъ ужъ все ей что въ замкѣ есть;
Ей предлагать отдѣльно что-нибудь
Напрасно. Ты ступай добро къ добру
Копить съ умомъ! Сокровищъ выставь рядъ
Невиданныхъ! Заблещутъ своды пусть,
Какъ сводъ небесный! Изготовь ты рай
Изъ жизни не имѣющихъ вещей!
Пусть предъ ея шагами ляжетъ рядъ
Цвѣтныхъ ковровъ, чтобъ мягко было ей
Ступать ногой, а взоръ встрѣчался съ тѣмъ,
Что можетъ лишь боговъ не ослѣплять.

Лицей.

Не мудренъ слугѣ приказъ;
Все исполню я сейчасъ:
Кровь и собственность должны
Пастъ къ ногамъ такой жены.
Войско кротко стало въ мигъ;
Всѣ мечи ступились ихъ.
Передъ дивной красотой
Солнце пылъ смиряетъ свой;

Предъ лицомъ ея живымъ
Все ничто, — все прахъ и дымъ! (уходить).

Елена (Фаусту).

Я говорить хочу съ тобой, но сядь
Со мною рядомъ! Господинъ ждетъ
Пустое мѣсто, чтобъ упрочить и мое.

Фаустъ.

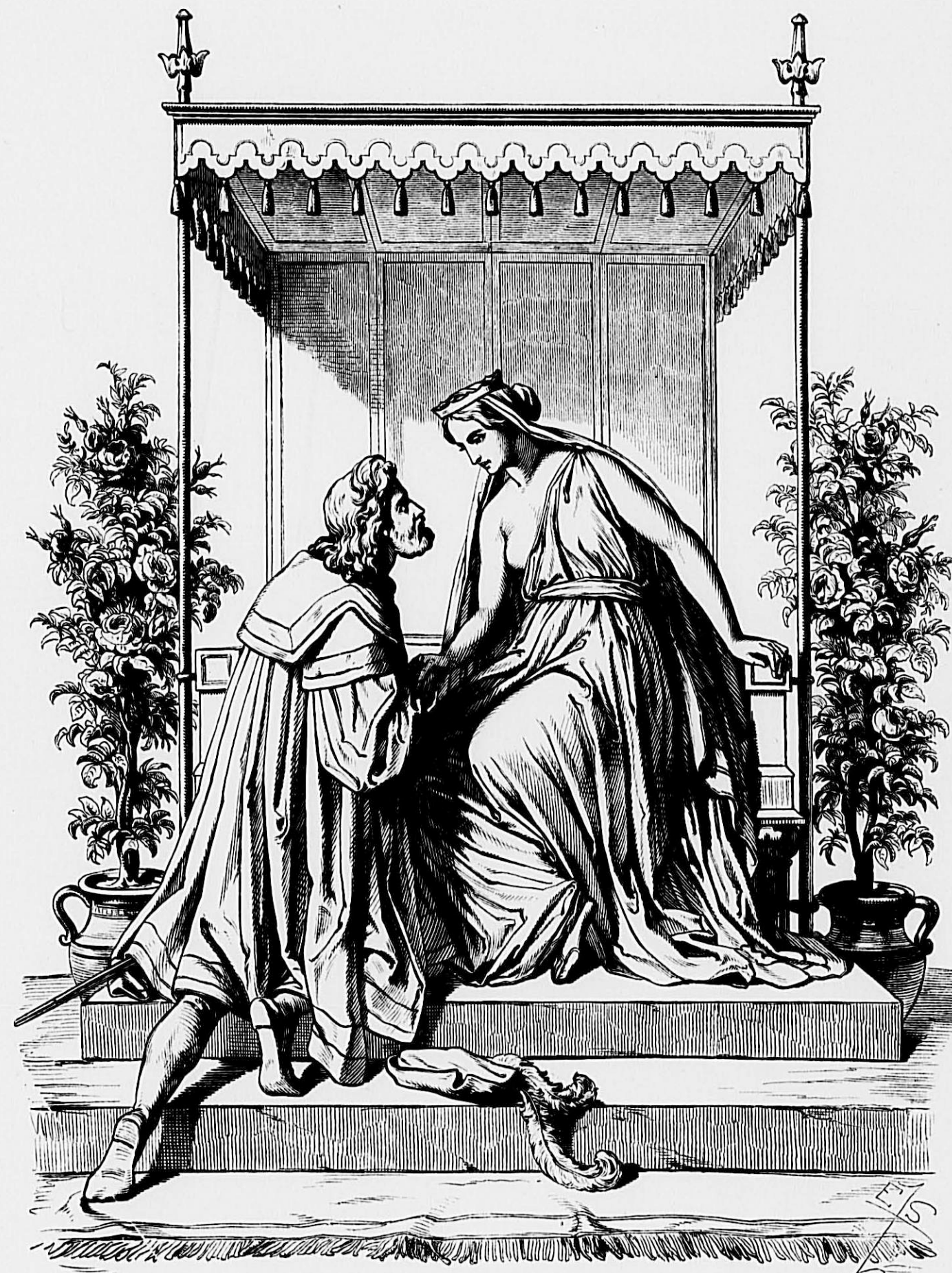
Сперва позволю склонить колѣни мнѣ,
Высокая жена; позволю сперва
Ту руку, что взведетъ меня, поцѣловать.
Ты соправителемъ признай меня
Владѣній безграничныхъ, и прими
Поклонника, слугу и стража все того жъ!

Елена.

Чудесъ я вижу много, слышу ихъ;
О многомъ я желала бы спросить.
Хотѣла бъ знать, зачѣмъ мнѣ этого слуги
Рѣчь такъ звучала странно — и привѣтливо:
Какъ будто звукъ съ другимъ сближенья ищетъ,
И только слово въ ухо принеслось,
Слѣпнуть другое съ первымъ лобызаться.

Фаустъ.

Коль рѣчь тебѣ понравилася наша,
О, такъ и пѣнь восторгъ тебѣ внушить,
И слухъ и умъ отраду въ ней найдутъ.
Но лучше сами мы начнемъ сейчасъ;
Въ отвѣтной рѣчи все придетъ само.

HOLZSCHNITT VON ALLOMER & SIEGLE, STUTTGART

Елена.

Скажи, какъ мнѣ такъ мило говорить?

Фаустъ.

Весьма легко: изъ сердца неходить.

И если грудь блаженство слышитъ вдругъ,

Оглянешься и спросишь

Елена.

Кто нашъ другъ.

Фаустъ.

Духъ ни впередъ не смотритъ, ни назадъ,

Онъ въ настоящемъ только

Елена.

Счастью радъ.

Фаустъ.

Въ немъ кладъ, залогъ, въ немъ только жизнь легка;

Кто жъ этимъ всемъ дарить?

Елена.

Моя рука.

Хоръ.

Кто осудитъ тутъ царицу,

Что къ владыкѣ замка такъ

Взоръ ея привѣтливъ?

Согласитесь, мы вѣдь все

Только плѣнницы, какъ бывало

Съ разрушенія позорнаго

Трон, и бѣдствій

Безысходнаго странствія.

Жены, милыя мужчинамъ,

Избирать не могутъ сами,

Знатокъ однако;

Какъ пастухамъ златокудрымъ,

Такъ и цетинистымъ фавнамъ,

Если случай укажетъ,

Равное право даютъ онѣ

Тѣломъ роскошнымъ владѣть.

Ближе и ближе сидятъ они

Другъ ко другу склонясь,

Рядомъ колѣни, плечо съ плечомъ;

Безмятежно, рука съ рукой,

Смотрятъ они

Съ трона царственно пышнаго.

Такъ не прочь и величество

Радости тайну

Предъ глазами народа

Прихотливо выказывать.

Елена.

И такъ чужда, и такъ близка тутъ я,

И хочется сказать: вотъ! я твоя!

Фаустъ.

Едва дышу, нѣмѣть мой привѣтъ:

Все это сонъ, ни дня, ни мѣста нѣтъ.

Елена.

Отжившая, я жизни такъ полна,

Я вся въ тебѣ, и чуждому вѣрна.

Фаустъ.

Не мудретуй въ часъ восторговъ дорогихъ!

Существовать нашъ долгъ, хотя бъ на мигъ.

Форкиада (входя стремительно).

По складамъ любовь читайте,

Смыслъ любовный изучайте,

И любя, учитесь, знайте.

Но теперь не время вамъ.

То не громъ ли отдаленный?

Слышенъ ревъ трубы военной!

Знать бѣда подходитъ къ намъ.

Менелай съ своей толпою

Ужъ идетъ на васъ войною;

Выходите же къ врагамъ!

Не отвѣтили бъ вы оба:

По примѣру Деифоба

Ты заплатишь за позоръ;

Этихъ всехъ онъ вздернетъ вмѣстѣ,

А ее, какъ жертву мести,

Наточенный ждетъ топоръ.

Фаустъ.

Какая дерзкая помѣха ворвалась!

И въ бѣдствіяхъ противенъ мнѣ безумный гамъ;

Красавецъ вѣстникъ безобразенъ съ вѣстью злой;

Ты жъ гнусная — охотница до злыхъ вѣстей.

Но въ этотъ разъ тебѣ не удалось,

Бѣй воздухъ ты. Опасности тутъ нѣтъ,

Самой бы ей пришлось напрасно насъ пугать.

(Сигналы, выстрѣлы съ башенъ, трубы и рожки, воинственная музыка. Шествіе значительнаго войска).

Нѣтъ, все смущеніе успокоитъ

Кругъ славныхъ витязей моихъ:

Тотъ только ласки женщины стоитъ,

Кто защититъ умѣетъ ихъ.

(Къ военачальникамъ, которые отдѣлились отъ колонны подходить).

Кипя отвагой безупречной,

Побѣду всюду разнесли

Вы, юный цвѣтъ страны полночной,

Восточной сила вы земли.

Ванъ панцырь твердъ, шоломъ ванъ блещетъ

И царства рушатся кругомъ,

Идете вы — земля трепещетъ,

Проходите — стихаетъ громъ.

Въ Пилосѣ на берегъ мы стали —

И старца Нестора ужъ нѣтъ!

Все царства мелкія забрали

Мы разомъ; — ихъ пропасть и слѣдъ.

Отбросьте же сомкнутым строемъ
Вы Менелая къ морю вепять,
Пусть ходитъ онъ по немъ разбоемъ,
Чего жъ ему еще желать.

Царица Спарты мнѣ велѣла
Поздравить герцогами васъ,
У ногъ ея судьба удѣла,
А правьте сами, въ добрый часъ.

Коринѣ между двумя морями,
Германецъ, огради стѣной;
Ахаю съ горными путями
Ты смѣлой грудью, Готъ, отстой.

Въ Элидѣ Франки будутъ въ сборѣ,
Мессена Саксовъ станетъ часть;
Норманнъ очисти только море,
И Аргонидѣ дашь ты власть.

Тогда въ домашнемъ всякъ блаженствѣ
Врагомъ не будетъ утѣшенъ,
Но Спартѣ быть у всѣхъ въ главенствѣ,
Она Царицы древній тронъ.

Вы отъ нея приобретете
Страну, гдѣ недостачи нѣтъ,

У ногъ ея всегда найдете

Вы правосудіе и свѣтъ.

(Фаустъ сходитъ съ трона; князья обступаютъ его,
чтобы ближе услышать его приказанія и распоряженія).

Хоръ.

Кто красавицей хочетъ владѣть,
Прежде всякаго дѣла
Пусть припасетъ оружіе онъ!
Лестью точно стижалъ
Онъ высочайшее благо;
Мирно же имъ не владѣть ему:
Хитрый льстецъ оболетитъ ее,
Дерзкій разбойникъ умчитъ ее;
Предотвратить это долженъ онъ!

Князю нашему хвала,
Выше всѣхъ цѣню его;
Храбрый, онъ мудро составилъ союзъ,
Такъ что сильные молча ждутъ
Мановенія его.

Исполняютъ велѣнья его
Каждый для собственной пользы своей
И въ благодарность властителю тожъ,
Чтобъ обоюдная слава росла.

Кто же исторгнетъ ее
У властелина теперь?
Онъ ей владѣть, ему нашъ поклонъ,

Дважды поклонъ за то, что насъ
Съ ней онъ крѣпчайшей стѣной изнутри,
Войскомъ сильнѣйшимъ извнѣ окружилъ.

Фаустъ.

Дары, что здѣсь они находятъ, —
(Мы всѣхъ успѣли надѣлать) —
Велики, чудны. — Пусть уходятъ!
Мы въ серединѣ станемъ жить.

Тамъ защитятъ они и сами,
Гдѣ волны придаютъ кругомъ,
Твой полуостровъ, что слегка холмами
Къ горамъ Европы прицѣпленъ.

Страна изъ всѣхъ подъ солнцемъ краше,
Будь всѣмъ отрадная страна,
Теперь ты въ ней, царица наша,
Съ тобой ероднилася она,

Когда среди камышей залива
Ты выступала изъ яйца,
Высокой матери на диво
Красою свѣтлаго лица.

Страна, готова на услугу
Къ тебѣ расцвѣтная придти; —

Хоть весь онъ твой — земному кругу
Ты край родимый предпочти!

Пусть на хребтахъ зубчатый верхъ коснѣетъ,
Чтобъ солнца лучъ холодный лобызаетъ,
Но лишь скала слегка позеленѣетъ,
Коза найдетъ, чтó лакомо щипать.

Сверкаетъ ключъ, ручьи сливаясь мчатся,
И зелены ущелій склоны и дно,
А по холмамъ раскинутымъ толпятся
Вездѣ стада, неся свое руно.

Рогатый волъ тихонько, осторожно
Надъ пропастью отвѣсною бредетъ;
Всѣхъ отдыхъ ждетъ, и всѣмъ укрыться можно,
Вездѣ въ скалахъ пещеръ прохладный сводъ.

Панъ ихъ блюдетъ; въ кустахъ, въ тѣни прохладной
Селится нимфъ веселыхъ хоръ живой,
И просятся все вверхъ макушкой жадной
Стволы деревь, тѣсясь между собой.

То древній лѣсъ! Въ безмолвіи глубокомъ
Тамъ мощный дубъ суки свои простеръ,
И мягко кленъ, наполненъ сладкимъ сокомъ,
Какъ бы смѣясь, возноситъ свой шатеръ.

Природа-мать и дѣтямъ, и ягнятамъ
Ужь молоко подѣ тѣню припасла,
Плоды манять въ долину ароматомъ
И каплетъ медъ изъ стараго дупла.

Преемственно легко дышать всѣмъ вмѣстѣ,
Ланитъ и устъ весельемъ пышетъ кровь,
Безсмертенъ каждый на своемъ тутъ мѣстѣ
Всякъ и доволенъ, и здоровъ.

Тутъ сынъ растетъ, отвагою питаемъ,
И, какъ отецъ, онъ будущій герой.
Дивимся мы. И все еще не знаемъ:
То боги, или родъ людской?

Такъ Аполлонъ у смертныхъ занялъ сходство,
Прекраснѣйшимъ являсь средь пастуховъ;
Тамъ, гдѣ природы полное господство,
Тамъ сочетанье всѣхъ міровъ.
(Сядись съ ней рядомъ).

Съ тобой теперь успѣли мы во многомъ,
Минувшее оставимъ за собой!
Почувствуй же, что рождена ты богомъ,
Что первобытный міръ тебѣ родной.

Тебѣ не мѣсто въ замкѣ тѣсномъ!
Недаромъ же во всѣ вѣка,

Укрыть въ пріютѣ насъ прелестномъ,
Аркадія отъ Спарты такъ близка.

Бѣжала ты, искавши обороны,
И дождалась отраднѣйшаго дня!
Въ бесѣдки превратились троны,
Аркадскимъ счастьемъ насъ маня!

(Сцена совершенно измѣняется. Къ ряду скалистыхъ пещеръ прилегаютъ скрытыя бесѣдки. Густой лѣсъ вверхъ по возносящимся скаламъ. Фауста и Елены не видать. Хоръ лежитъ спящій вразсыпную).

Форкіада.

Какъ долго спали дѣвушки, не знаю я;
И снится ли имъ то, что ясно я сама
Глазами видѣла, тожь неизвѣстно мнѣ.
Такъ разбужу ихъ. Пусть дивится молодежь
И вы, бородачи, что собрались внизу
Чудесъ правдоподобныхъ увидать исходъ.
Скорѣй! скорѣй! Страхните сонъ съ кудрей своихъ!
Глаза протрите! что моргать! да слушайте!

Хоръ.

Говори, да Расскажи-ка, что тамъ чуднаго случилось!
Намъ послушать бы хотѣлось, что въполнѣ невѣроятно;
Мы соскучились ужасно, на одиѣ скалы глядѣть.

Форкіада.

Чуть глаза еще протерли, дѣтки, что-жъ такъ скучно
вамъ?

Ну, такъ слушать: въ этихъ гротахъ, да пещерахъ
и бесѣдкахъ,
Пріютились, какъ какая идиллическая пара,
Князь и съ нашей госпожею.

Хоръ.

Какъ? Внутри тамъ?

Форкіада.

Удалившись

Здѣсь отъ міра, для прислуги лишь меня они позвали.
Удостоясь ихъ вниманья, какъ повѣренной прилично,
Я на что-нибудь другое, все туда-сюда, глядѣла,
Мховъ, кореньевъ все искала, силу дѣйствія ихъ
зная;
А они тамъ все одни.

Хоръ.

По твоимъ рассказамъ, словно, цѣлый міръ внизу
тантся,
Лѣсъ, луга, ручьи, озера; что за сказки ты плетешь!

Форкіада.

Такъ, неопытныя дѣти! Все въ тѣхъ глубинахъ со-
крыто:
Сколько залъ, дворовъ обширныхъ; я вездѣ тамъ
побывала,
Вдругъ однажды слышу, хохотъ раздается по пеще-
рамъ;
Заглянула, скачетъ мальчикъ отъ колѣнъ жены да
къ мужу,

Отъ отца опять къ родимой; милованье и проказы,
Переборы изъ-за шутокъ, крикъ и хохотъ въ пе-
ремежку

Оглушили тутъ меня.

Вотъ нагой, безкрылый геній, фавнъ, хоть звѣря въ
немъ не видно,
По землѣ тамъ скачетъ твердой; но земля его обратно
Вверхъ подбрасываетъ сильно; при второмъ прыжкѣ
и третьемъ,

Достигаетъ свода онъ.

Въ страхѣ мать кричитъ: «ты прыгай невозбранно
сколько хочешь,
Но летать ты не пускайся, не дано тебѣ летать».

И отецъ увѣщеваетъ: «вѣдь земли упругость мечеть
Вверхъ тебя, такъ ты ногами, хоть слегка касаясь
долу,

Какъ Антей, землей рожденный, будешь тотчасъ
подкрѣпленъ».

Такъ онъ прыгалъ на вершину той скалы и прямо
съ краю

На другую и обратно, какъ подбитый скачетъ мячъ.
Вдругъ однако же исчезнулъ онъ въ разсѣлинѣ утеса.
Мы сочли его погибшимъ. Мать въ слезахъ, отецъ
унылъ;

Я стою, содвинувъ плечи. Но опять, что за явленье!
Иль богатства тамъ сокрыты? Разноцвѣтныя одежды
Онъ съ достоинствомъ надѣлъ.

Рукава на немъ съ кистями, на груди трепещутъ
ленты,
Съ золотой въ рукѣ онъ лирой, совершенно Фебъ
малютка,
Подожелъ къ обрыву смѣло, въ самый край; мы въ
изумлени,
И родители въ восторгѣ обнимать спѣшатъ другъ
друга.
Голова-то вѣдь сияетъ! Что тамъ свѣтитъ? неизвѣстно.
Золотой уборъ иль пламя молодыхъ духовныхъ силъ?
Такъ выказывалъ онъ ясно, что ужъ въ мальчикѣ таится
Жрецъ прекраснаго, въ которомъ нѣжный строй
мелодій вѣчно
Разливается по членамъ; но услышите вы сами,
Но увидите вы сами все съ особеннымъ восторгомъ.

Хоръ.

Что же тутъ чуднаго
Видишь, дочь Крита?
Иль поучительныхъ ты
Пѣсенъ вовѣкъ не слыхала?
Не слыхала ты Юни,
Не слыхала Эллады ты,
Прародительскихъ былей
Про боговъ и героев?

Все, что и нынѣ
Въ мѣрѣ бываетъ,

Грустный лишь отзвукъ
Дней нашихъ дѣдовъ;
Далеко твоимъ рассказамъ
Отъ того, что ложью милой,
Вѣроятнѣй всякой правды,
Окружило сына Маи!

Нѣжный и мощный и только что
Новорожденный младенецъ,
Быть онъ увить пеленами;
Такъ свивальнями пышными
Сонмище нянекъ болтливыхъ
Запеленало его.
Мощно и ловко однако онъ,
Хитрый, выправилъ гибкіе,
Но упругіе члены
Вонъ, — и оставя пурпурную
Оболочку, томящую,
Вмѣсто себя опочить,
Онъ мотыльку уподобился,
Что изъ стѣснительной куколки
Выползаетъ ужъ съ крыльями,
Чтобы въ сіяніи солнечномъ
На просторѣ подняться.

Такъ и онъ-то проворнѣйшій,
Чтобы ворахъ и обманщикамъ,

Всѣмъ искателямъ прибыли,
 Стать благодѣтельнымъ демономъ,
 Все подтверждаетъ немедленно,
 Ловкимъ искусствомъ своимъ.
 Крадетъ у бога морскаго онъ
 Вмигъ трезубецъ, и ловко мечъ
 Изъ ноженъ у Арея,
 Лукъ и стрѣлы у Феба тожь,
 Даже клещи у Гефеста;
 И у отца-то унесъ бы онъ
 Молнію, если бъ огонь не жегъ;
 Но побѣждаетъ Эроса онъ,
 Ногу подставя въ борьбѣ ему.
 И у Киприды, съ нимъ ласковой,
 Поясъ онъ крадетъ съ груди.

(Прелестные, чисто мелодическіе звуки струнъ раздаются изъ пещеры. Всѣ вслушиваются и вскорѣ являются видимо тронутыми. Отсюда до отмѣченной паузы непрерывно сопровождаетъ полнозвучная музыка).

Форіада.

Звукамъ сладостнымъ внимлите;
 Сказки надо позабыть!
 Старыхъ вы боговъ не ждите,
 Ихъ покиньте! имъ не жить.
 Васъ никто не понимаетъ;
 Къ цѣли высшей насъ манитъ:
 Только сердце поражаетъ
 То, что сердцу говоритъ.
 (Она уходитъ къ скалѣ).

Хоръ.

Если, странное творенье,
 Пѣсней ты увлечена,
 То для насъ въ ней возрожденье,
 Насъ до слезъ томить она.
 Пусть и солнца блескъ затмится,
 На душѣ лишь быть бы снѣтъ!
 Въ сердцѣ собственномъ родится,
 То, чего и въ мірѣ нѣтъ.

Елена, Фаустъ, Эвфоріонъ (въ выше описанномъ костюмѣ).

Эвфоріонъ.

Пѣсни ль дѣтскія полюбуются,
 Рады слушать вы пѣвца;
 Запляшу ли въ ладъ, забьются
 И въ родителяхъ сердца.

Елена.

Счастье людямъ дать прямое,
 Сводитъ ихъ любовь вдвоемъ,
 Но блаженство неземное
 Мы вкушаемъ лишь втроемъ.

Фаустъ.

Смысль тогда отысканъ точный:
 Ты моя, а самъ я твой;
 Мы стоимъ четою прочной —
 Можно-ль жизнью жить иной!

Хоръ.

Многихъ лѣтъ блаженныхъ сила,
На ребенкѣ отразилъ,
И чету преобразила.
Умилительна ихъ связь!

Эвфоріонъ.

Пусти те прыгать,
Пусти те мчаться!
Хочу на воздухъ
Я весь подняться;
Во мнѣ лишь этотъ
Призывъ одинъ.

Фаустъ.

Но тише! тише!
Безъ увлеченія,
Чтобъ не случилось
Съ тобой паденія,
Не погубилъ бы
Насъ милый сынъ!

Эвфоріонъ.

Не стану болѣ
Внизу тутъ ждать я,
Пусти те руки,
Пусти те платье,
Пусти те кудри,
Я въ нихъ воленъ.

Елена.

О! вспомни только,
Чѣ ты дитя-то!
Странна насколько,
Для насъ утрата!
Вся наша радость
Я, ты, да онъ!

Хоръ.

Боюсь, исчезнетъ
Прекрасный сонъ!

Елена и Фаустъ.

Сдерживай, сдерживай,
Намъ ты въ угоду,
Слишкомъ кипучую
Страстью природу!
Здѣсь веселиться
Можешь у насъ!

Эвфоріонъ.

Буду крѣпиться
Только для васъ.

(Извивался между хоромъ и увлекала его къ тапнамъ).

Легче мнѣ съ дѣвами;
Весель ихъ полъ.

Съ тѣми-ль напѣвами
Къ вамъ я пришелъ?

Елена.

Точно все справишь ты,

Милыхъ заставишь ты
Стать въ хороводъ.

Фаустъ.

Скоро-ль умаются!
Вовсе не правится
Мнѣ этотъ сбродъ.

Эвфоріонъ и хоръ.

(Танцуя и распѣвая слетаются въ хороводъ).

Какъ помагаешь ты
Мягко руками,
Какъ потрясаешь ты
Въ пляскѣ кудрями,
Если и ноги въ ладъ
Чуть по землѣ скользятъ, —
Полны томленія
Тѣлодвиженія —
Уже достигъ вѣнца
Тѣмъ ты, дитя,
Ты и увлекъ шута
Наше сердца.

(Пауза).

Эвфоріонъ.

Васъ тутъ безъ счету,
Легкія лани;
Мы здѣсь охоту
Затѣмъ съ вами!

Вы все дичина,
Охотникъ — я.

Хоръ.

Ты насъ лови-то
Не такъ проворно;
У насъ въ крови то —
Тебя покорно
Принять въ объятія,
Краса моя!

Эвфоріонъ.

Въ лѣса бѣгите!
По ниямъ скачите!
Одной игрою
Не заманятъ;
Что взято съ бою,
Тому я радъ.

Елена и Фаустъ.

Что за буйство въ этой силѣ!
Тутъ и удержу не будетъ;
Ужъ не трубы ль протрубили
По долинамъ, за горами.
Что за гамъ! и что за крикъ!

Хоръ (быстро вбѣгая поодиночкѣ).

Убѣжалъ отъ насъ онъ вѣкорѣ,
Словно онъ побрезгалъ нами,
Съ самой дикой въ цѣломъ хорѣ
Онъ сѣпился, баловникъ!

Эвфоріонъ (внося молодую дѣвушку).

Волоку я эту крошку,
Чтобъ насильно насладиться;
Мнѣ отрадно прижимать
Грудь, что ищетъ враждовать.
Цѣловать такихъ люблю:
Силу воли проявлю.

Дѣвушка.

Отпусти! не мучь ты болѣ,
Сила есть во мнѣ къ борьбѣ,
И во мнѣ такая жъ воля,
Не поддамся я тебѣ.
Ты на силу уповаешь!
Гдѣ жъ тебѣ меня сломить?
Ты держи меня, какъ знаешь,
Мнѣ легко тебя спалить.
(Она вспыхиваетъ и уносится вверхъ пламенемъ).
Ты за мною въ высь нѣмую,
Ты за мною въ глубь земную,
Цѣль летучую ловить.

Эвфоріонъ (отрясая послѣднее пламя).

Лѣсомъ завѣсило,
Скалы тѣснятъ меня,
Быть тутъ не весело!
Молодъ и боекъ я.

Вѣтры свистать пошли,
Волны шумять вдали,
Внятно ихъ слышу самъ;
Быть бы мнѣ тамъ.

(Онъ скачетъ все выше).

Елена, Фаустъ и хоръ.

Хочешь съ серной что-ль равняться?
Упадешь, — а намъ терпѣть.

Эвфоріонъ.

Надо выше подыматься,
Надо дальше мнѣ глядѣть.
Знаю теперь, гдѣ я,
Вижу земли края;
Пелопса край родной
Близокъ волнѣ морской.

Хоръ.

Ты бы въ лѣсахъ у насъ
Жить безъ печали,
Мы бъ виноградъ сейчасъ
Тутъ разыскали.
Яблокъ, плодовъ златыхъ
Ты не забудь.
Въ милой странѣ родныхъ,
Милый, побудь!

Эвфоріонъ.

Миръ и во снѣ у васъ!
Снисъ онъ вамъ въ добрый часъ.

Я на войну иду!
Тамъ я побѣды жду...

Хоръ.

Кто средь покоя
Кличетъ войну назадъ,
Тотъ изъ счастливыхъ
Міра изъять.

Эвфоріонъ.

Всѣхъ кто рожденъ тутъ былъ,
Съ горя на горе жить,
Воленъ, безмѣрно смѣль,
Лить свою кровь умѣль,
Подъ самовластіемъ
Думы святой, —
Пусть же ихъ счастьемъ
Кончится бой!

Хоръ.

Какъ высоко онъ поднялся!
Все же онъ не малъ на взглядъ.
Словно въ латы онъ убрался,
Мѣдъ и сталь на немъ горятъ.

Эвфоріонъ.

Ни оградъ, ни укрѣпленія,
Лишь отваженъ каждый будь!

Крѣпче замка, безъ сомнѣнья,
Въ мѣдъ закованная грудь!
Жить не хочешь покоренный, —
Взялъ доспѣхъ и прямо въ бой!
Амазонки ваши жены,
Что ни мальчикъ, то герой!

Хоръ.

Пѣсня священная;
Ты, вдохновенная,
Яркой звѣздой одна
Будь съ высоты видна!
Все-жъ ты доходишь къ намъ,
Все-жъ ты земнымъ сынамъ
Вѣчно слышна.

Эвфоріонъ.

Нѣтъ, не ребенкомъ неумѣлымъ,
Борцомъ я юношей предстать!
Въ союзъ съ сильнымъ, вольнымъ, смѣлымъ,
Отъ нихъ я въ духъ не отстать.
Впередъ!
Тамъ ждетъ
Ко славѣ путь; его я ждать!

Елена и Фаустъ.

Къ жизни призванный недавно,
Міра — новый гражданинъ,

Эвфоріонъ (внося молодую дѣвучку).

Волоку я эту крошку,
Чтобъ насильно насладиться;
Мнѣ отрадно прижимать
Грудь, что ищетъ враждовать.
Цѣловать такихъ люблю:
Силу воли проявлю.

Дѣвушка.

Отпусти! не мучь ты болѣ,
Сила есть во мнѣ къ борьбѣ,
И во мнѣ такая жъ воля,
Не поддамся я тебѣ.
Ты на силу уповаешь!
Гдѣ жъ тебѣ меня сломить?
Ты держи меня, какъ знаешь,
Мнѣ легко тебя спалить.
(Она вспыхиваетъ и уносится вверхъ пламенемъ).
Ты за мною въ высь нѣмую,
Ты за мною въ глубь земную,
Цѣль летучую ловить.

Эвфоріонъ (отрясая последнее пламя).

Лѣсомъ завѣсило,
Скалы тѣснятъ меня,
Быть тутъ не весело!
Молодъ и боекъ я.

Вѣтры свистать пошли,
Волны шумятъ вдали,
Внятно ихъ слышу самъ;
Быть бы мнѣ тамъ.

(Онъ скачетъ все выше).

Елена, Фаустъ и хоръ.

Хочешь съ серной что-ль равняться?
Упадешь, — а намъ терпѣть.

Эвфоріонъ.

Надо выше подыматься,
Надо дальше мнѣ глядѣть.
Знаю теперь, гдѣ я,
Вижу земли края;
Пелопса край родной
Близокъ волнѣ морской.

Хоръ.

Ты бы въ лѣсахъ у насъ
Жилъ безъ печали,
Мы бъ виноградъ сейчасъ
Тутъ разыскали.
Яблокъ, плодовъ златыхъ
Ты не забудь.
Въ милой странѣ родныхъ,
Милый, побудь!

Эвфоріонъ.

Миръ и во снѣ у васъ!
Снисъ онъ вамъ въ добрый часъ.

Я на войну иду!
Тамъ я побѣды жду...

Хоръ.

Кто средь покоя
Кличетъ войну назадъ,
Тотъ изъ счастливыхъ
Міра изыять.

Эвфоріонъ.

Всѣхъ кто рожденъ тутъ былъ,
Съ горя на горе жилъ,
Воленъ, безмѣрно смѣлъ,
Лить свою кровь умѣлъ,
Подъ самовластіемъ
Думы святой, —
Пусть же ихъ счастіемъ
Кончится бой!

Хоръ.

Какъ высоко онъ поднялся!
Все же онъ не малъ на взглядъ.
Словно въ латы онъ убрался,
Мѣдъ и сталь на немъ горятъ.

Эвфоріонъ.

Ни оградъ, ни укрѣпленя,
Лишь отваженъ каждый будь!

Крѣпче замка, безъ сомнѣнья,
Въ мѣдъ закованная грудь!
Жить не хочешь покоренный, —
Взялъ доспѣхъ и прямо въ бой!
Амазонки ваши жены,
Что ни мальчикъ, то герой!

Хоръ.

Пѣсня священная;
Ты, вдохновенная,
Яркой звѣздой одна
Будь съ высоты видна!
Все-жъ ты доходишь къ намъ,
Все-жъ ты земнымъ сынамъ
Вѣчно слышна.

Эвфоріонъ.

Нѣтъ, не ребенкомъ неумѣлымъ,
Борцомъ я юношей предсталъ!
Въ союзъ съ сильнымъ, вольнымъ, смѣлымъ,
Отъ нихъ я въ духъ не отсталъ.
Впередъ!
Тамъ ждетъ
Ко славѣ путь; его я ждалъ!

Елена и Фаустъ.

Къ жизни призванный недавно,
Міра — новый гражданинъ,

Рвешься къ безднѣ своенравно
Ты съ обманчивыхъ вершинъ!
Иль родной
Сталь чужой?
Иль союзъ нашъ сонъ одинъ?

Эвѳоріонъ.

Тотъ громъ вы слышите ль надъ моремъ,
И по долинамъ громъ опять!
Въ пыли и на волнахъ мы споримъ,
Хотя бъ и муки испытать.
Смертный стоишь —
Намъ законъ;
Это слѣдуетъ понять.

Елена, Фаустъ и хоръ.

Что за ужасъ! за несчастье!
Смерть ужель тебѣ законъ?

Эвѳоріонъ.

Иль смотрѣть мнѣ безъ участя?
Нѣтъ! туда — гдѣ смертный стоишь.

Презніе.

Тучи надвинулись!
Смерть позвала.

Эвѳоріонъ.

Все жь! — И раскинулись
Вдругъ два крыла!

Тамъ нанесемъ ударъ!
Медлить нѣтъ силъ!

(Онъ бросается на воздухъ, одѣяніе поддержи-
ваетъ его на мгновеніе, голова его сіяетъ, свѣтлый
слѣдъ бѣжитъ за нимъ).

Хоръ.

Все ты, Икаръ, Икаръ,
Все погубилъ!

(Прекрасный юноша падаетъ къ ногамъ роди-
телей. Въ мертвомъ признають знакомы черты;
но тѣлесное тотчасъ исчезаетъ, ореолъ кометой воз-
носится къ небу, на землѣ остаются мантия и лира).

Елена и Фаустъ.

Горе нахлынуло,
Радость смѣня.

Эвѳоріонъ (изъ глубины).

Хоть все и минуло,
Мать, не покинь меня!

(Пауза).

Хоръ (печальное пѣніе).

Не покинь! — О, безъ сомнѣнья
Наше горе безъ конца.
Ахъ! и въ часъ исчезновенья
Ты увлекъ съ собой сердца.
По тебѣ нашъ плачь напрасный,
Намъ завиденъ жребій твой:
Въ ясный день ты и въ несчастный
Пѣсню гордъ былъ и душой.

Ахъ! для счастья ты родился,
Знатныхъ предковъ мощный сынъ,
Но увы! мгновенно скрылся
Юный цвѣтъ родныхъ долинъ;
Взглядъ на мѣръ живой и ясный,
Благородный сердца жаръ,
Лучшихъ женщинъ выборъ страстный,
И митежный пѣсень даръ.

Но, стремясь неукрѣжимо,
Въ сѣть свободы уловленъ,
Ты попалъ неукротимо
Все — и правы, и законъ.
Но къ концу твой духъ повѣялъ,
Въ сердцѣ мужество заглохло,
Ты великое летѣялъ,
Но оно не удалось.

А кому удастся? тщетно
Вопрошать судьбу о томъ,
Въ день, когда такъ безотвѣтно
Смолокъ народъ въ крови кругомъ.
Но была бъ въ душѣ готова
Снова пѣснь, — такъ не бѣда!
Породить земля ихъ снова,
Какъ рождала ихъ всегда.

(Полная пауза. Музыка умолкаетъ).

Елена (къ Фаусту).

Сбылись на мигъ, увы! старинныя слова,
Что счастье долго съ красотой не можетъ жить.
Разорвана вся жизнь, какъ и союзъ любви;
Оплакавъ ихъ, прощаюсь горько съ ними я!
И вновь бросаюсь я въ объятія твои.
Прими, Персефонея, сына и меня.

(Она обнимаетъ Фауста; тѣлесное исчезаетъ, платье и покрывало остается въ его рукахъ).

Форкиада (Фаусту).

Держи ты то, что уцѣлѣть могло,
Не выпускай ты платья. За концы
Ужъ демоны схватились, чтобъ его
Увлечь въ Андъ. Такъ крѣпче ты держи!
Богиню ты утратилъ, пѣть ей,
Но это вотъ божественно. Храни
Высокій даръ и возвышайся самъ!
Тебя надъ низкимъ станеть возносить
Онъ къ небесамъ, пока ты будешь живъ!
Вдали съ тобой увидимся опять.

(Одежды Елены разрѣшаются облаками, окружають Фауста, поднимають и уносятъ его).

Форкиада (подымаетъ съ земли платье Эвфориона, мантию и лиру, выходитъ на авансцену, приподымаетъ вверхъ останки и говоритъ).

Довольно счастливо сыскала!
Конечно пламя-то пропало,

Но міру нечего тужить:

Тутъ будетъ чѣмъ подѣлать поэтовъ милыхъ,

По цехамъ зависть заводить;

И если я талантовъ дать не въ силахъ,

Могу хоть платье сохранить.

(Садится на авансценѣ у колонны).

Панталисъ.

Скорѣе, дѣвушки! Избавились мы

Отъ чаръ тяжелыхъ Оессалийскихъ старыхъ вѣдьмъ,

И отъ бречанья сложныхъ этихъ звуковъ всѣхъ,

Что слухъ смущаютъ, да и душе самый умъ.

Скорѣй въ Андѣ! Царица же туда сонла,

Вполнѣ спокойна. Но ея стопамъ должны

Немедленно служанки вѣрныя идти.

Она у трона несповѣдливой ждетъ.

Хоръ.

Да, царицамъ повсюду пріемъ;

Даже въ Андѣ онѣ во главѣ

Между равными гордо стоятъ,

Съ Персефою въ дружбѣ прямой;

Намъ же поодали,

Въ асфоделоса равнинахъ,

Подъ тополями,

Рядомъ съ безплодными нвами,

Намъ-то чѣмъ развлекаться?

Словно летучимъ мышамъ лишь

Глухо пищать, тоскливо и странно.

Предводительница хора.

Кто имени, высокъ душой, не заслужилъ,

Принадлежитъ стихіямъ. Такъ ступайте къ нимъ;

Я пламенно стремлюсь съ царицей быть своей:

Не службу лишь, и вѣрность я блюсти должна.

(Уходитъ).

Всѣ.

Возвращены мы къ свѣту денному;

Хоть и не лица мы,

Это мы чувствуемъ,

Но не вернемся больше къ Андѣ!

Вѣчно живая природа

Духъ нашъ усвоитъ,

Какъ вполнѣ мы усвоимъ ее.

Одна часть хора.

Здѣсь мы въ тысячахъ болтливыхъ сучьевъ, шепчу-

щихъ тихонько,

Мило шутимъ, манящихъ тихо по корнямъ источникъ

жизни

До вѣтвей; и незамѣтно то листвою, то пыльнымъ

цвѣтомъ,

Украшаемъ шаткіи волосы на веселый, вольный

ростъ.

Упадетъ ли плодъ, сейчасъ же люди и стада сберутся,

Подхватить и насладиться всякъ спѣшитъ, и всѣ

толпятся;

Какъ бывало предъ богами, всякъ предъ нами пре-

клоняетъ.

Другая часть.

Мы къ стѣнамъ высокимъ этимъ скалъ, какъ зер-

кало блестящимъ,

Приникаемъ, колыхаясь пѣжной, ласковой волной;

Чутко внемлемъ птицъ мы пѣню, тростника про-

тяжнымъ звукамъ:

Грянетъ странный голосъ Пана, нашъ отвѣтъ сей-

часъ готовъ.

Свиенетъ гдѣ, и мы засвищемъ; загремитъ, мы пу-

стимъ громы,

Повторимъ ихъ вдвое, втрое, даже въ десять разъ

затѣмъ.

Третья часть.

Сестры! мы душой подвижной мчимся далѣе съ

ручьями;

Насъ плѣniają поневолѣ тѣ ряды холмовъ далекихъ.

Все по склону, все мы глубже поливаемъ, извиваясь,

То долину, то лужайку, то предъ самымъ домомъ

садъ.

Путь нашъ виденъ по вершинамъ кипарисовъ, что

возносятся

Надъ побережьемъ и волнами въ воздухъ стройный

рядъ вершинъ.

Четвертая часть.

Тамъ вы будьте гдѣ угодно, — мы шумимъ и окру-

жаемъ

Холмъ, засаженный повсюду зеленѣющей лозой.

Тамъ по всякій часъ мы видимъ виноградаря заботу,

И трудовъ его усердныхъ столь сомнительный

успѣхъ.

То съ лопатой, то съ киркою, — куча, рѣжа, подчищая,

Всѣхъ боговъ онъ умоляетъ, — бога солнца паче всѣхъ.

Вакхъ пѣженка — очень мало о слугѣ своемъ пе-

чется, —

Радъ въ бесѣдкахъ да пещерахъ съ младшимъ фав-

номъ онъ болтаетъ.

Что ему для грезъ пріятныхъ, въ полухмѣлѣ, только

нужно,

Это все еще отъ вѣка и въ мѣхахъ и въ старыхъ

кружкахъ,

Да въ сосудахъ справа, слѣва, по пещерамъ онъ

найдетъ. —

Но когда всѣ боги вмѣстѣ, Геліосъ же передъ всѣми,

Грѣя, вѣя, орошая, гроздіи сочныхъ припасутъ —

Тамъ гдѣ рылся виноградаръ все мгновенно ожи-

ваетъ,

Зашумятъ въ бесѣдкѣ каждой отъ лозы спѣша къ

лозѣ;

Трескъ корзины и говоръ ведеръ за тяжелыми лот-

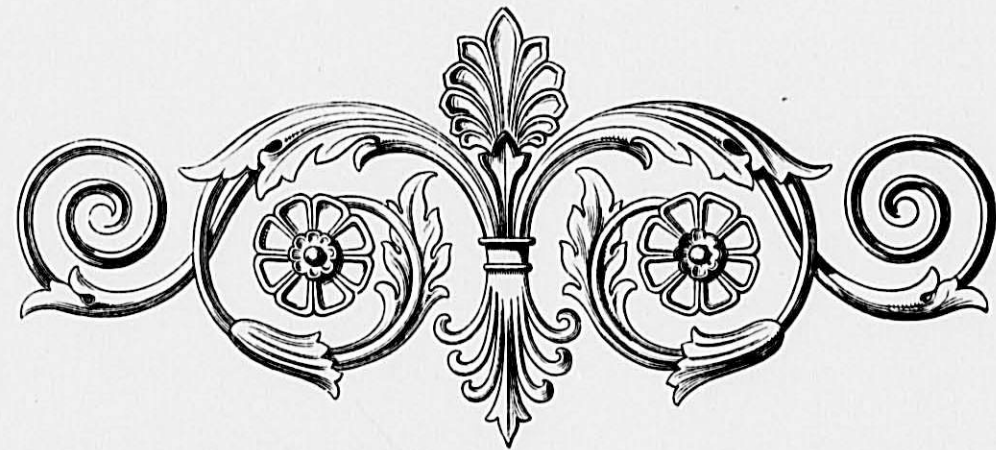
ками,

Все сплнить къ огромной кадѣ, гдѣ танцуетъ ви-
подѣль;
Такъ пойдутъ святыню чистыхъ, сочныхъ ягодъ
дерзновенно
Попирать; клубясь и пѣясь все раздавлено въ
чану.
И пойдутъ гремѣть кимвалы вмѣстѣ съ мѣдными
тазами; —
Потому что Діонисій изъ мистеріи возникъ;
Онъ приводитъ козлоногихъ, съ хороводомъ козло-
пожекъ,
И реветъ притомъ Силена длинноухій сѣрый звѣрь —

Нѣтъ пощады! Топчутъ правы все копытомъ раз-
двоеннымъ —
Чувства все въ затмѣны — больно, оглушительно
ушамъ.
Къ кружкамъ тянутся хмѣльные — головѣ и брюху
тяжко;
Кто пока еще хлопочетъ — множить только безпо-
рядокъ;
Всякъ подъ новый сокъ желаетъ старый мѣхъ опо-
рожить!

(Занавѣсъ падаетъ. Форкіада исполненики подымается на авансценѣ, — сходитъ съ кутурновъ, снимаетъ маску и покрывало, и является Мефистофелемъ, чтобы въ случаѣ нужды объяснить пьесу въ эпилогѣ).

Актъ четвертый.

Горный хребетъ. Могучія зубчатая скалы.

Облако приближается, прилегаешь, спускается на выдающуюся площадку.

Оно развѣрзается.

Фаустъ (выстѣпаетъ изъ облака).

Пустынное молчанье здѣсь у ногъ моихъ;
Вотъ бережно на край вершинъ я становлюсь,
И отпускаю облако, которымъ я
Черезъ моря и сушу днемъ перенесенъ.
Оно тихонько отъ меня отходитъ прочь;
Къ востоку глыба движется большимъ комкомъ.
За нею изумленный глазъ во стѣдъ глядитъ:
Оно идя волнуется измѣнчиво.
Но образуюсь. Да, глаза мои не лгутъ! —
На озаренномъ ложѣ чудно распростертъ,
Хоть исполнискій, ликъ божественной жены,
Съ Юноной сходный, съ Ледою, съ Еленою;
Какъ царственно онъ на моихъ глазахъ плыветъ!
Ахъ! двинулось! безформенно нагромоздись,

Все поплыло къ востоку сплнкой пѣною горъ,
Какъ яркій отблескъ смысла мимолетныхъ дней.
Но въ свѣтлой, пѣнкой пряди обдаешь туманъ
Живой прохладой мнѣ еще чело и грудь.
Вотъ медленно возносится все выше онъ;
Вотъ сплсся. — Или это ликъ обманчивый,
Первоначальныхъ и давно минувшихъ благъ?
Сердечныхъ всѣхъ богатствъ забили вновь ключи:
Любви Авроры легкокрылой признаю,
Мгновенный, первый и едва понятный взглядъ,
Который ярче всѣхъ сокровищъ пламенѣтъ.
Какъ красота душевная, прелестный ликъ
Не разбѣнаясь, все подымается въ зенитъ,
И лучшее души моей уноситъ вдаль.

(Шлепаетъ семизимый сапогъ; затѣмъ слѣдуетъ дру-
гой. Мефистофель сходить. Сапоги быстро уходятъ).

Мефистофель.

Вотъ это шагомъ назову я!

Но ты скажи-ка, что съ тобой?

Спустился въ мерзость ты такую,

Гдѣ камни зѣвъ разверзали свой?

Мнѣ все знакомо съ перваго тутъ взгляда;

Вѣдь собственно дномъ это было ада.

Фаустъ.

Легендъ дурацкихъ ты не занимаешь;

И вотъ опять такую предлагаешь.

Мефистофель (серьезно).

Когда Господь — я знаю и зачѣмъ —

Насъ съ воздуха загналъ во глубь земную,

Гдѣ сдавленный и запертый совѣмъ

Огонь разросся, силу извѣдь большую,

То при такомъ безмѣрномъ освѣщенъи

Пришлось намъ быть въ пеловкомъ положеньи.

Тутъ черти разомъ странно заперхали;

И внизъ и вверхъ всѣ отдуваться стали;

Сперся въ аду ужасный запахъ сѣрный:

Вотъ газъ-то былъ! Отъ силы безпримѣрной

Кора земли, вся плоская сначала,

Какъ ни толста, надевшись, затрепала!

Всѣхъ перемѣнъ одна и та-жъ причина;

Что было дномъ — теперь вершина.

И вотъ они на этомъ строятъ сами

Ученія все ставить вверхъ ногами.

Изъ рабскихъ ягучихъ безднъ пришлось бѣжать.

Намъ, чтобъ воздушнымъ царствомъ обладать:

И откровенье этой тайны всей,

Должно дойти лишь поздно до людей.

Фаустъ.

Утѣсь стойтъ, — и благородно нѣмъ;

Я не спрошу, откуда и зачѣмъ?

Когда природа строй свой утверждала,

Она и шаръ земной вполнѣ скругляла,

И были любви ея еще съ тѣхъ поръ,

И пропасти, и рядъ скалистыхъ горъ;

Зачѣмъ съ холмовъ, съ округлой ихъ вершины.

Она тихонько перешла въ долины:

Тамъ все цвѣтеть и вотъ ея награда,

Но глупой ломки вовсе ей не надо.

Мефистофель.

Но вашему! все это ясно вамъ;

Но не тому, кто былъ при этомъ самъ.

Я былъ при томъ, какъ пламень неусталый

Все пучился и яростно пылалъ,

А молотокъ Молоха, строя скалы,

Обломки горъ далеко разметалъ.

Не мало ихъ повеюду взоръ встрѣчаетъ;

Кто-жъ расшвырять ихъ по лицу земли?

Философа тутъ знанье не хватаетъ;

Скала лежитъ, лежи она какъ знаетъ;

Мы до болѣзни въ думахъ тутъ дошли.
Одинъ простой народъ все разгадать,
Его понятій съ толку не собьете;
Давно премудрость онъ позналъ:
Тутъ чудеса, — и сатана въ почетѣ.
На костылѣ хромаетъ вѣры спросту
На чортовъ камень съ чортова онъ мосту.

Фаустъ.

Въ своемъ конечно любопытно родѣ,
Какого мнѣня черти о природѣ.

Мефистофель.

Природы тутъ въ расчетъ мы не беремъ.
Тутъ честь нужна: чортъ значить быть притомъ!
Къ великому стремятся наши силы:
Разгромъ, насилье, безтопочъ намъ милы!
Но чтобъ тебя спросить вполне понятно,
Встрѣчалъ-ли ты, что для тебя приятно?
Ты поглядѣлъ, какъ легкую забаву,
Земныя царства все, и всю ихъ славу.

Но ненасытный между тѣмъ,
Не увлекался ли ты чѣмъ?

Фаустъ.

Ну что-жъ! большого я вслакалъ.
Ну отгадай!

Мефистофель.

Я отгадать.

Столицу выбралъ бы я вотъ,

Чтобъ посреди кишѣлъ народъ,
Стѣснились улицы нѣтно,
На тѣсномъ рынкѣ лукъ и рѣпа,
Мясныя лавки, гдѣ роими
Толкутся мухи надъ лотками:
Всегда довольно встрѣтишь ты
И вошн тамъ, и суеты.
Затѣмъ, за площадью спѣсивой,
Широкихъ улицъ рядъ красивый.
И наконецъ, гдѣ нѣтъ воротъ,
Предмѣстье безъ границъ пойдетъ.
Тамъ я въ каретѣ-бъ все катался,
Движеньемъ пестрымъ наслаждался,
Что не даетъ на мигъ единый
Покоя кучкѣ муравьиной.
И ѣду иль верхомъ гулюю —
Всѣхъ тысячъ центръ я составляю,
И ото всѣхъ-то мнѣ почетъ.

Фаустъ.

Напрасно этимъ ты прельщаешь.
Ты радъ, что множится народъ,
Что онъ достаточно живетъ,
Пожалуй учитея, — и вотъ
Бунтовщиковъ лишь воспитаешь.

Мефистофель.

Такъ на веселомъ мѣстѣ-бъ могъ
Я пышный выстроить чертогъ:

Мефистофель.

Итакъ, ты жаждешь славы нынѣ?
Ты прямо вѣдь отъ героини.

Фаустъ.

Власть, собственность влекутъ мой взоръ.
Линь подвигъ все, а слава вздоръ!

Мефистофель.

А все жъ иной поэтъ, быть-можетъ,
Тебѣ во славу пѣсню сложить,
И глупость глупостью встревожить.

Фаустъ.

Никакъ ты не поймешь вовѣкъ,
Чего алкаетъ человѣкъ.
Ты рѣзокъ, золь и ѣдокъ самъ —
Гдѣ жъ знать тебѣ, что нужно намъ?

Мефистофель.

Тебѣ повиноваться буду.
Раскрой же мнѣ вполне свою причуду.

Фаустъ.

Я обращалъ глаза свои на море;
Оно само въ себѣ все возвышалось,
Затѣмъ, сравнившись на большомъ просторѣ,
Оно на берегъ плоскій въ бой помчалось.
Мнѣ стало грустно, что кичливость вновь
Свободный духъ съ его сознаньемъ правъ,
Въ пылу страстей, волнующихъ ей кровь,
Насплететъ, покой его поправъ.

Холмы и лѣсъ промежъ долинъ
Я совѣтилъ бы въ садъ одинъ,
Гдѣ стѣны зелены, живыя,
Дороги какъ струна прямыя,
Каскады по скаламъ, ключи,
Воды различные лучи;
Тамъ вверхъ она несется, о богъ съ нами
Шипитъ и плещетъ мелкими струями.
Тутъ я-бъ прекрасныхъ женщинъ успокоилъ,
И домиковъ прелестныхъ имъ настроилъ;
И счетъ я позабылъ бы дней,
Въ уединеннѣ миломъ средь гостей!
Я «женщинъ» говорю; ихъ идеаль
Во множествѣ всегда я принималъ.

Фаустъ.

Вздоръ модный, мой Сардапалъ!

Мефистофель.

Какъ отгадать, къ чему ты устремился?
Къ высокому чему-нибудь!
Къ дунѣ ты ближе вознеслся,
Знать къ ней пошло тебя тянуть?

Фаустъ.

Нисколько. — На землѣ найду
Я, гдѣ за подвигъ взяться смѣло.
Великое свершится дѣло, —
Я силу чувствую къ труду.

Я думалъ — случай; напругаю взглядъ,
Волненье стало и пошло назадъ,
Отъ гордой цѣли убѣгая вѣять;
Но часъ придетъ — и та жь игра опять.

Мефистофель *ad spectatores.*

Мнѣ новости не любопытны эти:
Я это знаю тысячи столѣтій.

Фаустъ (продолжаетъ страстно).

Волна ползетъ по всѣмъ изгибамъ края,
Безплодная, безплодность расточая;
Вотъ поднялась, растеть, и залила
Пустынный край, который забрала.
Волна волну тамъ нагоняетъ только, —
Отхлынула — а пользы нѣтъ нисколько.
Стихи власть въ отчаянье приводить
Меня, когда безцѣльно колобродить!
Тогда мой духъ себя опережаетъ:
Онъ биться радъ, онъ побѣдить желаетъ.
И это все возможно! Хоть сильна,
Но мимо всѣхъ холмовъ идетъ волна;
Какъ тамъ она надменно ни несется —
А что повыше, то надъ ней смѣется,
И углубленьемъ ходъ ея вѣрный данъ.
Вотъ я себя въ души составилъ планъ:
Высокое познай ты наслажденье!
Отнять у моря береговъ владѣнье,

Широкой влаги обуздать коварство
И далеко въ ея ворваться царство!
Я шагъ за шагомъ все обдумать это:
Вотъ цѣль моя; не пожалѣй совѣта!

(Барабаны и военная музыка за спиной зрителей
вдали, съ правой стороны).

Мефистофель.

Вѣдь какъ легко! Иль барабаны бьютъ?

Фаустъ.

Опять война! Уму не радость тутъ.

Мефистофель.

Война или миръ — умно одно стремленье
На пользу свести любое положенье.
Тутъ караулъ, минутки не зѣвай;
Вотъ случай подошелъ! Ну, Фаустъ, хватай!

Фаустъ.

Избавь! Загадочной не нужно болтовни.
Короче, въ чемъ вопросъ? Ты лучше объясни!

Мефистофель.

Во время странствія я вновь замѣтилъ вскорѣ,
Что императора томить большое горе;
Его ты знаешь, какъ его мы веселили,
Да минимъ лишь богатствомъ надѣлили,
И свѣта тутъ не взвидѣлъ онъ;
Онъ молодымъ вступилъ на тронъ,
Ему могло еще казаться,
Что совмѣщается вполнѣ

И привлекательно вдвойнѣ:
И править всѣмъ, и наслаждаться.

Фаустъ.

Большой обманъ! Кто долженъ власть пріять,
Тотъ властью будь блаженъ необычайной;
Высокой волей долженъ онъ дышать,
Но мысль его другимъ должна быть тайной;
Что на ухо шепнуть вѣрнѣйшимъ онъ,
Неполнено — и миръ весь изумленъ;
И такъ пребудетъ, властью онъ гордясь,
Достоинѣйшимъ! — А наслажденье грязь.

Мефистофель.

Онъ не таковъ! онъ наслаждался самъ!
А государство гнило по частямъ;
Великъ и малъ взаимно враждовали,
И граждане другъ друга убивали,
На городъ городъ нападали,
Цехъ на дворянство возставалъ,
Епископъ съ капитуломъ въ спорѣ;
Куда ни глянешь, все въ раздорѣ.
Въ церквахъ убійства, у градекихъ воротъ
Страхъ и купца, и путника беретъ.
Во всѣхъ нахальство дерзкое росло;
Всеякъ защищаясь жилъ. Такъ дѣло шло.

Фаустъ.

Шло хромо. Падало, вставало тожъ,
И шлепнулось такъ что не разберешь.

Мефистофель.

Никто не смѣлъ бранить средѣ ихъ хилой,
Всеякъ могъ казаться и казался силой;
Малѣйшій красовался тожъ;
Но лучшимъ это стало не втерпѣжъ.
Заговорили все они зарать:
Тотъ будь *главой*, кто успокоитъ насъ.
Нашъ императоръ этого не можетъ!
Мы выберемъ другаго. — Онъ поможетъ
Намъ встать, онъ личность оградитъ,
Онъ государство обновитъ,
И миръ и правду приумножитъ.

Фаустъ.

Поповскій голосъ!

Мефистофель.

Да помы и есть;

Они привыкли лакому поѣсть,
Они тутъ часть большую захватили.
Возстаніе они же освятили;
Вотъ государь нашъ и идетъ войной,
И можетъ здѣсь въ послѣдній вступитъ бой.

Фаустъ.

Мнѣ жаль его; въ немъ добрая есть воля.

Мефистофель.

Пойдемъ взглянуть! Надежда — смертныхъ доля,
Спасемъ его вотъ въ этой мы тѣснинѣ!
Спасенный разъ — задышетъ онъ отнынѣ.

Какъ знать, чей жребій вынется судьбами?

Будь счастливъ онъ, — придутъ вассалы сами.

(Они поднимаются надъ среднимъ возвышеніемъ и осматриваютъ боевую линію въ долинѣ. Барабанный бой и военная музыка раздаются снизу).

Мефистофель.

Позиція, я вижу, безупречна;

Мы подойдемъ, онъ побѣдитъ конечно.

Фаустъ.

Чего тамъ можно ожидать?

Обманъ да колдовство опять!

Мефистофель.

Военной хитрости не хочешь?

Хотя о важномъ ты хлопочешь,

Но цѣль ты главную пойми:

Когда престоль и край спасемъ мы смѣло,

Склони колѣни и прими

Въ даръ ты побережье безъ предѣла.

Фаустъ.

Ты дѣль продѣлать — не сочтешь;

Вотъ выиграй сраженіе тожъ!

Мефистофель.

Его ты выиграешь самъ;

Тебѣ начальство передамъ.

Фаустъ.

Вотъ эта высота примаю:

Повелѣвать, вещей не понимая!

Мефистофель.

Для этого и штабъ устроенъ,

Чтобы фельдмаршалъ быть покоенъ.

Войну зачуя, въ добрый часъ

Совѣтъ военный я припасъ;

Народъ — все горные кряжи;

Кто ихъ избралъ — тотъ не тужитъ!

Фаустъ.

Кто тамъ въ оружіи идетъ?

Иль скликалъ горный ты народъ?

Мефистофель.

Нѣтъ! Но подобную имъ рать

Самъ Петръ бы Сквенцъ не могъ набрать.

Три сильныхъ (появляются).

Мефистофель.

Взгляни на молодцовъ моихъ!

Въ лѣтахъ ихъ разнища большая,

Съ другимъ оружіемъ всякъ изъ нихъ;

Но тройка эта разная.

(Къ зрителямъ).

Надѣтъ ребенокъ нынче радъ

И племъ, и рыцарскія шпоры,

Такъ вамъ недавно угождать

Аллегорическіе воры.

Забіяка (молодъ, легко вооруженъ, нестро одѣтъ).

Кто смѣетъ мнѣ въ глаза взглянуть,

Тому я кулакомъ всю морду вековыряю,

А кто захочетъ улизнуть,

Того за зубъ сейчасъ поймаю!

Забирай (мужественъ, хорошо вооруженъ, богато одѣтъ).

Пустыя драки вздоръ напрасный,

День пропадаетъ не при чемъ;

Бери гдѣ можешь ежечасно,

О прочемъ спрашивай потомъ.

Держи-крѣпче (въ лѣтахъ, сильно вооруженъ, безъ плаща).

И въ этомъ тоже толку мало!

Добра сейчасъ какъ не бывало,

И ты опять безо всего,

Братъ хорошо, но удержатъ важнѣе;

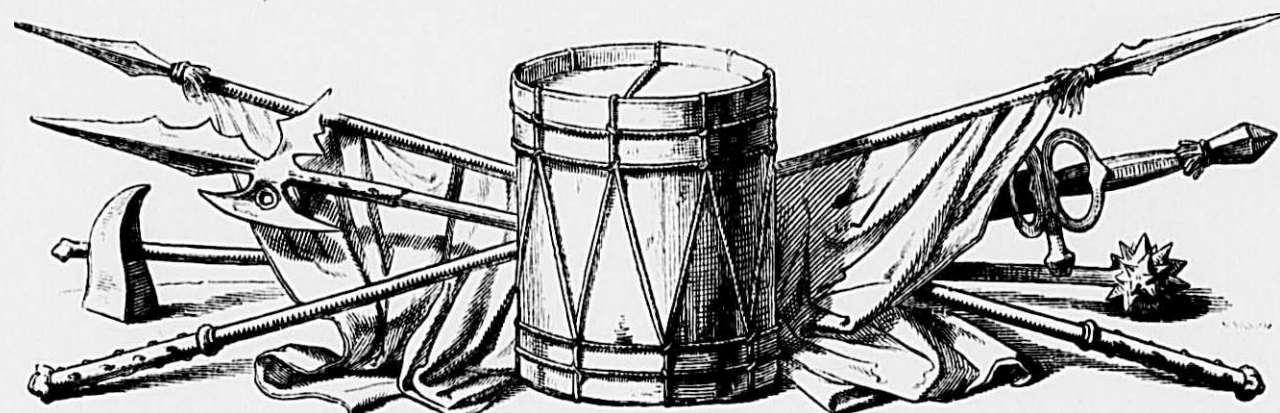
За старика держись дружибе,

Ужъ не отнимуть твоего.

(Всѣ они спускаются въ долину).

На предгорьи.

(Барабаны и военная музыка снизу. Разбивают императорскую палатку).

Императоръ, Главнокомандующій, драбанты.

Главнокомандующій.

Мнѣ кажется, мы дѣльно поступили,
Что съ цѣлымъ этимъ войскомъ вотъ,
Въ долину тихо отступили;
Надѣюсь, счастье насъ ждетъ.

Императоръ.

Что выйдетъ, то и будетъ видно;
Но полубѣгство это мнѣ обидно.

Главнокомандующій.

Взгляни на правый флангъ нашъ отдаленный!
Такого мѣста ищеть умъ военный:
Холмы не круты, но довольно крупны,
Намъ выгодны, врагамъ же неприступны;
Даетъ приютъ намъ мѣстности волна,
А конница чужой она страшна.

Императоръ.

Мнѣ остается любоваться;
Рукамъ тутъ есть гдѣ разгуляться.

Главнокомандующій.

Здѣсь посреди долины тѣснымъ строемъ
Стоитъ фаланга, пынувшая боемъ.
И пики ихъ поверхъ туманной мглы
На воздухъ сіяньемъ дня свѣтлы.
Какъ мощно весь волнуется квадратъ!
Изъ этихъ тысячъ каждый битвъ радъ.
На силу ихъ ты можешь положиться;
Съ ней вражья сила вѣрно сокрушится.

Императоръ.

Чудесный видъ! Я не встрѣчалъ такихъ.
Такое войско стоитъ двухъ другихъ.

Главнокомандующій.

Нашъ лѣвый флангъ мы утвердить успѣли;
Тамъ на скалѣ все храбрецы засѣли.
Уступы, что оружіемъ блестятъ,
Ту важную тѣснину защитятъ.
Сдается мнѣ, что вражескія силы
Нежданная тамъ обрѣтутъ могилы.

Императоръ.

Вонъ и моя роденка! Вѣдь когда-то
Во мнѣ то дядю видѣли, то брата,
А между тѣмъ, шатая власть закона,
Достоинство все расхищали трона,
Затѣмъ враждуя, край опустошали,
И вотъ теперь всѣ на меня возстали!
Колеблется толпы невѣрный духъ,
Да за волною общей хлынетъ вдругъ.

Главнокомандующій.

Вонъ человѣкъ, что посланъ былъ отъ насъ
Лазутникомъ, спѣшить; ну, въ добрый часъ!

1-й Лазутчикъ.

Дѣло наше справилъ ладно,
Ловко, смѣло въ каждый слѣдъ,
Я навѣдывался жадно;
Но вѣстей хорошихъ нѣтъ.
Многихъ, съ рвеньемъ благороднымъ,
Находилъ я эти дни;

Но волненіемъ народнымъ
Извиняются они.

Императоръ.

Свои для эгоистовъ близки нужды,
Но благодарность, долгъ и честь имъ чужды.
Ну какъ же всякъ того-то не пойметъ:
Горитъ сосѣдъ, такъ до него дойдетъ?

Главнокомандующій.

Вотъ и второй спускается не смѣло
Отъ устали дрожить его все тѣло.

2-й Лазутчикъ.

По началу я дивился
Всѣмъ нелѣпымъ чудесамъ;
Вдругъ неожиданно появился
Императоръ новый тамъ.
По полямъ путемъ неожиданнымъ
Всѣ толпами понеслись;
И за знаменемъ обманнымъ
Какъ бараны погнались!

Императоръ.

На пользу мнѣ подложный государь;
Теперь я только понять, что я царь!
Лишь какъ солдатъ я панцырь надѣвалъ;
Но нынѣ цѣль я высшую позналъ.
Я средь пировъ богатъ быть не вполнѣ;
Опасности не доставало мнѣ.

Совѣтъ вашъ быть, украсить боемъ ширь,
И сердце билось, снился мнѣ турниръ;
И если бы не вашъ совѣтъ лукавый,
Давно-бъ я быть покрытъ военной славой.
Во мнѣ порывъ могучій пробудился,
Когда при васъ въ огнѣ и очутился;
Шель на меня стихъ грозный пылъ;
То призракъ былъ, но призракъ грозенъ былъ.
О битвахъ стать, о славѣ я мечтать;
Пополно все, что могъ я прогулять!

(Спариваются герольды для вызова ложнаго императора).

Фаустъ (въ бронѣ, съ полуоцѣпеннымъ забраломъ шлема). Три сильныхъ (вооруженные и одѣтые какъ прежде).

Фаустъ.

На нашъ приходъ не станутъ же сердиться,
Вѣдь осторожность всюду пригодится.
Ты знаешь, свой у горцевъ разумъ есть,
Дано имъ камней писмена прочесть.
А духи, какъ съ равнины удалились,
Къ горамъ еще сильнѣе пристрастились:
И дѣйствуютъ въ пещерахъ безысходныхъ,
Вдыхая газъ металловъ благородныхъ;
При опытахъ разъединеній, слитій,
Ихъ цѣль одна — идти путемъ открытій.
Воздушными перстами тайнъ владыки
Прозрачные въ тиши слагаютъ лики;

Они въ кристаллѣ и въ его молчаньи
Земную жизнь провидѣтъ въ состояньи.

Императоръ.

Я слышу все и вѣрю я вполне;
Но ты скажи, на что все это мнѣ?

Фаустъ.

Знай: некромантъ изъ Норикъ, въ Сабинѣ,
Слуга твой вѣрный, преданный понынѣ;
Судьба ему жестоко угрожала,
Хворостъ пылалъ и пламя поыхало,
Чтобъ по сухимъ полѣньямъ вверхъ пройти,

Пропитаннымъ смолою; ужъ спасти

Ни человекъ не могъ, ни Богъ, ни черти;
Величество расторгло узы смерти.

То было въ Римѣ. Онъ къ тебѣ питаетъ
Любовь, и все въ твою судьбу винкаетъ;

Съ того же часу онъ, забывъ себя,

Глядитъ на звѣзды лишь изъ-за тебя.

Онъ насъ послать, приказывая строго

Быть при тебѣ. Въ горахъ такъ силы много;

Природѣ властной вольный тамъ приютъ,

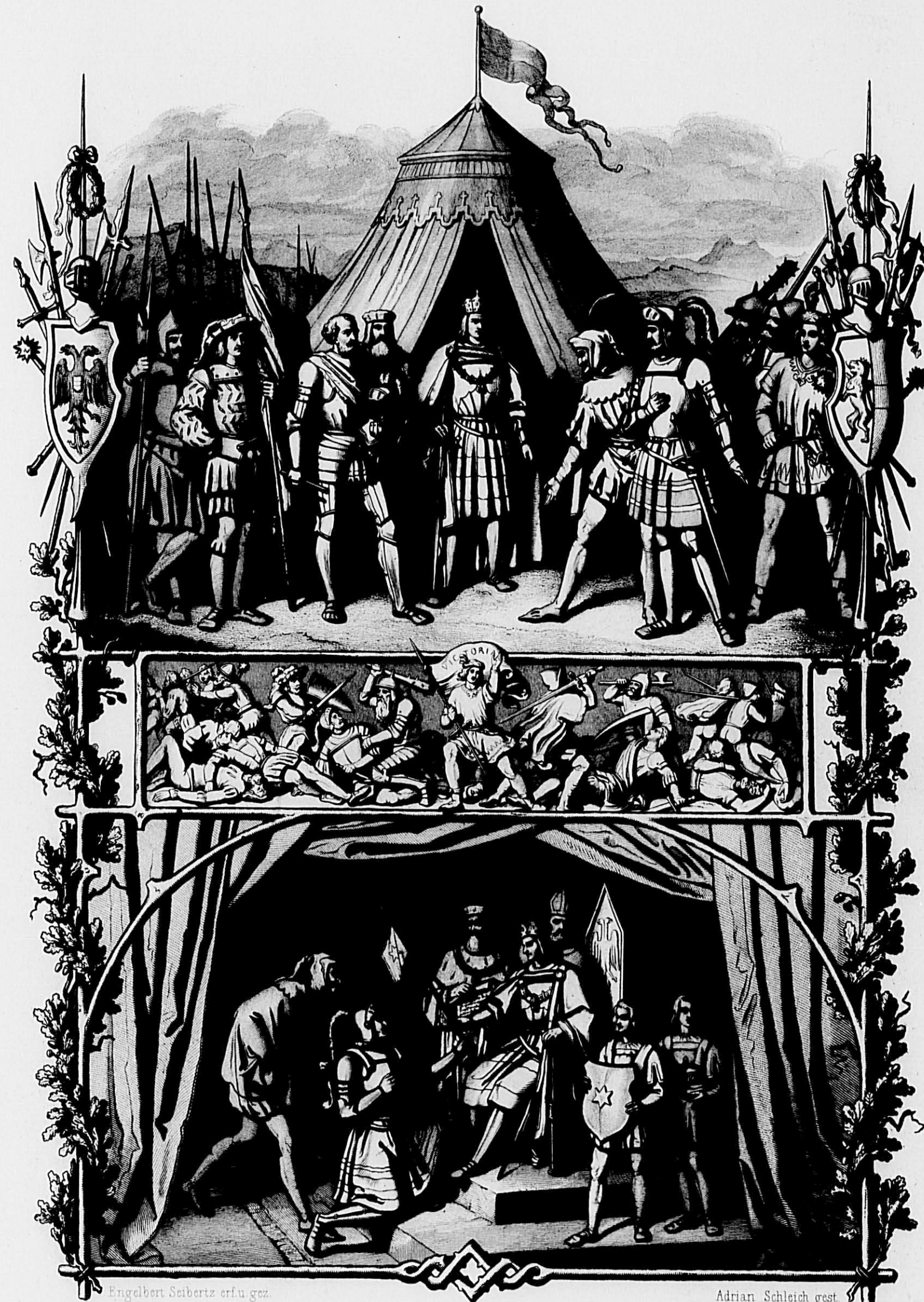
Попы-глупцы то колдовствомъ зовутъ.

Императоръ.

Въ день радости, гостей своихъ встрѣчая,

Мы веселы, когда толпа живая

Ростетъ, одинъ спѣшитъ другому вельдѣ,

Engelbert Seibertz erfu gez.

Adrian Schleich gest.

Такъ что въ просторныхъ залахъ мѣста нѣтъ;
 Но тотъ безмѣрно дорогъ долженъ быть,
 Кто помощь намъ явился предложить,
 Въ часы заботъ, когда надъ головою
 У насъ вѣсы колеблемы судьбою.
 Но не касайтесь мощною рукой
 Меча свободно поднятаго мной;
 Почтите мигъ, въ который всякъ стремится
 Иль за меня или со мной сразиться!
 Справляйся самъ! кто хочетъ тронъ обрѣсть,
 Самъ заслужить такую долженъ честь.
 Пусть призракъ тотъ, что противъ насъ поднялся
 И императоромъ земли назвался,
 Вожда и ленныхъ правъ присвоивъ силу,
 Моей рукой низринется въ могилу!

Фаустъ.

Что бъ ни было, но увлеченъ игрою,
 Напрасно ты рискуешь головою;
 Къ чему на шлемъ гребень и султанъ?
 Онъ смѣлой головѣ въ защиту данъ.
 Безъ головы на что всѣ члены нужны?
 Она заснетъ и всѣ они недужны;
 Больна она, все тѣло нездорово;
 Оправилась — и ожило все снова:
 Рука въ права могучія вступаетъ,
 Подъемлетъ щитъ и черепъ защищаетъ,

Спѣшить и мечъ о долгѣ не забыть,
 И отклоня ударъ опять разить;
 Нога хранить со вѣми вѣрно связь,
 Убитому на шею становясь.

Императоръ.

Таковъ мой гнѣвъ; я сталъ бы не блѣднѣя
 Какъ на скамью, на голову злодѣя!

Герольды (возвращаясь).

Мало вѣсу, мало чести,
 Тамъ у нихъ мы испытали,
 Намъ на звукъ достойной вѣсти
 Только смѣхомъ отвѣчали:
 «Императоръ ванъ отпѣтый,
 Вмѣстѣ съ эхомъ онъ отбылъ.
 Помянувъ о вѣсти этой,
 Скажетъ сказка: ««жить да быть.»»

Фаустъ.

Сбылись желанья преданныхъ людей,
 Что при особѣ состоятъ твоей.
 Вонъ врагъ идетъ, мы дышемъ силой ратной;
 Вели начать намъ въ мигъ благоприятный.

Императоръ.

Повелѣвать отказываюсь я.
 (Къ Главнокомандующему).
 Ты, князь, веди, обязанность твоя.

Главнокомандующій.

Такъ пусть нашъ правый флангъ вступаетъ въ бой!
И лѣвый флангъ врага, что наступаетъ,
Пока еще проходить подъ горой,
Всю нашихъ силъ отвагу испытаетъ!

Фаустъ.

Такъ ты позволь, чтобъ этотъ вотъ герой
Сейчасъ вступалъ съ твоими вмѣстѣ въ строй;
Въ твоихъ рядахъ онъ посреди другихъ
Проявить всю могучесть силъ своихъ.

(Онъ указываетъ вправо).

Забіяка (выступаетъ).

Кто мнѣ лицо покажетъ, такъ ему
Расковыряю тотчасъ морду всю я;
Кто спину обратитъ ко мнѣ, тому
Чубъ, голову и шею отверну я.
Когда же мечъ я подыму,
И ринутся всѣ съ тою же любовью,
То станеть врагъ одинъ по одному
Своей захлебываться кровью.

(Уходитъ).

Главнокомандующій.

Фалангъ тихо двигаться впередъ;
Пушай она врага всей силой ждеть!
Вонъ тамъ направо кетати ужъ успѣли
Отвагой наши повредить ихъ цѣли.

Фаустъ (указывал на среднего).

Такъ пусть и онъ, куда велишь, поидеть.

Забирай (выступаетъ).

Хоть войско мужествомъ пылаеть,
Пусть о добычѣ помыслиаеть,
И всякъ изъ насъ ворваться ждеть
Въ ихъ императорскій наметъ.
Не долго тамъ ему покрасоваться;
Я впереди фаланги стану драться.

Скорохватка (маркитантка, увизывается за нимъ).

Хоть я ему и не жена,
Но какъ любовнику вѣрна.
Намъ эта осень благодать!
Пустите женщину хватать,
Она блаженна грабежомъ;
Какъ побѣждать, запрета нѣтъ ни въ чемъ.

(Оба уходятъ).

Главнокомандующій.

На лѣвый флангъ нашъ, какъ я ожидалъ,
Налегъ ихъ правый. Каждый возжелалъ
Противостать ихъ буйному почину,
Не давши имъ ворваться въ ту тѣснину.

Фаустъ (указывал лѣво).

И этотъ вотъ вамъ можетъ пригодиться;
Не лишнее и сильнымъ подкрѣпиться.

Держи-крѣпче (выступаетъ).

На лѣвый флангъ надѣйтесь смѣло!
Гдѣ я, тамъ наше будетъ цѣло;

Старикъ при дѣлѣ тутъ знакомомъ:

Чтò схватить, не отбить и громомъ.

(Уходитъ).

Мефистофель (спускается сверху).

Вы поглядите-ка за нами:
Изъ каждой пасти скаль съ зубцами
Вооруженные стремятся,
По всѣмъ тропинкамъ шевелятся,
Въ забралахъ, панцыряхъ, съ мечами
За нами выросли стѣнами,
И знака ждуть сразиться смѣло.

(Тихо обращаясь къ знающимъ).

Откуда всѣ? Не ваше дѣло.

Конечно я ужъ не збывалъ,

Всѣ арсеналы обобралъ;

Тамъ всякъ изъ нихъ, кто пѣшъ, кто конный,

Стоялъ какъ властелинъ законный;

Цари да рыцари бывые,

Теперь улитки лишь пустыя;

Въ нихъ привидѣнья забрались пока

Напомнить среднѣ вѣка.

Какой бы чортъ въ нихъ ни торчалъ,

Эффектъ на этотъ разъ не малъ.

(Громко).

Приелушайтесь, какъ злится стая,

Толкаясь словно жестъ пустая;

Клоки штандартовъ тамъ заколыхались,

Радехоньки, что вѣтерка дождались.

Подумайте, тутъ древнѣй весь народъ

Охотно въ распрю новую идетъ.

(Страшный трубный звукъ сверху, въ непріятельскомъ войскѣ замѣтное волненіе).

Фаустъ.

Весь горизонтъ затмился ясный
Лишь тамъ и сямъ какой-то красный
Блескъ начинается проступать;
Оружье все какъ бы кроваво;
Скала, и воздухъ, и дубрава,
И небо не хотятъ отстать.

Мефистофель.

Нашъ правый флангъ стоитъ упорно,
Но вижу — выше всѣхъ, гдѣ драка,
Нашъ великанъ-то Забіяка,
Онъ тамъ работаетъ проворно.

Императоръ.

Одна рука сперва тамъ билась,
Теперь ихъ дюжина явилась!
Непостижимо для меня.

Фаустъ.

Иль никогда не слышала ранъ
О сицилійскомъ ты туманѣ?
Днемъ возникаютъ въ той странѣ,
Почти до облакъ подымаясь,
Въ средѣ воздушной отражаясь,
Явленья чудныя вполне.

Тамъ города, сады порою,
Одна картина за другою,
Нарягъ въ эоирной вышинѣ.

Императоръ.

Но что за странность! Блескъ великій
Распространяють наши пики:
У всей фаланги то и знаютъ
По копьямъ огоньки порхають:
Вѣдь что-то призрачное тутъ!

Фаустъ.

Не погнѣвись, то безъ сомнѣнья
Слѣды духовнаго значенья:
То Диоскуровъ отраженья,
Пловцамъ извѣстныя явленья;
Они съ остаткомъ силъ идутъ.

Императоръ.

Кому-жъ обязанъ я, скажи ты,
Коль тайны, что въ природѣ скрыты,
Со всѣхъ сторонъ на насъ текутъ?

Мефистофель.

Конечно мудрецу тому же,
Что занять такъ твоей судьбой!
Враговъ не признаетъ онъ хуже
Твоихъ — и изболѣлъ душой.
Желаетъ онъ спасти тебя,
Хотя бы погубивъ себя.

Императоръ.

Быль пышный въѣздъ почтить мою особу;
Я быть въ чести; вотъ я задумалъ пробу
И порѣшилъ, что кстати одарю я
Живой прохладой бороду сѣдую.
Священству я испортивъ развлеченье,
Не заслужилъ его расположенья.
Ужель судьба чрезъ столько лѣтъ велѣла
Мнѣ дѣйствія познать благаго дѣла?

Фаустъ.

Благодѣянію долго жить;
Смотри, что тамъверху летаетъ!
Не знаменье-ль онъ посылаетъ.
Оно-жъ себя и объяснить.

Императоръ.

Тамъ въ высотѣ орелъ парящій,
А вслѣдъ за нимъ грифонъ грозящій.

Фаустъ.

Все это къ счастью, повѣрь.
Грифонъ вѣдь баснословный звѣрь;
Ну какъ же могъ онъ такъ забыться,
Чтобы съ орломъ ему сразиться?

Императоръ.

Теперь они все вверхъ взмываютъ
Кружась. — И оба въ тотъ же мигъ
Впились другъ въ друга. Когти ихъ
Врага отчаянно терзають.

Фаустъ.

Замѣть, какъ гадкій-то грифонъ
Избитъ, истерзанъ очутился,
И львиный хвостъ склонивши, онъ
Въ вершины лѣса покатился.

Императоръ.

Какъ тутъ предвѣщано, такъ будь!
Дивлюсь, но не смущенъ ничуть.

Мефистофель (вправо).

Ваши бойко лѣзутъ драться,
Врагъ не можетъ удержаться;
Вотъ полѣзла ихъ арава,
На своихъ сбиваясь вправо,
Этимъ дѣло съ толку сбили,
Лѣвый флангъ свой оголили.
А фаланга наша живо
Вправо бросилась ретиво,
Гдѣ ряды враговъ не полны.
Вонъ, какъ яростны волны,
Сшиблись съ грохотомъ и воємъ
Обѣ рати равнымъ боемъ.
Вотъ чудесное движеніе;
Разобьемъ ихъ безъ сомнѣнья!

**Императоръ (къ лѣвой сторонѣ,
Фаусту).**

Глянь, сдается, тамъ не ладно;
Нашимъ тамъ стоять накладно,

Камней сверху не бросаютъ;
По скаламъ уже влѣзають,
А вершины опустѣли;
Вонъ — враги-то палетѣли
Цѣлой тучей къ намъ въ долину.
Ужъ не взяли ли тѣснину?
Вотъ безбожья плодъ ужасный!
Ваши чары всѣ напрасны!

(Пауза).

Мефистофель.

Моихъ два ворона вонъ вмѣстѣ;
Какія мчатъ они намъ вѣсти?
За наше дѣло странно мнѣ.

Императоръ.

Что пользы въ птицахъ этихъ черныхъ?
Несутся на крылахъ проворныхъ
Съ полей сраженія онѣ.

Мефистофель (воронамъ).

Къ ушамъ моихъ плотнѣй прильните!
Спасенъ, кого вы защитите;
Разуменъ вашъ совѣтъ вполне.

Фаустъ (императору).

О голубяхъ ты слышалъ вѣрно,
Что такъ летаютъ непомѣрно,
Гнѣздомъ птенцовъ привлечены.
Тутъ ходъ событій обнаруженъ:

Почтовый голубь въ мирѣ нуженъ —

А ворогъ почта для войны.

Мефистофель.

Меня смущаетъ допесенье.

Смотри, ужасно положенье

Героевъ нашихъ по скаламъ;

Врагъ занялъ нижнія вершины,

И если входъ займетъ тѣнины,

Держаться трудно будетъ намъ.

Императоръ.

И такъ, обманъ всѣ чары эти,

Меня вы заманили въ сѣти;

Давно ужъ страхъ меня беретъ.

Мефистофель.

Мужайся! Можетъ быть пеходъ.

Съ терѣньемъ шпички тутъ возможны!

Въ дѣлахъ всего труднѣй кончать.

Мои гонцы благонадежны;

Вели ты мнѣ повелѣвать.

Главнокомандующій (который между тѣмъ подошелъ).

Съ тѣхъ поръ какъ съ нами ты связался,

Все время этимъ я терзался;

Не можетъ въ чарахъ счастья быть.

Мои тутъ силы не хватаютъ;

Начало ихъ — такъ пусть кончаютъ;

Желаю жезлъ свой возвратить.

Императоръ.

Ты сохрани его въ день грустный.

Ждать будемъ счастья своего.

Мнѣ страшенъ малый этотъ гнусный,

Боюсь я вороновъ его!

(Къ Мефистофелю).

Жезла теперь не домогайся;

Въ тебѣ не то, что быть должно.

Повелѣвай и постарайся

Спаси! — и будь, что суждено!

(Уходитъ въ палатку съ главнокомандующимъ).

Мефистофель.

Пусть жезлъ тупой его спасаетъ!

Намъ пользы онъ не доставляетъ,

Тамъ крестъ какой-то виденъ быть.

Фаустъ.

Что жъ дѣлать?

Мефистофель.

Все я порѣшилъ.

Ну, братцы черные, летите

Къ ундинамъ горнымъ, попросите

Снабдить насъ призраками водъ!

Онѣ искусство женщинъ знаютъ —

Отъ правды призракъ отдѣляютъ, —

И всякъ клинется: правда вотъ.

(Пауза).

Фаустъ.

Дѣвицамъ водянымъ ужъ вѣрно

Польстили вороны безмѣрно;

Вогъ начинается протекать.

Въ сухихъ мѣстахъ, гдѣ камни лишь торчали,

Ключи вездѣ заклокотали,

Теперь ужъ тѣмъ не одобровать.

Мефистофель.

Привѣтъ любезный припасенъ —

Кто первымъ лѣзь, и тотъ смущенъ.

Фаустъ.

Уже ручей въ ручей стремглавъ спадаетъ,

Вдвойнѣ ихъ бездна возвращаетъ;

А вогъ потокъ дугой пещель;

Вдругъ плотно онъ къ скалѣ ложится,

И въ тотъ и въ этотъ бокъ стремится,

И по ступенямъ мчится въ доль.

Что пользы стойко упрямъ —

Ихъ волны смывать совсѣмъ грозится,

И на меня приливъ ихъ страхъ навель.

Мефистофель.

Не вижу я воды кипящей ложно;

Однихъ людей дурачить такъ возможно,

Я вижу смѣхъ одинъ во всемъ.

Они бѣгутъ огромными толпами,

Боятся исчезнуть подъ волнами.

Тогда какъ на землѣ стоятъ они ногами,

И такъ смѣшно какъ бы гребуть руками.

Теперь смятеніе кругомъ.

(Вороны возвращаются).

Я буду васъ хвалить передъ владыкой;

Но чтобы подвигъ совершить великій,

Ступайте въ кузницу, гдѣ пламень

У гномовъ; гдѣ металлъ и камень

Сверкаютъ искрами во тѣмѣ;

Просите, не жалѣя слова,

Огня блестящаго, большаго,

Какого ярче нѣтъ въ умѣ.

Хотя зарницы въ отдалены

И звѣздъ внезапное паденье

Не рѣдкость лѣтомъ по ночамъ;

Но по кустамъ зарницъ миганье

И звѣздъ шипящихъ содроганье

Едва-ли видывать кто самъ.

И такъ ступайте и просите,

А нѣтъ, такъ прямо прикажите.

(Вороны улетаютъ, исполняется какъ сказано).

Мефистофель.

Теперь враги сиди въ потьмахъ!

Чтобъ странно было сдѣлать шагъ!

Огни блудящія, и сразу

Такой ужъ свѣтъ, что больно глазу!

Все это прелесть, — благодать;

Но надо звономъ ихъ пугать.

Фаустъ.

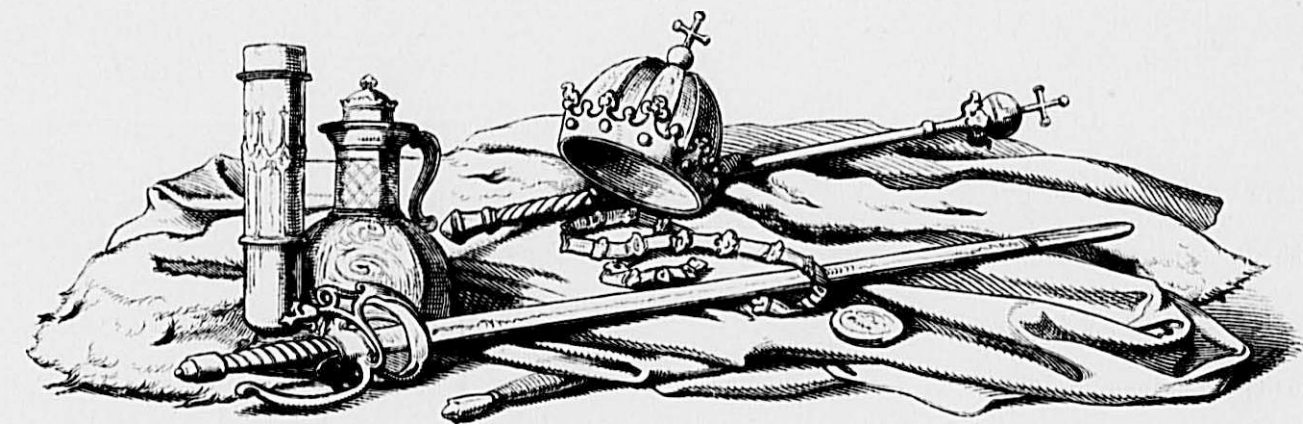
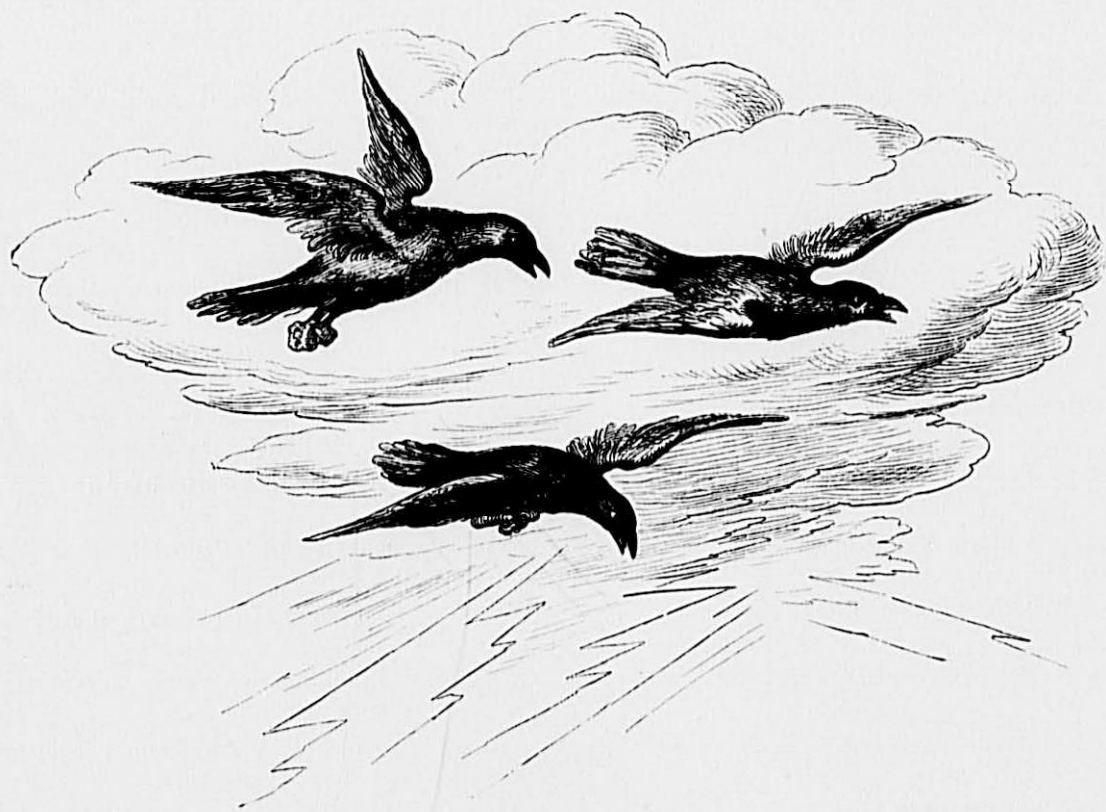
Пустое то изъ залъ вооруженье,
Провѣтрившись, пришло опять въ движеніе;
Тамъ наверху и стукотня, и звонъ —
Престранный и фальшивый тонъ.

Мефистофель.

Да! Презадорны всѣ, хоть стары;
Какъ громки рыцарей удары;
Все какъ водилось съ давнихъ поръ.
Ручныя и ножныя пины
Какъ Гвельфы и какъ Гибелины,

Возобновили вѣчный споръ.
Въ нихъ духъ наслѣдственный танся,
Они не могутъ примириться;
Тамъ звонъ и гулъ во весь просторъ.
На торжествахъ чертовскихъ тоже
Злость партій намъ всего дороже;
Она все дѣло ускоритъ;
То крикомъ грянетъ вдругъ воинскимъ,
То чѣмъ-то рѣзкимъ, сатанинскимъ
Въ долинахъ страшно зазвучить.

(Воинственный громъ въ оркестръ подъ конецъ переходитъ въ веселую военную музыку).

Шатеръ враждебнаго императора, тронъ, богатая обстановка.

Забирай, Скорохватка.

Скорохватка.

Вѣдь вотъ мы первые какъ разъ!

Забирай.

И воронъ не обгонитъ насъ.

Скорохватка.

О сколько тутъ добра кругомъ!

Съ чего начать? Кончатъ на чемъ?

Забирай.

Кругомъ повсюду благодать!

Не знаешь даже что хватать.

Скорохватка.

А вотъ возьму коверъ цвѣтной;

Моя постель жестка порой.

Забирай.

Вонъ тамъ стальной кистень виситъ;

Давно по немъ душа болитъ.

Скорохватка.

Вотъ красный плащъ-то съ галуномъ,

Мнѣ снилось, что хожу я въ немъ.

Забирай (снимая оружіе).

Вотъ съ этимъ долго не болтай;

Убилъ его да и стунай.

Ты такъ ужъ много набрала,

А что лучше не взяла.

Оставь-ка лучше эту дрянь,

Бери-ка ящикъ тотъ вонъ, глянь!

Войскамъ тутъ жалованье; въ немъ

Одно мы золото найдемъ.

Скорохватка.

Тяжелъ онъ больно на вѣсу!

Не подыму я, не снесу.

Забирай.

Да ты нагнись, подставь-ка спину;

Тебѣ на горбъ его я векину.

Скорохватка.

О горе! знать пришелъ конецъ;

Онъ мнѣ переломилъ крестецъ!

(Ящикъ падаетъ и раскрывается).

Забирай.

Вотъ грудa золота — ай, ай!

Скорѣ съ полу подбирай!

Скорохватка (пришла на-земь).

Въ подошъ проворно подбирай!

Не пропадать же такъ добру.

Забирай.

Довольно! уноси! не стой!

(Она встаетъ).

О горе! — фартукъ-то съ дырой!

Куда идешь и гдѣ стоишь, —

Ты все богатствами соринишь.

Драбанты (нашего императора).

Какой вамъ слѣдъ сюда ходить?

Чего въ казны вамъ царской рыть?

Забирай.

Своимъ отвѣтили горбомъ,

Добычи часть свою беремъ.

Въ шатрѣ врага всегда дѣлежъ,

Мы кажется солдаты тожъ.

Драбанты.

Нѣтъ, намъ вы были бы въ укоръ:

Солдаты и въ то же время воръ;

А кто по службѣ намъ собрать,

Тотъ честный долженъ быть солдатъ.

Забирай.

Мнѣ ваша честность вся видна;

Не контрибуція-ль она?

И каждый-то изъ васъ таковъ:

Давай! вотъ вашъ обычный зовъ.

(Скорохваткѣ).

Ну прочь! и что взяла, тащи!

На угощенья не взыщи!

(Уходятъ).

Первый драбантъ.

Скажи, сейчасъ ты отчего

Не съѣздить по уху его?

Второй.

Ну вотъ, не стало силъ моихъ;

Есть что-то призрачное въ нихъ.

Третій.

Мнѣ затуманило въ глазахъ.

Блеститъ, не вижу какъ въ потьмахъ.

Четвертый.

Да, какъ-то все, не знаю самъ,

День цѣлый было жарко намъ.

Такъ жутко, такъ тебя томить,

Тотъ падаетъ, а тотъ стоитъ.

Бьешь наугадъ, какъ бы въ потьмахъ,

Ударилъ — повалился врагъ,

Въ глазахъ твоихъ туманъ стоитъ,

Въ ушахъ шумитъ, гудитъ, шипитъ;

Такъ все и шло, и вотъ дошли,

А какъ — и толку не нашли!

Является императоръ съ четырьмя князьями. Драбанты удаляются.

Императоръ.

Тамъ что бы ни было, мы кончили побѣдно —

Разбитый врагъ бѣжалъ, разсѣявшись безслѣдно.

Вотъ онъ предательскій и опустѣвшій тронъ,

Коврами убранный стоитъ нагроможденъ.

А мы, средь воиновъ отборнѣйшихъ въ отрядъ,

Ждемъ царственно пословъ народныхъ о пощадѣ.

Со всѣхъ сторонъ слѣпнуть отрадная къ намъ вѣсть:

Покойно царство все, и въ немъ любовь къ намъ есть.

Хотя въ сраженіе и чары замѣшались,

Но наконецъ-то все-жъ одни вѣдъ мы сражались.

Случайность иногда на пользу для борцовъ.

Кровавый дождь съ небесъ, или камень на враговъ.

Вдругъ звуки чудные въ горахъ въ часы сраженья,

Восторгъ у насъ въ груди, въ груди врага смятенъе.

Надъ тѣмъ кто побѣжденъ насмѣшки безъ конца —

А кто побѣдой гордъ, благодарить Творца,

И въ голосъ всѣ одинъ, забывши всѣ уроны,

«Хвалите Господа!» воскликнуть миллионы.

Теперь въ смиреніи потщуся заглянуть,

Что прежде забывалъ, я въ собственную грудь.

Князь юный можетъ быть безпеченъ отъ природы,

Но важный мигъ цѣнить его научать годы.

И вотъ немедля вамъ достойнымъ четверемъ

Я царство поручить желаю, дворъ и домъ.

(Первому).

Ты, князь, устраивай весь распорядокъ въ войскѣ,

Затѣмъ ты въ главный мигъ водить его героически,

И въ мирѣ будь готовъ немедля зло пресѣчь;

Ты будь фельдмаршаломъ, прими ты этотъ мечъ.

Фельдмаршалъ.

Когда войска твои, страны всей оборона,

Границы утверждать неизблемо для трона,

Дозволь, чтобъ посреди твоихъ отцовскихъ залъ,

Великолѣпный пиръ передъ тобой предсталъ.

Мечъ этотъ наголо тогда держать я стану,

Чтобы навѣкъ почеть державному былъ сану.

Императоръ (второму).

Съ твоей отвагою, съ твоимъ искусствомъ жить,

Ты будь гофмаршаломъ. Не такъ легко имъ быть.

Ты станешь во главѣ придворной всей прислуги,

А при раздорахъ ихъ я вѣчно безъ услуги;

Ты долженъ съ честію служить всѣмъ образцомъ,

Какъ мнѣ, двору и всѣмъ пріятнымъ быть лицомъ.

Гофмаршалъ.

Слуга державныхъ думъ отыщетъ путь къ благу:

Онъ въ помощь лучшему, и не во вредъ плохому.

Безъ лести ясенъ онъ, покоенъ правотой!

Я счастливъ, если я таковъ передъ тобой.

Но если возмечтатъ о пирѣ томъ дерзну я,

Когда возсядешь ты, тогда къ тебѣ приду я,

Съ лоханью золотой, и перстни все приму,
Чтобъ руки освѣжить ты къ счастью моему.

Императоръ.

Хоть думать о шрамахъ мнѣ въ важный часъ не кетати.
Пусть такъ! Веселость другъ великихъ предприятий,
(Третьему).

Ты будешь столыникомъ! Прими подъ свой надзоръ
Охоту, хутора, и царскій птичій дворъ!
Блюди, чтобъ круглый годъ, какъ время наступило,
Любимое мое готово блюдо было.

Столникъ.

Строжайшій постъ блюсти даю себѣ обѣтъ,
Пока любимыхъ яствъ передъ тобою нѣтъ;
Съ прислугой кухонной я буду самъ стараться,
Ни отдаленностью, ни срокомъ не стѣсняться.
Къ новинкамъ вышнему въ столъ не падоу ты;
Простое, сочное, вотъ все твои мечты.

Императоръ (четвертому).

Ужь если рѣчь ведетъ насъ къ празднику большому,
Быть чашникомъ тебѣ, герою молодому.
И въ этомъ званіи заботься объ одномъ —
Чтобъ погребу былъ снабженъ отличнѣйшимъ виномъ;
Ты самъ воздержень будь, не слишкомъ забавляйся,
И случаемъ къ тому никакъ не соблазнился!

Чашникъ.

И юность, Государь, коль довѣряютъ ей,
Нерѣдко предстаетъ со зрѣлостью мужей.

И я о торжествѣ томъ славномъ помышляю,
И царскій твой буфетъ въ умѣ я устрояю,
Гдѣ-бъ кубокъ золотой въ серебряныхъ мелькалъ;
Но выберу сперва любимый твой бокалъ:
Венецанское стекло его сверкаетъ,
Вино острѣ въ немъ и вѣкъ не охмѣляетъ.
Инаго качество такое соблазнить;
Твоя-жъ умѣренность вѣрнѣй тебя хранить.

Императоръ.

Чѣмъ жаловать я васъ, въ минуты размышленья,
Вы сами отъ меня узнали безъ сомнѣнья,
И слово царское велико такъ само;
Но чтобъ скрѣпить его, потребно намъ письмо,
Нужна печать. Чтобъ ходъ дать дѣлу настоящий,
Я вижу, мужъ сюда подходитъ надлежащій.

Входитъ архіепископъ-канцлеръ.

Императоръ.

Кто зданье возводя, вставляетъ въ сводъ замокъ,
Держаться въ цѣлости на вѣкъ всему помогъ.
Ты видишь, четырехъ князей мы тутъ избрали;
Что нужно для двора и дома, мы сказали.
Но то, чѣмъ царство все мы въ цѣлости хранимъ,
То полновѣсно мы вручаемъ пятерымъ.
Обиліемъ земель придамъ я имъ значенье;
Поэтому сейчасъ расширю ихъ владѣнье

Насчетъ наслѣдства тѣхъ, кто отпадать отъ насъ.
Васъ вѣрныхъ надѣлю я землями сейчасъ,
И правомъ къ случаю расширить нажитое
Путемъ наслѣдственнымъ, покупкой и мѣною;
Затѣмъ да будетъ вамъ безспорно вручено
Все, что законному владѣльцу блюсть должно.
Вашъ судъ рѣшеніемъ въ дѣлахъ конецъ положить
И жалобъ на него затѣмъ ужъ быть не можетъ.
Налоги, подати, взыманье за проходъ,
Соль, горный промыселъ, монета — вашъ доходъ.
Вамъ я признательность свою тѣмъ знаменую,
Что къ власти царской васъ ближайшими причту я.

Архіепископъ.

Отъ имени всехъ насъ несу тебѣ поклонъ;
Ты, укрѣпляя насъ, свой укрѣпляешь тронъ.

Императоръ.

Вамъ пятерымъ еще права предоставляю,
Я живъ и царствую и жить еще желаю;
Но отъ грядущаго великихъ предковъ рядъ
Угрозой смертности мой отвлекаетъ взглядъ.
Мнѣ съ дорогими тожъ придетъ пора разстаться;
Вашъ долгъ наслѣдника тогда избрать стараться.
Его вѣнчаннаго взведите вы на тронъ, —
Что бурно началось, пусть мирно кончитъ онъ!

Канцлеръ.

Смирено преклоняю и гордые душою,
Первѣйшіе князья стоятъ передъ тобою.

Покуда наша кровь свершаетъ вѣрный кругъ,
Мы — тѣло, коимъ твой повелѣваетъ духъ.

Императоръ.

И въ довершеніе, все что опредѣляютъ,
Навѣки закрѣпить мы подписью желаемъ.
Хоть быть владѣльцами вамъ выпало на часть,
Но лишь съ условіемъ, чтобъ не дѣлать ту власть;
Какъ ни расширите вы своего имѣнья,
Пусть первородный сынъ получить все владѣнья.

Канцлеръ.

На листъ пергамента мгновенно занесутъ
На счастье намъ и всей странѣ такой статутъ.
А приложить печать — тутъ дѣло не велико —
Священной подписью ты все скрѣпишь, владыко.

Императоръ.

Я отпускаю васъ, чтобъ о великомъ днѣ
Могли вы сообща обдумать все исполнѣ.

(Свѣтскіе князья удаляются).

Архіепископъ (остается и говоритъ патетически).

Нѣтъ канцлера съ тобой; епископъ лишь остался,
И ждетъ чтобы твой слухъ къ рѣчамъ его склонялся.
Душою отчей онъ изъ-за тебя скорбитъ.

Императоръ.

Скажи: что такъ тебя въ веселый часъ страшить?

Архієпископъ.

Какъ горько видѣть мнѣ въ подобный часъ, не скрою,
Священное чело въ союзѣ съ сатаною!
Ты прочно утвердилъ повидимому тронъ,
Но имъ, увы, Господь, имъ Папа посрамленъ.
Послѣдній, все узнать, возмездья не отложить —
Священнымъ гнѣвомъ онъ грѣхъ царства уничтожитъ.
Онъ не забыть еще, какъ ты въ избыткѣ силъ
Въ день коронаціи волшебника простилъ.
Лучъ твоего вѣнца безбожно, незаконно
Проклятой головы коснулася благосклонно.
Но въ грудь себя ударъ и съ грѣбнаго пути
Ко счастью, ленту ты святынь возврати:
Тотъ холмъ, гдѣ твой шатеръ когда-то красовался,
Гдѣ духамъ злобы ты въ защиту отдавался,
Гдѣ князю лжи внимать ты ухо преклонилъ, —
Его, покаившись, подъ храмъ бы ты отдать;
Съ горами, гдѣ лѣса раскинулись обширно,
Съ холмами, пастбища склонающимися мирно,
Съ плесами рыбными сверкающими озеръ,
Со множествомъ ручьевъ, бѣгущихъ на просторъ,
Затѣмъ и самый долъ съ богатствомъ населенъ:
Явись раскаяннымъ, получишь отпущенье.

Императоръ.

Проступокъ тяжкій мой меня кидаетъ въ дрожь;
Границу означай, какъ нужнымъ то сочтешь.

Архієпископъ.

Сперва пусть скверное то мѣсто преступленья
Молить Всевышняго получить назначенье.
Ужъ стѣны прочныя духовный видитъ взоръ,
Вотъ солнце раннее весь озарило хоръ;
Крестообразное расширилось строенье
И зданье выстаетъ, для вѣрныхъ умиленье.
Текутъ поклонники къ вратамъ со всѣхъ сторонъ,
Впервые по горамъ гудитъ призывный звонъ.
Съ летящихъ къ небесамъ высокихъ колоколенъ,
И грѣшникъ предстоить, и жизнью вновь доволенъ.
Дню освященія, — да сбудутся мечты! —
Твое присутствіе добавитъ красоты.

Императоръ.

Въ высокомъ дѣлѣ пусть проявится стремленье
Прославить Господа и получить прощенье.
Довольно! ты сбумѣлъ мнѣ мысли вознести.

Архієпископъ.

Какъ канцлеръ помогу я формы соблюсти.

Императоръ.

Формальный документъ церковнаго владѣнья
Представь, я подпишу съ восторгомъ умиленья.

Архієпископъ (откланялся, но при
выходѣ возвращается
снова).

Когда возникнетъ храмъ, ему ты отъ души

Архієпископъ (возвращаясь снова,
съ глубокимъ по-
клономъ).

Прости мнѣ, государь! Тому, кто такъ мудренъ,
Прибрежье отдать ты. — Онъ будетъ отлученъ,
Коль ты, какъ слѣдуетъ раскаянному сыну,
И тамъ не повелишь дать въ церковь десятину.

Императоръ (досадливо).

Земли тамъ нѣтъ еще, ее изъ моря брать.

Архієпископъ.

Кто получилъ права, съ терпѣньемъ можетъ ждать.
Намъ слово дорого твое, а не мытарство.

(Уходитъ).

Императоръ (однѣ).

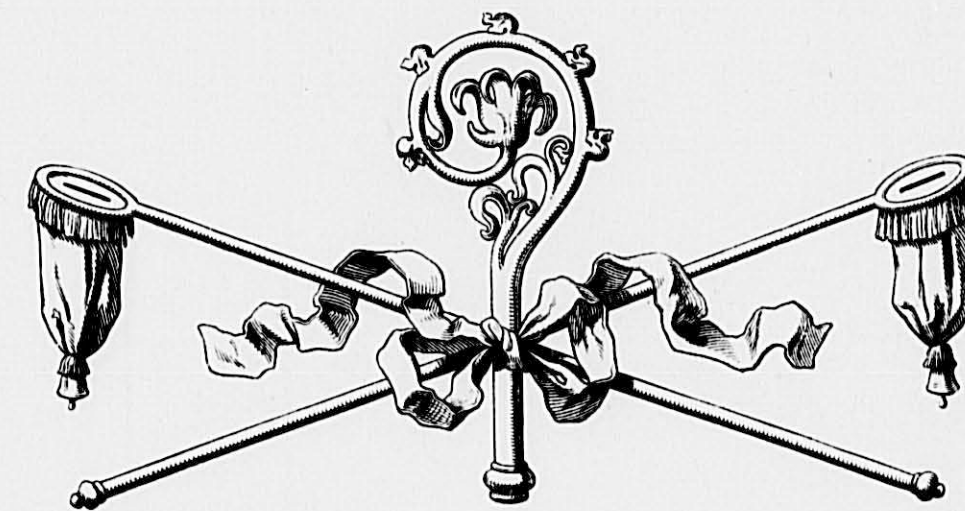
Вѣдь этакъ я могу раздать все государство.

И десятинный сборъ, и подать припиши
Навѣкъ. Вѣдь надобно поддерживать строенье,
И стоитъ дорого благое управленье.
Чтобы застроился скорѣй тотъ дикій край,
Ты изъ добычи часть намъ золота отдай.
Къ тому жъ потребно тутъ и съ самаго начала
И лѣсу, и сланцу, и извести немало.
Подводы дасть народъ, съ амвона слыша рѣчь,
И церковь станетъ тѣхъ, кто служить ей, беречь.
(Уходитъ).

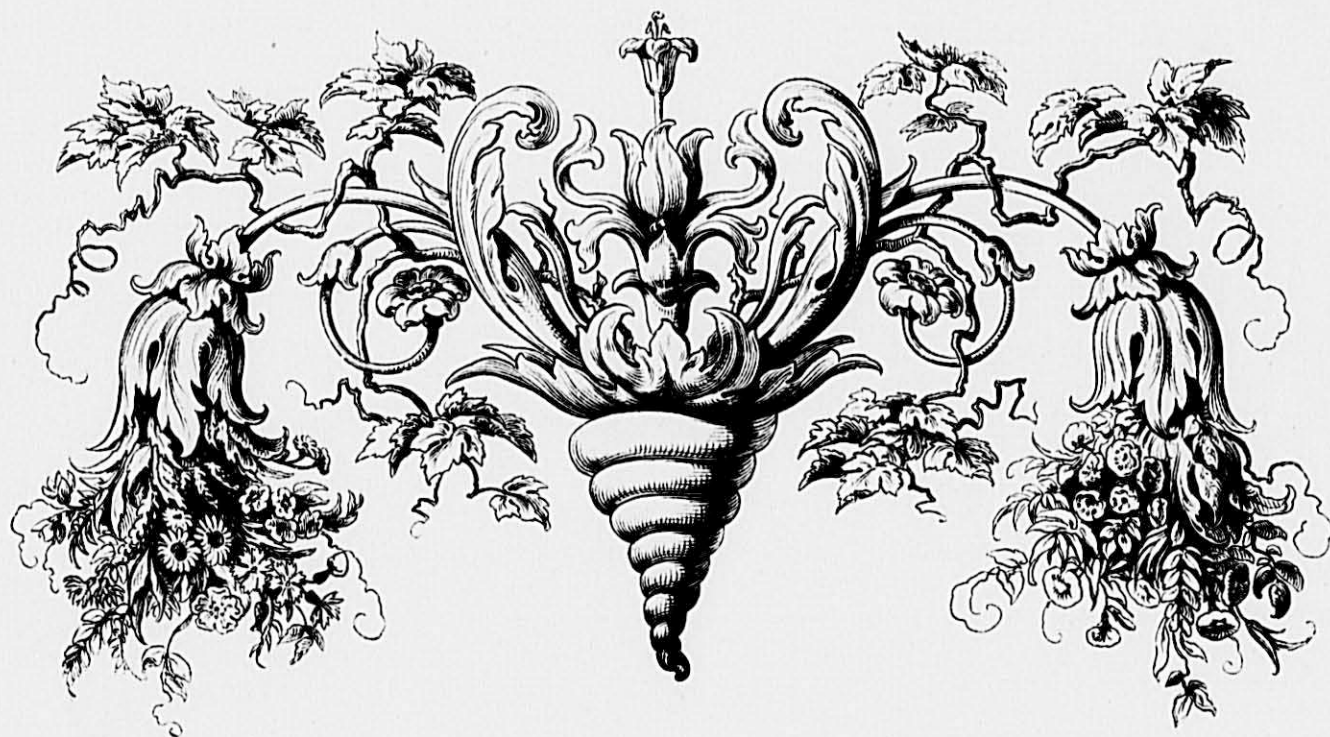
Императоръ.

Дѣйствительно тяжелъ и страшенъ грѣхъ мой глав-
ный.

Кудесники ввели меня въ убытокъ славный.

Актъ пятый.

Открытая мѣстность.

Странникъ.

Да, могу не ошибаясь
Къ старымъ липамъ тѣмъ дойти.
Я призналъ ихъ, возвращаясь
Изъ далекаго пути!
Вонъ и хижина мелькнула,
Что давала мнѣ приютъ,
Какъ волной меня швырнуло
На пустынный берегъ тутъ!
Встрѣчу-ль я хозяевъ снова,
Сердцемъ равной пары нѣтъ;
Вѣдь они во дни былаго
Ужъ преклонныхъ были лѣтъ.

Ахъ! какіе люди это!

Постучаться ли? Узнать!

Все-ль они, полны привѣта,

Также рады помогать?

Бавкида (очень древняя старушка).

Тише, тише, странникъ милый!

Мужъ мой спитъ еще вотъ тутъ;

Долгій сонъ снабжаетъ силой

Старика на краткій трудъ.

Странникъ.

Все ли, матушка, ты та же,

Что меня тогда нашла,

И съ супругомъ добрымъ даже
Жизнь мнѣ, юношѣ, спасла?
Ты-ль Бавкида, что съумѣла
Дать мнѣ пищи въ добрый часъ?

(Выходить мужъ).

Филемонъ ли ты, что смѣло

Мнѣ добро изъ моря спасъ?

Помню я огонь вангъ ясный,

Помню колокола звонъ,

Приключенья часъ ужасный

Только вами разрѣшенъ.

Дайте жъ къ морю обратиться,

На него опять взглянуть;

Дайте мнѣ упасть, молиться —

Такъ моя стѣснилась грудь.

(Онъ идетъ въ равнину).

Филемонъ (Бавкидѣ).

Столь накрыть тебѣ придется,

Гдѣ цвѣты въ саду вонъ тамъ.

Пусть бѣжитъ и ужаснется,

Не повѣритъ онъ глазамъ.

(Идетъ за нимъ. Стоя съ нимъ рядомъ).

Что грозило цѣлымъ адомъ,

Гдѣ несло тебя волной,

Видишь, стало чуднымъ садомъ,

Нынѣ это рай земной.

Стали съ вѣкомъ руки хилы,

Гдѣ ужъ, старцу, мнѣ спасать:

Какъ монъ ослабли силы,

Отошло и море вспять.

Умъ владыкъ, рабочихъ сила

Понадѣлали плотинъ,

Чтобы тамъ, гдѣ море выло,

Человѣкъ стать властелинъ.

На раздолье оглянися,

Сель, полей, лѣсовъ не счесть!

Но пойдѣмъ и подкрѣпимся;

Скоро солнце хочеть сѣсть. —

Вонъ, бѣлая по лазури,

Мчатся въ пристань корабли! —

Словно птицы въ страхѣ бури

На гибздо тянуть пошли.

Такъ сперва увидишь море

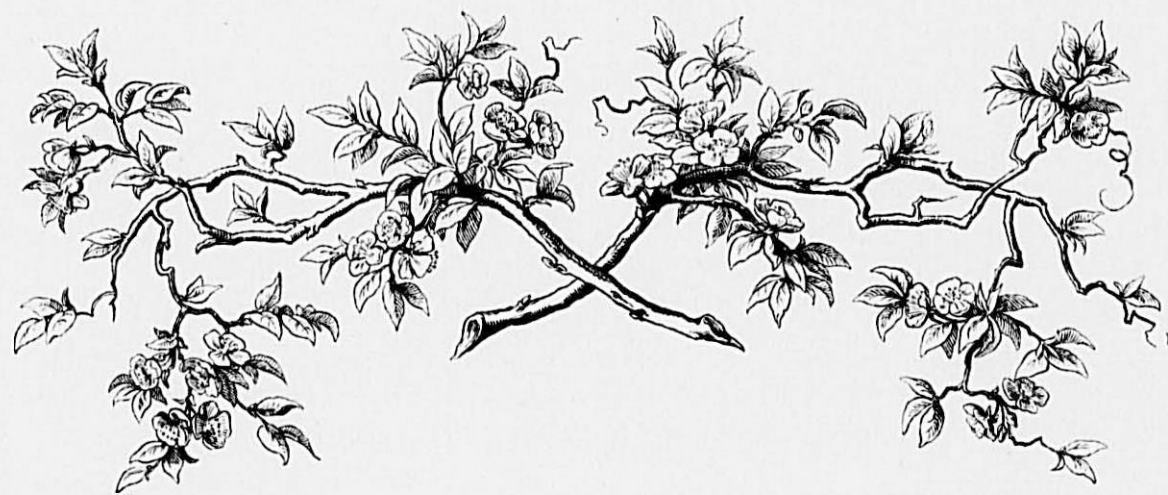
Синей лентой, — а потомъ

Справа, слѣва на просторѣ

Населенный край кругомъ.

Въ сѣдѣнѣ.

Всѣ трое за столомъ.

Бавкида (страннику).

Что-жъ сидишь ты молчаливо?
Въ ротъ крохи не хочешь взять?

Филемонъ.

Хоть узнать бы онъ про диво:
Ты вѣдь рада поболтать.

Бавкида.

Точно! Диво это было!
И понинѣ не очнусь;
Все, что здѣсь пронеходило,
Не добромъ сошло, боюсь.

Филемонъ.

Развѣ, берегъ уступая,
Императоръ погрѣшилъ?

Вѣдь герольдъ же проѣзжая
Всѣмъ про это протрубилъ.
Здѣсь у насъ, вблизи отъ моря,
Первый выкидали валь,
Ставки, хижинны! — Но вскорѣ
И дворецъ средь поля всталъ.

Бавкида.

Днемъ напрасно лишь копали,
Хоть лопать, мотыкъ не счесть;
Гдѣ-жъ въ ночи огни мелькали,
Глядь, плотина утромъ есть.
Кровныхъ жертвъ знать пало много,
Ночью стонъ ихъ возникалъ;
Къ морю шла огней дорога,

Утромъ смотришь — тамъ каналъ.

Онъ безбожникъ, онъ алкаетъ

Нашей хатой овладѣть;

Какъ сосѣдъ онъ наираетъ,

Вамъ де слѣдуетъ терпѣть.

Филемонъ.

Къ мѣсту звалъ же онъ другому

Насъ, чтобъ жили мы волюгѣй!

Бавкида.

Охъ! не вѣрь ты дну морекому,

Высоты держись своей!

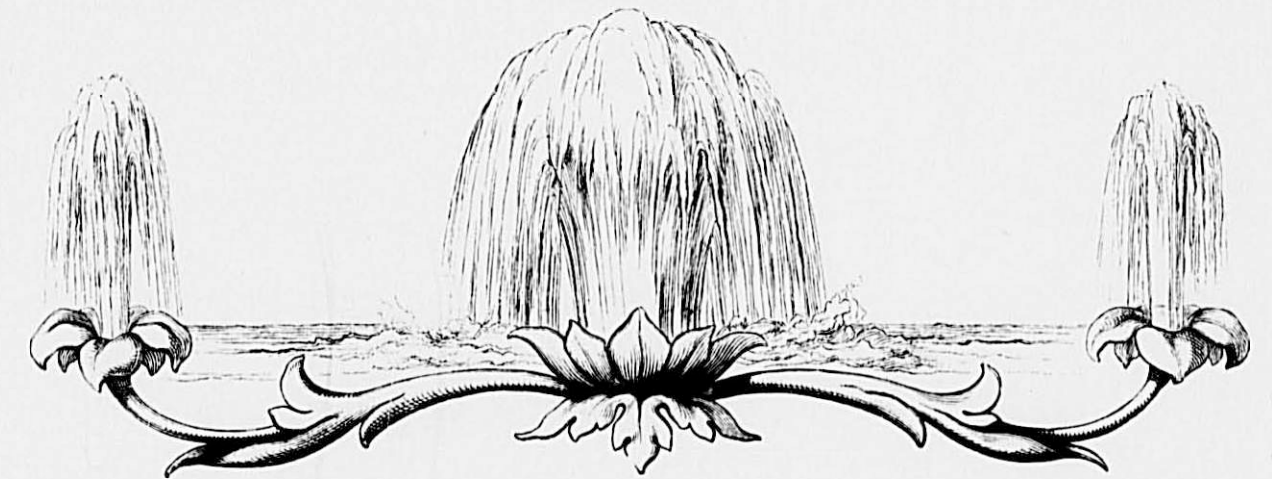
Филемонъ.

Ужъ пойдемъ къ часовнѣ съ нами,

При закатѣ прозвонить;

На колѣняхъ со слезами

Бога древняго молить!

Дворецъ.

Пространный, пышный садъ; длинный прямой каналъ.

(Фаустъ въ глубокой старости; идетъ задумчиво).

Лицей, стражъ на башнѣ.

(Въ рупоръ).

Садитесь солнышко, къ причалу

Вступаютъ въ пристань корабли.

Вотъ съ грузной баркою къ каналу

Чтобы сюда идти пришли.

Уже на мачту парусъ давить,

Флагъ разноцвѣтный вознесенъ,

Тебя веселый кормчій славить,

Ты полнымъ счастьемъ одаренъ.

(Колоколь звонить на отмели).

Фаустъ (вздрагивая).

Проклятый звонъ! разить жестоко

Онъ словно выстрѣлъ зоревой;

Моихъ границъ не видитъ око,

А тутъ досада за спиной.

Тая насмѣшку плутовато,

Тѣхъ звуковъ мнѣ твердятъ струнъ,

Что липы, темная та хата,

И та часовня — не моя.

Пойду ль гулять по той дорогѣ,

Чужая тѣнь мнѣ тамъ бѣда;

Мнѣ колетъ глазъ, мнѣ колетъ ноги,

О! хотъ бѣжалъ бы я куда!

Стражъ (какъ прежде).

Какъ вѣтеръ по равнинѣ водѣ

Къ намъ барку пеструю несетъ!

На ней поверхъ горы тюковъ

Ряды мѣшковъ и сундуковъ!

(Великолѣпная барка, богато и пестро нагруженная произведеніями чужихъ странъ).

Мефистофель. Три сильныхъ товарища.

Хоръ.

А вотъ и берегъ,

Мы идемъ

И честь владыкъ

Воздаемъ.

(Они выходятъ и выгружаютъ товары).

Мефистофель.

Мы дѣло справили какъ разъ,

Пусть самъ патронъ похвалитъ насъ.

На двухъ мы корабляхъ ушли,

А двадцать въ портъ мы привели.

Какъ много дѣла было намъ,

Пушкай товаръ расскажетъ самъ.

Въ свободномъ морѣ духъ вольный;

Тамъ надо размышлять живѣй!

Тамъ кто проворенъ — тотъ схватилъ,

Корабль какъ рыбку подцѣпилъ;

А тамъ ужъ дѣйствуя втроемъ,

Легко четвертый взять багромъ;

Тутъ пятый укрошай свой правъ,

Коль ты сильнѣе, ты и правъ.

Тамъ спросать: что? не: кто такой?

Я знаю море, море грубо.

Война, торговля и разбой

Такая троица, что люблю.

Три сильныхъ товарища.

Привѣта нѣтъ!

Патронъ не радъ!

Какъ будто мы

Веземъ не кладъ!

Онъ такъ взглянулъ,

Лицо скривилъ,

Какъ будто даръ

Ему не милъ.

Мефистофель.

Чего еще

Награды ждать!

Вы часть свою

Успѣли взять.

Товарищи.

Такой пустякъ

Отъ скуки чай;

По части равной

Всѣмъ давай.

Мефистофель.

Сперва разставьте

Въ залахъ мнѣ

Всѣ драгоцѣнности

Вполиѣ!

Какъ это все

Онъ тамъ найдетъ,

То самъ подробно

Все сочтетъ;

Вѣдь онъ срамится

Не гораздъ,

И вѣрно флоту

Пиръ задасть.

А пестрыхъ птицъ ждать завтра надо,

Ужъ будетъ ихъ душѣ отрада.

(Грузъ убираютъ).

Мефистофель (Фаусту).

Съ угрюмымъ взоромъ и челомъ

О счастья внемлешь ты своемъ.

Премудрый, все ты побѣдилъ

И море съ сушей примирилъ.

Пріемлетъ море отъ земли

На бѣгъ веселый корабли.

Сказать, отсюда изъ дворца

Ты міръ объемлешь безъ конца.

Вотъ здѣсь ты дѣло начиналъ,

Здѣсь первый балаганъ стоялъ,

Канавка чуть замѣтно шла,

Гдѣ нынче брызги отъ весла.

Твой мощный умъ и трудъ чужой

Съумѣли море взять съ землей,

Здѣсь...

Фаустъ.

Проклинаю это *здѣсь!*

Я имъ ужъ истомился весь.

Тебѣ, бывалому, признаюсь,

Изныло сердце, я крушусь;

Невыносимо я терзаюсь!

И какъ скажу, такъ устыжусь.

Тѣхъ стариковъ смѣстить бы надо,

Въ тѣхъ липкахъ я хочу сидѣть;

И безъ того малютки-сада

Противно свѣтомъ мнѣ владѣть.

Я, чтобы вдаль глядѣть, тамъ кетати

Въ вѣтвяхъ устроилъ бы палати,

Свободнымъ взоромъ все обнять,

Что удалось мнѣ здѣсь создать;

Чтобъ видно было мнѣ кругомъ,

Какъ человѣческимъ умомъ,

Къ концу все дѣло сведено,

Народамъ жительство дано. —

Но тутъ-то всѣмъ мечтамъ предѣлъ:

Въ богатствѣ чувствуешь пробѣлъ.

И запахъ липъ, и этотъ звонъ, —

Ну, словно я похороненъ.

Такъ, всемогущій лишь на видъ,

На этомъ я песокъ разбить.

Когда-жъ я съ этимъ развяжуся!

Чуть зазвонятъ — и я бѣшуся.

Мефистофель.

Вполнѣ понятно для меня,
Что жизнь отравлена твоя.
Кто станетъ спорить! Тамъ, гдѣ знонь,
Духъ благородный оскорблень,
И это *бимъ-бамъ-бумъ* клятое
Лишь портитъ небо голубое,
И съ первыхъ дней до погребенья
Во все вѣшалось отравленья,
Какъ будто между *бимъ* и *бумъ*
Вся жизнь лишь призракъ сонныхъ думъ.

Фаустъ.

Упрямство и строптивость ихъ
Мнѣ отравляютъ каждый мигъ,
И подъ конецъ привычки нѣтъ,
Устанешь справедливымъ быть.

Мефистофель.

Чѣмъ тутъ себя ты такъ стѣсняешь?
Впервые-ль ты переселяешь?

Фаустъ.

Ступай-же, устрани ихъ прямо!

Тотъ хуторокъ ты знаешь самъ,
Что я готовилъ старикамъ.

Мефистофель.

Перенесутъ ихъ да и только;
И не почувствуютъ нисколько.
Красивой собственности видъ
Ихъ и съ насильемъ примирить.

(Онъ рѣзко свистѣтъ).

Тѣ трое явятся.

Мефистофель.

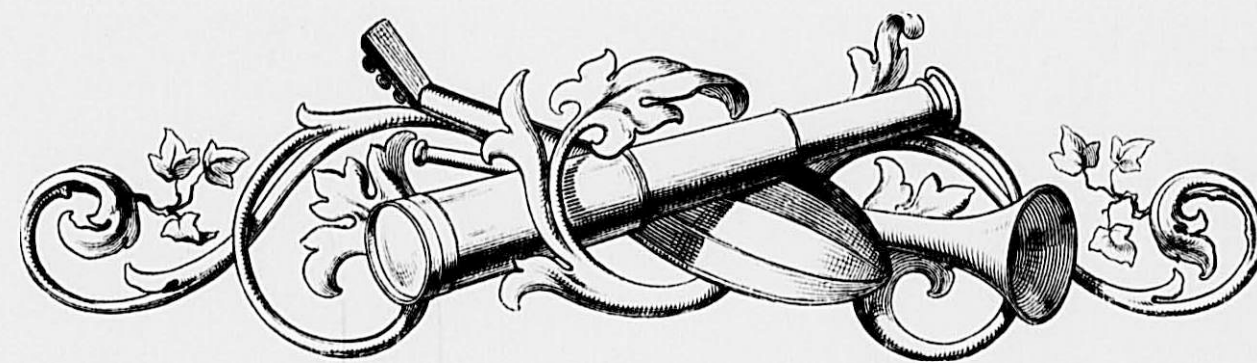
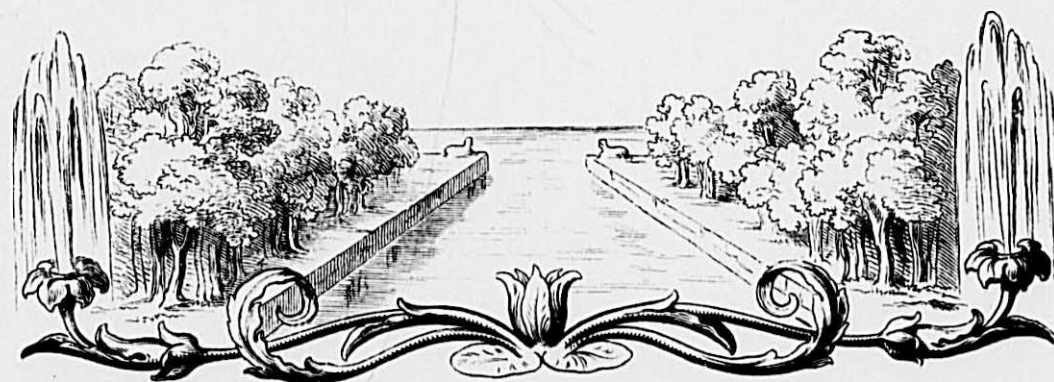
Пойдемте! Данъ приказъ прямой,
А завтра флоту пиръ горой.

Трое.

Хоть сухъ былъ старика пріемъ,
Но на пиру за то гульнемъ.

Мефистофель (ad spectatores).

И здѣсь все тожь, что съ древнихъ дней,
Твой виноградникъ Навуоей.

Глубокая ночь.

Лицей, башенный стражъ.

(Поетъ на вышнѣ).

Глядѣть я родился,
Все взоромъ ловлю,
Я съ башней сроднился,
Весь свѣтъ я люблю.
И все предо мною,
Куда я ни гляну,
И звѣзды съ луною
И роса, и лань.
Всей этой раздольной
Любуюсь красой,
И всею я доволенъ
Доволенъ собой.
Счастливыя очи,
Что бъ ни было тамъ,
Прекрасное всюду
Встрѣчалось вамъ!

(Пауза).

Но не все для наслажденья
Здѣсь высоко я стою;
Что за страшное видѣнье
Я во мракѣ узнаю!
Кто-то некрами моргаетъ
Изъ-подъ липъ во мглѣ двойной,
Все сильнѣе раздуваетъ
Злое пламя вѣтръ ночной.
Ахъ! избушка вся пылаетъ,
Хоть и влажнымъ мхомъ покрыта;
Знать никто не выручаетъ,
Да кому спасать въ дали-то?
Ахъ, старинушки, что съ вами!
Какъ огня они страшились.
Иль пожреть ихъ это пламя?
Что за страсти приключились!
Пламя пышетъ пыломъ краснымъ,
Только черный остовъ сзади;
Ужъ удастся ли несчастнымъ

Уцѣлѣть въ подобномъ адѣ!
Засверкало языками
Вверхъ по листьямъ, межъ сучаи;
Все, что сухо, занялося,
Вотъ ужъ рухнуло; какъ жаль!
Что увидѣть-то пришлось
Мнѣ за то, что вижу вдаль!
И часовню раздавила
Тяжесть рухнувшихъ вѣтвей;
Вотъ макушки освѣтило,
Къ нимъ огонь взбѣжалъ какъ змѣй.
Вонъ стволы красны отъ зною,
До корней горитъ дупло.

(Долгая пауза. Пѣніе).

Что манило красотою,
Со столѣтьями — легло.

Фаустъ (на балконѣ лицомъ къ
отмели).

Кто сверху тамъ поетъ тоскуи?
Здѣсь поздно пѣть иль говорить.
То поетъ стражъ; и не могу я
Въ душѣ поспѣвшихъ не бранить.
Но пусть сгорѣвшихъ липокъ пниѣ
Стволы истлѣвшіе торчатъ,
Поставлю вышку на равнинѣ,
Чтобъ въ безконечность неся взглядъ.
Тамъ будетъ видно мнѣ жилище

Той пары добрыхъ стариковъ,
Сердца которыхъ стали чище
Отъ благотѣльныхъ трудовъ.

Мефистофель и тѣ трое (внизу).

Несемся рысью мы сюда;
Прости! Случилась тамъ бѣда.
Стучался мы, я въ дверь толкалъ,
Но намъ никто не отпиралъ;
Какъ напали мы пуще вповъ,
Гнилая дверь сошла съ крюковъ;
Мы стали кликать, угрожать,
Никто не думалъ отвѣчать.
И какъ бываетъ тутъ всегда,
Мы убѣждаемъ, — такъ куда!
Но, не теряя словъ пустыхъ,
Проворно мы убрали ихъ.
Испугъ ихъ долго не томилъ
Онъ пару сразу уложилъ.
А странникъ, что у нихъ былъ скрытъ,
Подѣзъ на драку — и убить.
Какъ эту свалку завели,
Упали угли и зажгли
Солому. — Вотъ теперь костромъ
Жилище стало всѣмъ имъ тремъ.

Фаустъ.

И вы-то глухи видно тожъ!
Обмѣнъ быть пужень — не грабежъ.

Вангъ подвигъ дерзкій, роковой
Клянупу! Дѣлите межъ собой.

Хоръ.

Давно извѣстно слово намъ:
Насилью подчиняйся самъ!
А' если храбръ и принялъ бой,
Отвѣтишь домомъ и собой.

(Уходитъ).

Фаустъ (на балконѣ).

Померкли звѣзды въ поздній часъ,
Огонь совсѣмъ почти погасъ,
И вѣтерокъ, едва пахнетъ,
Ко мнѣ и дымъ и чадъ несетъ.
Скорь былъ приказъ и скорь исходъ! —
Что это тѣнью возстаетъ?

Полночь.

Входят четыре мрачных женщины.

Первая.

Зовусь Недостачей.

Вторая.

Я Долгомъ зовусь.

Третья.

Зовусь я Заботой.

Четвертая.

Зовусь я Нуждой.

Втроемъ.

Тутъ заперты двери; напрасно мы ждемъ,
Живетъ тутъ богатый — къ нему не войдемъ.

Недостача.

Тамъ стану я тѣнью.

Долгъ.

Тамъ стану ничѣмъ.

Нужда.

Глядѣть на меня тамъ не станутъ совѣмъ.

Забота.

Вамъ, сестры, придется убраться отсель;

Забота жь пролѣзетъ въ замочную щель.

(Забота исчезаетъ).

Недостача.

Вы, сестры сѣдя, уйдите скорѣй!

Долгъ.

Къ тебѣ я пристану какъ можно плотнѣй.

Нужда.

А вслѣдъ за тобою нужда побредетъ.

Втроемъ.

Все звѣздное небо отъ тучекъ въ затмѣньи,

А сзади-то, сзади, совѣмъ въ отдаленьи,

Знать наша сестрица и *смерть* ужь идетъ.

Фаустъ (во дворцѣ).

Пришли четыре, три ушли;

Ко мнѣ ихъ рѣчи не дошли.

Нужда, я словно разобрать

Да слово *смерть* я успыхалъ;

Какъ призраковъ исполнень звукъ глухой.

Не выбьюсь я никакъ на путь прямой:

Когда бъ я могъ отъ магін укрыться,

Всѣмъ заклинаньямъ вовсе разучиться,

Лицомъ къ лицу съ тобою природа жить,

То стоило бъ и человѣкомъ быть.

Таковъ я быть, пока во мглѣ не рылся,

Пока на мѣръ и на себя не злился.

Теперь видѣнья всюду на пути.

И ужь не знаешь какъ отъ нихъ уйти.

Хоть ясный день ихъ и утонитъ прочь,

Опять въ видѣньяхъ спутаетъ насъ ночь.

Я весель съ поля вѣшняго иду,

Вдругъ птица каркнетъ. Что сулитъ? Бѣду.

Насъ предразсудокъ день и ночь томить,

Сбывается, вѣщаетъ и грозитъ,

И такъ стоишь, и страхъ тебя беретъ.

Дверь заскрипѣла, а никто нейдетъ.

(Содрогаясь).

Тутъ есть ли кто?

Забота.

Отвѣтить нужно: *да!*

Фаустъ.

Но кто же ты?

Забота.

Явилась я сюда.

Фаустъ.

Уйди ты прочь!

Забота.

Какъ разъ тутъ мѣсто мнѣ.

Фаустъ (сперва раздраженъ, затѣмъ успокоенъ, про себя).

Не заклинай опять по старинѣ.

Забота.

Ухо пусть меня не слышитъ,

Все же мною сердце дышетъ;

Въ разныхъ видахъ я одна

Мучить каждого властна.

По дорогѣ, надъ волнами

Я, мучительница, съ вами;

Не искавъ, меня найдешь,

Лѣстить начнешь, иль проклянешь!

Иль ты заботы не знавалъ?

Фаустъ.

Я свѣтъ-то только пробѣжалъ,

За волоса всѣ похоти хваталъ я,

Что было не по мнѣ, — бросать я,
 Что ускользало — не ловить;
 Я лишь хотѣлъ, да исполнять,
 И вновь желать, — и такъ пробушевать
 Всю жизнь; сначала мощно, шумно,
 Теперь иду обдуманно, разумно.
 Земля давно извѣстна мнѣ;
 А взглядъ *туда* намъ прегражденъ вполне.
 Глупецъ! Кто ищетъ слабыми глазами
 Подобья своего надъ облаками!
 Здѣсь утвердись, да оглянись, межъ тѣмъ
 Предъ доблестнымъ міръ видимый не пѣмъ.
 Зачѣмъ ему по вѣчности носиться!
 Что онъ познать, тѣмъ можетъ насладиться.
 Такъ станетъ день за днемъ онъ проходить
 И духовъ блажь его не въ силахъ сбить;
 Блаженствъ и мукъ пусть ищетъ онъ въ стремленьи,
 Онъ — ненасытный въ каждое мгновенье.

З а б о т а.

Разъ кого я побѣдила,
 Въ міръ все тому не мило.
 Солнце скроется куда-то,
 Ни восхода, ни заката;
 При сознаньи полномъ виѣшнемъ
 Все во мракѣ онъ кромѣшномъ;
 Хоть богатствомъ онъ владѣть,

Имъ онъ править не умѣетъ.
 Въ счастья, въ горѣ онъ скучаетъ,
 Въ изобилии голодаетъ;
 Скорбь иль радость вдругъ предстанетъ,
 Гнать онъ ихъ на завтра станетъ,
 Такъ къ грядущему все рвется
 И конца онъ не дожидается.

Ф а у с т ѣ.

Молчи! Тебѣ не сдамся я!
 Твой вздоръ мнѣ только слухъ тревожить.
 Ступай! Пустая литія
 И умнаго сбить съ толку можетъ.

З а б о т а.

Уходить? Иль воротиться? —
 Вѣкъ не можетъ онъ рѣшиться;
 Посреди большой дороги
 Онъ на ощупь движетъ ноги.
 Озираясь пугливо,
 Онъ всѣ вещи видитъ криво,
 И собой и всѣмъ стѣсняясь,
 Не дыша, а задыхаясь;
 Онъ, хотъ жизнью и томится,
 Не воспрянетъ, не смирится.
 Такъ наладить безразсудно,
 Бросить жалко, дѣлать трудно,

То отпустить, то придушить,
 То вздремнуть, то сонъ нарушить,
 Все ни съ мѣста до упаду,
 Такъ готовится онъ къ аду.

Фаустъ.

Жестокія видѣнья! Такъ людей
 Ведете вы чрезъ тысячи страданій
 И сводите чреду обычныхъ дней
 На чепуху гнуснѣйшую терзаній.
 Намъ демоновъ никакъ не отпугнуть;
 Упорна цѣпь духовная, я знаю:
 Но какъ забота вкрадчива ни будь,
 Твоей я власти не признаю.

Забота.

Узнай ее, замѣтишь тутъ
 Мое проклятье въ мигъ единый!

Слѣпцами люди вѣкъ живутъ;
 Ты, Фаустъ, ослѣпни предъ кончиной!

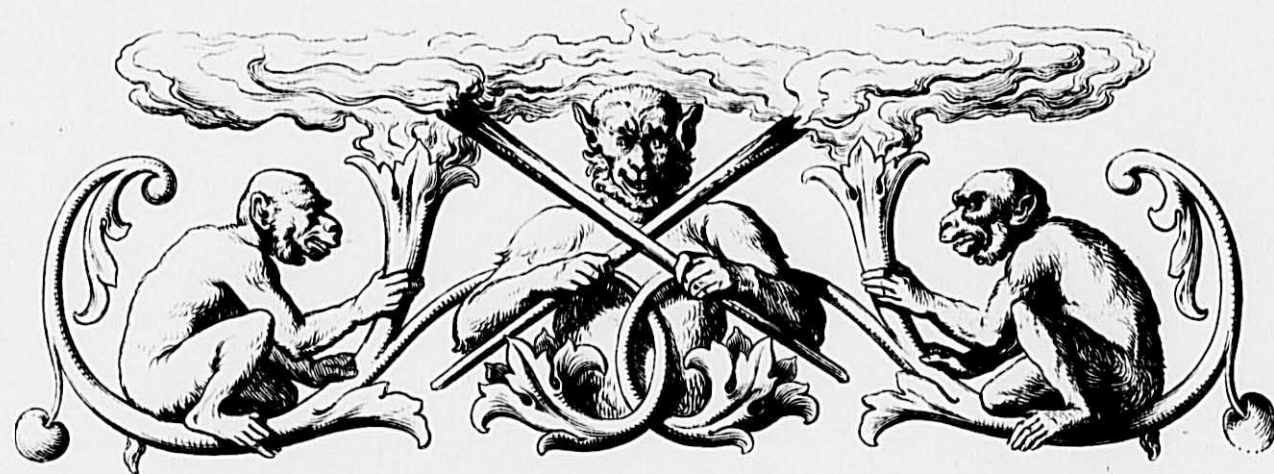
(Дышетъ на него).

Фаустъ (слѣпнеть).

Спускаетъ ночь завѣсу роковую,
 Но духъ мой яркимъ свѣтомъ озаренъ;
 Что я задумать — довершить хочу я;
 Властительное слово всеѣмъ законъ.
 Рабы, вставайте! Риньтесь толпой
 Осуществить отважный замыселъ мой.
 Сильнѣй трудись и заступь, и лопата!
 Что тычками обставлено — то взято.
 Порядокъ строгій, быстрый трудъ
 Награду дивную найдутъ.
 Въ великомъ дѣлѣ духъ преобладаетъ,
 На тысячи онъ рукъ одинъ хватаетъ.

Большой дворъ дворца.

Факелы.

Мефистофель (въ качествѣ смотрителя).

Сюда, сюда, скорѣй, скорѣй!
Вы, дряблые лемуры,
Изъ жилъ, теѣмокъ и костей
Сплетенныя натуры!

Лемуры (хоромъ).

Мы у тебя тутъ подъ рукой
И словно намъ сдается,
Что преогромною страной
Намъ обладать придется.
Жердей зачищенныхъ запасъ
И цѣпь для мѣры съ нами,
Но почему позвали насъ, —
Мы позабыли сами.

Мефистофель.

Тутъ нѣтъ искусства; дѣло просто —
Держитесь собственного роста,

Кто подлиннѣй ложись-ка на-земь вдоль,
А прочіе кругомъ вы дернъ обрѣжьте,
Пріемомъ не замысловатымъ
Врѣзайтесь длиннымъ въ квадратомъ!
Такъ изъ дворца да въ тѣсный домъ,
Все глупость та-жь, съ однимъ концомъ.

Лемуры (роютъ съ насмѣшливыми ужимками).

Какъ молодъ былъ я и любилъ,
Мнѣ жизнь была въ услуду,
Гдѣ чашъ веселый звонъ стоялъ —
Плясалъ я до упаду.

Но злая старость костью емъ
Своимъ меня хватила —
И я на гробовую дверь
Споткнулся — и въ могилу! —

Фаустъ (выходя изъ дворца, оцѣпываетъ притолку).

Какъ звонъ лопаты отраденъ мнѣ!
Онъ о толпѣ рабочихъ извѣщаетъ,
Что землю съ ней самой же примиряетъ,
Границу указавъ воли!
И море затѣнивъ кругомъ.

Мефистофель.

Для насъ же занять ты трудомъ,
Твои плотины да причалы —
Нептуну праздникъ небывалый.
Чортъ водяной имъ будетъ радъ!
Какъ вы ни бейтесь — вы пропади, —
Стихи къ намъ въ союзъ пристали,
И истребленіемъ грозятъ.

Фаустъ.

Смотритель!

Мефистофель.

Здѣсь!

Фаустъ.

Рабочихъ розыщи,

Сгоняй громаду за громадой,
Бери ты строгостью, наградой —
Плати имъ, увлекай, тащи!
И каждый день мнѣ узнавать придется,
Насколько вдаль канава подается.

Мефистофель (вполголоса).

Не о канавѣ знать народъ,
А о могилѣ рѣчь вѣдетъ.

Фаустъ.

Болото тянется къ горамъ,
И заражаетъ все, что мы добыли;
Спуститъ бы грязь гнилую только намъ
Вотъ этимъ бы мы подвигъ завершили.
Мы-бъ дали мѣсто многимъ милліонамъ
Зажить трудомъ, хоть плохо огражденнымъ!
Стадамъ и людямъ по зеленымъ нивамъ
На цѣпль придется жить счастливымъ,
Сейчасъ пойдутъ селиться по холмамъ,
Что трудовой народъ насыплетъ самъ.
Среди страны здѣсь будетъ свѣтлый рай,
А тамъ волна бунтуй хоть въ самый край,
И гдѣ буруны только входъ проложутъ,
Тамъ сообща сейчасъ изгнать заложутъ.
Да, этотъ смыслъ мной подлинно усвоенъ,
Вся мудрость въ томъ, чтобы познать
Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,
Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать.
Такъ проживетъ здѣсь, побѣждая страхъ,
Ребенокъ, мужъ и старецъ вѣкъ въ трудахъ.
При видѣ этой суеты
Сбылись бы все мои мечты.
Тогда бъ я могъ сказать мгновенно:

Остановись! Прекрасно ты!

И не исчезнуть безъ значенья

Земные здѣсь мои слѣды. —

Въ предчувствіи такого счастья и

Достигъ теперь вершины бытія.

(Фаустъ падаетъ навзничъ. Лемуры поднимаютъ его и кладутъ на землю).

Мефистофель.

Все жаждетъ счастья онъ и благъ иныхъ,

И похоти одна другой смѣняетъ;

Пустой, дрянной, послѣдній жизни мигъ,

Несчастный задержать желаетъ.

Со мной такъ мощно бился онъ,

Но время царь, старикъ лежитъ сраженъ.

Часы стоятъ.

Хоръ.

Стоять! Молчать какъ ночь.

И спала стрѣлка.

Мефистофель.

Спала; не помочь!

Хоръ.

И все прошло!

Мефистофель.

Прошло! преглуный звукъ.

Зачѣмъ прошло?

Прошло и чистое ничто, вполнѣ равно!

Къ чему намъ вѣчно созиданье

И вслѣдъ затѣмъ въ ничто срыванье!

«Вотъ и прошло» — что-бъ это означало?

Да что его какъ бы и не бывало,

А кружится, какъ словно бы и было.

Затѣмъ-то мнѣ пустое — вѣчно мило.

Положеніе во гробъ.

Лемуръ (соло).

Кто плохо такъ сооронилъ домъ

Желѣзною лопатой?

Лемуры (хоромъ).

Ты, гость въ покровѣ холщевомъ,

Тебѣ онъ пребогатый.

Лемуръ (соло).

Кто залу плохо такъ убралъ?

Гдѣ стулья? какъ убого!

Лемуры (хоромъ).

И то на краткій срокъ онъ бралъ;

Займодавцевъ много.

Мефистофель.

Плоть здѣсь лежитъ; захочетъ духъ бѣжать,

Листъ предъявлю, что кровью мы писали. —

Къ несчастью, средствъ такъ много отыскали

У чорта души отнимать.

Старинный путь для насъ запалъ,

Насъ не манять и новыя дороги;

Что я одинъ бывало совершалъ,

Къ тому ступай искать подмоги.

Во всѣхъ дѣлахъ мы стѣснены!
 Обычай, право старины,
 Все зашталось подъ ногами.
 Бывало вздохъ послѣдній сторожишь;
 И, какъ проворѣвшую мышь,
 Ее ты цапъ! — и ухватишь когтями.
 Теперь она все медлитъ покидать
 Обитель трупа гадкаго, гнилую,
 Пока стихии наконецъ, враждуя,
 Ее съ позоромъ стануть изгонять.
 Хоть истомись я цѣлый день, несчастный,
Когда? и какъ? и идь? вопросъ напрасный;
 Смерть потеряла силу быстроты;
 И *точно ль?* даже не узнаешь ты;
 Смотрѣть на трупъ мнѣ жадно приходилось;
 То былъ обманъ, глядишь — зашевелилось.
 (Фантастически флигельманскія тѣлодвиженія).

Скорѣй сюда! удвойте шагъ большой,
 Чины прямого и криваго рога!
 Прислужники бѣсоваго чертога,
 Несите пасть геены вы съ собой.
 Хотя у ада много, много пастей,
 И по чинамъ привыкъ онъ всѣхъ глотать;
 Но въ будущемъ и этого отчасти
 Уже въ расчетъ не стануть принимать.
 (Ужасный адскій зѣвъ разверзается слѣва).

Разверзлись зубы, изъ гортани жаркой
 Дохнуло пламя на меня,
 И въ глубинѣ, гдѣ пылъ-то самый яркій,
 Я вижу городъ вѣчнаго огня.
 Вотъ до зубовъ волна огней плеснула,
 И грѣшники, подплывъ, спасенья ждуть.
 Но страшная гѣна ихъ жевнула
 И вспять они по пламени текутъ.
 И по угламъ премоного мукъ кромѣшныхъ,
 Хоть ужасамъ и не великъ приютъ!
 Прекрасно, что пугаете вы грѣшныхъ,
 Они все это лживымъ сномъ сочтутъ.
 (Къ толстымъ чертямъ короткаго, прямого рога).
 Вы, брюханы, въ огнѣ раздуты пылкомъ,
 Въ васъ адской сѣрѣ клокотать просторъ;
 Вы, чурбаны, съ негнущимся затылкомъ!
 Блудите низъ, не скажется-ль фосфоръ;
 То душенька, то крылья мчатъ психею;
 Ихъ вырвите — и дрянъ червякъ она;
 Ее клеймомъ своимъ запечатлѣю,
 И будь она геениѣ отдана.
 Предѣловъ нижнихъ слѣдъ держаться
 Вамъ, бурдюки, и наблюдать:
 Угодно ль тамъ ей оставаться —
 Нельзя навѣрное сказать.
 Всего вѣрнѣй она въ пупкѣ живетъ;
 Такъ не зѣвать, оттуда ускользнетъ.

(Къ худощавымъ чертамъ длиннаго, криваго рога).

Ей, великаны, что торчать шестами!
Глядите вверхъ на воздухъ, дурачье,
Готовьте руки съ острыми когтями,
Когда порхнеть, — хватайте вы ее!
Но вѣрно ей ужъ старый домъ претить,
А гений-то все кверху поровить.

(Сіяніе сверху справа).

Небесныя силы.

Вейтесь посланцы,
Неба избранцы,
Дайте просторъ!
Грѣшныхъ прощаетъ,
Прахъ оживляетъ!
Каждой природѣ
Къ свѣтлой свободѣ
Путь пролагаетъ
Медяницъ хоръ.

Мефистофель.

Нескладница, противное блеянье
Въ недобрый день несется сверху къ намъ;
Женоподобныхъ шельмцовъ оранье,
Такое, что лишь по сердцу ханжамъ.
Вы знаете, когда мы измылили
Людскую гибель въ распроклятый часъ:
Все, что мы гнуснаго сыскали,

Молитвѣ любо ихъ какъ разъ.

Обманеть сволочь, схватить палетай!

Мы не въ первой предъ ними въ дуракахъ —

Оружьемъ нашимъ насъ же поражая,

Они все тѣ же черти, въ пеленахъ.

Навѣки стыдъ поддаться нынѣ тоже;

Къ могилѣ все и будьте насторожѣ!

Хоръ Ангеловъ (сѣи розы).

Розы блестящія,
Сладко дышущія,
Тихо парящія,
Жизнью дарящія,
Въ листьяхъ крылатая,
Въ почкахъ зачатая,
Время вамъ цвѣть!
Миръ разцвѣчайте
Зеленую весъ!
Рай навѣвайте
Спящему здѣсь!

Мефистофель (сатанамъ).

Не гнишь, не жмись! Въ аду-то развѣ такъ?
Держитесь, пусть ихъ разсѣваютъ,
Исправенъ будь на мѣстѣ всякъ!
Цвѣточнымъ снѣгомъ что-ль мечтаютъ
Они чертей горячихъ закидать?

Въ дыханьи нашемъ таетъ весь пустякъ.

Вы, поддувалы, дуйте! Полно, стой!

Вы дунули и блекнетъ легкій рой.

Что крѣпко такъ? Хотъ морды бы заткнули!

Вы слишкомъ сильно ужъ подули;

И мѣры-то никто не сохранитъ!

Не только жметъ, сохнетъ все, горитъ!

Вотъ ядовитымъ пламенемъ слетѣло!

Смѣлѣй стоять, держись другъ дружки смѣло!

Исчезла мощь, волненье по рядамъ;

Умильный жаръ почувялся чертямъ.

Ангелы.

Цвѣтики честные,
Пламя небесное,
Полны любви они,
Сердцу сулятъ они
Радости сѣнь.
Слово о мирѣ —
Въ чистомъ зорѣ
Шире и шире
Блещущій день!

Мефистофель.

О срамъ! О стыдъ! Что случилось съ вами?
И сатанъ внизъ головами!
Попли болваны кувыркомъ,
И въ адъ стремглавъ летятъ купаться.

Часть добрый парится огнемъ!

Одинъ рѣшился я держаться. —

(Сражался съ горящими розами).

Прочь! не порхай, блудящій огонекъ!

Тебя схвати, такъ гадкій ты комокъ.

Чего пристали? Больно вы ужъ пылки!

Меня печетъ какъ сѣрой на затылкѣ.

Хоръ Ангеловъ.

Чего чуждаетесь,

Къ тому не льните;

Чѣмъ возмущаетесь,

Вы не терпите.

Передъ насилемъ

Стойте съ успіемъ!

Любящій любящихъ

Только зоветъ!

Мефистофель.

Жжетъ голову и грудь, и печень мнѣ!

Въ сверхдьявольскомъ горю огнѣ!

Кипѣть въ аду не такъ ужасно!

Вотъ почему такъ громогласно

Вошите вы, влюбленные, когда

Измѣнницы вы ищете слѣда.

И я! Зачѣмъ въ ту сторону гляжу я?

Вѣдь съ ними вѣкъ я жилъ враждуя.

На взглядъ привыкъ враговъ въ нихъ узнавать.

Иль чѣмъ-то чуждымъ грудь моя объята?
Вы милы мнѣ, прелестные ребята;
И отчего васъ не могу ругать? —
Но если я поддамся ихъ обманамъ,
Кого же звать мы станемъ дуракомъ?
А къ ненавидимымъ мальчуганамъ,
Я чувствую, влечетъ меня тайкомъ! —

Желать бы, дѣточки, узнать я,
Не Люциферъ ли породилъ и васъ?
Вы милы, васъ хотѣлъ бы цѣловать я;
Вы словно кетати здѣсь какъ разъ.
Мнѣ такъ естественно, привольно,
Какъ будто васъ видалъ я съ давнихъ дней!
Какъ кошечка, я ластуюсь къ вамъ невольно;
Взгляну на васъ, — вы все милѣй, милѣй.
Приблизьтесь же ко мнѣ, склоните взгляды!

Ангелы.

Вотъ мы къ тебѣ, а ты чего назадъ?
Мы близимся, ты не бѣги смущенъ.

(Ангелы летая занимаютъ все пространство).

Мефистофель (отодвинутый на аван-
сцену).

Браните насъ вы злобными духами,
А колдуны вы прямо сами;
Чтобъ соблазнять мужей и женъ. —
Что за предательское дѣло!

Ужъ не любовь ли тутъ шалить?
Въ огнѣ какъ будто бы все тѣло;
Чуть слышу я, что на плечахъ горитъ! —
Вы носитесь, такъ вы сюда слетайте,
Прелестнымъ членамъ свѣтской воли дайте!
Вполнѣ прекрасна строгость въ васъ;
Но улынитесь же хоть разъ;
Да, этимъ бы я восторгался вѣчно.
Ну какъ влюбленные глядятъ — конечно,
Съ оттѣнчкомъ у рта, вотъ весь и сказъ.
Ты, длинный, всѣхъ милѣй мнѣ безъ сомнѣнья;
Поповское оставь ты выраженье,
Немного страстно на меня взгляни!
Ходить бы вамъ приличнѣй обнажась;
Сорочки эти длинны такъ напрасно, —
Вотъ, вотъ летятъ, спиной оборотясь!
Бездѣльники вѣдь лакомы ужасно! —

Хоръ Ангеловъ.

Ты просіялъ бы,
Пламень любовный!
Такъ и грѣховный
Правду позналъ бы,
Чтобы отъ злаго
Спасишься земнаго,
Въ горней обители
Счастье найти!

Мефистофель (приходя въ себя).

Но что со мной! Какъ Иова покрыло
Меня всего болячками; но пѣтъ!
Я торжествую и при видѣ бѣдъ;
Въ себя, въ свою породу вѣрить слѣдъ.
Возрождена чертовскихъ членовъ сила!
На кожу вышелъ весь любовный бредъ,
Огнемъ я гнуснымъ больше не пылаю,
И всѣхъ я васъ, какъ должно, проклиная!

Хоръ Ангеловъ.

Пламя святое!
Кто имъ овѣяетъ,
Ризой одѣяетъ
Тотъ не земною.
Выше и шире!
Пойте вокругъ!
Чище въ эфирѣ,
Взвейся ты, духъ!

(Они возносятся, унося Фаустово безсмертное).

Мефистофель (озираясь).

Но что-жъ? Куда они дѣвались?
У малолѣтокъ я попалъ въ просакъ!
Они съ добычей къ небесамъ умчались;
Вотъ почему къ могилѣ льнули такъ!
Великій кладъ, безцѣнный потерялъ я:
Возвышенную душу, что стяжалъ я,
Они ее подтибрили-то какъ!
Гдѣ жалобу мою хоть слушать станутъ?
Кто отстоитъ права мои въ борьбѣ?
На старости ты лѣтъ теперь обманутъ;
Ты заслужилъ, что плохо такъ тебѣ.
Я все сгубилъ ошибкой несомнѣнной,
Плода усилий страшныхъ я лишень;
Любовью глупой, похотью презрѣнной
Чортъ закаленный проведенъ.
Коли въ такія дѣтскія дѣла
Вдался такой бывалый неумѣло,
То глупость ужъ конечно не мала,
Которая къ концу имъ овладѣла.

Горныя ущелья, лѣсъ, скала, пустыня.

Святые анахореты, отдѣльно по горѣ, расположась между пропастями.

Хоръ и Эхо.

Рощи качаются,
Скалы смежаются,
Корни ввиваются,
Сосны вдымаются;
Брызжетъ волна волнѣ,
Пропасть таитъ вполнѣ;
Львы къ намъ являются,
Молча ласкаются,
Чтутъ безгрѣховную
Пристань любовную.

Pater ecstaticus (пары внизъ и вверхъ).

Вѣчныхъ блаженствъ струи,
Пламенность изъ любви,
Грудь вся горящая,

Богомъ кипящая.

Стрѣлы, разите насъ,
Копья, пронзите насъ.
Млаты, дробите насъ,
Молнии, жгите насъ,
Чтобъ все мгновенное
Рушилось тлѣнное.
Звѣздно сияй одно
Вѣчной любви зерно.

Pater profundus (низшая область).

Какъ здѣсь у ногъ монаховъ ущелье
Въ глубокой пропасти лежитъ;
Какъ тысяча ручьевъ въ весельи
И въ пѣнѣ въ бездну пасть спѣшится;
Какъ силой, вверхъ его несущей,

Древесный стволъ въ зорьѣ влечетъ, —
Такъ и любовью всемогущей
Все создается, все живетъ.

Вокругъ меня погромъ жестокий,
Лѣсъ словно ходить со скалой!
А все жъ любовно такъ потоки
Стремятся къ пропасти глухой,
Долину оросить имъ надо;
А молніямъ, что внизъ летать,
Очистить воздухъ весь отъ яда,
Что испаренія таятъ. —
То вѣстники любви вѣщаютъ
О томъ, что зиждетъ все вокругъ.
Пусть и во мнѣ воспламеняютъ
Они холодный, смутный духъ,
Что цѣпь мучительную тоже
Еще не въ силахъ быть стрясти.
Смири Ты помыслы, о Боже!
Мое Ты сердце просвѣти!

Pater Seraphicus (средняя область).

Что за облачко струится
Надъ вершиною лѣсной?
Что сокрыто въ немъ? А мнится,
Это духовъ юный рой.

Хоръ блаженныхъ мальчиковъ.

Ахъ, отецъ, куда мы мчимся?

Кто мы? добрый, намъ открой!
Мы довольны; веселимся
Бытія живой игрой.

Pater Seraphicus.

Дѣти ночи преходящія,
Недозрѣвшія мечты,
Для родителей пропавшія,
Прибыль Ангельской среды!
Если любящаго чистыхъ
Вы признали, — такъ сюда!
Но путей земныхъ, тернистыхъ
Въ васъ, счастливыя, ни слѣда.
Въ органъ глазъ моихъ вступите,
Это органъ міровой;
Какъ бы въ свой въ него глядите
Вы на этотъ видъ земной!

(Принимаетъ ихъ въ себя).

Это — лѣсъ, а тамъ — по скаламъ
Тѣ потоки, надъ крутизной,
Низвергая валъ за валомъ,
Путь выгадываетъ свой.

Блаженные мальчики (изнутри).

Мощный видъ, но видъ суровый;
Трудно намъ его снести,
Насъ объемлетъ ужасъ новый,
Доблѣй, добрый, насъ пусти!

Pater Seraphicus.

Возноситесь, понемногу
 Возрастая каждый часъ,
 Какъ отъ вѣка близость къ Богу
 Укрѣпляетъ силы въ насъ.
 Духъ питаетъ дуновение,
 Что въ эфирѣ лишь витаетъ;
 Вѣчной жизни откровенье,
 Что къ блаженству призываетъ.

Хоръ блаженныхъ мальчиковъ

(кружась надъ высшими вершинами).

Руки сплетайте
 Въ радостный хоръ живой,
 Пойте, летайте
 Съ пѣсню любви святой!
 Внявъ о святинѣ,
 Слѣдъ уповать,
 Чтимаго нынѣ
 Вамъ созерцать!

Ангелы (паряще въ высшей атмосфере, унося Фаустово безсмертное).

Часть благородную отъ зла
 Спасъ нынѣ міръ духовный:
 Чья жизнь стремлениемъ была,
 Тотъ чуждъ среды грѣховной.
 А если и любовь объять
 Его слетаетъ свѣтомъ,

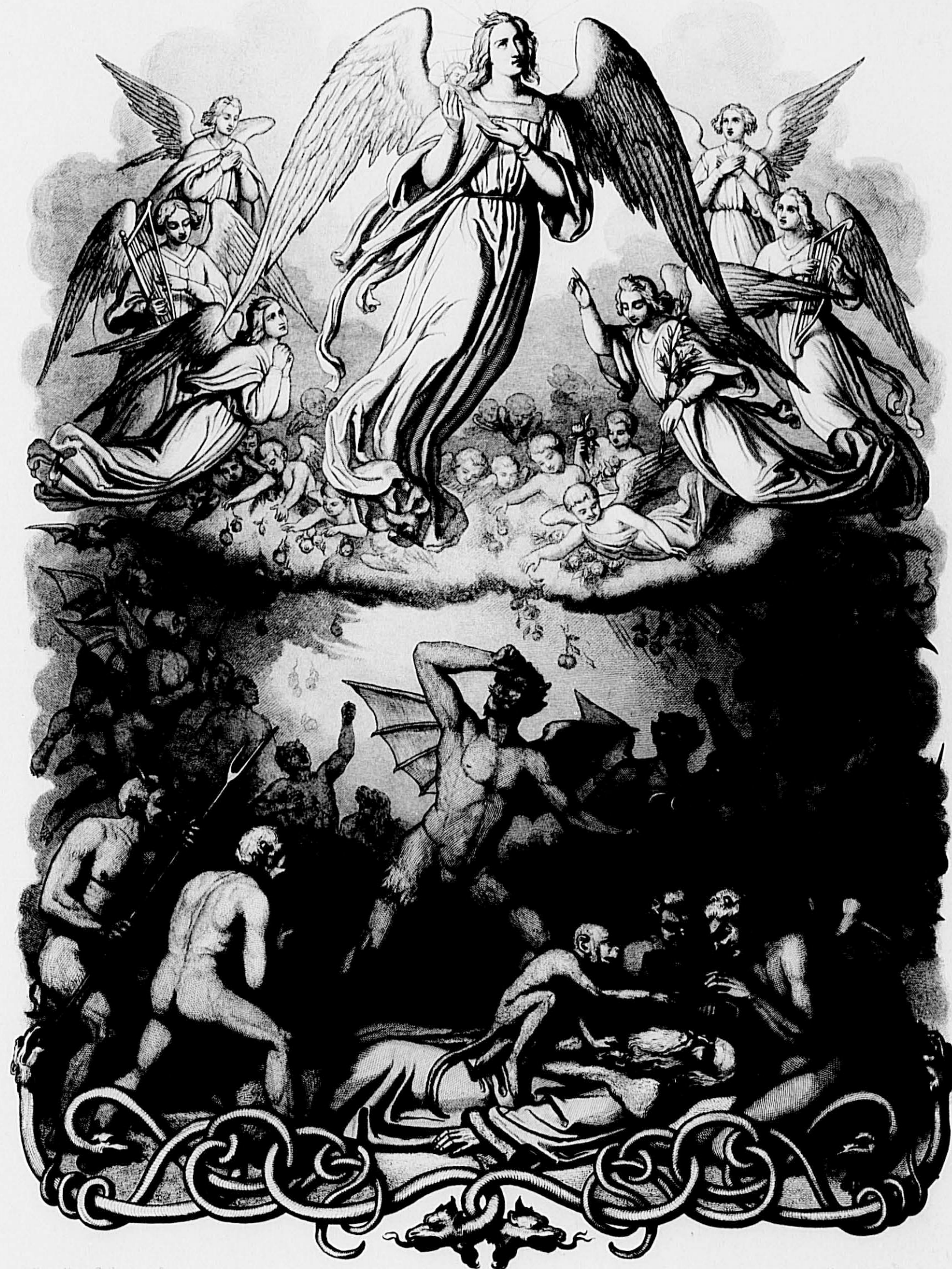
Блаженный хоръ его встрѣчать
 Спѣшитъ своимъ привѣтомъ.

Младшіе Ангелы.

Эти розы, что держали
 Покаянныхъ грѣшницъ руки,
 Намъ въ побѣдѣ помогали,
 Облегчали наши муки.
 Кладъ души мы сей стяжали,
 Ими злыхъ мы закидали.
 Черти врозь, какъ въ нихъ пошло.
 Вмѣсто адскихъ мукъ, познала
 Ихъ среда любви мученья.
 Сатана и тотъ въ смятеньи,
 Какъ стрѣлой пронзенъ горячей.
 Возликуйте надъ удачей!

Болѣе совершенные Ангелы.

Бренныхъ останковъ гнѣтъ
 Нестъ намъ такъ больно;
 Самый асбестъ — и тотъ
 Чистъ не довольно.
 Коль мощь духовная
 Прильнетъ къ стихіи
 Во узы кровныя,
 Даже святые
 Не разрѣшать двойной
 Жизни сближенье;

Въ вѣчной любви одной

Ихъ разрѣшеніе.

Младшіе Ангелы.

Какъ дуновения

Въ выси верховной,

Чую волненія

Жизни духовной.

Тучекъ свѣтлѣй края,

Вижу блаженныхъ я

Мальчиковъ хоры;

Ихъ не томитъ земной,

Тягостный сонъ,

Тѣшитъ ихъ взоры

Міръ красоты иной,

Въ блескъ погруженъ.

Будь онъ сожитіемъ,

Съ вѣчнымъ развитіемъ,

Къ нимъ приобщенъ!

Блаженные мальчики.

Благо личинкой могъ

Стать этотъ чаемый;

Ангельскій въ немъ залогъ

Такъ получаемъ мы.

Снимете пряди всѣ

Бытности тлѣнной,

Ужъ онъ возросъ вполне

Къ жизни священной.

Doctor Marianus.

(Въ высшей, чистѣйшей келии).

Здѣсь такъ свободенъ я

Духомъ подняться.

Женъ тамъ паритъ семья, —

Выше стремятся;

И невѣстная

Межъ нихъ сіяетъ,

Царица небесная

Все озаряетъ.

(Восторженно).

Ты, владычица міровъ!

Дай мнѣ зрѣть въ пустынь,

Гдѣ небесъ синѣетъ кровь,

Тайнъ твоихъ святыни.

Не отвергни, что въ груди

Мужа строго дышетъ,

Что влечетъ къ тебѣ идти

И любовью пышетъ.

Сколько мощи въ насъ самихъ

При твоёмъ велѣніи;

Но огонь нашъ гаснетъ вмгъ

Въ свѣтломъ примиреніи.

Дѣва мать, изъ всѣхъ одна,

Чтимая всечасно;

Ты въ царицы намъ дана,

Богу сопричастна!

Къ ней бѣлоснѣжныхъ
Льнетъ тучекъ стая:
То грѣшницъ пѣжныхъ
Семья пѣмая,
Къ ея колѣнямъ
Сердца приносить,
Пощады просить.
Предъ недостигаемой,
Предъ тобой открыто,
Что для искушаемой
Ты одна защита.
Трудно слабымъ устоять,
И искать спасенья;
Кто же въ силахъ самъ порвать
Цѣпи возжелѣнья?
Какъ легко нога скользнетъ
По отлогой глади!
Кто въ безумство не впадетъ
Вздоховъ, взглядовъ ради?

Mater gloriosa (паритъ по воздуху).

Хоръ кающихся грѣшницъ.

Паря къ селеньямъ
Нагорнымъ рай,
Внемли молениямъ,
Ты всевѣдая,
Ты всеблагая!

Magna Peccatrix.

Ради той любви, что много
Слезъ къ столамъ лила съ елеемъ
Твоего же Сына — Бога,
Не смущаясь фарисеемъ;
Ради урины, что струями
Благовоище изливала,
Ради той, что волосами
Мягко ноги отирала...

Mulier Samaritana.

Ради кладезя, гдѣ жадно
Авраама паства жалась;
Ради той бадьи, что хладно
Устъ Спасителя касалась;
Ради чистаго потока,
Что оттуда изобѣгаетъ,
Вѣчно ясно и широко
Мірозданье обтекастъ! —

Maria Aegyptiaca (acta Sanctorum).

Ради мѣстъ свѣщенныхъ вѣрѣ,
Гдѣ Господь былъ положенъ;
Ради длани, коей въ двери
Входъ мнѣ строго возбраненъ;
Ради жизни показанья,
Сорокъ лѣтъ въ стѣни, въ тоскѣ;
Ради словъ, что на прощанье
Я писала на пескѣ...

Втроемъ.

Ты, которая зриаешь
На великихъ грѣшницъ окомъ,
Имъ стяжать не возбраняешь
Свѣтъ въ смиреніи высокомъ,
И душѣ ты доброй этой,
Что ошиблась въ мигъ забвенья,
Не вмѣняй ей, не посѣтуй,
Отпусти ей прегрѣшенья!

Una poenitentium

(называвшаяся прежде Грехенъ, присоединяется къ нимъ).

Съ выси чистой
Много лучистый,
Ликъ свой пречистый
На это счастье обрати!
Давно любимый,
Ужъ не смутимый,
Ко мнѣ въ пути!

Блаженные мальчики

(приближаясь въ кругообразномъ движеніи).

Онъ переросъ ужъ насъ
Могучимъ тѣломъ,
Пойдетъ востѣдъ какъ разъ
Призывамъ смѣлымъ.
Мгновенной жизни сонъ
Здѣсь насъ не мучить;

Но онъ учился, онъ
И насъ научить.

Одна изъ кающихся

(прежде называвшаяся Грехенъ).

Средь хора, гдѣ блаженство льется,
Приплецъ пока и самъ не свой,
Но жизни свѣжей лишь коснется,
Въ святомъ онъ сонмѣ станетъ свой.
Какъ оболочку онъ земнаго,
Земныя узы отрѣшилъ,
Какъ изъ эфирнаго покроя
Вновь проступила юность силъ!
Дозволь мнѣ быть ему примѣромъ!
Еще онъ блескомъ ослѣпленъ.

Mater gloriosa.

Приди! Возносись ты къ высшимъ сферамъ!
Тебя учуя, востѣдъ и онъ.

Doctor Marianus (навши ницъ).

На спасенье киньте взоръ
Въ покаянны пѣжкомъ,
Чтобъ объялъ блаженный хоръ
Миромъ васъ безбрежнымъ!
Лучшій помыслъ чтобъ не гасъ,
Насъ съ тобой сближая!
Дѣва, мать, царица, насъ
Защити, святая!

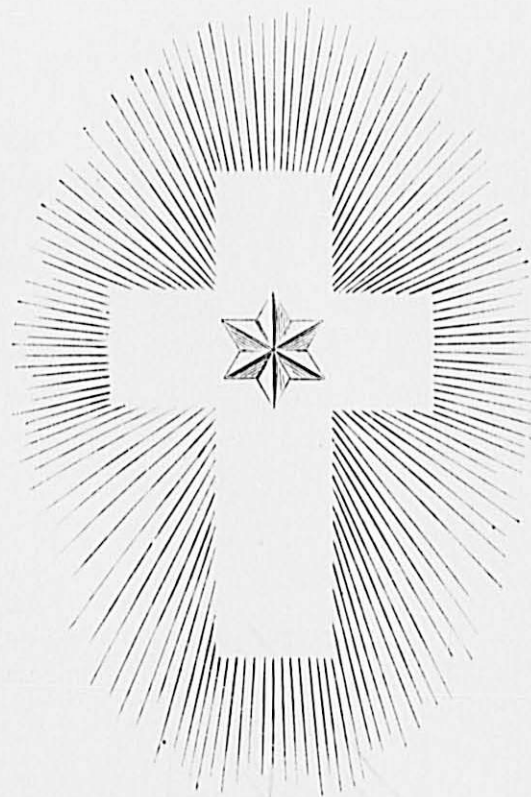

Chorus mysticus.

Все преходящее —
Только сравненье;
Сномъ лишь парящее.

Здѣсь исполненье;
Здѣсь все безбрежное
Въ явной порѣ;
Женственно-нѣжное
Вноситъ горѣ.

FINIS.

Объясненіе второй части.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

7. *Успокоение Фауста, его пробуждение и намерения.* Открывающаяся сцена не служит прямым переходомъ отъ послѣдней сцены тюрьмы. Фаустъ, очевидно, какъ и въ первой части, искалъ освѣженія на лонѣ безплодной природы. Знакомый намъ изъ шекспировской *Бури*, тонкій и умный представитель элементарныхъ духовъ, *Аріель*, приглашаетъ 8. освѣжить измученнаго Фауста. Тацитъ сообщаетъ о вѣрованіи Германцевъ, что въ извѣстный моментъ заходящее солнце издастъ звукъ. Изумительно это многочисленное указаніе на сродство свѣтовыхъ и звуковыхъ явленій. *Аріель* называетъ звуки, приносимые восходящимъ солнцемъ, *неслышанными*, въ смыслѣ невыносимыхъ для слуха. Подкрѣпленный сномъ, Фаустъ пробуждается въ райской мѣстности, при описаніи которой Гёте, по собственному признанію передъ Эккертомъ, имѣлъ въ виду берега озера четырехъ 9. Кантоновъ. Невыносимый блескъ солнца напоминаетъ ему страшную границу людскихъ стремленій, представляющую ему нѣкогда въ образѣ духа земли. Въ водонадѣ онъ видитъ подобіе людской жизни, съ ея вѣчнымъ общимъ стремленіемъ, не смотря на мгновенность индивидуума. Въ этомъ образѣ Фаустъ узнаетъ жизненность собственного порыва. Онъ готовъ на новые поиски.
11. *Мефистофель въ государственномъ совѣтѣ.* Мефистофель переноситъ Фауста въ большой свѣтъ и даже прямо въ императорскій дворецъ, гдѣ надѣется освѣ-

СТРАН.

- титъ его честолюбіемъ, но близкое въ слабыхъ рукахъ эгоизма къ распаденію государство не представляетъ Фаусту ничего привлекательнаго. Мефистофель долженъ сперва приготовить Фаусту путь ко двору и пользуется случаемъ заступитъ мѣсто шута, безъ котораго, равно какъ и безъ ученаго астролога, императоръ не можетъ обойтись. Мефистофель врываясь во дворецъ съ загадкой, разгадка которой 12. заключается въ словѣ *шутъ*. Толпа, боящаяся голоса правды, хотя бы и въ шутовской формѣ, — волнуется. Императоръ, опираясь на счастливое предсказаніе астролога, желалъ бы предаться маскараднымъ удовольствіямъ и только не охотно уступаетъ просьбамъ сановниковъ приступить къ совѣщанію съ государственными дѣлами. Главные представители власти — архіепископъ-канцлеръ, главнокомандующій, государственный казначей и кастелянъ послѣдовательно жалуются на государственное нестройство, не указывая 14. ни мѣткого средства къ исправленію зла. Ловкій Мефистофель, къ которому императоръ съ безсильной пропойей обращается съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ еще какого зла, — становится на сторону лѣтняго астролога и, видя одно величіе, блескъ и могущество, указываетъ, какъ на ничтожное обстоятельство, на недостатокъ денегъ. По обороту его рѣчи толпа догадывается, что у Мефистофеля готовъ проектъ.
- Никто изъ близорукихъ и эгоистическихъ бюстителей власти не можетъ понять, что благосостояніе

СТРАН.

- страны основано на органическом содействии всѣхъ къ правильной разработкѣ таинственъ въ ней силъ, а не въ механическомъ обиліи золота, которое, служа только вышнимъ выраженіемъ органическаго труда и довольства, тотчасъ же отливаетъ туда, гдѣ господствуетъ обиліе продуктовъ. Мефистофель ловко пользуется ихъ сѣбною вѣброй въ золото, хотя знаетъ, что доставленіемъ денежныхъ знаковъ, онъ, удовлетворивъ общей жаждѣ на время, только увеличиваетъ затрудненія. Каждущимъ золота онъ указываетъ на то, что его много въ видѣ руды въ горахъ и въ видѣ монеты въ старинныхъ сѣбняхъ, откуда ихъ можетъ
16. извлечь только по *природѣ* мощный *духъ*. Слова *природа* и *духъ* смущаютъ архіепископа-санйлера, какъ антирелигіозныя, и онъ упрекаетъ Мефистофеля въ революціонномъ ученіи. Мефистофель отклоняетъ упреки шуткой надъ учеными; но императоръ нетерпѣливо требуетъ разгадки обфиганія денегъ. Мефистофель указываетъ на то, что въ минуты воинскихъ бѣдствій, начиная съ переселенія народовъ, всѣ старались зарывать свои богатства въ землю, а все зарытое въ землѣ принадлежитъ по закону императору. Всѣ радуются такому направленію дѣла, а Мефистофель вступается въ сообщество съ астрологомъ, чтобы устали ученаго говорить двору то, что сочтетъ въ данную минуту для себя полезнымъ. Онъ ссылается на положительные приемы астрологій, въ которой небесная сфера раздѣлена на 12 отдѣловъ, называемыхъ *домами*. Находящійся на крайнемъ востокѣ горизонта считается 12-мъ домомъ, а непосредственно за нимъ, скрытый за горизонтомъ, — первымъ, въ извѣстный день и часъ (Dr. Sonleiden, Populäre Vorträge, 1855, ст. 223). Астрологія въ своемъ паныхенномъ истолкованіи положенія свѣта, поддерживаетъ общее мнѣніе о всемогуществѣ драгоцѣнныхъ металловъ, свидѣтельствуя, что небесное солнце само чистое золото, а луна — серебро. Императоръ замѣчаетъ подсказываніе Мефистофеля, а толпа брашнѣ составителей календарей (астрологовъ). Мефистофель, издвываясь надъ недоверіемъ толпы, говоритъ про таинственныя указанія природы, посредствомъ испытываемыхъ нами вблизи кладовъ ощущеній зуда и тисности въ ногахъ. Висѣльничъ (вырѣзанный изъ корня растенія Мандрагоры — *Alraune*) — помогаетъ открывать клады; оберегалъ ихъ
18. черныя собаки, змѣи и драконы. Императоръ требуетъ указанія кладовъ, угрожая въ противномъ случаѣ Мефистофелю смертью. Мефистофель еще болѣе раздражаетъ его желаніи описаніемъ скрытыхъ сокровищъ, которыя иногда попадаются и простому крестьянину на бороздѣ, и совѣтуетъ требователю императору лично взяться за лопату.

СТРАН.

19. Императоръ готовъ приняться за трудъ, но астрологъ, подъ предлогомъ необходимой сосредоточенности при такомъ трудѣ, предлагаетъ отбыть сначала шумный карнавалъ. Такое предложеніе по сердцу ищущаго развлеченій императора, а Мефистофель радъ случаю поглумиться надъ глупыми, воображающими, что цѣль человечества, отдавшись праздности, покупать на золото тѣ продукты, которые бывають лишь плодомъ громаднаго труда.
20. *Маскарадъ*, въ которомъ Фаустъ появляется въ костюмѣ Плутуса, бога богатства, результата умышленныхъ и нравственныхъ силъ, указываетъ на прямую противоположность Фауста съ императоромъ, ослѣпленнымъ окружающимъ его мишурнымъ блескомъ. Герольдъ объявляетъ, что маскарадъ не будетъ мрачнымъ воспроизведеніемъ вѣчной фантазіи о мертвецахъ, чертяхъ и шутахъ, а по примѣру Италіи, куда императоръ ѣздитъ короноваться, будетъ представлять легкую и осмысленную забаву. Изъ дальнѣйшаго хода выясняется, что Фаустомъ и Мефистофелемъ начертанъ весь планъ маскарада.
- Первое отдѣленіе* относится къ вышнимъ жизненнымъ благамъ и направленнымъ на нихъ успѣхамъ.
22. Эти блага представлены въ видѣ цвѣтовъ и плодовъ. При этомъ *оливковая вѣтвь съ плодами* и *вьюнокъ изъ колосьевъ* указываютъ на пользу, а *фантастическій вьюнокъ* и *фантастическій букетъ* на искусственную красоту, стремящуюся превзойти самую природу, чему *розы* противопоставляютъ свою значительность. *Теодфрастъ* — отецъ древней ботаники. Неаполитанскіе *садовники* просятъ флорентинскихъ *цветочницъ* пригладить своими цвѣтами красоты ихъ полезнымъ плодамъ.
- Если цвѣты и плоды служатъ выраженіемъ вышнихъ благъ, то слѣдующія маски представляютъ
23. *зависимость отъ вышнихъ благъ. Мать и Дочь*, и прекрасныя ея подружки среди рыбаковъ и птицелововъ, изображающихъ жениховъ, служатъ общимъ выраженіемъ той вѣчной ловли жениховъ, за которой таится желаніе матеріальнаго обезпеченія женщины.
24. *Дровосѣки и Поминки* — представители вѣчной неравномерности распредѣленія благъ земныхъ, причемъ праздные еще и насмѣхаются надъ трудящимися.
25. *Паразиты* (латинскіе *scutgae*) и *пьяница* — представители рабскаго отношенія людей къ земнымъ благамъ. Первые — рабы хлѣбосоловъ, а вторые — собственного порока.
26. Съ подобнымъ же отгѣнкомъ являются и придворные поэты, старающіеся другъ у друга опередить первенство. Хотя *сатирикъ* и принимаетъ видъ сво-

СТРАН.

- боднаго карателя нравовъ, но въ сущности онъ тотъ же листъ желанію толпы услышать худое про другаго. Оставивъ въ сторонѣ песговорчивыхъ Прутковыхъ, герольдъ вызываетъ греческую мнѳологію.
- Грѣи* выражаютъ *благоклонность*, сближающую людей и смягчающую ихъ отношенія. Гезіодъ называетъ трехъ Грѣй: *Аллаю* (блескъ), *Талию* (счастье) и *Евфрозину* (веселость). Но въ виду того, что Талія общезвѣстное имя одной изъ 9 музъ, Гете замѣнилъ его именемъ *Гегемони* (повелительный). Допиние чтли 2-хъ грѣй: *Гегемону* и *Ауксо* (Аѣзѣ) (возростаніе).
- Нарки* — представительницы *нравственной правдыности*. Ихъ имена указываютъ, что Клото (пряжа) прядетъ нить жизни, *Лакхисъ* (снабдительница) ее продолжаетъ, а *Атропосъ* (неотвратимая) ее прерываетъ. Гете заставилъ Клото и Атропосъ на время похититься ролями, въ виду того, что перѣдко блестящія надежды погибають. По вызову герольда,
27. *Фурія*, явившаяся въ милой маскарадной формѣ, тѣмъ не менѣе, подобно другимъ маскамъ, высказываютъ свое существо. *Алекто* (никогда не успокоивающаяся) представляетъ первое недоверіе и охлажденіе къ предмету любви, таинственна въ сердцѣ и послѣ примиренія. *Мемера* (неблагопріятная) — представительница ненависти, смущающей сердечные союзы и ведущей къ дѣйствительной невѣрности. *Тизифона* (кровомстительница) воплощенная супружеская месть.
- Засимъ слѣдуетъ изображеніе *благоустроеннаго государства*, въ которомъ всѣ соединяются для *содѣйствія общему благу*. Тяжелый слонъ, увѣшанный коврами, несетъ на хребтѣ своемъ башню, со стоящей на ней *Викторіей, богиней всякаго дѣла*.
29. *Благоразуміе*, сидя на затылкѣ неолына, управляетъ имъ небольшою палочкой, какъ это дѣлають карнаки. Благоразуміе, управляющее государствомъ, заковало дѣлѣ враждебныя ему силы. *Боянь* за успѣхъ всякой правильной государственной дѣятельности въ самой заглѣ видитъ всюду одно ей враждебное. Прямой ея противоположностью является легкомысленная *надежда* на вышнее, ничѣмъ не заслуженное благо. Иная обдуманность, сводящая всѣ силы къ общей дѣятельности, въ образѣ богини побѣды руководить государствомъ.
- Рядомъ съ ней поэтъ выводитъ ничтожныя побужденія завистливыхъ демагоговъ, поносящихъ все высокое, которое они желали бы принизить до собственнаго уровня. Выведенный здѣсь *Золотуриситъ* собственно не принадлежитъ къ выступившему corteju, а только ворвался въ него, по наущенію злобнаго Мефистофеля. Гете поэтизировалъ двойное имя съ одной стороны у придирчиваго грамматика треть-

СТРАН.

- яго столѣтія до Р. Хр. Золла, стѣжавнаго прозвища *биса Гомера*, а съ другой — у безобразнаго Опрсита Иліады, и какъ ибѣгда Одиссей уныль Опрсита жезломъ, такъ и здѣсь герольдъ поражаетъ Золлоопрситта, изъ котораго свертывается лѣпо, выходящее изъ себя ехидну и петопыря, эмблемы злобы и безобразія, пугающія гостей къ радости Мефистофеля. Герольдъ, опасаящійся, чтобы въ окна не ворвались еще подобные злые гости, видитъ новое явленіе. Приближается *избытокъ*, являющійся сълѣствиемъ и наградой мудраго, прозорливаго и могущаго
31. шественнаго государственнаго управленія. Влетаетъ колесница на четверихъ драконовъ и никого не задѣвая останавливается среди толпы. И это явленіе принадлежитъ къ маскараду, такъ какъ Фаустъ рѣшился принять въ немъ участіе въ образѣ Плутуса. Драконами править мальчикъ, а на колесницѣ сидитъ пар-
32. ственная особа. Мальчикъ вызываетъ герольда назвать то и другое аллегорическое лицо; но герольдъ описываетъ ихъ вышнимъ образомъ. Мальчикъ обзываетъ своего повелителя богомъ богатства, котораго такъ желаетъ императоръ. *Плутусъ*, подъ которымъ скрывается Фаустъ, изображаетъ достатокъ, пронсекающій изъ счастливаго государственнаго управленія Викторіи. Себя *мальчикъ* обзываетъ расточительностью — поэзіей, въ смыслѣ общаго служенія прекрасному въ свободныхъ искусствахъ. Въ смыслѣ искусства онъ связанъ съ Плутусомъ, какъ предшествующимъ основаніемъ художества. Свое расточительное богатство онъ заявляетъ ребяческиими щелчками, превращающимися въ драгоцѣнности, среди которыхъ прорываются и огоньки, западающіе въ людскія сердца. Но когда всѣ раздаваемые драгоцѣнности въ непосвященныхъ рукахъ превращаються въ жуковъ и мотыльковъ, то герольдъ видитъ во
34. всемъ только насмѣшки мальчика надъ толпой. Видя неспособность толпы понять его значеніе, мальчикъ проситъ своего повелителя свидѣтельствовать о немъ. Плутусъ признаетъ его духомъ своего духа, постоянно осуществляющимъ его высшія мечты и обладающимъ богатствомъ, съ которымъ Плутусово не выдерживаетъ сравненія, хотя и служитъ матеріальнымъ основаніемъ художественному богатству и всаическому духовному развитію, а не наоборотъ. Огоньки истинной поэзіи гаснутъ на непосвященныхъ головахъ. Непосредственнымъ доказательствомъ шаженихъ интересовъ толпы служить *болтовня* собравшихся поглядѣть на маскарадъ *бабъ*, которыхъ все вниманіе привлекъ *исхудалый* Мефистофель, сидящій на занятахъ у Плутуса, какъ олицетворенный его контрастъ въ образѣ *скрути*. Имъ хочется его ущипнуть, но онъ отвѣчаетъ имъ бранью. Бабы собира-

СТРАН.

- страны основано на органическом содѣйствіи всѣхъ къ правильной разработкѣ тапшихся въ ней силъ, а не въ механическомъ обилии золота, которое, служа только вышнимъ выраженіемъ органическаго труда и довольства, тотчасъ же отливается туда, гдѣ господствуетъ обилие продуктовъ. Мефистофель ловко пользуется ихъ слѣпой вѣрой въ золото, хотя знаетъ, что доставленіемъ денежныхъ знаковъ, онъ, удовлетворивъ общей жадности на время, только увеличиваетъ затрудненія. Жадующимъ золота онъ указываетъ на то, что его много въ видѣ руды въ горахъ и въ видѣ монеты въ старинныхъ сѣнахъ, откуда ихъ можетъ извлечь только по *природѣ* мощный *духъ*. Слова *природа* и *духъ* смущаютъ архіепископа-канцлера, какъ антирелигіозныя, и онъ упрекаетъ Мефистофеля въ революціонномъ ученіи. Мефистофель отклоняетъ упреки шуткой надъ учеными; но императоръ нетерпѣливо требуетъ разгадки обмана денегъ. Мефистофель указываетъ на то, что въ минуты вопиющихъ бѣдствій, начиная съ переселенія народовъ, всѣ стараются зарывать свои богатства въ землю, а все зарытое въ землѣ принадлежитъ по закону императору. Всѣ радуются такому направленію дѣла, а Мефистофель вступается въ сообщество съ астрологомъ, чтобы устами ученаго говорить двору то, что сочтеть въ данную минуту для себя полезнымъ. Онъ ссылается на положительные приемы астрологій, въ которой небесная сфера раздѣлена на 12 отдѣловъ, называемыхъ *домами*. Находящійся на крайнемъ востокѣ горизонта считается 12-мъ домомъ, а непосредственно за нимъ, скрытый за горизонтомъ, — первымъ, въ извѣстный день и часъ (Dr. Sonleiden, Populäre Vorträge, 1855, ст. 223). Астрологія въ своемъ панцирномъ истолкованіи положенія свѣтилъ, поддерживаетъ общее мнѣніе о всемогуществѣ драгоцѣнныхъ металловъ, свидѣтельствуя, что небесное солнце само чистое золото, а луна — серебро. Императоръ замѣчаетъ подсказываніе Мефистофеля, а толпа бранитъ составителей календарей (астрологовъ). Мефистофель, издѣваясь надъ недовѣріемъ толпы, говоритъ про таинственные указанія природы, посредствомъ испытываемыхъ нами вблизи кладовъ ощущеній зуда и тяжести въ ногахъ. Висельникъ (вырѣзанный изъ корня растенія Мандрагоры — *Alraune*) — помогаетъ открывать кладъ; оберегалъ ихъ 18. черныя собаки, зѣбѣи и драконы. Императоръ требуетъ указанія кладовъ, угрожая въ противномъ случаѣ Мефистофелю смертью. Мефистофель еще болѣе раздражаетъ его желаніи описаніемъ сокровищъ сокровищъ, которые иногда попадаются и простому крестьянину на бородахъ, и совѣтуетъ требовательно императору лично взяться за лопату.

СТРАН.

19. Императоръ готовъ приняться за трудъ, но астрологъ, подѣляясь необходимостью сосредоточенности при такомъ трудѣ, предлагаетъ отбыть сначала шумный карнаваль. Такое предложеніе по сердцу ищущаго развлеченій императора, а Мефистофель радъ случаю поглумиться надъ слухами, воображающими, что цѣль человечества, отдавшись праздности, покупать на золото тѣ продукты, которые бывають лишь плодомъ громаднаго труда.
20. *Маскарадъ*, въ которомъ Фаустъ появляется въ костюмѣ Плутуса, бога богатства, результата умственныхъ и нравственныхъ силъ, указываетъ на прямую противоположность Фауста съ императоромъ, одѣяннымъ окружающимъ его мишурнымъ блескомъ. Герольдъ объявляетъ, что маскарадъ не будетъ мрачнымъ воспроизведеніемъ немецкой фантазій о мертвецахъ, чертихъ и шутахъ, а по примѣру Италіи, куда императоръ фадиль короноваться, будетъ представлять легкую и осмысленную забаву. Изъ дальнѣйшаго хода усняется, что Фаустомъ и Мефистофелемъ начертанъ весь планъ маскарада.
- Первое отдѣленіе* относится къ вышнимъ жизненнымъ благамъ и направленнымъ на нихъ успѣхамъ.
22. Эти блага представлены въ видѣ цвѣтовъ и плодовъ. При этомъ *оливковая вѣтвь съ плодами* и *вьюнокъ изъ колосьевъ* указываютъ на пользу, а *фантастическій вьюнокъ* и *фантастическій букетъ* на искусственную красоту, силищуюся превзойти самую природу, чему *розы* противопоставляютъ свою значительность. *Теофрастъ* — отецъ древней ботаники. Неаполитанскіе *садовники* просятъ флорентинскихъ *цвѣточницъ* придать своимъ цвѣтамъ красоты ихъ полезнымъ плодамъ.
- Если цвѣты и плоды служатъ выраженіемъ вышнихъ благъ, то слѣдующія маски представляютъ 23. *зависимость отъ вышнихъ благъ. Мать и Дочь*, и прекрасная ея подруга среди рыбаковъ и птицелововъ, изображающихъ жениховъ, служатъ общимъ выраженіемъ той вѣчной ловли жениховъ, за которой таится желаніе матеріальнаго обезпеченія женщины.
24. *Дровосѣки и Помишнелы* — представители вѣчной неравномерности распредѣленія благъ земныхъ, причѣмъ праздные еще и насмѣхаются надъ трудящимися.
25. *Паразиты* (латинскіе *scurrae*) и *пьяница* — представители рабскаго отношенія людей къ земнымъ благамъ. Первые — рабы хлѣбосоловъ, а вторые — собственнаго порока.
26. Съ подобнымъ же отгѣнкомъ являются и придворные поэты, старающіеся другъ у друга оперировать первенство. Хотя *сатирикъ* и принимаетъ видъ сво-

СТРАН.

- боднаго карателя нравовъ, но въ сущности онъ тотъ же листецъ желанію толпы услышать худое про другаго. Оставляя въ сторонѣ неговорящихъ Прутковыхъ, герольдъ вызываетъ греческую мнѳологію.
- Гречій* выражаютъ *благосклонность*, сближающую людей и смягчающую ихъ отношенія. Гезіодъ называетъ трехъ Гречій: *Аглаю* (блескъ), *Талию* (счастье) и *Евфрозину* (веселость). Но въ виду того, что Талія общезвѣстное имя одной изъ 9 музъ, Гѣте замѣняетъ его именемъ *Геземоны* (повелительницы). Аоніане чтили 2-хъ гречій: *Геземону* и *Ауксо* (Аѣѣ) (возрожденіе).
- Парки* — представительницы *нравственной правды*. Ихъ имена указываютъ, что Клото (прихв) прядетъ нить жизни, *Лахезисъ* (снабдительница) ее продолжаетъ, а *Атропосъ* (неотвратимая) ее перерѣзаетъ. Гѣте заставилъ Клото и Атропосъ на время помѣняться ролями, въ виду того, что перѣдко блестящія надежды погибають. По вызову герольда, 27. *Фурій*, являясь въ милой маскарадной формѣ, тѣмъ не менѣе, подобно другимъ маскамъ, высказываютъ свое существо. *Алект* (никогда не успокоивающаяся) представляеть первое недовѣріе и охлажденіе къ предмету любви, таинщееся въ сердцѣ и послѣ примиренья. *Мегера* (неблагопріятная) — представительница ненасытности, смущающей сердечные союзы и ведущей къ дѣйствительной невѣрности. *Тизифона* (кровометельница) воплощенная супружеская мечь.
- Заслуживъ слѣдуетъ изображеніе *благоустроеннаго государства*, въ которомъ *ось соединяются для содѣйствія общему благу*. Тяжелый слогъ, увѣщанный коврами, несетъ на хребтѣ своемъ башню, со стоящей на ней *Викторіей, богиней всякаго дѣянія*.
29. *Благоразуміе*, сидя на затылкѣ пенюлина, управляетъ имъ небольшою палочкой, какъ это дѣлають карнаки. Благоразуміе, управляющее государствомъ, заковало дѣй въраждебныя ему силы. *Боязнь* за успѣхъ всякой правильной государственной дѣятельности въ самой заглѣ видитъ всюду одно ей враждебное. Прямой ея противоположностью является легкомысленная *надежда* на вышнее, ничѣмъ не заслуженное благо. Ясная обдуманность, сводящая всѣ силы къ общей дѣятельности, въ образѣ богини побѣды руководить государствомъ.
- Рядомъ съ ней поэтъ выводитъ ничтожныя побужденія завистливыхъ демагоговъ, поносящихъ все высокое, которое они желали бы принизить до собственнаго уровня. Выведенный здѣсь *Зоиловирснъ* собственно не принадлежитъ къ выступившему кортежу, а только ворвался въ него, по наущенію злобнаго Мефистофеля. Гѣте позаимствовалъ двойное имя съ одной стороны у придирчиваго грамматика треть-

СТРАН.

- аго столѣтія до Р. Хр. Зоила, стяжавшаго прозваніе *бича Гомера*, а съ другой — у безобразнаго Оприсита Илиады, и какъ ижегда Одиссей уныль Оприсита жезломъ, такъ и здѣсь герольдъ поражаетъ Зоилооприсита, изъ котораго свертывается яйцо, выпускающее изъ себя ехидну и петопыря, эмблемы злобы и безобразія, пугающія гостей къ радости Мефистофеля. Герольдъ, опасаящійся, чтобы въ окна не ворвались еще подобныя злые гости, видитъ новое явленіе. Приближается *избытокъ*, являющійся слѣдствіемъ и наградой мудраго, прозорливаго и могущаго 31. шествіа государственнаго управленія. Влетають колесница на четверицѣ драконовъ, и никого не задѣвая останавливаются среди толпы. И это явленіе принадлежитъ къ маскараду, такъ какъ Фаустъ рѣшился принять въ немъ участіе въ образѣ Плутуса. Драконами править мальчишъ, а на колесницѣ сидитъ царственная особа. Мальчишъ вызываетъ герольда назвать то и другое аллегорическое лицо; но герольдъ описываетъ ихъ вышнимъ образомъ. Мальчишъ обзываетъ своего повелителя богомъ богатства, котораго такъ желаетъ императоръ. *Плутусъ*, подѣ которымъ скрывается Фаустъ, изображаетъ достатокъ, протекующій изъ счастливаго государственнаго управленія Викторіи. Себя *мальчишъ* обзываетъ расточительностью — поэзіей, въ смыслѣ общаго служенія прекрасному въ свободныхъ искусствахъ. Въ смыслѣ искусства онъ связанъ съ Плутусомъ, какъ предшествующимъ основаніемъ художества. Свое расточительное богатство онъ заявляетъ ребяческими щелчками, превращающимися въ драгоцѣнности, среди которыхъ прорываються и огоньки, западающіе въ людскія сердца. Но когда всѣ раздаваемые драгоцѣнности въ непосвященныхъ рукахъ превращаются въ жуковъ и мотыльковъ, то герольдъ видитъ во 34. всѣхъ только насмѣшки мальчишки надъ толпой. Види неспособность толпы понять его значеніе, мальчишъ проситъ своего повелителя свидѣтельствовать о немъ. Плутусъ признаетъ его духомъ своего духа, постоянно осуществляющимъ его высшія мечты и обладающимъ богатствомъ, съ которымъ Плутусово не выдерживаетъ сравненія, хотя и служить матеріальнымъ основаніемъ художественному богатству и всѣмъ истинной поэзіи гаснущъ на непосвященныхъ головахъ. Непосредственнымъ доказательствомъ низменныхъ интересовъ толпы служить *болтовня* собравшихся поглядѣть на маскарадъ *бабы*, которыхъ все вниманіе привлечъ *исхудалый* Мефистофель, сидящій на затылкахъ у Плутуса, какъ олицетворенный его контрастъ въ образѣ *скряга*. Имъ хочется его ущипнуть, но онъ отвѣчаетъ имъ бранью. Бабы собира-

СТРАН.

ются бить скупца, но испуганные огнемидианцами драконами, разбегаются.

Хотя искусство, опирающееся на избыток, и служит последнему лучшим украшением, но оно может достигнуть вершины своего развития, только 36. отринувшись от мирских сует в уединении. При прощании с Плутусом мальчик указывает на различие между судьбой поклонников богатства и служителей искусства. Что за *искусством* скрывается Мефистофель, а за *Плутусом* Фауст? — очевидно из всего хода маскарада. Но Гёте сам положительно высказал это Эжману и тем устранил всякие иные толкования.

Вслед за сопровождавшим избыток искусством, являются и сопровождающие его пороки: жажда денег и наслаждений, нарушение прав и нравственности. Разступившаяся толпа с жадностью приступает ко вскрытому герольдовым железом сундуку, в котором золото кишит горящим ключом. Когда же свертки монеты высыпаются из сундука и разсыпаются по полу, то часть толпы старается схватить червонцев, а другая захватить весь сундук. Напрасно герольд хочет образумить толпу увещаниями, что это не настоящие, а маскарадные богатства; он вынужден просить Плутуса разогнать всех силой. Последний, окунув жезл в кипящий сундук, разгоняет призрачным 37. огнем толпу. Но приходится огорчиться и невидимой преградой законного наказания от необузданной жадности толпы. На благодарность герольда Плутус (очевидно Фауст, устроивший дьявольский ход маскарада с императором, в виде Пана, во главе) отвечает ожиданием еще нового заманчивейшего.

Заключившая этот отрывок непримечательная выходка Мефистофеля указывает на безнравственность, вытекающую из алчности к деньгам. Он из золота дьявольски непримечательные фигуры, как это позволяют 38. себе дьяволы полишинели римского карнавала. Не карая Мефистофеля, Плутус намекает на предстоящую смуту, когда самая законная охрана становится бесполезной. Таков таинственный смысл стиха:

„Закон могуч, еще сильнее нужен“.

В заключение маскарада является изображение *разрушения, вызванного личными стремлениями алчущего и его приближенных к беззастенчивой роскоши и удовольствиям*. Новая толпа диких фавнов, сатиров и великанов, сопровождающих великого Пана, хором призывает об известной ей тайне, — намекая на то, что под маской *Пана* скрывается сам император. Вся эта беззастенчивая

СТРАН.

группа представляет прямую противоположность с характером *Плутуса*, — разумною действительностью достигнутого *избытка*. Устраивая с Фаустом эту часть маскарада, Мефистофель очевидно рассчитывал на легкомысленное смущение императора, которому он надбился под шумок поддунуть к подлинной указ об ассигнациях.

Фауны — представители плотских вожделений. *Сатиры* — того надменного эгоизма, который свысока смотрит на жизнь всех остальных, считая себя центром вселенной.

39. *Гномы* — крошечные обитатели гор и рудников, здесь представители алчности к богатству, которое считает себя в праве нарушать все законы, начиная с трех главных: *не укради, не прелюбодействуй, не убей*.

Великаны, живущие, по преданию, на Гарце, часто изображаются у нижегерманских князей в гербах под именем *диких людей* (wilde Männer), держащих в руках вырванное с корнем дерево. Здесь они представители грубых советников безусловного насилия.

Одно появление императора в образе орфического Пана (всей вселенной) достаточно указывает на то, что он считает себя не главой и руководителем, а настоящим государством.

Нимфы — представительницы лести, отвлекающей властителя от его великого труда в потоки наслаждений. Бог Пан охотится по ночам за дичью, в полдень он отдыхает, и с ним засыпает вся природа. На войск он возбуждает своим криком ужас, получивший название панического. Если лютые нимфы поддерживают дьявольского Пана

40. в его бездействии, то *депутация гномов* еще больше укрепляет в нем эгоизм, — обманением, что все народное богатство является прямым его достоянием и лишь из рук его получает значение. Гномы противопоставляют, живущему в блеске дня, императору свое подземное житье, называя его троглодитским, в смысле Египетских Троглодитов (Herod. IV, 185). Пан, увлекаемый лютыми рвениями, вполне предается своим эгоистическим стремлениям и тем вызывает несчастье. Плутус сообщает герольду, прикосновением к железу, как бы магнитическую силу, для последо-

41. вательной передачи странного события. Император наклоняется, чтобы поближе взглянуть в кипящий золотом сундук; при этом борода его маски воспламеняется и загорается его маскарадный венок, состоящий у Пана преимущественно из сосновых веток. Напрасно окружающие его стараются потушить огонь: их горячая одежда только увеличи-

СТРАН.

вают общий пожар. Подобное событие рассказано в *исторической хронике* Готфрида (Абелина) о короле французском Карле VI, в 1394 г. Только при крике „сам государь вды пострадал“ — герольд, узнав, что император скрывался под

42. маской Пана, прокликает пособников такого легкомыслия. Уже загораются все декорации и все должно неизбежно погибнуть, но волшебством Фауста-Плутуса укрощается разрушительное пламя. Герольд разрушает, по приказанию Фауста, томительную иллюзию пожара. Близко ознакомившись с содержанием придворного быта, Фауст не мог найти удовлетворения в политической среде.

43. *Аудитория в саду*, Фауст и Мефистофель, убитые высказаться императору в качестве волшебников, просят, стоя на коленях в залу придворного сада, прощения за испуг, причиненный маскарадным пожаром. Император с удовольствием вспоминает эту проказу, в которой даже среди

44. огня видел обычное высокопочтание толпы. *Мефистофель* пользуется его фразой о саламандрах, для изысканной лести о покорности императору всех стихий. Наконец он возводит его даже на Олимп. Но император отклоняет такую честь, в видах насущных земных наслаждений, и приглашает волшебников быть под рукой, чтобы разогнать скуку своими фокусами.

45. О необычайных последствиях внимательства волшебников в государственные дела император тотчас же узнал от своих приближенных, сообщавших о чудотворном действии бумажных денег. Архиепископ-каплер, относившийся так пражедно к шуту, заговорившему о природе и духе, с восторгом оглашает формулу ассигнаций. Император, истинственно чувствующий недоброе дело, основанное на отдаче в залог несуществующих предметов и ведущее прямо к извращению прямых отношений труда к достатку и богатству, сначала выражает свое негодование, но, убедясь, 46. что сам он узаконил это дело и в виду блестящих результатов, успокаивается.

Основную мысль ассигнаций высказывает главный волшебник, Фауст. Но по уклончивости общих его выражений видно, что он сам не доверял средству, предложенному в ход лукавым Мефистофелем. Последний выручает Фауста, продолжая выхвалять удобств ассигнаций, хотя в похвалах его просвечивают дурные стороны дела.

Говоря, что, имея их в руках, не нужно торговаться, он очевидно сравнивает их не с деньгами, а с вещами, меняемыми на золото, и продолжает прощесским советом *покопаться немножко,*

СТРАН.

когда в действительности золота не оказывается. Гёте несомненно имел в виду банк шотландца Дакота во время регентства герцога Орлеанского. Не менее памятна была поэту и печальная судьба республиканских ассигнаций.

Император награждает волшебников, деля их 47. хранилища подземных сокровищ. Все радуются предстоящей возможности пользоваться богатством без труда, и император приходит к убеждению, что даже новый прилив богатств никому не поможет ступить на новый путь, с того который погубил общее достояние. Один путь оказывается 48. умным. Он пользуется эфемеридами, чтобы, пока им верить, промывать их на действительные ценности. Престный путь снова занял свое место, на котором Мефистофель одурачил весь двор.

49. *Нисхождение к матерям*. Сцена происходит вечером, тогда как предшествующая происходила до обеда. Жажущий развлечения император требует, чтобы волшебник Фауст вызвал ему тень Елены и Париса. Дав слово, Фауст возлагает 50. его исполнение на Мефистофеля, который, в качестве духа отрицания вообще, и представителя средневековых преданий, чувствует отвращение к положительной красоте древнего мира и сознается в своем безделье над язычниками.

Тем не менее, по известной доле всеведствия, Мефистофель указывает Фаусту на единственный путь сближения с классическими образами, представляя ему самому существовать к матерям.

В своем воздушном описании матерей, Гёте, по собственному признанию, придерживался того места в Плутархе (Мат. 20), где о небольшом по древнему городу Спидии, *Этионии*, говорится, что он знаменит появлением богинь, именующих матерями. Построение их храма приписывают Критянам. Но в другом месте у Плутарха (de orac. def. 22) говорится: „Есть 183 мѣра, расположенных в форме треугольника; на каждой стороне по 60 мѣров, остальные три стоят в углах; в таком порядке они слегка соприкасаются и кружатся как бы в вихрь. Внутренняя площадь треугольника как бы представляет общий очаг и называется полем истины. На ней неподвижно лежат основы, образы и первообразы всех вещей когда-либо существовавших и будущих. Их окружает вечность, из которой время потоком изливается в мир“. Гётевские матери суть первообразы вещей, покоящиеся идеи, из которых исходят все, поступающие в жизнь, явления. Не вышними средствами Фауст вызывает явления Париса и Елены, протипов героической эллинской красоты, а собствен-

СТРАН.

нимъ самоуглубленіемъ вдохновенной ими души. Его происхождение къ матерямъ не что иное, какъ пробужденіе таинственъ въ немъ самомъ идеи полнѣйшей красоты. Имя *матерей*, связанное съ мистическимъ процессомъ зарожденія, заставляетъ Фауста содрогнуться. На замѣчаніе Фауста о странной таинственности такого имени, Мефистофель подтверждаетъ такую таинственность и говоритъ о трудности доступа къ богинямъ.

51. Таинственными описанія пустоты въ устахъ Мефистофеля только раздражаютъ нетерпѣливаго Фауста, которому снова мерещится и кухня вѣдьмы съ ея непонятными мистеріями, и собственная жизнь, не давшая отвѣтовъ на завѣтные вопросы.

Онъ говоритъ Мефистофелю, что хотя послѣдній, какъ мистическій учитель (*мистагогъ*) и старается озадачить новичка (неофита) мудреными словами, но мистагогъ выдаетъ свою пустоту за высшую мудрость, тогда какъ Мефистофель прямо указываетъ на пустоту, въ которой Фаустъ долженъ достигнуть высшей истины, причемъ Мефистофель самъ нейдетъ въ эту пустоту, а посылаетъ въ нее Фауста, какъ Лафонтеновская обезьяна кошку за горячими каштанами. Мефистофель прощески хвалитъ недоверчивость Фауста, знающаго, что Мефистофель лжецъ. Онъ вручаетъ Фаусту ключъ, какъ эмблему жречества, и Фаустъ въ теченіе всей дальнѣйшей сцены является въ видѣ жреца.

52. Матери-идеи сидятъ, неподвижно стоятъ наготовѣ къ движенію или дѣйствительно идутъ въ міръ явленій, смотря по обстоятельствамъ. Треножникъ представляетъ непроницаемую тайну вѣчно творческой силы, материмъ свойственной. Образование и преобразование вещей составляютъ вѣчный предметъ помысловъ матерей, окруженныхъ образами отжившихъ и нарождающихся вещей. Сами онѣ, будучи духовными, не видятъ тѣлесныхъ предметовъ. *Опасность* нерѣшительности, про которую говоритъ Мефистофель, мы объяснили себѣ такъ. Фаустъ является представителемъ жречества искусства. Безъ сомнѣнія, человечеству предстояло немало ученыхъ трудовъ и философскаго раздумья для того, чтобы изъ міра готическихкихъ преданій всецѣльно погрузиться въ античный міръ красоты; но вся эта подготовительная работа, воспитавшая художника, должна оставить его въ рѣшительную минуту творчества, иначе ему грозитъ опасность погибнуть въ качествѣ жреца свободнаго искусства. Виртуозу, дающему концертъ, не время думать о гаммахъ.

53. Выраженіе: *всѣмъ существамъ спускаться* ясно указываетъ на духовное углубленіе въ область идей.

СТРАН.

54. *Мефистофель какъ волшебный врачъ*. Въмѣсто душевно стремящагося въ сумрачной галлерей къ высшимъ идеаламъ Фауста, передъ нами въ ярко-освѣщенной залѣ придворная толпа со своимъ вѣчнымъ стремленіемъ къ чувственности. Императоръ ждетъ только сценическаго представленія. Не успѣвъ Мефистофель на время откланяться отъ назойливыхъ требованій кастеляна, уже со всѣхъ сторонъ къ нему, какъ къ знахарю, стремятся съ просьбами избавить отъ золь, мѣшающихъ обычнымъ удовольствіямъ. Чѣмъ страннѣе и неожиданнѣе лѣченіе, тѣмъ болѣе на него спроса, особенно со стороны прекраснаго пола, такъ что Мефистофель рѣшается избавиться отъ докучныхъ, переставъ ихъ обманывать и заговоривъ правду. Отъ взоровъ его не ускользаетъ таинственно строгій стиль рыцарской залы, какъ бы располагающей къ духовидѣнію.
56. *Появленіе Париса и Елены*. Герольдъ, смущенный таинственностью ожидаемаго, отказывается отъ объясненій и ограничивается вѣжливымъ описаніемъ. Императоръ сидитъ передъ стѣной, зашпаниной коврами; слѣдовательно, никакого театра нѣтъ. Трубный звукъ по распоряженію Мефистофеля подаетъ знакъ начала представленія. Астрологъ, состоящій и на этотъ разъ въ союзѣ съ Мефистофелемъ, магически приготовляетъ сцену и самъ выходитъ на авансцену для объясненій пропеходящаго. Описаніе появляющагося древне-дoricскаго храма возбуждаетъ порицанія со стороны средневѣковаго архитектора, исключительно увлекающагося готическимъ стилемъ. Астрологъ особенно выставляетъ на видъ, что все, долженствующее совершиться, принадлежитъ области фантазіи, наперекоръ разуму. Изъ торжественнаго заклинанія жреца-Фауста мы видимъ, что всѣ, отраженные первообразами, материми, образы выходятъ въ міръ явленій, гдѣ, совершивъ назначенный кругъ развитія, снова возвращаются въ царство магеровъ, которыхъ окружаютъ. Находящихся подъ пологомъ дня, т. е. въ видѣ явленій, нечего вызывать, и потому Магія старается овладѣть таинцами подъ пологомъ ночи, превращая возможность въ дѣйствительность. Образование поэтическихъ образовъ сопровождается общая гармонія. Слѣдующій затѣмъ разговоръ высказываетъ односторонность воззрѣній толпы на истинно-прекрасное. Дамъ увлекаетъ или непосредственное присутствіе юноши, или требованіе условной утонченности. Въ мужчинахъ сказывается зависть. *Мефистофелю* не можетъ нравиться положительная античная красота Елены. Астрологъ отказывается отъ дальнѣйшаго объясненія. Фаустъ находитъ въ ней чистый идеалъ, затмѣвающий все, что онъ знаетъ прекраснаго въ жизни. *Мефистофель* дол-

СТРАН.

- женъ ему напомнить, что онъ самъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Зрители, женщины и мужчины, въ своихъ сужденіяхъ естественно мѣшались ролями. Дамы не прощаютъ Еленѣ преданія о раннемъ похищеніи ея Тезеемъ при помощи Пиритоя. Такая тема вызываетъ ученаго филолога на обычный ему трудъ доказывать подлинность факта письменными свидѣтельствами. Онъ указываетъ на III. 156 ст. Илиады, гдѣ старцы свидѣтельствуютъ о ея красотѣ. Замѣчаніе астролога о *похищеніи Елены* намекаетъ на преданіе о ея похищеніи Парисомъ на охотѣ или при жертвоприношеніи. Ревнивый Фаустъ вспоминаетъ о магическомъ ключѣ и, не взирая на увѣщанія Астролога, хватаетъ Елену и касается ключемъ Париса. Гѣте воспользовался подобною же спе-

СТРАН.

пой въ разсказѣ Гамильтона L'enchanteur Faustus, гдѣ заклинатель вызываетъ передъ королевой Елисаветой рядъ знаменитыхъ красавицъ, и гдѣ дѣло кончается ужаснымъ взрывомъ, когда Фаустъ вслѣдъ за Еленой, Маріамной и Клеопатрой вызываетъ соотечественницу королевы, прекрасную Розамунду, и королева захотѣла обнять ее. Состоящіе при королѣвѣ Эссексъ и Сидней находятъ глаза Елены не выразительными, а послѣдній порицаетъ форму ея ногъ. Но вездѣ преданіе о Фаустѣ получаетъ подъ рукой поэта общечеловѣческое значеніе, и взрывъ указываетъ на невозможность похотливыхъ отношеній къ идеальной красотѣ.

63. Мефистофель не падитъ пораженнаго Фауста своей насмѣшкой.

АКТЪ ВТОРОЙ.

СТРАН.

64. *Мефистофель въ рабочемъ кабинетѣ Фауста*. Соблазнитель переноситъ Фауста въ его прежнее жилище, гдѣ контрастъ его первобытнаго состоянія съ настоящимъ выступаетъ еще ярче. Конечно, на высокое стремленіе къ идеалу красоты, Мефистофель смотритъ какъ на глупость и болѣзненное состояніе. Въ кабинетѣ все по старому, до мѣховой мантіи доцента, висѣщей на крючкѣ. При воспоминаніи о быломъ наставленіи ученика, его беретъ охота снова надѣть мантію, съ которой въ глазахъ толпы связана вся премудрость. Изъ старой шубы вылетаютъ насѣкомыя, между прочимъ Farfaletta, по итальянски родъ бабочекъ, а въ переносномъ значеніи *природы*. Farfarello (французск. farfadet—домовой). Уже въ первой части Мефистофель провозглашаетъ себя повелителемъ непріятныхъ для человѣка насѣкомыхъ и животныхъ. Поэтому хоръ появляющихся насѣкомыхъ тотчасъ же признаетъ въ немъ своего патрона и отъ, который разсмѣляетъ ихъ по всѣмъ угламъ мертвнаго жилища.

Мефистофель и Фамулусъ. Чтобы пробудить омертвѣлое жилище, Мефистофель звонитъ въ колокольчикъ, отъ громовыхъ звуковъ котораго все зданіе потрясено и двери разверзаются. Въ испугѣ прибѣгаетъ фамулусъ (помощникъ) ставшаго на мѣсто Фауста профессоромъ, Вагнера. Даже, послѣ того

СТРАН.

- какъ Мефистофель называетъ его какъ знакомаго по имени (вѣрующаго Апостола), Фамулусъ началъ было читать католическую молитву, начиная со слова Oremus (помолимся), что конечно не нравится Мефистофелю, который начинаетъ выхвалять сперва прилежаніе самого собесѣдника, а затѣмъ его профессора Вагнера, бывшаго фамулуса Фауста. Петромъ онъ обзываетъ папу и признаетъ Вагнера первосвященникомъ науки, отпирвающимъ *верхъ и низъ*, физіку и метафизіку. Говоря, что Фаустъ уже забытъ, а все открыто только Вагнеромъ, Гѣте, быть можетъ, намекаетъ на то, какъ Фихте совершенно изгладилъ воспоминаніе о своемъ предшественникѣ, Рейнгольдѣ, и высказался, что кажется открытъ путь, на которомъ философія способна стать очевидною наукой. Фамулусъ представляетъ скромность Вагнера, оставшаго неприкосновеннымъ кабинетъ высокотѣпнаго имъ Фауста, куда Фамулусъ едва рѣшается вступитъ, по случаю вскрывшихся отъ ужаснаго сотрясенія дверей. Поэтому онъ спрашиваетъ объ астрономическомъ звѣздномъ часѣ, чтобы быть въ состояніи довести Вагнеру съ точностью о случившемся. На просьбу Мефистофеля допустить его до свиданія съ Вагнеромъ, Фамулусъ не рѣшается доложить объ этомъ Вагнеру, который, обратясь къ алхиміи, какъ истый philosophus per ignemъ уже нѣсколько мѣ-

СТРАН.

сидеть запыль у очага лабораторий, никого к себе не допуская. На увещания Мефистофеля, что последний может стать хорошим пособником Вагнера, Фамукус идет попробовать счастья.

67. *Мефистофель и Бакалавр.* Сцена эта — народня на трансцендентальный идеализм философии Фихте, господствовавшей в Гетте с 1794 года. Г-жа фон-Кальб рассказывает, что дѣтъ за 12 до появления на сцену первой части (1808) Гёте читал ей сцену между Мефистофелем и отчаянным идеалистом, цеголявшимся своею абсолютностью. При этом Кальб помнить рѣчи объ избиении всѣхъ тридцатилѣтнихъ. Такимъ идеалистомъ является здесь Бакалавръ (недоучка, остановившийся на первой ученой степеней), неспособный самобытно справиться съ идеализмомъ и воображающий себя въ правѣ порицать все, что повидимому не подходитъ подъ односторонній понятія, возникающія изъ чужихъ словъ, принимаемыхъ на вѣру. Заслыша потрясающіе звуки, онъ радостно несется глядѣть на общее разрушеніе, воображая, что при этомъ ему будетъ хорошо. Увидавъ прежняго наставника, онъ радъ, что пріобрѣсть извѣстную диалектику, при помощи которой онъ можетъ высказывать свое пренебреженіе къ наукѣ, опыту и вообще ко всякому положительному труду, не замѣчая высокаго комизма собственныхъ выходокъ.
68. даль. На его хвастовство происшедшее въ немъ переменѣй, Мефистофель тонко указываетъ на перемены происходившія въ его прическахъ, и играть словомъ *абсолютно*. Бакалавръ, поинивъ прощю, сердится. Напрасно Мефистофель указываетъ на фактъ, что горькій опытъ жизни подтверждаетъ намъ слова нашихъ наставниковъ, казавшіеся намъ сначала неискренними, а впоследствии оказывающіеся справедливыми до пошлости. Но Бакалавръ не знаетъ что отвѣчать на такую несомнѣнную истину, прибѣгаетъ къ обычной уловкѣ говорить въ сущности совершенно о другомъ въ видѣ опроверженія тезиса. Мефистофель говоритъ о судьбѣ наставлений, а Бакалавръ бранитъ наставниковъ. Съ пренебреженіемъ относится онъ и къ опытности. Мефистофель проинически смиряется, признаваясь, что въ его рукахъ
69. кладъ, какъ у нескучныхъ кладопателей, превращался въ уголья. Бакалавръ оправдываетъ свою грубость измѣненнымъ чистосердечіемъ. Мефистофель ищетъ защиты у партнера, какъ это напр. дѣлаетъ, у Аристофана въ *Облакахъ*, побѣжденная Неправдой Правда. Нѣкоторые слова Фихте о тридцатилѣтнемъ возрастѣ были истолкованы въ смыслѣ избиения 30-лѣтнихъ, что, по мнѣнію Мефистофеля, сорту съ руки. При имени *портня* идеалистъ улетается сумасбродною мыслию объективного творчества видя-

СТРАН.

матю и невидимато міра изъ человѣческаго сознанія. Не будучи въ состояніи понять отношеній субъекта къ объекту, онъ сѣбно ухватился за одну половину

70. дѣла, какъ за неслышанную новинку. Но Мефистофель хорошо знаетъ, что ничего глупаго или умнаго подумать невозможно, о чемъ бы не думали до насъ. Онъ утѣняетъ насъ мыслию, что опытъ — наилучшій исправитель сумбурныхъ учений и утопій.

71. *Гомукулъ.* Извѣстный (1775—1841) въ Вюртембергѣ тупоумный натур. философъ Л. Я. Вагнеръ, задававшійся научнымъ возбужденіемъ вегетаций безъ обезмѣненія и организмовъ посредствомъ кристаллизаций, навелъ Гёте на мысль превратить своего филолога Вагнера въ алхимика.

Гёте только воспроизводитъ передъ нами искусственное зарожденіе Гомукула (человѣчка), какъ о томъ мечтала Паралельзъ и другіе алхимики до послѣдователей Месмера (1791) включительно. Эти homunculi должны, по словамъ Паралельза, быть людьми неполноценными тайныхъ знаний, такъ какъ искусство, въ силу ихъ искусственного происхожденія, вошло у нихъ въ плоть и кровь. Гёте воспользовался Гомукулумъ къ воплощенію задушевнаго стремленія Фауста къ высшему идеалу красоты: его Гомукулъ со своею инстинктивной потребностью дѣятельности и потребностью изъ сознательной силы *произойти* въ видѣ конкретнаго существа — воплѣтъ выражаетъ такое художественное стремленіе. Хотя индивидуализированный Гомукулъ, подобно Фаусту, Еленѣ и друг. лицамъ, представляетъ самобытное историческое или сказочное (для поэзии безразлично) лицо, но, въ виду всемірнаго значенія драмы, мы вынуждены сгладить и за его историко-философскимъ значеніемъ. Хотя тупоумный Вагнеръ и считаетъ, что онъ *произвелъ* Гомукула, но Мефистофель, насмѣхаясь надъ безуміемъ Вагнера, *выпускаетъ* въ реторту Гомукула, но не въ видѣ подвѣстнаго чертенка, а въ видѣ насмѣшки надъ алхимическими бреднями. Здесь мы стоимъ передъ однимъ изъ тончайшихъ и глубочайшихъ моментовъ творчества Гёте, умѣющаго самымъ простымъ и нагляднымъ образомъ разрѣшать самое сложное. Мы скоро убѣдимся, что всадившій Гомукула въ реторту Мефистофель, со своимъ остроумнымъ, но односторонне-плотскимъ скептицизмомъ, не въ состояніи быть понять нравственной стороны Гомукула, который, по сущности зародился въ душѣ самого Фауста. Если же мы хоть на минуту зададимся вопросомъ: какъ могъ Мефистофель распорядиться тѣмъ, чего въ сущности не понимаетъ, — то ежедневный опытъ безчисленными примѣрами отвѣтитъ на такой вопросъ

СТРАН.

положительно. Мефистофель, желавшій только подтрунить надъ Вагнеромъ, попадаетъ въ собственные сѣти, оправдывая пословицу: «чему поемѣнень, тому и поработасень». Стоящій духомъ не только выше Вагнера, но и самого Мефистофеля — Гомукулъ заставляетъ Мефистофеля идти въ высшей степени неприятнымъ для него путемъ, по которому стремится душа Фауста.

71. *Вагнеръ, Гомукулъ и Фаустъ.* Заслыша необычайный звонъ, Вагнеръ въ лабораторіи толкаетъ его въ пользу своей задачи. Мефистофель еще болѣе возбуждаетъ его надежды возникающимъ въ ретортѣ явленіемъ. Неожиданно появившись, онъ притворяется незнающимъ, въ чемъ дѣло, и получаетъ въ отвѣтъ матеріальное объясненіе никому невѣдомой тайны зарожденія организма. Мефистофель подъ видомъ одобренія трунитъ надъ кристаллизацией организмовъ. Гомукулъ съ перваго слова подвѣшается надъ пелѣнымъ папашей Вагнеромъ, воображающимъ замѣнить ограниченнымъ искусствомъ безграничную природу. Мефистофель Гомукулъ, будучи самъ демонической природой, обзываетъ братцемъ, который способенъ тотчасъ же отыскать цѣль для его жажды дѣятельности. Вагнеръ задаетъ Гомукулъ существѣннѣйшіе вопросы, на которые не находитъ отвѣтовъ; но Мефистофель, поднимая его на смѣхъ, указываетъ на то, что Гомукулъ предостоятъ не словопрѣнія, а дружественное дѣло въ оздоровленіи Фауста, о которомъ Мефистофель, въ силу договора, долженъ заботиться. При видѣ лежащаго на кровати Фауста Гомукулъ изумленъ и увлеченъ значительностью этого образа. Онъ въѣтъ съ банкой вырывается изъ рукъ Вагнера и, освѣщая Фауста, какъ бы озаряетъ его сонныя мечты, и громко ихъ высказываетъ. Фаусту грезится моментъ зачатія Елены отъ Леды и Юпитера въ образѣ лебеди. Средневѣковый чортъ Мефистофель не можетъ видѣть идеаловъ чистаго греческаго искусства
74. и обзываетъ Гомукула фантастомъ. Послѣдній не удивляется сѣбноѣ глазу, привыкшихъ къ грубой средневѣковой обстановкѣ, и, страшась новыхъ потрясеній пробужденнаго Фауста, требуетъ немедленнаго перенесенія его въ среду, соответствующую его духовной жаждѣ. При указаніи Фарсальской долины, Мефистофель выражаетъ свою антипатію къ Греціи и классическимъ Грекамъ вообще, хотя долженъ признаться, что въ данномъ случаѣ не можетъ не вѣрить Фауста и вынужденъ подчиниться Гомукулъ, который утѣняетъ его напоминаніемъ о знаменитыхъ въ древности оессалійскихъ вѣдѣмахъ, изъ коихъ одна, именно *Эрикто*, появляется въ прологѣ классической Вальпургіевой ночи. Исно, что сказочному Фаусту въ своей погонѣ за Еленой некуда больше

СТРАН.

обратиться какъ въ царство классическихъ тѣноѣ, хотя бы и самое кратковременное и призрачное, ка-кимъ оно является на посидѣлкахъ одной ночи, названной для краткости и по соотношенію съ народной легендой Вальпургіевою (наканунѣ 1-го мая).

Еще въ 1758 году M-lle de Lussan написала *Veillées de Thessalie*. Мефистофель на этотъ разъ долженъ только пассивно служить своимъ волшебнымъ плащомъ, въ который завертывается вмѣстѣ съ большимъ Фаустомъ, предоставляя Гомукулъ освѣщать путь своимъ свѣтомъ. Остающагося не причѣмъ Вагнера, Гомукулъ обращаетъ снова къ старымъ пергаментамъ, пока самъ постарается найти точку на і, разумѣя подъ этимъ свое заветное *произойти*, т. е. осуществить, воплотить духовное стремленіе Фауста къ идеально прекрасному. При этомъ Гомукулъ обзываетъ алхимика, чего онъ обыкновенно добиваются: золота, долголѣтія и знанія, хотя и здѣсь проинически относится къ мысли, связующей добродѣтель съ знаніемъ, такъ какъ подобная мысль только свѣдѣтельствуетъ о неспособости людей отдѣлать область познанія и разума отъ совершенно отдѣльной области воли. Но Вагнеръ на это глухъ.

77. *Классическая Вальпургіева ночь* распадается на пять отдѣленій, изъ коихъ два разыгрываются на верхнемъ Пенеѣ, одно на нижнемъ, послѣднее на прибрежьи и волнахъ Эгейскаго моря, а первое въ Фарсальской долинѣ. Фаустъ ищетъ Елену, Гомукулъ желаетъ тѣсно произойти, Мефистофель ищетъ еродственныхъ существъ. Прежде всѣхъ удаляется Фаустъ, а происхожденіемъ, воплощеніемъ Гомукула, изображающаго духовное стремленіе Фауста, завершается отдѣльное дѣло.

Написанный трагическими trimetram прологъ вложенъ въ уста оессалійской вѣдѣмы Эрикто, живущей на Гемусѣ или Гемѣ (Балканахъ), которую Секетъ Помпей вопрошалъ объ исходѣ сраженія. Гёте заставлятъ Эрикто жаловаться на преувеличенія поэтовъ, а именно на Лукана, который въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ ее въ VI книгѣ своихъ *Фарсалий*. У Гёте она принуждена каждый годъ являться въ ночь наканунѣ битвы, уничтожившей Римскую свободу, и присутствовать при возобновленіи всего ужаса. Сюда же стекаются и образы древне-эллинической саги, такъ какъ битва эта имѣла своимъ послѣдствіемъ паденіе классическаго міра. — При видѣ страшныхъ воздухоплавателей, освѣщаемыхъ фонаремъ Гомукула, Эрикто удаляется, страшась новыхъ нареканій. Гомукулъ, при видѣ самыхъ звѣрообразныхъ представителей эллинизма, не узнаетъ цѣли своихъ стремленій и не вдругъ рѣшается снѣститься и положить Фауста на классическую

СТРАН.

землю древних сказок. Очнувшись в странѣ своихъ мечтаний, Фаустъ выражаетъ свое стремленіе съ перваго слова: „А гдѣ она?“ Мефистофель совѣтуетъ каждому хлопотать о своемъ и только просить Гомункула подавать сигналы къ сбору. Фаустъ отправляется на поиски.

79. *Въ верховьяхъ Пеней.* Надписи вѣтъ, но дальнѣйшая ссылка указываетъ на это. Въ ней сказано: *верховья Пеней какъ прежде* и кромѣ того встрѣчаются тѣ же грубѣйшіе образы первобытной саги. Мы находимъ Мефистофеля въ кругу звѣроподобныхъ образовъ, частью для него привлекательныхъ, частью же смущающихъ его своею здоровою откровенностью. Ему пріятнѣе было бы встрѣтить, какъ онъ выражается, заклептеренное звѣрство, говорящее чувственности, а это черезчуръ антично холодно. Тѣмъ не менѣе приходится раскланиваться. Сперва онъ встрѣчается съ перешедшими къ Грекамъ съ востока четвероногими птицами *Грифонами* (Плиній), къ которымъ, какъ атрибуты, принадлежать *Муравьи* и *Аримасы*. Грифы сердятся на то, что Мефистофель обзываетъ ихъ старичками ирривыми, ссылаясь на непріятное этимологическое вліяніе звука *гр*. Тутъ Гѣте пользуется случаемъ осмѣять этимологическія объясненія, лишенная исторической почвы.

По поводу золота Гѣте пользуется сказаніемъ Геродота (III, 102, 116) объ Аримасахъ и муравьяхъ. Одноглазые Аримасы спорятъ съ грифонами изъ-за охраняемаго послѣднимъ золота. Въ отдаленномъ углу Индіи неположскіе муравьи, ростомъ съ собаку или лисицу, роютъ себѣ подземныя норы, вырываютъ золотой песокъ, который индѣйцы уносятъ въ дни наступающихъ жаровъ, когда Аримасы прячутся въ свои пещеры. Если индѣйскіе грифы служить представителями чисто звѣриныхъ образовъ, то *Египетскіе Сфинксы* уже являются сочетаніемъ человѣческаго образа съ животнымъ. Дѣвственные бюсты звѣроподобныхъ сфинксовъ (со львиными крылатыми тѣлами) привлекаютъ Мефистофеля сѣсть между ними. Но загадочные сфинксы знаютъ, что онъ, руководясь однимъ животнымъ инстинктомъ, не въ силахъ понять ихъ мнѳическаго значенія, которое они называютъ *духовными загадками*, и хотятъ вывести его вопросами на чистую воду. Отвѣчая уклончиво на вопросъ объ имени, онъ не упускаетъ случая подтрунить надъ старинными англійскими представленіями, такъ-называемыми *моралистскими*, въ которыхъ рядомъ съ чортомъ появился порокъ (The old vice или Iniquity) въ длинномъ пестромъ одѣяніи съ деревяннымъ книжадомъ и бичемъ, которымъ стегалъ чорта, заставляя его громко реветъ. Вынужденный признать, что онъ зло, Мефистофель старается при-

дать этому признанію историческую форму. Сфинксы спрашиваютъ его, понимаетъ ли онъ, подобно имъ, что-либо изъ звѣздахъ. Ничего не понимая, онъ старается склонить разговоръ хоть на тему загадокъ. Узнавъ изъ прозрачной загадки сфинкса, кто передъ ними, строгіе грифы стараются прогнать Мефисто-

81. феля. Спокойные сфинксы объясняютъ Мефистофелю, что въ паретвѣ средневѣковыхъ вѣдѣхъ le beau c'est le laid, уродливость Мефистофеля не могла быть препятствіемъ успѣху, но здѣсь даже среди полуживотныхъ ему съ его копытомъ будетъ плохо. Стремленіе къ истинной красотѣ, еще сильнѣе тѣмъ въ сфинксахъ, выражается въ *Сиренахъ*, появившихся въ древнѣйшемъ искусствѣ прелестными женщинами съ птичьими ногами; лишь позднѣй являются онѣ въ образѣ птицъ съ женскими головами. Сфинксы напрасно предостерегаютъ Мефистофеля отъ сиренъ, такъ какъ онъ и самъ находитъ мало привлекательнаго въ нихъ и въ ихъ пѣніи. Намекъ на громозвучную музыку, лишенную мелодіи.

82. Совершенно противоположную поту вносятъ Фаустъ, со своимъ возвышеннымъ стремленіемъ къ идеальной красотѣ; соприкосновенье съ нею онъ угадываетъ даже въ предстоящихъ ему чудовищныхъ ликахъ.

На вопросъ Фауста у сфинксовъ, не видали ли они Елены, они отвѣчаютъ, что, будучи убиты Геркулесомъ еще до ея рожденія, ничего о ней не знаютъ (Гѣте позволяетъ имъ говорить это на основаніи преданія объ изгавленіи Геркулесомъ земли отъ всѣхъ чудовищ вообще). Сфинксы отсылаютъ Фауста къ Хирону, представляющему все еще стлѣніе животнаго элемента съ человѣческимъ, хотя въ божѣ одухотворенной формѣ. Сирены, по своей природѣ, стараются увлечь Фауста, но онъ, по совѣту сфинкса, уходитъ. Къ Мефистофелю стремятся исключительно уродливыя созданія фантазій, въ которыхъ и у древнихъ не было недостатка. Надъ головой его проносятся дѣти нимфы *Стимфады*, хищныя птицы, покрытыя мѣдными перьями, которыми онѣ поражали животныхъ и людей. Геркулесъ перестрѣлялъ ихъ на лету, пугая ихъ съ мѣста врученною ему Лошною трещеткой. Гѣте представляетъ ихъ

83. какъ болотныхъ птицъ съ гусиными лапами. Онѣ въ смыслѣ чудовищ могли бы счесть себя родственными почтеннымъ сфинксамъ. За ними слѣдуютъ голы *Гидры*, отрубленные въ болотѣ близъ Лерны Геркулесомъ (внукомъ Атен). Если Мефистофеля пугаютъ эти чудища, то его сильно привлекаютъ площадныя, чувственные *Ламии*, которыхъ позднѣйшія греческія сказанія представляли поглощающими дѣтей. Онѣ способны были принимать всякіе виды, между прочимъ и дѣвушекъ. Аполлоній Тіанскій

СТРАН.

обзываетъ ламіей публичную женщину, за то, что она высосала у юноши деньги изъ кармана и кровь изъ жилы. Мефистофель охотно пользуется совѣтомъ сфинкса пріударить за ламіями и лишь изъ вѣжливости спрашиваетъ, найдетъ ли онъ сфинксовъ на презанемъ мѣстѣ, на что тѣ отвѣчаютъ, что, будучи эмблемами мудрости и силы, онѣ отличаются неподвижностью.

84. *У низинахъ Пеней.* Слова *нижній* вѣтъ въ подлинникѣ. Рѣчной богъ и нимфы потоковъ, хотя еще вполнѣ сливаются съ тѣмъ, чему служить одишествореніемъ, по своей человѣчностью указываютъ на область чистаго искусства, въ которой можетъ появиться Елена, если не собственнымъ лицомъ, то хоть въ рассказѣ Хирона. Тихо почивающій *Пеней* просыпается, зачуявъ что-то недоброе въ водномъ трепетѣ, предшествующемъ землетрясенію. Фаустъ изумленъ, слыша человѣческую рѣчь въ прибрежномъ тростникѣ. *Нимфы* склоняютъ его на отдыхъ.

85. Подъ вліяніемъ чудной мѣстности Фаустъ поддается галлюцинаціи, позволяющей ему видѣть зарожденіе

86. Елены, которое видѣть только во снѣ. Только въ непосредственномъ мірѣ красоты, онъ можетъ вступитъ въ общеніе съ Еленой въ рассказѣ Хирона. Онъ тотчасъ узнаетъ въ благородномъ всадникѣ, приносящемъ (зому шбуди) вѣсть въ эту ночь, ожидаемаго *Хирона*. Хотя послѣдній наполовину звѣрообразенъ, но уже, какъ дѣлатель, наставникъ и врачъ, принадлежитъ къ поколѣнію чистыхъ героев. Такъ какъ Хиронъ въ постоянныхъ развѣздахъ, то, чтобы разспросить его, Фаустъ вынужденъ сѣсть къ нему на спину. Хиронъ скромно отклоняетъ похвалы Фауста, обращенныя къ нему, какъ къ воспитателю и врачу, тѣмъ что дѣло воспитателя не благодарно, а врачебное унало. Онъ считаетъ Фауста льстеномъ, а когда тому удастся заставить его говорить, то Хиронъ вкратцѣ описываетъ ему аргонавтовъ: Діоскуровъ, Кастора и Поллукса, Гореадъ (сыновей Горея и Оригін), Калая и Зета, освободившихъ Пеней отъ гарпій, Язона, Орфея и корячаго Липсея, причемъ объясняетъ удачу взаимнымъ ихъ довѣріемъ. Въ молодомъ Геркулесѣ онъ видитъ идеаль мужественной красоты. На вопросъ Фауста объ идеаль женской красоты, Хиронъ вспоминаетъ какъ онъ несъ

88. Елену. При этомъ онъ пользуется канвой преданія, по которому Тезей похитилъ несовершеннолѣтнюю Елену и заперъ въ замкѣ Афидѣй, за что братья ея Діоскуры, похитивъ ее изъ заточенія, опустошили Аттику. На замѣчанія Хирона о произвольномъ отношеніи преданія и поэтовъ къ мнѳическимъ красавицамъ, Фаустъ воспламеняется мыслию, что Ахиллесъ напелъ же ее на Ферѣ, уже послѣ смерти, постиг-

СТРАН.

шей его подъ Троей, и, слѣдовательно, уже находясь внѣ условій времени, поэтому и она принуждена будетъ высокою къ ней любовью Фауста — жить

89. внѣ временныхъ условій. Спокойный Хиронъ смотритъ на Фауста какъ на поврежденнаго умомъ, которому помочь можетъ развѣ сама дочь Эскулапа — Манто (Предсказательница). Поэтическая волюность Гѣте называетъ Манто дочерью Эскулапа, тогда какъ она дочь прорицателя Тирезія и состоитъ на службѣ Аполлона, а не Эскулапа. — На вопросъ Фауста: куда примчалъ его Хиронъ, тотъ указываетъ на мѣсто битвы при Пидѣ (168 г.), гдѣ *царь* Персей былъ разбитъ *гражданиномъ* Л. Эмилиемъ Павломъ, Македонія (здѣсь представительница Греціи), вслѣдствіе этого сраженія превращена въ Римскую провинцію. Гѣте помѣщаетъ Манто въ знаменитомъ Олимпійскомъ храмѣ Аполлона, такъ называемомъ Птоіонѣ, бывшемъ средоточіи прорицаній. Мудрая *Манто*, остающаяся въ храмѣ, не взирая на круговоротъ времени, тотчасъ признаетъ и осмѣиваетъ стремленіе Фауста къ невозможному (идеалу) и совѣтуетъ ему вступитъ въ тайный ходъ къ Персефонѣ, въ которомъ она, лишенная дневнаго свѣта, ждетъ животныхъ его дучей.

Гѣте заставляетъ Орфея сходить у Манто въ адъ у Олимпа, тогда какъ онъ сходилъ въ Лаконію у Тенара, но, не послушавшись наставленій Плутона, ослѣдился и потерялъ Эвридику навѣки. На это-то непослушаніе и намекаетъ Манто словами: „Воспользуйся ты лучше!“

91. *У верховьяхъ Пеней.* Гѣте былъ жаркимъ противникомъ ученія вулканистовъ, производившихъ образованіе земной поверхности отъ насильственныхъ переворотовъ, происходившихъ отъ подземнаго огня. Считая въ числѣ своихъ противниковъ и знаменитаго Гумбольдта, онъ придерживается мнѣній пентунистовъ, приписывающихъ образованіе земной поверхности въ общемъ постепенному развитію, при которомъ позднѣйшіе перевороты могли имѣть лишь частное значеніе. Въ спокойномъ развитіи пребывающей природѣ поэта равно противны были какъ почвенныя, такъ и государственныя перевороты. Онъ вездѣ ожидалъ успѣха лишь отъ тихаго развитія. Такъ и здѣсь, насмѣхаясь надъ безумнымъ вулканизмомъ, онъ производитъ своего Гомункула обычнымъ пентуническимъ путемъ.

Мы возвращаемся къ мѣсту, на которомъ оставили грифовъ, сфинксовъ и сиренъ, на вулканической почвѣ. Сирены тотчасъ же выражаютъ свое нерасположеніе къ этому мѣсту: на спасительныхъ волнахъ онѣ желаютъ утѣнать пѣснями несчастный народъ (вулканистовъ). Въ предчувствіи приближаю-

СТРАИ.

чаются землетрясения онъ стремится къ спасительному морю. Разрушительное явленіе веѣвъ грозитъ бѣдою.

92. *Сеймосъ* (землетрясеніе) въ образѣ ворчливаго старика приподымаетъ плечами землю: по неподвижныя сфинксы, въ данномъ случаѣ представители косности, являются противниками паспльственнаго переворота. Онъ улаиваютъ старика Сеймоса, который когда-то, шнывъ мольбѣ Латоны и выдвинувъ изъ морской пучины островъ Делосъ, далъ ей возможность разрывиться отъ бремени Аполлономъ и Дианой, такъ какъ ревнивая Юнона взяла клятву съ земли, что та не дастъ нигдѣ пріюта ея беременной противницѣ. Делосъ же во время клятвы еще не существовалъ. Хотя сфинксы и видятъ, что Сеймосъ разорвалъ долину, но утѣшаются мыслію, что не всю, а лишь отчасти и дальше ни силъ его не хватить, ни сфинксы (косность материн) этого не допустятъ.

Сеймосъ, представитель вулканизма, принимаетъ себѣ одному все вышнее устройство земли. Онъ хвалится своими выходами въ сообществѣ титановъ Отоса и Фіалта, когда они навалили Осеу на Пеліонъ, а Олимпъ на Осеу, а распутившись, даже прикрыли Парнасъ двумя горами въ видѣ двурогой шапки. Въ настоящую минуту, выдвигая новую гору изъ нѣдръ земныхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ новую среду жизни.

93. Грифы указываютъ муравьямъ на золото, сверкающее въ разѣллинахъ горы. Хоръ муравьевъ, способныхъ сносить по крошкѣ золотыя блестки, подъ конецъ выражаетъ, что самая гора, какъ мѣтное явленіе, не имѣетъ никакого общаго значенія для происхожденія земной поверхности.

Кромѣ золота, гора содержитъ и желѣзо, приводитъ и обывателей, способныхъ къ его разработкѣ. На ней появляются *Пимей* (Кулачки), крошечныя горныя работницы, соответствующіе средне-вѣковымъ гномамъ. Съ этимъ именемъ далѣе связывается гомеровское сказаніе (Иліада III. 3), по которому *журавли*:

«Съ крикомъ стадами летятъ черезъ быстрый потокъ океана,

Бранью грозя и убійствомъ мужамъ малорослымъ, Пимеямъ».

94. Рядомъ съ ними мать-земля порождаетъ и *Дактилей* (мальчики съ пальчикъ), еще меньшихъ противъ Пимеевъ ростомъ. Старшій *Пимей*, въ виду неизбежной вражды представителей вулканизма съ пентунистами, болотными иттиами, хотя наружный миръ еще не нарушенъ, распредѣляетъ воинственные приговоренія, и поручаетъ своимъ пимеямъ

СТРАИ.

строить кузницы дляковки оружія, муравьямъ добывать металлъ, а дактилямъ готовить дровъ и уголь для ковки. Здѣсь указаніе на Идейскихъ Дактилей, знаменитыхъ въ древности членовъ арической общины, пскуеной въ медицинѣ и всякихъ механическихъ работахъ. Даже во времена высшаго развитія греческаго просвѣщенія, гадательно объявляли ихъ имя тѣмъ, что они жили близъ горы *Пиды* (которой?) и по искусству своихъ пальцевъ получили названіе *Дактилей*; что во время глѣнаго пожара они открыли способъ обработки металловъ, приносили жертвы богамъ на грубыхъ каменныхъ алтаряхъ и современемъ сами причислены къ лику боговъ.

Генералиссимусъ ведетъ свою мелкую рать на болотныхъ панеляхъ, чтобы черноватыми хохолками ихъ убрать свои шлемы. Оставшись одинъ, муравьи и дактили сѣтуютъ на свою подчиненность и зависимость отъ товарищей, но до времени не рѣшаются изъ нея выстунать.

Пимеи журавли Шиллера населись въ воображеніи Гете въ видѣ постоянныхъ воздушныхъ обличителей всякаго совершающагося неправа. О помощи родственнымъ палымъ, гибнущимъ отъ стрѣлъ пимеевъ, они вызываютъ къ косящимъ черезъ море другимъ журавлямъ (пентунистамъ), объявляя вѣчную вражду безобразному, временно торжествующему вулканизму. Чувствующій къ ламіямъ влеченіе Мефистофель изумленъ переворотомъ, произведеннымъ такъ неожиданно *Сеймосомъ*. Онъ выхватываетъ каменное постолство своего Брокена, гдѣ по преданію *Бариния* (Fräulein) Илья вѣчно сидитъ на своемъ *каменіи*, каменная гряда (Heinrichshöhe) *Гейнрихови айсоти* остается такъ же неподвижна, какъ и дѣйствительныя скалы близъ *Ширке*, получившія отъ шума покрывавшихъ ихъ лѣсовъ названіе *Храпуновъ* (Schnarcher), тогда какъ здѣсь возникшая гора заслонила его знакомыхъ сфинксовъ. Въ долину еще не потухли огни, озаряющіе образы древней эллисской саги, среди которыхъ чувственный Мефистофель узнаетъ ламій. Ламинъ, въ образѣ публичныхъ красавицъ, притворно убѣгая, увлекаютъ Мефистофеля, который, хорошо зная ихъ дѣйствительную истину, все-таки не можетъ удержаться. Къ Мефистофелю, какъ отрицанію истинной красоты, стремится самое безобразное образы классической древности.

95. Такъ появляется и подземная служительница Гекаты *Эммуза* (одноножка), нѣчто въ родѣ вампира, высасывающаго кровь у спящихъ. Она способна принимать всякіе образы и потому трудно ее узнать, но узнавъ легко прогнать. Одноножкой она называется потому, что у ней одна человѣческая нога.

96. Такъ появляется и подземная служительница Гекаты *Эммуза* (одноножка), нѣчто въ родѣ вампира, высасывающаго кровь у спящихъ. Она способна принимать всякіе образы и потому трудно ее узнать, но узнавъ легко прогнать. Одноножкой она называется потому, что у ней одна человѣческая нога.

СТРАИ.

а другая ослиная или изъ навозу. Намекая на превращенія ламій, она сѣдется надъ Мефистофелемъ, добровольно впадующимъ подъ вліяніемъ похоти въ сильную глупость.

97. Обманутый и осѣбанный Мефистофель ищетъ сфинксовъ между новыми скалами, которые кажутся ему Блюкебергомъ, принесеннымъ вѣдьмами.

98. *Ореада*, горная нимфа (полющеніе горы), хвалится древнимъ происхожденіемъ своего утѣса и ссылается на то, что черезъ него, по разсказу Лусана, бѣжалъ Помпей въ Ларису, кинувъ прощальный взглядъ на мѣсто проигранной битвы; тогда какъ горы, возникшія по прихоти волшебной ночи, исчезнутъ при вѣяніи вѣтховъ. Привычный къ сѣвернымъ лѣсамъ, Мефистофель, тѣмъ не менѣе, хвалитъ освѣщенію гору дубравы, у опушки которыхъ встрѣчаетъ Гомункула. Говоря о своемъ желаніи прозойти, Гомункулъ признается, что видѣнное имъ до сихъ поръ не могло привлечь его, и онъ привязался къ двумъ мудрецамъ, способнымъ безъ сомнѣнія указать ему надлежащій путь. Мефистофель сѣдется надъ людьми, для которыхъ природа является не предметомъ изученія истины, а лишь орудіемъ проведенія собственныхъ позарѣній и убѣжденій, и совѣтуетъ Гомункуду возникать собственными успѣхами. Но тотъ заинтересованъ совѣтомъ умныхъ людей. *Анаксаторъ*, много занимавшійся механическимъ объясненіемъ землетрясеній, затмѣній и метеоровъ, является здѣсь сторонникомъ механической теоріи земныхъ переворотовъ (вулканизмомъ), въ противоположность пентунисту *Валесу*, производившему все изъ воды. Не отвергая мѣтнаго явленія горы, Валесъ не придаетъ ему, какъ исключенію, міроваго значенія. Анаксаторъ, судя о Гомункулѣ по небольшому его объему, предлагаетъ ему быть царемъ *Мармидоновъ* (отъ *Μάρμαρος*—муравей) и пимеевъ. Но Валесъ не совѣтуетъ ему останавливаться на такой мелочи, при которой онъ не можетъ ожидать великаго. При этомъ онъ указываетъ на гибель самихъ пимеевъ, истребляемыхъ журавлями.

99. Продолжая насѣлку надъ вулканистами, Гете воочію проводитъ еще теорію образованія поверхности земли, вслѣдствіе паденія аэролитовъ, причемъ упоминаетъ, что *Анаксаторъ* предсказалъ паденіе аэролита съ солипа въ Эгоспотамоеѣ. Въ то же время поэтъ указываетъ на то, что многія ученія держатся единственно воображаемыми призраками. Анаксаторъ, видя гибель своихъ пимеевъ, въ отчаяніи обращается съ мольбой къ *Гекатѣ*. Мистическій и мракомъ сокрытый образъ этой богини впервые встрѣчается у Гезіода. Не смотря на многихъ, приписываемыхъ ей, отцовъ и матерей, въ числѣ которыхъ находится и

100. а другая ослиная или изъ навозу. Намекая на превращенія ламій, она сѣдется надъ Мефистофелемъ, добровольно впадующимъ подъ вліяніемъ похоти въ сильную глупость.

СТРАИ.

Зевесъ съ Герой, она происхожденія титаническаго и одна изъ титановъ была на сторонѣ Зевеса, за что не была инавергнута съ другими въ тартаръ, а получила отъ Зевеса великую власть на небѣ, на на землѣ и въ подземномъ царствѣ. Троизкая власть ея сообщала ей множество именъ, указывающихъ на тройственность, сближающую ее съ троизкой луной (по тремъ фазамъ). Сближая и въ своей молитвѣ видимую на небѣ луну съ чародѣйною Гекатой, Анаксаторъ молить се о произведеніи глѣва, на защиту пимеевъ. Безъ особенныхъ чаръ она появлялась обыкновенно въ сопровожденіи воюющихъ собакъ. Въ способность оессайскихъ чародѣевъ мистическими (священными) пѣснопѣйными союскать свѣтила небесныя съ ихъ путей вѣрила вся древность. Въ настоящемъ мѣстѣ просвѣщаетъ и убѣждаетъ Анаксатора, что небесныя тѣла суть раскаленные металлическія массы. Анаксаторъ видитъ уже мгновенное исполненіе его молитвы, въ указующемъ приближеніи раскаленного луннаго диска, и надеетъ въ отчаяніи, что самъ же накликалъ бѣдствіе. Валесъ видитъ въ немъ большого энтузіаста.

101. Между тѣмъ Гомункулъ замѣтилъ, что дѣло не обошлось одной мечтой Анаксатора, а что громаднымъ аэролитомъ раздвинуло и правыхъ, и лѣвыхъ. *Валесъ*, объявивъ и метеорологическое объясненіе столь же призрачнымъ, какъ и вулканическое, приглашаетъ Гомункула къ морю (пентунизму). По мнѣнію Валеса, только море можетъ сочувственно принять такихъ гостей, какъ Гомункулъ, съ его чуднымъ стремленіемъ къ зарожденію.

Мефистофель ворчитъ на отсутствіе смелыхъ деревьевъ; а *Дриада* упрекаетъ его въ неспособности справиться съ мѣтными условіями. На его вопросъ: что онъ видитъ въ мрачной пещерѣ, нимфа поясняетъ, что это *Форкиады*, дочери Форса (мрака) и Влето (пещеры), конхъ имена *Дейно*, *Нефредо* и *Энио* намекаютъ на страшный ихъ видъ. Извѣстны также подъ именемъ *Грей*, сѣдыхъ, онъ родились сѣдыми, съ однимъ глазомъ и однимъ зубомъ у веѣхъ трехъ.

102. Хотя Мефистофель и пораженъ ихъ безобразіемъ, но дальше онъ самъ сознаетъ свое съ ними духовное сродство, во имя котораго и испрашиваетъ ихъ благосклонности. Хотя *Форкиады* и встрѣчаются (Prom. Aesch. 794—796) у древнихъ, но какъ слѣды мрачной фантазіи, а не какъ идеалы искусства, какими желалъ бы ихъ представить пылливый Мефистофель. Онъ упоминаетъ Рею, жену Сатурна и мать Зевса, и сливающуюся съ нею у итальянскихъ народовъ Онея, чтобы показать, что считать *Форкиады* древнѣйшими божествами. Выраженіе: *двойной татъ* указываетъ на Дедала, раздвоеннаго ноги статуи и

СТРАНА

- тёмь придавшего им движение. Мефистофель советует Форкиадам, за невозможностью покинуть мрачную пещеру, чтобы лично вступить в живую область искусства, перенести свою сущность на другого, т. е.
103. на него. При этом он воображает, что, приняв образ, хотя и уродливых женщин, он представит сближение полов, хотя как дух он в сущности не имеет пола.
105. *Эгейское море.* Гомункул достигает полного развития сближён с высшей красотой. Гёте воспользовался случаем провести греческое искусство по всем ступеням развития. Весёлый праздник морской представлять яркую противоположность с разными сценами: с выдвигания гор и падений громадных аэролитов. Там Анакаторь закидывает грозную Гекату. Здесь сирены тоже обращаются к духу, но испрашивают её благосклонности. Первыми появляются *Перейды* и *Тритоны* в смысле грубых морских чудовищ, полурыб и полулюдей. Как истые дикари, они способны только обижаться произведениями искусства, появившимися в пучину с корабельщиками, привлечёнными пением сирен.
106. сирен. Сирены именно в этом смысле возбуждают в переидах и тритонах сознание их собственного достоинства, предлагают косвенный вопрос о существовании у них высших, религиозных потребностей. Дикари способны утвердительно ответить на скептический вопрос фактом и отправляются на остров Самоораклию, которой смутны и спорны божества *Кабири* были, по Крейнеру, исходной точкой всей греческой мифологии. Называя *Кабириов* странными богами, которые, непрерывно создавая себя, не знают сами кто они такие, сирены намекают на споры мифологов о чистоте и сущности *Кабириов*.
- Оалес, приведя Гомункула к берегу моря, советует ему обратиться к старцу *Перей*, олицетворению самого моря, непрерывно доставляющему людям новые сведения. Гомункул хотя и слышит, что Перей брюзга, но надеется, что тот в сердцах не разобьет его фонаря. Перей указывает на бесполезность всяких советов там, где люди руководятся не разумом, а волей, и намекает на свои принципы Парнеу (оды Горация I, 15).
107. *Оракум Пинды* Перей объявляет Греков, разрушителей Трои. На новую просьбу Оалеса наставить Гомункула, Перей отвечает отказом по причине предстоящего свидания с дочерьми Доридами и главной из них, Галатеей. Дочери Перей и Дорида носят в древности название Перейды. Если древнейшее искусство охотно представляло морских существ на колесницах из раковин, обожасмой на

СТРАНА

- остров Кипр в горы. Паноэ — Афродиты (Киприды), то в позднейшее время так изображалась Галатея. Вёрный постепенности исторического развития. Гёте ведёт держится перехода грубой животной формы в человеческую, до высшего проявления красоты в Галатее, избывая Олимпийцев, как чисто божественного элемента. В этом смысле не Венера, а Галатея, как идеал красоты, является целью конечного стремления Гомункула (Фауста) и как бы предпосылкой к Елене. Гёте держится описания триумфа Галатеи у *Филострата*, которого держался и Рафаэль в своей картине. Таким образом перед нами исторический факт, что Гомункул (стремление человечества к идеалу высшей культуры) вынужден был воплотиться, произойти у ног Галатеи. Без античной Елены нет культуры Фауста, нет фантастического Эвфориона.
108. Перей отсылает просителей к Протею. Оалес, зная извечность и лживость Протея, не ждёт удачи, но советует попробовать счастья.
- Сирены* вызывают приближение ещё высшей формы развития в образ просветлённых Самоораклийских Кабириид переид и тритонов. Они несут не самих Кабириов, а попираванные щиты из неполоманных черепах, в которых отражаются сумрачные боги.
- Сирены выхваляют силы малых на вид богов, которых в виде карликов Геродот видел в Мемфисском храме — и упоминают о главном их качестве, спасителей плывов. Сирены сами признают превосходство Кабириов над ними.
- Кабири.* Страбон в 10 кн. § 39 пишет: „Аргивец *Акулиас* утверждает, что *Кабири* родила от Вулкана сына *Камилла*; сыновья этого *Камилла* были три Кабири: от них родились три дочери Кабириды“.
- Ферекид* говорит, что „Рития родила от Аполлона девять Корибантов, живших в Самоораклии, а Кабири, дочь Протея, родила от Вулкана трёх Кабириов и столько же имён Кабириды. Тёмь и другим посвящено было особое богослужение (имена их таинственны и потому назвать их не могу)“.
- Минзей* называет эти имена: *Аксирь*, *Аксикер* и *Аксикер*, а Дионисдорф приговаривает четвертого *Камилла*. У Гёте самбиска из уст Перейды относится к триумфу Шеллинга над Крейнером. Крейнер производит имена первых трёх Кабириов из египетского, причём друг его Мюнтер замечал Шеллингу, что справедливость такого производства не страдает от того, что четвертое имя до сих пор не поддается такому производству из египетского. Шеллинг, напротив, торжественно

СТРАНА

- доказывать, что так как три первых производятся от финикийского, то и Камилл весьма легко производится от родственного еврейского. Переиды и тритоны указывают на то, что *Камилл* разумеется всех и не идёт на фальшивое истолкование. Сирены советуют быть осторожным с богами, так как неизбежно, на какую степень поставить его мифологию. Под их искусной рукою низший бог может получить высшее место и сблизиться над другими принаженными. Так как по *Ферекиду* Кабириов и Кабириды шесть, то с Камиллом их выходит семь, к коим Крейнер ещё причисляет восьмью самого Гефеста, которого чисто не называть Кабиром, а на Олимпе. Шеллинг остановился на семи Кабиридах плывущих воедоединения в единстве Зевса. Низший из Кабириов, *Аксирь* по имени, обозначает *Голод*, бедность, с дальнейшим значением желания, стремления к *сокровенным тайнам*. Сирены являются сторонниками Крейнера, который всю греческую мифологию сводит на восточное поклонение светилам.
- Переиды и Тритоны*, принесшие из Самоораклии Кабириов (мифологию, придающую им такое важное значение), ожидают торжественных гимнов в честь своего открытия. Сирены утверждают, что мифологи (Тритоны) даже затмили славу Аргонатов, у которых в руках только золотое руно, тогда как у первых Кабири. В Египте Кабири происходят от могучего творца вселенной (демиурга) *Ита*, имеющего сходство с греческим Гефестом. Он изображался небольшого роста с огромным брюхом, ушами, глазами и ртом, с головой, прикрытой половинной личной скорлупой. Такие формы перешли и на Кабириов, которых Крейнер представлял собой кружечными богами, в форме пузатых горшков. Оалес и *Протей* указывают на пристрастие ученых к вопросам не по сути их значительности, а лишь по сути их затруднительности и странности. Протей указывает Гомункулу на море, как на среду постепенного органического развития. Гёте без сомнения припоминал учение Анаксимандра, считавшего море родиной человека, жившего в нем подобие рыбы; только когда люди достигли полного развития и способности жить на суше, море выбросило их на берег. Поэтому рыба должно считать родоначальниками людей. Если сблизить с этим мифом Осена и слова Дарвина о человеческом зародке, то поневоле скажешь с Мефистофелем:
- Что кто-ж умно или глупо думать может,
О том, о чем не мыслили века?

СТРАНА

- Протей хочет сказать, что Гомункул так неожиданно родился, как дивный сын, и находится даже в его безлопастности удобство, так как морская среда не встретит затруднения воспользоваться им, как придется. Гомункул уже слышал освежающий органический запах моря. Протей приглашает его на узкий мыс, где он близко увидит морское торжество.
112. *Тельжины робосские* представляют последнюю ступень человеческого развития, которому недостает только идеальности. Они древнейшие обитатели Родоса, дети Талассы (моря) и славившие своим колдовством и умением обрабатывать металлы и лить статуи, из коих многие изветны были как произведения. Нептун снабдил их на этот раз своим трезубцем, чтобы укротить волны моря.
- Тельжины* приклетствуют светлую Дану по имени брата ее Аполлона, которого они на Родосе чтут непрерывными пением (песнями) и множественностью статуй, от малых до неполомленного колосса, служащего маяком, освещающим остров после захождения солнца (Аполлона).
113. Протей не без оснований сблизится над мертворожденными произведениями рук человеческих по сравнению их с вечной природой. При этом он намекает на землетрясение 224 года до Р. Хр., разрушившее колосс Родосский, которого громадные остатки увезены Арабами в половине VI века. Он уносит Гомункула в область моря. На совет Оалеса, пройдя тысячи форм, дойти до человека, Протей, как бог извечности этих форм, очевидно не может желать, чтобы Гомункул скоро дошел до последней человеческой, после которой путь прогресса форм невозможен.
- Оалес понимает развитие в духовном смысле и скромно приписывает гению временное значение. Протей соглашается на исключения в пользу людей, подобных Оалесу, которого он видит уже несколько столетий в прославленном совете греческой сати. Оалес и Анакаторь, как истые посетители греческой мудрости, с полным правом настаивают в классической Вальбургской поч.
- В настоящем триумфе Галатеи занимает место Афродиты, поэтому в числе атрибутов богини красоты и любви сирены замечают и голубей.
114. носивших ее воздушную колесницу. Перей отвергает будущее толкование чудного явления паноэских голубей; и Оалес любит глубокий жизненным значением моря.
- Пелла* и *Мары* — представители волшебной силы чувства прекрасного, глубоко таинственной в душе человека. *Мары* — итальянский народ заклинателей

СТРАИ.

звѣй. Но Иллию, Пеллаи—африканскій народъ такихъ же заклинателей звѣй, неслышанный укушеніи звѣй высасываіемъ. Гѣте, переносъ ихъ на островъ Кипръ, дѣластъ ихъ таинственными хранителями колесницы Афродиты, мѣсто которой они теперь вывозятъ престелную дочь Перей. Никакія увлеченія понахъ поколѣній, никакія вышнія торжества враждебныхъ силъ и народностей (римляне въ образѣ орла, венеціанцы въ образѣ крылатого льва, турокъ и христіанъ подѣ эмблемами луны и креста) не сдерживаютъ таинственнаго шестія вѣчной красоты.

Сирены приглашаютъ одиноутробныхъ Доридъ, приближаясь къ Галатеѣ, напоминать ей собою ея божественную мать Дориду, дочь Океана и Фетиды; тѣмъ не менѣе онѣ указываютъ на прелезательность Галатен въ смыслѣ земной женщины. Идеальное сліиіе человѣческаго съ божественнымъ воплощается въ любви богини Дориды къ дѣтямъ моряковъ, потерѣвшихъ крушеніе.

115. Перей, отказываясь даровать безсмертіе возлюбленнымъ его дочерей, полагаетъ конечнымъ срокомъ развитія красоты возрастъ возмужалости.

Едва восторженный Перей замѣчаетъ Галатею, какъ ее уже умчались дельфины. Высшій идеалъ красоты предстаетъ во всей чистотѣ лишь въ рѣдкія мновенія передъ духовными взорами даже истиннаго художника.

АКТЪ ТРЕТІЙ

СТРАИ.

118. представлять соединеніе *Фаусты* съ *Еленой* 12 сентября 1800 г. Гѣте сообщилъ Шиллеру, что Елена наконецъ появилась. Шиллеръ написалъ своему другу: „Благородный, высокий духъ древней трагедіи вѣетъ въ монологѣ и тихой мощью возбуждаетъ сокровеннѣйшія глубины души. Если вамъ удастся этотъ синтезъ благороднаго съ варварскимъ, то будете найдены и ключъ къ остальной части цѣлаго, и вамъ уже не трудно будетъ какъ бы аналитически съ этой точки опредѣлить и распредѣлить смыслъ и духъ остальныхъ частей; ибо эта вершина, какъ вы сами ее называете, должна быть видна со всѣхъ точекъ цѣлаго и озарить ихъ всѣ“. По поводу общаго значенія цѣлаго, Гѣте самъ выразился: „Нора примириться наконецъ страстной расирѣ между

СТРАИ.

116. Одесъ въ восторгѣ признастъ въ Галатеѣ высшую красоту и истину природы (ибо красота есть высказанная истина), неведимую, согласно его ученію, изъ воды. Онъ славить океанъ, какъ источникъ всей органической жизни.

Хотя Дориды и удалились настолько, что взоры ихъ не могутъ встрѣтиться со взорами Перей, но послѣдній и въ отдаленіи не спускаетъ глазъ съ колесницы Галатен.

Гомурикулъ, вдали отъ Перей, на свинѣ Протей-дельфина въ морѣ, не можетъ противостоять прелести Галатен. Его свинка страстно свисаетъ и звенитъ. Онъ все ближе склоняется къ ногамъ Галатен и, разбившись о ея тропѣ, проливаетъ въ море свой огонь.

117. Сирены провозглашаютъ и славятъ эротическое сліиіе огня и воды, замѣтвая свое изображеніе у фосфорическихъ явленій, сопровождающихъ подвигъ водою въ тихія ночи плователей по Средиземному морю.

Общій хоръ присоединяетъ хвалы вѣтрамъ, оживляющимъ море, и землѣ, въ пещерахъ которой хранилась колесница Афродиты (Галатен), такъ что торжество завершается хвалою всѣмъ изжителнымъ началамъ.

СТРАИ.

классиками и романтиками. Наше образованіе есть главная потребность: откуда мы почерпнемъ образованіе, было бы безразлично, если бы мы не должны были страшиться *искаженія* по дурнымъ образцамъ. Вѣдь все-таки болѣе широкому и свѣтлому взгляду въ содержаніе и сущность греческой и римской литературы мы обязаны освобожденію, между XV и XVI вѣками, отъ монашескаго варварства“. Онъ при-сопоставляетъ, что все, сообщаемое имъ, онъ вынесъ изъ опыта жизни, и потому надѣется, что найдутся желающіе пережить снова и его поэтическія созданія.

Трудно что-либо прибавить къ этимъ немногимъ словамъ величайшихъ мастеровъ.¹

Елена, чтима на ея родинѣ въ „законономъ го-

СТРАИ.

родѣ Оераніѣ какъ богиня красоты, была первоначально существомъ небеснымъ, мифически перешедшимъ на историческія лица. Уже одно имя ея напоминаетъ Селену (луну). Она постоянно дочь владыки неба, Зевса, и сестра Діоскуровъ, спасителей въ бурной ночи. Въ своей мифологій Преллеръ указываетъ, что луна часто представляется въ образѣ прекрасной женщины и ея передвиженія и фазы представляютъ поводъ къ исторіямъ похищеній.

Такимъ образомъ похищеніе и возвратъ составляютъ главное зерно преданій о Еленѣ. Такъ какъ по преданію она скрывалась одновременно и въ Троѣ, и въ Египтѣ, откуда ее тоже вывелъ Менелай, то Стезихоръ и Эврипидъ представляютъ это такъ, что только приракъ ея послѣдовалъ за Парисомъ, а сама она осталась на Нилѣ и тамъ найдена супругомъ. Мы уже говорили о ея похищеніи Тезеемъ и освобожденіи братьями, равно какъ о тѣни Ахилла, соединившейся съ ея приракомъ на островѣ Лемке (у Гѣте Фера).

Погрузившись въ міръ греческаго искусства Фаустъ—самъ Гѣте. Отбросивъ всякіе романтическіе подходы, онъ прямо выводитъ передъ нами Елену, въ тѣхъ самыхъ формахъ жизни, какими окружали ее греческая трагедія и преданія. Во всемъ предстоіщемъ передъ нами образѣ вѣтъ черты не основанной на глубокомъ изученіи классической древности, а намъ въ пору изучать дѣло настолько, чтобы понять значеніе того или другаго, повторяя слова Гѣте къ будущимъ своимъ критикамъ: такъ *онъ это захотѣлъ сдѣлать*. (So wollt er's machen).

Греческая трагедія возникла изъ религіозныхъ хоровъ на праздникахъ Діонисія. Предводитель хора вступалъ въ разговоры со своими соучастниками о судьбахъ Вакха, изображеннаго отдѣльнымъ лицомъ. Такимъ образомъ хоръ явился представителемъ народнаго голоса, толкователемъ общаго впечатлѣнія, переживающимъ самыя страданія и смерть героя. Гѣте выводитъ передъ нами Елену со всѣми атрибутами Софокловой трагедіи, и такъ какъ онъ только все воспроизводитъ, ничего не сочиняя, то мы не можемъ сказать что это не Елена.

Появленіе и ужасъ Елены. Елена появляется передъ дворцомъ своего супруга Менелая въ Спартѣ въ сопровожденіи вѣрныхъ троянокъ, во главѣ которыхъ *Панталисъ* отличается своею привязанностью къ господамъ.

На большой картинѣ знаменитаго *Политота* въ Дельфахъ, Елена представлена была не за долго до ея возвращенія изъ Трои, причемъ двухъ сопровождающихъ ее служанокъ называли именами: Панталисъ и Электра.

СТРАИ.

Елена, достигнувъ Спарты при помощи юго-восточнаго вѣтра *Эара*, обсуждаетъ свое положеніе при вступленіи снова во дворецъ, выстроенный отцомъ ея Тиндареемъ, когда онъ вернулся изъ Лоніи (съ Холма Паллады). Здѣсь выросла она съ Клитемнестрой и братьями Діоскурами. Въ ея собственномъ сознаніи она—жертва злобнаго рока и сказочныхъ нахтовъ, обратившихъ ея влѣненіе разбойникомъ въ добровольное бѣгство. Не вступая на порогъ супружескаго дома, она надѣется оставить 120. всю роковую бурю за синою. Здѣсь, какъ въ Софокловомъ *Филоклетѣ*, выступаетъ строфа хора, за которой, послѣ новой рѣчи Елены, слѣдуетъ анти-строфа, и заключительное пѣніе (эпода).

Въ своемъ художественномъ воспроизведеніи древней трагедіи Гѣте избираетъ для хоровъ разнѣры, лишь вполнѣ подпадающія условіямъ вѣмцаго, а слѣдовательно и русскаго стиха. Мы были еще сдержаннымъ и трезвымъ.

Напрасно хоръ старается ее утѣшить высокимъ 121. значеніемъ ея красоты, заставляющей преклоняться и героя, и мудреца. Она впадаетъ въ раздумье по поводу страннаго, молчаливаго поведения Менелая во время плаванія.

Хоръ антистрофы выражаетъ надежду увидать ее вскорѣ во всемъ царственномъ убранствѣ; но Елена впадаетъ въ мрачное раздумье, вспоминая, что Менелай, приказавъ ей все приготовить для жертвоприношенія, не указавъ на самую жертву. Въ концѣ ея рѣчи слышится намекъ на спасенную Ифигенію.

Въ *Троянкахъ* Эврипида Греки передаютъ Менелая Елену для наказанія, и онъ упоняетъ ее на кораблѣ для того, чтобы дома предать смерти.

122. Въ *эподѣ* хоръ утѣшаетъ парину собственнымъ примѣромъ. Вѣдь сами же троянки пережили гибель Трои. Елена уходитъ во дворецъ.

Греческая трагедія, не взирая на видимую сдержанность, свойственную всему классическому искусству, богата въ хорахъ лирическимъ буйствомъ и спеническими приемами, которыми немногіе изъ повѣвшихъ умѣли подражать. Какъ напр. въ *Юаннѣ Грозномъ* гр. Толстаго шумные и веселые екоморохи прывауютъ на сцену въ минуту нежданной смерти Грознаго, такъ и въ древней трагедіи радостные хоры перѣдко предшествуютъ мрачнымъ событіямъ, возвышая значеніе послѣднихъ. Въ данномъ случаѣ хоръ пренеполненъ высокимъ счастьемъ парины, идущей изъ тяжелой неволи навстрѣчу полному счастью. Хоръ не обращается ни къ какому лицу, а выражаетъ общій радостный порывъ.

Панталисъ, предводительница хора, спрашиваетъ

СТРАН.

- возвращающуюся Елену: что могло ее так смутить в собственном доме. Безстрашная дочь Зевса (по Гомеру) говорить, что из мрака бездны, откуда когда-то произошли чудина в роду Химеры, Тифей и т. д., и теперь исходить чудовища, подобно облакам дыма из огнедышащей горы, способен потрясти и героя. Стигийские подземные боги встряли ее таким ужасом, что она готова бежать из дому. — Но отрезвленная видом блага дня, она хочет осветить дом, чтобы жить в нем с супругом. Рассказ Елены о страшном явлении напоминает подобное место в *Эклизиде* Эсхила.
123. ст. 34. При дальнейшем описании расположения дома по Гомеру, Гёте очевидно держался Фоссова плана, приложенного им к переводу *Одиссеи*.
- За мощеным передним и средним дворами, находится в глубине мужская комната с очагом, представляющим средоточие дома. В высокую кладовую рядом с супружеской опочивальней (*θήλαρα*) надобно подыматься позади мужской комнаты.

„Вверх по ступеням высоким посетилно вошла
Пенелопея;
(Одиссея, Жуковского XXI, ст. 5).
„Рабы спали в пыли около огня“.
(Одисс. XI, ст. 190).

- Мефистофель, появившийся на пороге дворца в образе Форкиады, рад, в качестве представителя безобразия, смущать и запугивать прекрасные образы классической древности.
124. Хор, при виде такого безобразия, пропихается лирическим чувством всего страшно пережитого, при разрушении Трон (Энеида II, 310—317). Страшный крик богов по Гомеру. Под *раздором* можно разуметь и Эриду (богиню раздора), и сражающихся. В Илиаде гл. XVIII, 222.
- „Трон сыны лишь уснадали мидный класъ
закладов“.
- Все бедствия, пережитые плетеными Троянками, кажутся им каким-то тяжелым сном, из которого выплывает в действительности предостережение перед ними чудовище, которое они несомненно считают происшедшим от мрачного Форкиса, отца Горгона и Форкиады (*Γραι*). С точки зрения света, озаряющего положительную красоту мира, безобразие только отрицание, как тень, которая видна только со стороны. Счастливым своею богоподобною красотой, троянки в ужасе проклинают приближающееся к ним чудовищное безобразие.

СТРАН.

125. *Форкиада*, в духе древней трагедии, принимает за основание своей речи пословицу и, упрекнув хор в безстыдстве, сравнивает его сперва со стадом журавлей (Илиада III, 3), затем с прожорливой саранчей и под конец указывает на их рабское положение рыночного товара.
- Елена вступает за вбрых троичнок, но Форкиада просит защитить ее, старую служанку, от крикливого хора.
- Предводительница хора* выражает свое отвращение к безобразию Форкиады и тем дает повод к перебранке отдельными стихами (стихотворной), столь свойственной древней трагедии.
127. *Эреб* — воплощение хаотической ночи, отец порока и родоначальник всех нужд и бедствий. Странно, что по отдаленному ходу мыслей в числе последних находится и дружба.
- Тирейд* — известный Ойский прорицатель, одаренный Зевсом семью сроками человеческой жизни. Любимец Прозерпины, он один сохранил в тартаре разумное сознание.

Орион — исполин — охотник, сын Посидона и Эвриалы, ставший известным созвездием. Его *паника* была пословицей глубокой старости.

Гарии — дочери морского чудовища, вродь крылатых Стигалид, питались, по преданию, собственными нечистотами.

Предводительница хора Панталис, вынужденная Персефоной на время из ада, для известных плетей, знает от нея, что под личной ключницей Форкиады скрывается Мефистофель, и в минуту раздражения грозит разоблачить его тайну; на что Форкиада — Мефистофель приглашает ее объявить свое имя и призвание, т. е. полученное от Персефоны знание, тем раскроется общая их тайна.

Замышление Елены, обморок и новый ужас. Не столько неприятная ссора, сколько упоминание о подземных образах, на которые преданно ссылалась Форкиада, уносят Елену из действительности к мрачным картинам минувшего, созданного вокруг ее сложившейся сагой, так что она и сама не знает, клевета ли это или действительное бытие, перед которым должно умолкнуть ее внутреннее сознание собственной невинности.

Форкиада, под видом участия приводит определенное событие, еще больше старается придать сомнительной особь несомненно обвинительное значение. С походом Менелая в Крит, она соединяет и начало собственного рабства и уход Елены с Парисом. Но когда дело доходит до ее призрачной двойственности в Египте и Трое едино-

СТРАН.

- временно, Елена, глядя на свою призрачность, лишается сознания.
129. В следующей плетне, состоящей из прооды (предварительной плетни), пары строфы (ст. 6 — 13 и 14 — 21) и эподы, хор начинает впечатлением ужасного безобразия Форкиады, указывает на ее злое отношение к парии, и кончает впечатлением высокой красоты последней. Когда Елена снова приходит в сознание, Форкиада — Мефистофель, воздавая честь ее красоте, подходит к конечному разрешению своей роли, состоящему в том, чтобы, побуждаемая ужасом, Елена сама искала спасения у средневекового Фауста. Мы готовы видеть в этом поэтическое воззрение перехода греческой образованности в западную Европу, вследствие турецкого нашествия (1453). Приступая к исполнению повелений парии, Форкиада приводит дело к объяснению, что Менелай обречен и ее, и хор троичнок на смерть. Разные служанки приводят на память Одисс. XXII, ст. 458. Адекая прислуга, подобно Мефистофелю, не могущая появиться в классической трагедии в настоящем виде, является закутанною.
- Рыцарство Елены*. Преданная своей парии, предводительница хора, убивая в угрожающем бедствии, старается смирить Форкиаду и спросить о средствах к спасению. Ответ последней, что все зависит от быстрого решения Елены, заставляет и хор, и самую Елену обратиться к Форкиаде. Ножницы парки Атропос — золотые, подобно всем принадлежностям богов, Форкиада, начав издадека, сводит к тому, что в течение долгих лет отсрочки Менелая и Елены, к северу от Спарты у подножия Тайгета, в долине истока Эвроты успел заселить народ из полных стран (Киммерийцы у Гомера и Геродота) и построить неприступную твердо, властвует страной. Дальнейшее описание народа и его повелителя правится Елене и в особенности хору. В личном государстве во главе стоит один. После завоевания Константинополя франками-Германцами и Венецианцами (1204 г.) весь Пелопонез был раздан леным баронам. От владыки замка Гератис на Эвроты зависели шесть ленных владетелей. Гёте изучал это завоевание Греции как раз когда создавал Елену. *Приношение* были дары, которыми средневековые города, монастыри откупались от нападений сильных рыцарей. О подвиге героев Илиады говорится в виду угрозы Ахилла (Илиада XXII, ст. 345). На Веймарской вазе, в изображении похищения Кассандры, на щит Аякса виден узел из змий. Изображение на щитах семерых героев под Ойвами упо-

СТРАН.

- минаются у Эсхила (ст. 337). В гербах все цветы называются розами.
- Но пария все еще не вбрыть такой мести со стороны Менелая и когда Форкиада напоминает ей страшную казнь Дефоба (Вирг. Энеида VI, ст. 494), то она объясняет ее любовью к ней. Форкиада указывает на неизбежность этой мести вследствие того, что Дефоб обладал Еленою.
134. Трубными звуками, раздавшимися вдали по воле Форкиады — Мефистофеля, последний вынуждает ее на рыцарство. Как ни глубоко ее отвращение к безобразию Форкиады, Елена рывается последовать за нею с затаенною мыслью о самоубийстве в крайнем случае.
- Переход Елены и прием ее Фаустом*. Чудесное перенесение в средневековой замок сопровождается хором, состоящим из двух строф и эподы. Поднимающийся с Эвроты туман быстро покрывает реку и плавающих по ней, связанных с преданием о зачатии Елены, лебедей. Крикливые голоса последних кажутся дивушкам — лебедушкам предсмертным знаменем, как для них, так и для дочери Лебеды — Зевеса. Они не могут разобрать, сами ли они несутся вперед или земля бежит под их ногами. Им уже мерещится Гермес — Психопомп (погонщик душ), сопровождающий их обратно в Аид, из которого они лишь на время выпущены Персефоной. Туман рассеивается и хор, увидав себя среди тленного двора, окруженного мрачными стенами, считает себя попавшим в плетень. Здесь рисуется замок XIV и XV столетия с воронкообразным двором, окруженным высокими четырехэтажными строениями, тогда как собственно средневековые замки были гораздо просторнее. Предводительница хора упрекает дивушек в страстности их увлечения. Елена напрасно ищет глазами Форкиаду, долженствующую донести дело до конца и представить ее владыке замка. Но по средневековой лобзаности, женщина не может отыскивать владыку замка, а он должен ее встретить с почетом. Фауст должен оклеветанную, но невинную Елену принять как средневекового рыцаря, согласно решению Персефоны, не на плетневой земле, а жить за нею в Спарту со своим войском. Дворец Тиндарей и замок, в который он превращается, только волшебные призраки; но появление Фауста в Спарту, где возникает Елена, должно с точки зрения трагедии считаться действительностью.
136. Предводительница хора замечает поднявшееся в замке движение. Хор плетень юною красотой кортежа: он описывает мгновенное строение трона.

СТРАН.

на которой восходит Елена и прославляет великодушный прием. В словах предводительницы хора выражается впечатлительное грациозное достоинство, отличающего средневекового рыцарства. С ее приглашением Елена обратит внимание на Фауста оканчивается античная часть трагедии Елены, что видно даже по размеру стихов, ибо вместо триметров начинаются похвальные пятистопные ямбы и вместо свободных лирических размеров — рифмованные тропеи и ямбы и лишь в немногих местах, соответственно античному духу, возвращаются и древние метры.

137. В духе *рыцарского почтения* к женщине Фауст, называясь перед Еленой в несовременности почетного приема, приводит к ней на судь стража, заслужившего смерть своей оплошностью.

Елена, незнакомая с таким высоким положением женщины, тем не менее желает, в качестве судьи, выслушать обвиняемого. Линней, страж на башне, — которого имя для выражения зоркости, происходит от *lunz* (рысь), замечено у корчаго Аргонавтов, о котором говорится (стр. XI), — объясняет свое мнение необычайной красотой Елены.

138. Мысль о казни из-за нее пробуждает в Елене воспоминания всех невольных перенесенных ею бедствий. Фауст сам признает ее власть над собой и всеми его достоинствами.

139. *Линней* приносить Елене в дар драконьи кости, накопленные им во время переселения народов.

140. Фауст приказывает Линнею убрать богатствами залы для приема царя. Елена приглашает Фауста занять подобное ему место рядом с ней на троне.

Пораженная необычайностью рифмованной речи, Елена желала бы владеть ею, и Фауст объясняет ей вышнее созвучие слов внутреннею симпатией говорящего.

142. воршанго. Хор, стоящий на своей античной почве и потому состоящий из двух строф и эподы, объясняет привлекательность царя к Фаусту личной зависимостью. Но мнимо хора и Линней, женщины хотя и тонко отличают красоту от безобразия, но по обстоятельствам предоставляют и последнему власть над собою. Хор кончает заявлением, что и владыка не прочь выказать свое счастье перед тобою.

Исполняя романтический чувством, Елена уже говорить рифмами. Она называет себя отжившей в том смысле, что сбрасывается с себя все пережитое горе.

Защита со стороны Фауста и блаженство любви. За изображением романтической рыцарской любви является изображение рыцарской отваги и силы.

СТРАН.

143. *Форкиада - Мефистофель* радуется возможности причинить новый, хотя и неосновательный испуг и мучение Елене. Глумясь над любовною симпатией, которой не понимает, он возмущается о грозном приближении метельного Менелая.

В средние века в Греции существовали франкские, итальянские и венецианские лены. Держась чисто внешней связи текста, мы вынуждены объяснить существование таких ленных владений во время троянской войны волею Персефоны, которая не средневекового Фауста отодвинула хронологически назад, а дозволив своей Елене со всей ее обстановкой выйти из Анда через 2000 лет на встречу Фаусту. Но в переносном смысле, придающем именно 2-й части ее мировое значение, дело произошло именно так, как оно олицетворено в самой трагедии. Классическая красота и образованность не могла сама вторгнуться в грубый мир Запада, а нужно было напротив Западу, при помощи арабов, вынести Фауста, владения этой красоты и вынужденного переживать лично всю героическую эллиническую сагу.

Когда Готте спросил Гёте, что это обозначает, что Фауст раздвигает страны между отдельными военачальниками, поэт отвечал: „Да, да, милые дети, если бы вы не были только так глупы“ и оставил его, убившись, что человек, взявшийся на следующий день читать *Елену*, судя по такому вопросу, мало в ней понимает.

Весьма трем Целононезским городам, посвящая имя Пилоса, приписывают рождение Нестора.

144. При вести о враждебности одного Менелая, среди общего покорения Греции германцами, Фауст приказывает отбросить этого морского разбойника к морю и раздвигает весь Целононез между начальниками германских племен, оставляя Елене, как главк ленного государства, ее родину Спарту и прелестную соседнюю Аркадию. Приведенная здесь народная поговорка по корнесловию следующее значение: Германцы (военные люди), Готы (храбрые), Франки (свободные), Саксы (оседлые), Норманны (сильные люди).

Со своей точки зрения, хор в двух строфах и эподы восхваляет мудрость и силу владыка, который и царю, и слугам ее принять подвигшую защиту.

145. Указав на прелесть почвы, породившей идеальную красоту, Фауст, садясь рядом с Еленой, приглашает ее *оставить за собой*, забыть все мучение, вытекающее из *воли*, предавшись исключительно безбортанному чувству художественного созерцания, осуществляемому пребыванием в Аркадии.

Пещера, в которую удаляется Фауст с Еленой.

СТРАН.

ближе всего напоминает Тюрингское сказание о пещере Венеры.

146. *Эвфорион* является плодом сочетания Фауста с Еленой.

Форкиада будит спящий у входа в пещеру хор и обращается в то же время к более серьезным зрителям с невнятным рассказом о появлении и качествах Эвфориона, который, так сказать, на ее глазах превращается из подвижного, бойкого младенца в жреца новой лирической поэзии.

147. *Хор*, которого ибения состоит из 2-х парных строф, останавливается только на внешней необычайности рассказа и с этой стороны совершенно прав, говоря, что поэтическое воображение никогда не может превзойти того, что уже создано эллинической сагой. Но в его ибении для нас многозначительно именно то, что хор, говоря о поучительности поэзии, подразумевает поучение исключительно в смысле красоты, а не в том, какой у нас обыкновенно придают этому выражению: не в смысле нравственного поучения. Приводимое им сказание о Вакхе, будучи бесспорным примером ловкости и хитрости, не может служить примером нравственности.

148. ств нравственного поучения. Приводимое им сказание о Вакхе, будучи бесспорным примером ловкости и хитрости, не может служить примером нравственности.

149. При мелодической музыке, сопровождающей до конца сцену Эвфориона, даже Форкиада - Мефистофель, стоящий, при отрицательном своем характере, все-таки ближе к романтическому строю тем к классическому, выражает конец античного мира и начало нового сагой формой рифмованной речи. По его удалении, хор проникается тем же романтическим духом. Словами: „*пусты и солнца сонны затмится*“ он намекает на кончину древнего поэтического строя, уступающего место романтизму. Конечно и классическая поэзия не была совершенно чужда задумчивости, иначе романтизм и не прильнул бы к ней так неразрывно.

Мы не удивляемся, что Кюппель предлагает играть в театре всю сцену Эвфориона за дымами, в виду того, что для Елены и Фауста Байрон отдаленное будущее, так как на фантастическое этой сцены указывает сопровождающая ее музыка. Но для читателя, ищущего поэтической правды прежде всякой хронологической и понимающего, что как бы великий поэт ни скрывался за средневековым Фаустом и троянской Еленой, все-таки и к Фаусту, и к Елене, и к Байрону принадлежат они сам — и для него все одинаково прошедшее или скорее настоящее.

Появляющиеся *Елена, Фауст и Эвфорион* высказывают отраду семейного счастья, хор раздвигает это чувство. Скоро однако внутренние стре-

СТРАН.

мительность и порыв на высоты высказываются в гениальном младенце.

151. Просьбы родителей на время удерживают его на земле, но за то он бросается в хор двинушек, увлекая их к рывости, докучающей Фаусту.

Хотя надписи и гласят, что *Эвфорион* танцует и *поет* с хором, но очевидно все двенадцать следующих стихов принадлежать одному хору, изображающему грацию Эвфориона, который, отдохнув от игры, затвует повую, причем преследует очарованных им двинушек как дичину: увлекающийся лишь тем, что берется с бою, он догоняет самую рывую, пренебрегая остальными.

152. По сопротивляясь насильственным ласкам, троянка — выходец из Анда, — уносится пламенем, насильственно приглашая его ловить ее. Здесь кончается изображение первых, неукротимых и неудовлетворенных стремлений молодости Байрона.

Возносясь все выше и приобретая все более широкий кругозор, Эвфорион озирает Целононез,

153. окруженный морем. Хор, не понимающий его без предметных стремлений, старается удержать его в мирных полях Аркадии, но ему грозит война и победа. Полный благородных преданий волюнтаризма Эллады, Эвфорион переносит этот воинственный дух и на современных греков в их борьбе за независимость. Гром битвы за освобождение все более воспламеняет Эвфориона. Он летит раздвигать участь бойцов и вдохновенный принимает свое разрывающееся платье за крылья.

Хор оплакивает нового Икара, который падает мертвым к ногам родителей. Тьмо, посягающее черты Байрона, исчезает, ореол в виде кометы возносится к небу, а плащ и лира, как поэтические атрибуты, остаются на земле. В предисловии к первому изданию мы уже высказали наше личное воззрение на эту сцену. Всякое суждение о первоначальной ее концепции ибеть в глазах наших лишь историческое значение. Перед нами она в окончательном своем виде и, нам кажется, в наиболее значительном.

- Хотя сам Байрон, как лицо, исчез, но ореол его поэзии будет вечно сиять. Все выражаемое надгробною ибией хора, дотога характерно в прилинии к Байрону до падения Мисолунги включительно, что видеть в Эвфорионе что-то другое — более тем страню. Разлука, распад хора. Но

156. многие триметры Елена же объявляет Фаусту о своем возвращении к Персефоне восторг за сыном. Она исчезает, оставив на руках Фауста свои покровы, которые, по словам Форкиады, во всю его жизнь станут возносить его над всеми низкими. Излишне прибавлять, что тут подразуме-

СТРАН.

мѣняется, независимо отъ содержанія, та манера приходитъ къ природѣ и человѣку, которой мы преимущественно научились у Гомера и его послѣдователей. Форкіада-Мефистофель не можетъ упустить случая посягнуть надъ безсильными подражателями Байронаизму.

158. Вѣрная *Панталиса*, томившаяся все время совершенно чуждымъ ей романтическимъ вліяніемъ—единственно изъ преданности госножѣ, съ чувствомъ успокоенія и исполненія долга сходитъ снова встѣдъ за Еленой въ Андѣ, къ трону несповѣдливой Персефоны.

Но жизнелюбивый хоръ указываетъ на ту разницу, о которой говоритъ В. фонъ-Гумбольдтъ: „Есть духовная индивидуальность, которой однако не всякій достигаетъ, и она-то, какъ самобытная духовная форма, вѣчна и не преходяща. Но что не въ силахъ сформироваться такимъ образомъ, должно пожалуй вернуться къ общей жизни природы“. Хоръ, вѣрный подробностямъ гомерическаго созерцанія Анда (Одиссея X, 510, XI, 539, 573), не желаетъ возвращаться въ эту однообразно-безцвѣтную скуку. *Асфodelосъ*, асфодиллъ—растеніе изъ породы лилій, мелкоклюбныя корни котораго составляли пищу бѣдниковъ. Нѣчто въ родѣ древняго картофеля.

Одисс. Жук. XXIV, 5—8.

„Полетѣли за Эрриемъ тѣни

Съ визгомъ, какъ мыши летучія, въ пѣдрѣ глубокой пещеры,

Цѣпью къ стѣнамъ пригнѣвеныя—если одна оторвавшись,

Свалится на-земь съ утеса—визжать, въ безпорядкѣ порхал“.

Одна часть хора превращается въ дріадъ (древесныхъ нимфъ), другая въ ореадъ (горныхъ нимфъ), третья въ паядъ (ключевыхъ нимфъ), четвертая въ виноградныхъ нимфъ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СТРАН.

161. *Фаустъ и Мефистофель.* Исполненныя стремленія къ новой, могучей дѣятельности, Фаустъ несется на облакѣ, образовавшемся изъ одежды Елены. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ прожитой античной жизни, онъ ведетъ свой монологъ триметромъ, описывая са-

СТРАН.

Зная, что у истинныхъ художниковъ вдохновеніе предшествуетъ рефлексіи, мы не спрашиваемъ, почему Гёте кончаетъ свою Елену вакхическою картиной, а стараемся лишь понять и объяснить себѣ, почему это такъ вышло. Поэтъ, такъ сказать, хоронитъ свою Елену, а онъ самъ въ первой венеціанской эпитаграммѣ говоритъ, что древніе украшали свои саркофаги и урны самыми жизненными и разгульно-вакхическими сценами.

Пришедшій къ Грекамъ, со своимъ мистически разгульнымъ культомъ съ Востока, Діонисей мало-по-малу не только разрушительно дѣйствовалъ на ихъ трезвый, религіозный и семейный строй, но увлекъ и самое искусство и поэзію на соблазнительно опасные пути. Если въ концѣ классической Вальпургіевой ночи мы, какъ бы прелюдией къ Еленѣ, видимъ въ Галатеѣ высшее развитіе греческаго искусства, то здѣсь передъ нами возникаетъ его паденіе, подъ вліяніемъ разгульнаго вакхическаго культа. Передъ нами внутренняя причина смерти Елены, т. е. эллинскаго міра. Позволимъ себѣ сказать болѣе. То, что вѣчно присуще душѣ человѣка, нельзя, обозначивъ историческими моментами, устранить и сбыть съ рукъ. Вѣчный опытъ показываетъ, что такъ-называемые послѣдовательные моменты—рядомъ живуть въ духѣ человѣчества, принимая лишь новые оттѣнки.

Окончательная невозможность рациональнаго разрѣшенія вопросовъ о зарожденіи жизни и о вѣчномъ стремленіи къ индивидуальной свободѣ привела древнѣйшій Востокъ къ мистеріямъ. Эллинскій міръ понять эти стремленія совершенно съ внѣшней, чувственной и потому опасно разрушительной стороны, и лишь болѣе сосредоточенному Сѣверу предстояло вѣрнѣе строемъ своей религіи, искусства и науки уйти за тѣмъ внутреннимъ идеальнымъ мистицизмомъ, которымъ нашъ поэтъ кончаетъ своего Фауста.

СТРАН.

мое дѣйствіе, какъ это въ обычай древней драмы. Спустивъ его на уступъ скалистыхъ горъ, облако уносится, принимая образы древнихъ красавицъ. Охватывающій его легкій туманъ, подымаясь и нѣжно сливаясь, напоминаетъ ему первыя, неясныя грѣзы

СТРАН.

любви къ Гретхенъ, которыя онъ называетъ „любовью Авроры“.

Появленіе Мефистофеля въ семимильныхъ сапогахъ, вмѣсто античныхъ котурновъ, указываетъ, что мы снова на почвѣ средневѣковой легенды. Брани Фауста, спустившагося среди каменныхъ грудъ, Мефистофель утверждаетъ, что базальтъ скалъ былъ первоначально дномъ ада, который выдвинуть наверхъ только вулканическимъ переворотомъ. Непутунетъ Фаустъ обзываетъ эту мысль дурацкой легендой и заставляетъ Мефистофеля объяснить, какъ произошло все дѣло.

Мефистофель полукомически объясняетъ переселеніе чертей изъ адекой бездны въ воздушныя пространства. На замѣчаніе Фауста, что легкія измѣненія обще-круглой поверхности земли лежали несконн въ потребности самой природы, Мефистофель отвѣчаетъ увѣреніями, что самъ присутствовалъ при переворотѣ, оставившемъ слѣды въ видѣ разбросанныхъ обломковъ гранита и базальта, прилепокуляя, что лишь простой народъ понимаетъ присутствіе при этихъ явленіяхъ дьявольской силы. Въ заключеніе онъ спрашиваетъ: неужели Фаустъ, посящійся по свѣту, не найдетъ ничего для себя пріятнаго?

164. На утвердительный отвѣтъ Фауста, онъ пускается въ догадки и, мечтая вѣдухъ за Фауста, выбираетъ сперва столичный городъ, вродѣ Париза, въ которомъ былъ бы самъ центромъ общаго почта и вниманія; затѣмъ нѣчто въ родѣ Версаля (съ его *Parc-aux-cerfs*) Людовика XV, гдѣ властолюбивая Помпа-

165. дуръ готовила ему ежедневныя жертвы. Когда Фаустъ отвергаетъ и этотъ модный развратъ, Мефистофель ищетъ его идеаловъ на дугѣ, но Фаустъ отвѣчаетъ, что и на землѣ достаточно мѣста для благой дѣятельности могучаго труда. Когда грубый Мефистофель полагаетъ, что Фаустъ валакалъ славы и почестей, послѣдній объясняетъ, что онъ дорожитъ *властью и собственностью*, синонимами, безъ которыхъ никакой великій подвигъ немислимъ. Собственность и есть полная возможность употребить все свое умѣнье и силы на вѣстное дѣло. Мефистофель полагаетъ, что каковы бы ни были побужденія сильнаго владыки, найдутся лиры для его прославленія.

Фаустъ объясняетъ, что видѣ морскаго прилива на отлогомъ берегу навелъ его на мысль отнять у моря то громадное пространство, которое оно дѣлаетъ совершенно безплоднымъ и непроизводительнымъ, периодически захватывая его своей прихотью.

166. Фаустъ желаетъ насытими и плотинами отбить у моря часть его владычій и требуетъ обычнаго содѣйствія Мефистофеля. Раздается военная музыка, и Мефистофель, не взирая на отвращеніе Фауста

СТРАН.

къ войнѣ, объясняетъ ему, что наступила благоприятная минута для осуществленія заявленнаго послѣд-

167. нимъ плана. Обогащенный на время волшебникомъ, добродушный императоръ, оставаясь вѣрнымъ своему желанію *править и наслаждаться*, довелъ государство снова до величайшей 'опасности. Фаустъ, пориная такое ложное пониманіе верховной власти, выставивъ идеальнаго властителя, котораго замыслы дѣлаются извѣстными только по приведеніи ихъ въ исполненіе. Замѣчательно, что когда Мефистофель, описывая всѣ дѣйствія, истекающія для народа изъ бездѣйствія власти, объясняетъ избраніе анти-императора желаніемъ лучшихъ людей видѣть во главѣ государства перваго ветрѣчнаго, способнаго защищать личность и собственность, — Фаустъ прямо восклицаетъ: „поповскій голодъ!“ угадывая, что для сторонниковъ избирательства важна не самая гарантія, заключающаяся въ избираемомъ, — которая настолько же загадочна, какъ всякое будущее,—а замѣна неизбѣмой наслѣдственности случайностью, при которой ловкому эгоизму открывается обширное поле дѣйствія. Фаустъ согласенъ подать помощь императору въ битвѣ съ противникомъ. Знакомый Меланхтона, Фаустъ изъ Кундлинга, хвастался, что доставилъ въ Италіи силой козловства императорскому войску побѣду. Особенно приписывали вліянію волшебника побѣду Карла V при Павіи. Мефистофель, указавъ Фаусту на расположеніе императорскаго войска, предвидитъ, что, получившій волшебную помощь въ битвѣ, императоръ вознаградитъ Фауста широкимъ морскимъ побережьемъ, необходимымъ послѣднему для его цѣлей. Поэтому Фаустъ, рѣшительно отказывающійся отъ предводительства войсками, не можетъ уклониться отъ участія въ битвѣ. Мефистофель ободряетъ его, проиически обзывая *трехъ сильныхъ* (вызванныхъ его волшебствомъ воплощенія насилія) военнымъ совѣтомъ. Гёте замѣтствовалъ мысль о трехъ сильныхъ изъ Книги Царствъ (II. 23. 8), а имена ихъ изъ Псалмъ (8. 1, 3) по переводу Лютера *Raubald* и *Eilbeute*, оставленные въ русскомъ переводѣ Библии подлинникомъ: *Матер-шелаи-там-базъ* (сигнать грабежъ, ускорять добычу).

Петръ Сквенъ или Петръ *Кинце*—тотъ плотникъ, который у Шекспира въ драмѣ *Сонъ въ лѣтнюю ночь* набираетъ могучихъ аионскихъ рабочихъ, чтобы разыграть съ ними трагедію Пирама и Тисбе.

170. *Помощь Фауста.* Главнокомандующій объясняетъ императору выгоды расположенія большаго войска, 171. видѣ котораго внушаетъ императору довѣріе. Но лазутчики возвращаются съ вѣстими: одинъ об отказѣ союзниковъ дать помощь, на основаніи до-

СТРАН.

- машинных народных воинов, а другой — обр-
ипи анти-императора. Опасность возбуждает всю
172. энергию изгнанного императора, как во время
маскарадного пожара. В эту минуту вооруженный
Фауст приходит с *тремя сильными* предложить
таинственную помощь горцев, которые научены
горными духами читать смысл формаций и кристал-
лизаций некоего царства, по общему соответ-
ствию явлений природы проводить в них и вы-
явления исторических событий. Наумительна художе-
ственная правда во всех объяснениях Фауста импера-
тору происходящих вокруг чудес. Чудеса все
исходят из Мефистофеля, и потому Фауст сам
старается объяснить их себе, а тем более импе-
ратору, чтобы не отталкивать его мыслью о влиянии
нечистой силы.
- В *Пескромантии* из *Порик* в *Сабин* некоторые
толкователи видели Георга Сабелля Фауста Млад-
шего, о котором мы говорили в предисловии к
первому изданию. Дочь, напротив, указывает,
что в биографии Бенвенуто-Челлини горы Порик,
между Сабином и Сицилией, обозначены как избран-
нейшие места колдовства. Гете сам говорит, что
в этом смысле о них часто упоминают в рома-
нах. Император, при всей благодарности Фаусту
за участие, отклоняет чуждую помощь, рассчитывая
на собственную энергию, и намерен покончить дело
с анти-императором единоборством. Фауст дока-
зывает императору, что глава государства не дол-
жен подвергаться подобному риску.
- Герольд* сообщает о том, что вызов на едино-
борство принят в лагерь противника насильниками.
Замечательно, что только что кивавший минутным
одушевлением император в минуту начала битвы
отказывается от предводительства войском, свали-
вая его на главнокомандующего.
174. *Фауст* прикомандировывает своих трех сил-
ных: *Забяку*, *Забирю* и *Держи-Крыше*, к кото-
рым присоединяется, как дилетанта грабежа, *Ско-
рохватка*.
175. *Мефистофель*, собрав по арсеналам старинное
оружие, засадил в него злых духов, чтобы
шумом и звоном пустого оружия смутить непри-
ятеля. Во мрак начинают сверкать зловещие огни,
которые Фауст тоже объясняет сицилийской Фата-
моргана, а блеск искр — огнем Св. Эльмы, прише-
176. ным влиянию Дюкюрона. Когда император вспо-
минает об освобождении их с костра некро-
манта, последний (наподобие Илиды XII, 200)
посылает видимое знамение в воздушной битве —
орла с баснословным грифоном: тем не менее,

СТРАН.

177. при виде худого оборота битвы, император падает
духом и упрекает волшебников.
- Мефистофель* преднамеренно увеличивает сму-
щение императора, указывая на своих воронов,
попавших уже в первой части в кухни
ведьмы. Вороны *Одина* в христианском мире ото-
шли к сатане.
178. Окончательно потерявшие присутствие духа, импе-
ратор и главнокомандующий уходят в палатку,
сдавая команду Мефистофелю, но без передачи
фельдмаршальского жезла, украшенного крестом.
- Сам *Фауст* спрашивает, что делать. Но Мефи-
стофель уже все решил. Он знает природу че-
ловка, на которую мнимое действует гораздо силь-
нее действительного. Поэтому он напускает на
179. противников мнимое наводнение, призрачный огонь
из кухни грома и призрачный шум пустого
оружия. Веселая военная музыка возвещает о по-
бед императорского войска.
181. В покинутый шатер анти-императора являются
Забиря и Скорохватка, как олицетворение гра-
бежа. Имперские драбнты прогоняют их, но в
то же время в словах их слышно сознание вы-
шатательства в победу чего-то сверхъестественного,
под влиянием которого победители действовали
как в чужд.
183. *Новое устройство государственного управления*.
Гете снова выводит перед нами процесс распа-
дения немецко-римской империи, как он же гово-
рит о нем в пятой книге *Поэзия и Правда*
(*Dichtung und Wahrheit*). Отдельные князья, вместо
совокупной защиты трона и государства, помы-
шляют только о расширении собственной власти в
ущерб верховной, хотя показывают вид, что оза-
бочены лишь успокоением и охраной главы госу-
дарства.
- Выслушав отдельно каждого, мы найдем, что
император неопытен благородной, так сказать,
национальной гордости. Вопреки очевидности, он
хочет приписать победу одной доблести войска и
объясняет видимо сверхъестественные явления слу-
чайной игрой природы. Он не только возмущается
до проли над самым фактом победы, но сознает,
что много приобретенная им сила должна служить
исходной точкой разумных и благих преобразо-
ваний. Голоса окружающих его доказывают, что
эти люди, много понимая высокое значение вер-
ховной власти, желают, чтобы даже каждый акт
частной жизни владыки был окружен символами
могущества и высокопочитания. Чего же лучше? Но
связав все рчи, выраженные чопорными алекса-
ндрейскими стихами, мы исполняем глубокого ко-

СТРАН.

- мизма. Оказывается (гоня природу в дверь, она
влетит в окно), что для императора попрежнему
пиры и забавы составляют главную цель, для ко-
торой государство является средством, а его окру-
жающие полагают, что служение престолу и отече-
ству состоит исключительно в поощении меча на-
голо, держании перстней и заботе о кухне, за ка-
ковые заслуги следует получить как можно боль-
шее вознаграждение в виде самостоятельной власти.
185. *Архиепископ — Канцлер* поддерживает мифичес-
кий: „Ты, укрьли нас, свой укрьлиень тронь“. Когда
император своим статутом узаконил все злоупо-
186. требления феодализма, Архиепископ, нугая побед-
ителя гнвом паны и вичным мучением за со-
участие в волшебстве, требует приношения мхет-
ности победы в дар церкви, для сооружения храма.
Холм, на котором стоял шатер императора, мало-

СТРАН.

- по-малу превращается в устах Архиепископа в
цкую ленную область.
- Император соглашается на все, и Архиепископ
раскланывается, но возвращаясь требует не только
постройки храма на счет государства, но вичной
десятины доходов и часть золота, доставляемого по-
187. бдительно. Император и на это согласен, хотя уже
чувствует убыток, причиненный ему кудесниками.
Архиепископ возвращаясь снова требует, чтобы
и Фауст давал ему десятину дохода с получен-
ного в дар прибрежья, и когда император замеч-
ает, что там еще ходит море, у которого пред-
стоит брать дню, то Архиепископ справедливо
возражает, что было бы право на получение того,
что другой производит трудом и усилиями, так
можно терпеливо ждать. Император сам видит
безграничность требований.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СТРАН.

- Филемон и Бавкида*. Имена и характеры заим-
ствованы поэтому из *Метаморфоз* Овидия (книга
VIII, 626—724), где гостеприимные старики, один
из всей деревни противившие Юпитера и Меркурия,
пожжены этими богами, погруженными всю деревню
в болото и превращенными хижину стариков в
храм, в котором они до окончательного бесплотия
оставались жрецами, а затм, по испрошенной ими
у богов милости, не удали взаимных могил, а
одновременно превращены в два дерева: он в
дуб, она в липу.
- На холме у самого прибрежья, завоеванного ис-
кусством и усилиями Фауста у моря, в хижине
под липами проживает старческая пара, противи-
188. пая некогда странника, потерпевшего крушение.
Вся их идиллия представляет яркую противополо-
жность с неукротимым стремлением Фауста, ко-
торому они могли бы сказать, что на земл действительно
достаточно места для добрых дел в малом
189. виде, когда нет сил на большие размахы. *Филемон*
объясняет наумленному страннику блестящую пе-
рехню, произведенную на побережье человеческим
190. гением; но болтливая и суеверная Бавкида расска-
зывает про канализацию, со своей точки зрения об-
ясняя все чернокопанием и даже человеческими
жертвами; причем видит в Фаусте завистника,

СТРАН.

192. желающего завладеть их собственностью. Надбо-
удий на древнего бога Филемон зовет всех при
закате солнца на молитву к часам.
- Мученье Фауста*. Прямой противоположностью
благодушной пары является Фауст в своем дворце,
окруженном садом, куда с моря проходит ши-
рокий канал. Не смотря на глубокую старость,
Фауст остался мужем желаний, и его флот, ве-
зущий к нему сокровища далеких стран, как о
том возвещает в ругорь башенный страж (тоже
193. в знак зоркости прозванный Линдеем), не удовле-
творляет его стремления к полновластию. Его воз-
мущает мысль, что Филемон и Бавкида упорно
отказываются променять свое бедное жилище с
часоней на более удобное, предлагаемое Фаустом.
194. *Мефистофель* с Тремя Сильными подымается к
барг, нагруженной сокровищами, по каналу к дворцу.
Хотя поэт прямо называет его Мефистофелем,
но, очевидно, Фауст видит в нем доверенного
предводителя флота; Мефистофель не скрывает, что
под его руководством морская торговля пе-
решла в морской разбой. Явный намек на морской
деспотизм Англии.
- Мефистофель смягчает ропот своих подчинен-
ных перспективой пира, который Фауст задал
195. флоту, при появлении *пестрых птиц*, т. е. разно-

СТРАН.

- калиберных моряков остальных кораблей. — Разжитая неудовольствие Фауста на Филемона и Бавкиду,
196. Мефистофель вызывает его согласие на насильственное переселение стариков, хотя от его злорадетства не ускользает смелость действия, заключающийся еще в истории Навуоел, не уступившего царю Ахаву своего виноградника; за это насилье при помощи подвешенных парней Исавелью лжесвидетелей: Навуоел убит камнями, а Ахав овладевает его виноградником (Кн. Царств III, 21).
197. Страж Липцей, вполне погруженный своим родом жизни в созерцание, очерчивает из него лишь безоблачное отношение к красоте мира; но и тут ему приходится быть зрителем потрясающих сцен. В данную минуту он различает вдали пожар хижины и липок Филемона и падение часовни.
198. *Фауст*, вслушавшийся в жалобы стража и увидевший с балкона пожар у стариков, хотя и сожалеть о подобном пеходу дѣла, но радъ осуществлению давнишняго своего желанія. Мефистофель, приближающийся со своими спутниками с пожара, объясняет, что при насильственном удаленіи стариков из хижины, завязалась борьба, въ которой защищавшіи ихъ странники убиты, а хижина отъ разбросанныхъ углей сгорѣла; сами же старики умерли вследствие мгновеннаго искута.
199. *Фауст* проклинаетъ насилье исполнителей, которые, не смущаясь проклятіемъ, отвѣчаютъ хоромъ, что сопротивление силѣ всегда приводитъ къ гибели. Подъ вліяніемъ чувства собственной вины, Фаустъ чувствуетъ приближеніе какихъ-то тѣней.
200. *Фаустъ слышитъ*. Гѣте, представлявшій себя Фауста столѣтнимъ старикомъ, долженъ бы былъ въ прозѣ сказать, что, и остѣнивъ отъ старости, онъ до конца остался мужемъ желанія. Въ драматической картинѣ поэтъ вынужденъ былъ выразить медленный процессъ утраты зрѣнія въ одномъ данномъ моментѣ и потому воспользовался мистической формой. Олигетворенная *забота* является не у однихъ лириковъ, какъ Гораций и Гейне, но и у драматическихъ писателей. Гѣте только подъ видомъ четырехъ мрачныхъ женщинъ выводитъ рядомъ съ заботой и другихъ правдивенныхъ мучителей человека, не стѣняясь даже мужскимъ родомъ *Mangel—Недостача*, у насъ *Schuld*, который мы перевели не *виной*, не идущей здѣсь къ дѣлу, а *долгомъ*, въ смыслѣ несостоятельности передъ заимодавцемъ. Очевидно, что ни *недостача*, ни *долговъ*, ни протекающей изъ нихъ *нужды* не можетъ быть у богача, но тѣмъ вѣрнѣе доступъ къ нему *заботы*—и въ перспективѣ, какъ у всѣхъ, *смерть*.

СТРАН.

201. Разсудивъ только мрачныя слова: *забота и смерть*, Фаустъ, повидимому давно разставившій съ Мефистофелемъ, сожалѣть о связи своей со сверхъестественнымъ міромъ, исполненнымъ таинственныхъ страховъ и предразсудковъ. Онъ радъ бы разучиться магическимъ заклинаніямъ. Когда неотступная *забота* называетъ себя по имени, Фаустъ спителъ доказать, что забота надъ нимъ безсильна, такъ какъ онъ весь поглощенъ насущной дѣятельностью.
203. Безсильныя воздѣйствовать на духъ, забота оставляетъ видимый знакъ своего могущества, остѣвляя Фауста. — Но и липаея зрѣнія, человекъ желаній еще съ болѣею стремительностью относится къ задуманной дѣлн.
- Смерть Фауста. Мефистофель*, въ качествѣ зрителя за работами, не безъ злобной проиц, исполняетъ приказанія сѣбнаго Фауста. *Lemures*, Лемуры, почившіе привидѣнія древнихъ Римлянъ, толпе и разслабленные остоны. Созданные Мефистофелемъ въ видѣ коначей, они, при видѣ жердей и землѣброской дѣлн, воображаютъ, что дѣло идетъ о новомъ захватѣ земель, но въ разслабленности забываютъ и цѣль своего прихода. Вѣето хитрыхъ гидравлическихъ работъ, Мефистофель заставляетъ ихъ копать могилу, которую они роютъ съ цѣней, напоминающей цѣно могильщиковъ въ *Гамлетъ* Шекспира.
205. Сѣбной Фаустъ, выходя опущенъ изъ дворца, съ восторгомъ прислушивается къ звяканью лопатъ, говорящихъ о снѣжности труда. *Мефистофель*, измѣряющій духовные подвиги бранными результатами, конечно правъ, указывая на ту же смерть на водѣ и на сушѣ. Нетерпѣливый Фаустъ поручаетъ зрителю Мефистофелю сгонять всѣми средствами рабочихъ для прорытія канавы, требуя ежедневнаго донесенія объ успѣшности работы. Осушеніе преднаго болота завершить, по его словамъ, все великое дѣло, доставивши бездѣлю, хотя и трудовое существованіе многимъ милліонамъ людей. На этомъ мѣстѣ критики отыскиваютъ перерывъ и противорѣчіе въ драматической концепціи, указывая, что выше остѣнившій Фаустъ говоритъ объ осуществленіи своего отважнаго замысла, который на самомъ дѣлѣ оказывается простымъ прорытіемъ канавы, имѣющимъ только завершить уже давно осуществленное дѣло. Дѣйствительно, держась буквы, можно придти къ такому открытію, но, выискувъ глубже въ основной характеръ человека желаній, не станемъ удивляться, что въ Фаустѣ цѣль его стремленій терять свою привлекательность по мѣрѣ устраненія препятствій и возрастаетъ по мѣрѣ ихъ возникновенія. Фаустъ алкаетъ собственности и вла-

СТРАН.

- сти и не могъ вывести препятствія, представляемаго ничтожной хижинкой Филемона. Устранивъ это препятствіе, онъ, какъ мы видѣли, не только разочаровался въ предметъ желанія, но и почувствовать угрызеніе совѣсти. Ясно, что неожиданное физическое препятствіе, сѣбнота, дало новый толчекъ его желаніямъ, и онъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его словъ, уже влагаетъ въ свою работу не личное чувство власти, а чувство дѣятельности во благо многихъ милліоновъ. Съ этой точки зрѣнія самая работа представилась ему и новымъ замысломъ, и дѣйствительнымъ вѣиномъ всякой честной дѣятельности человека на землѣ.
- Возникающая передъ Фаустомъ картина облагодѣтельствованныхъ изъ милліоновъ людей возносить его на вершину блаженства, при которомъ онъ готовъ, какъ говорится въ первой части, сказать много:
206. „Остановись! прекрасно ты!“ Мефистофель, держащійся буквы договора и считающій смерть Фауста въ эту минуту ловушкой, въ которую ему наконецъ удалось поймать Фауста, не постигаетъ, что его земной повелитель не сѣбно покорствовать то одному, то другому желанію, а, пройдя цѣлый ихъ рядъ, отъ самаго низменнаго разгула до высочайшаго стремленія къ служенію человечеству, самобытно ушелъ изъ-подъ власти дьявола. Мефистофель, увѣренный въ побѣду, торжествуетъ, повторяя со своимъ хоромъ слова Фауста въ договорѣ: „Часы стоять“ и „сила стрѣла“.
- Слова хора: „и все прошло“, онъ справедливо съ духовной точки зрѣнія называетъ глупыми. Напоминающій цѣно могильщика въ *Гамлетъ*, хоръ гробовикопателей Лемуровъ выражаетъ ту же тѣту человеческой жизни. На вопросъ Лемура о скудномъ убранствѣ залы — даже безъ стульевъ, — хоръ отвѣчаетъ, что блага земныя даются лишь въ сеуду на время жизни, и затѣмъ многочисленные заимодавцы все отбираютъ у должника-мертвеца.
- Битва Мефистофеля съ Ангелами изъ-за души Фауста*. Мефистофель становится надъ могилкой, чтобы тотчасъ же, согласно договору, подшеанному кровью, принять душу Фауста; тѣмъ не менѣе его смущаетъ мысль о затрудненіяхъ, возникшихъ въ новѣйшее время при полученіи подобнаго долга.
207. Прекній путь вылетанія души изъ рта замѣняетъ пеходомъ ея изъ всего тѣла, но въ какомъ именно мѣстѣ, онъ еще самъ хорошо не знаетъ. Даже до минуты разложенія испья съ достовѣрностью судить о самой смерти. Въ силу этого онъ вынужденъ поставить къ могилѣ цѣлый караулъ низкорослыхъ и великановъ чертей. Первымъ нужно наблюдать за

СТРАН.

- выдѣленіемъ души изъ нижнихъ частей тѣла, а вторымъ — изъ головы. Для полноты атрибутовъ онъ приказываетъ принести съ собой и пасть геены (Hein 5. 14).
- О городѣ *авинаго огня* говорить Дантъ (8. 67—72):
- И вожди: «Мой сынъ, ужъ виденъ градъ въ туманѣ,
Звономъ *Дисъ*, здѣ, ноя и стена,
Проклятые столпились граждане».
И я: «Уже предстали предъ меня
Батровы мечети въ дымномъ сраждѣ,
Возставшія какъ будто изъ огня».
- Раздутымъ брюхамъ Мефистофель велитъ наблюдать кипзу за проявленіемъ фосфора въ первой стадіи разложенія — нестрыми пятнами. Этой-то фосфоръ и есть, по мнѣнію Мефистофеля, душа, у грековъ въ образѣ бабочки — Психеи. — Гѣте смѣется надъ спорами о главномъ мѣстопробываніи души, тѣмъ наче надъ помѣщеніемъ ея въ пушокъ или подъ ложечку, на томъ основаніи, что, кромѣ обычнаго образа ченія, исповѣданіе читають этимъ мѣстомъ. Чертямъ-великанамъ приказывается ловить душу на лету когтями, такъ какъ у геинальнаго Фауста она покалудъ попросится вверхъ.
- Небесныя силы приглашаютъ Ангеловъ помогать грѣшнымъ проложить себѣ путь къ свободѣ и спасенію отъ праха. Такой хоръ очевидно кажется Мефистофелю страшною какофоніей, звучащей совершенно не кетати. Онъ возмущаетъ мыслью, что самые отврагительнѣйшіе грѣхи, измышленные чертями на гибель человечества, именно и составляютъ предметъ Ангельскихъ молитвъ въ видахъ избавленія грѣшныхъ. Приближающіеся Ангелы разсѣиваютъ розы, взятыя изъ рукъ кающихся грѣшниковъ, чтобы умнротворить ими измученную желаніями душу. Но небесныя эмблемы всепримиряющей любви, падая на чертей, производятъ на нихъ противоположное дѣйствіе и агутъ ихъ невыносимымъ огнемъ, только разгорающимся отъ нечистаго дуновения. Между тѣмъ, и при болѣзненномъ воздѣйствіи на злобно отрицающихъ, небесныя розы приносятъ и служителямъ зла незнакомое имъ разслабляющее умиленіе. Черты вверхъ пятнами летятъ въ адъ, одинъ Мефистофель остается вѣрнѣе борьбѣ. Но и онъ испытываетъ власть любви, проявляющуюся у него самой иннической стороной. Убѣдись въ безплодности своихъ новыхъ порывовъ
211. и истерзанннй болѣю, Мефистофель еще рѣшительнѣй возвращается къ своей антипатіи ко всему чистому и проклинаетъ духовъ свѣта.
- Заключительный хоръ Ангеловъ возвѣщаетъ объ окончательномъ очищеніи воздуха испадающими розами, вследствие чего духъ Фауста можетъ безпрепятственно вознстаться. — Мефистофель, потерявшій

СТРАВ.

плоды всѣхъ своихъ успѣй, и тутъ не понимаетъ всего самобытнаго преуспѣянія Фауста и принимаетъ неудачу своему любовному порыву, заставившему его прозвѣвать добычу.

212. Вознесение Фауста. Хоръ анахоретовъ, повторяемый эхомъ, воспѣваетъ тѣ кельи, которыя размѣщаются по горнымъ ущельямъ, соответственно отрѣшенности отшельника отъ всего земнаго: — такъ какъ самыя горы (Афонъ или испанскій Монсерратъ), по мѣрѣ подъема становясь все пустыннѣй, представляютъ все менѣе житейскихъ удобствъ. Еще Исаи говорить о благодатномъ мѣрѣ, когда „левъ будетъ бѣть солону какъ быкъ, а змѣя будетъ бѣть землю“.

Неполненный религіознаго восторга, *Pater ecstatis* представляетъ намъ не вполне оконченную духовную борьбу съ житейскими побужденіями. Оттого эта борьба такъ стремительна. Три затѣмъ слѣдующихъ анахорета соотнобѣтствуютъ тремъ главнымъ поясамъ святой горы. Въ низшемъ — сомнений ему *Pater profundus*, представитель того періода духовной жизни, когда, въ силу одной земной мудрости, человѣкъ доходитъ до простаго пониманія, что въ цѣли причинности одно звено не хуже другаго, и что жизнь зиждется на разрушеніи. Что поэтому безумно искать въ природѣ того зла, которое кажется лишь въ сознательной душѣ человека, и успѣшно бороться со зломъ можно только подъ напѣвомъ благодати, несанкціонированной отъ воли человѣка, хотя бы онъ пламенно, какъ *Pater profundus*, и молилъ о ней.

213. *Pater Seraphicus* хотя уже вступилъ въ область благодати, но не забываетъ земныхъ страданій, стремящихся вознестись духомъ. Вотъ почему онъ любовно относится къ хору дѣтей, рожденных и умершихъ въ ту же ночь. Такъ какъ передъ вступленіемъ въ небо, они не испытали никакихъ земныхъ страданій и даже не видали природы, то *Pater Seraphicus* предлагаетъ имъ вступить въ органъ его глазъ, такъ какъ глаза новорожденныхъ еще не приспособились къ различенію предметовъ. Гѣте безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду Сведенборга (1689—1772), который, состоя въ сношеніяхъ съ небесными и земными духами, принималъ ихъ въ свои глаза и другіе члены, чтобы дать имъ возможность земныхъ ощущеній. Потрясеннымъ грозными явленіями горной природы мальчикамъ *Pater Seraphicus* совѣтуетъ возноситься къ Богу, хотя начиная съ нижайшей области.

214. Ангелы, возносящіе душу Фауста, хотя и обещаютъ благоприятныя условія его быстраго воспаренія, но еще не вознесли его до горныхъ вершинъ, надъ которыми парятъ блаженные мальчики. Хотя младшіе Ангелы и торжествуютъ свою побѣду надъ

СТРАВ.

духами зла, при помощи эмблематическихъ розъ, но божіе совершенные Ангелы не скрываютъ, какъ тяжело имъ вознести въ абсолютную чистоту душу Фауста, обремененную еще частью земнаго, которое, будь оно даже изъ асбеста (ископаемаго льна, изъ котораго ткани очищаютъ огнемъ), сравнительно не довольно чисто. Когда воля, оставивъ свой абсолютно чистый источникъ, выразилась въ явленіи человеческой особи и здѣсь, всею внутреннею силой слившись съ желательными стихіями, прильнула къ тому, въ чемъ индивидуумъ находитъ свое благо, то сохраненіе такой индивидуальности и по смерти, по съ отрѣшеніемъ отъ подобныхъ индивидуальных благъ, является противорѣчіемъ, разрешаемымъ только божественной благодатью.

215. Младшіе Ангелы, завидя нижайшихъ по духовному развитію блаженныхъ мальчиковъ, радуются, что Фаустъ въ хорѣ ихъ можетъ начать свое собственное.

Блаженные мальчики смотрятъ на Фауста, какъ на личинку, которая, переставъ быть червемъ, еще не преобразилась въ мотылька, и принимаютъ его отъ ангеловъ, какъ залогъ собственного своего духовнаго служенія плущимъ спасенія. Спизма земная пряди личинки, они созерцаютъ развитіе мотылька.

Doctor Marianus, получившій свое имя отъ исключительнаго служенія высшему женственному принципу въ лицѣ Дѣвы Маріи, воспѣваетъ благодатное вліяніе этого элемента на мужественное творчество.

216. При видѣ сающихся грѣшницъ, онъ высказываетъ ту опасность, которой въ земной жизни подвергается этотъ элементъ, въ силу своей сущности.

Три раскаянныхъ грѣшницъ умоляютъ Богоматерь простить невольное прегрѣшеніе бывшей Гретхенъ.

Magna peccatrix умоляетъ во имя той сены, о которой повѣствуетъ Лука VII. 36.

Mulier Samaritana — та Самаритянка, которая, перебивъ пять мужей, жила въ безбрачныхъ отношеніяхъ и, отказывая Иисусу въ водѣ изъ наслѣдственнаго отъ Іакова (и Авраама) колодца, не хотѣла понять, о какомъ источникѣ живой воды говорить Спаситель.

Жизніа Святыхъ подъ 2-е апрѣля повѣствуютъ о Маріи, семнадцать лѣтъ предававшейся предосудительной жизни въ Александріи и даже на пути въ Іерусалимъ на торжество воздвиженія Креста. Но при входѣ въ храмъ она какъ-бы почувствовала отталкивающую ее отъ дверей невидимую руку и услышала голосъ, что она найдетъ успокоеніе по ту сторону Іордана. Вслѣдствіе этого она провела 48 лѣтъ въ пустынѣ и лишь въ послѣдній годъ удостоилась причаститься у монаха Зосимы, которому

СТРАВ.

передъ смертью написалъ на песокъ просьбу: похоронить и помянуть ее.

217. Небесная цѣня Гретхенъ, почти буквально тождественная по тону и выраженію съ той, въ которой она, въ первой части, изливала свои страданія передъ Скорбящей Богородицей, является торжествомъ творчества. Тамъ дѣло происходило на землѣ. И самъ высшій идеалъ любви стоитъ у подножія креста Сына своего и, переживающая моментъ самоотреченной любви, Гретхенъ чувствуетъ, что любовь на землѣ требуетъ жертвъ и страданій. Здѣсь же, въ безотносительномъ мѣрѣ, самозабвеніе любви не требуетъ никакихъ уже по сущности дѣла невозможныхъ жертвъ и потому является полнымъ торжествомъ примиреннаго духа.

Фаустъ переросъ уже развитіемъ духовнымъ блаженныхъ мальчиковъ, которые отъ общенія съ нимъ ожидаютъ недостающей имъ мудрости.

Мысль, безсознательно сказавшаяся въ блаженной цѣнѣ Гретхенъ, сознательно высказывается теперь

СТРАВ.

ей при видѣ увлекшей ее въкогда юности силъ Фауста, проявляющихся здѣсь его готовностью къ вѣчному усовершенствованію, хотя онъ еще ослѣпленъ небеснымъ блескомъ и нуждается въ наглядномъ поученіи Гретхенъ.

Mater Gloriosa, призывая самую Гретхенъ въ высшія сферы, указываетъ и на симпатію, въ силу которой Фаустъ послѣдуетъ за возносящейся.

Возвѣтившій о появленіи Богоматери *Doctor Marianus* приглашаетъ сающихся приблизиться къ источнику любви.

218. *Chorus mysticus*, какъ подобаетъ хору, въ краткихъ и общихъ словахъ выражаетъ основы отношеній вещественнаго міра явленій къ трансцендентному. Гдѣ нѣтъ явленій, не можетъ быть и сравненій; гдѣ все временно, не можетъ быть окончательнаго исполненія; что по безбрежности явленій недосытаемо, перестаетъ быть такимъ тамъ, гдѣ нѣтъ прострѣтства. Остается одна суть: мужественная воля и влекущая сила женственности.

Классически образцовый перевод **А. Фета** не только передает слово въ слово оригиналь прекрасныхъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй (послѣдней) части „Фауста“, обыкновенно служившей камнемъ преткновенія для большинства читателей.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ; онъ никогда не прискучитъ, напротивъ — внимательному читателю каждый разъ будутъ открываться новые уметвенные горизонты и перспективы, новые впады гениальныхъ мыслей.

Полное изданіе это выйдетъ въ концѣ Ноября сего года. Цѣна книги будетъ **32 руб.** безъ переплета и **40 руб.** въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ футляромъ; съ пересылкой иногороднымъ брошюр. **35 руб.**, въ переплетѣ съ футляромъ и въ ящикѣ **45 руб.**

Шагреновая (кожаная) крышка для переплета отдѣльно **7 руб.**

Желающіе пріобрѣсти это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могутъ получать его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выпусковъ будетъ десять. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе въ 1-й разъ **6 руб.**, иногородные **10 руб.** и получаютъ 1-й выпускъ.

„	во 2-й	„	6	„	„	8	„	„	2-й	„
„	въ 3-й	„	6	„	„	5	„	„	3-й	„
„	въ 4-й	„	5	„	„	5	„	„	4 и 5-й	„
„	въ 5-й	„	5	„	„	5	„	„	6 и 7-й	„
„	въ 6-й	„	4	„	„	2	„	„	8, 9 и 10	„

Подписка принимается въ Главной Конторѣ Редакціи иллюстрированнаго журнала „НИВА“ въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 6, въ Конторѣ отдѣленіи „НИВЫ“ въ Москвѣ у Н. Н. Печковской (Петровская линія), также и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.**

С.-Петербургъ, Октябрь 1888 г.